

1916.

Годъ 24.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттиссна.

1916.

1916.

Годъ 24.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1916.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 18 мая 1916 г.

№ 854.

Ректоръ П. Пусторослевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Научный отдѣлъ.

Стр.

Проф. К. Сентъ-Илеръ. Временная біологическая станція въ селѣ Ковдѣ (Архангельск. губ.) за пять лѣтъ ея существованія	1— 10
---	-------

Приложенія.

Я. И. Лаутенбахъ. Очерки изъ исторіи литовско-латыш- скаго народнаго творчества	257—415
Маг. фарм. Ф. А. Курротъ. Гликозиды. Химическая моно- графія	1—112

Проф. К. Сентъ-Илеръ.

Временная біологическая станція въ селѣ Ковдѣ (Архангельск. губ.) за пять лѣтъ ея существованія.

1) Исторія возникновенія станціи.

Мѣстомъ для работъ зоологическихъ экскурсій студентовъ естественнаго отдѣленія Физико-математ. Факультета нашего Университета было мною избрано село Ковда, лежащее на сѣв. зап. берегу Кандалакшской губы. Сюда въ 1908 г. была совершена первая экскурсія, имѣвшая рекогносцировочный характеръ; начиная же съ 1911 г., работы на нашей временной біологической станціи производились ежегодно. Выбранное мною на основаніи теоретическихъ соображеній мѣсто оказалось на практикѣ весьма удобнымъ и для проживанія тамъ, и для работы. Правильное сообщеніе съ Архангельскомъ, почта и телеграфъ, присутствіе трехъ лѣсопильныхъ заводовъ съ хорошими лавками, все это облегчаетъ устройство въ Ковдѣ станціи; море же даетъ богатый матерьялъ для работы. Весьма существенную помощь оказали намъ нѣкоторые лица изъ мѣстной интеллигенціи, и больше всего помогъ намъ управляющій Ковденской таможенной заставой Константинъ Аверкіевичъ Дьяконовъ, который предоставилъ намъ бесплатное помѣщеніе во время нашей первой экскурсіи въ 1908 г.; при его же содѣйствіи отведена намъ и квартира, занимаемая теперь станціей. Домъ, въ которомъ съ 1911 г. помѣщается станція, построенъ для нуждъ таможеннаго вѣдомства, но принадлежитъ собственно администраціи Шведскаго лѣсопильнаго завода, который весьма любезно пришелъ намъ на помощь. Такъ какъ зданіе во время лѣтнихъ мѣсяцевъ ничѣмъ не занято, то оно и предоставляется намъ въ пользованіе.

Какъ со стороны К. А. Дьяконова, такъ и со стороны администраціи шведскаго завода мы неизмѣнно встрѣчали самое предупредительное отношеніе и любезное вниманіе. Поэтому я пользуюсь случаемъ высказать имъ мою глубокую благодарность.

2) Оборудование станціи.

При каждой экскурсіи нѣкоторая сумма тратилась на приобрѣтеніе инвентаря, который такимъ образомъ постепенно пополнялся и въ настоящее время представляется вполне достаточнымъ для производства работъ на морѣ.

Въ частности имѣется слѣд.:

I. Карбаса: 1) „Вѣломорець“ шлюпка 23 фута длины съ веслами, мачтой, рулемъ и пр. 2) „Кліонтъ“ шлюпка 17 ф. длины съ тѣми же принадлежностями. 3) „Женка“ промысловый карбасъ 12 ф. длины съ веслами. 4) Якорь складной оцинкованный. 5) Шлюпбалкъ желѣзный. 6) Якорь желѣзный.

II. Инструменты для лова животныхъ: 1) Драга треугольная малая. 2) Тоже большая. 3) Драга академическая большая. 4) 2 драги такихъ же малыхъ. 5) 2 драги съ перемѣнными ножами. 6) Драга со щеткой. 7) Драга иловая малая. 8) Тралъ Сигсби большой. 9) Тоже малый. 10) Тралъ Новикова. 11) Мальковый кругъ. 12) Планктонный сачекъ съ мѣшкомъ и стаканомъ. 13) Швабры. 14) 10 сачковъ. 15) 5 скребковъ. 16) Грабелька трехзубая. 17) Цапка желѣзная на рукояткѣ. 18) 5 рѣшетъ металлическихъ. 19) Мѣшки къ драгамъ и веревки.

III. Гидрологическіе инструменты: 1) 2 поплавка Митчеля. 2) Храпъ мѣдный. 3) Батометръ съ термометромъ. 4) 2 диска Секки — металлическій и фарфоровый.

IV. Инструменты прочіе: 1) Насосъ Альвейлера № 0. 2) Насосъ Боданъ № 2. 3) Насосъ садовый. 4) Насосъ велосипедный стоячій. 5) Резиновые рукава къ насосамъ. 6) Буръ съ принадлежностями. 7) 2 заступа. 8) Червеница. 9) 2 топора. 10) Французскій ключъ. 11) 8 коушей оцинкованныхъ. 12) Рулетка съ сантиметровой лентой. 13) Металлическія части для ворота. 14) 10 наконечниковъ желѣзныхъ для вѣшекъ. 15) Ящикъ со стекломъ. 16) Лотъ свинцовый 18 ф. вѣсомъ на катушкѣ съ линемъ. 17) 2 пилы. 18) Рубанокъ и шлехтхебель. 19) Три точильныхъ бруска. 20) Черпакъ для ила. 21) Коловоротъ съ перками. 22) Клещи, стамеска, буравчики и др. инструменты. 23) Катушка для линя съ 2 струпчинками. 24) Мѣрительная доска для рыбы.

V. Принадлежности для экскурсирования: 1) 2 экскурсионных сумки. 2) 7 корзинъ для банокъ. 3) Фартукъ кожаный и рукавицы. 4) 3 спасательныхъ пояса.

VI. Рыболовные принадлежности: 1) Неводъ 15 саж. длины. 2) Мутникъ изъ крашенной дѣли. 3) 9 частичковыхъ сѣтей. 4) 7 поддевовъ съ грузомъ. 5) 2 перемета для 100 крючковъ.

VII. Лабораторныя принадлежности: 1) Штативъ химическій чугунный. 2) 2 обжима для пробокъ. 3) 2 вѣсовъ съ мѣдными чашками. 4) Водяная баня мѣдная. 5) 5 препаровальныхъ ваннъ. 6) 3 мензурки стеклянныхъ. 7) Спиртовка. 8) Пружинные вѣсы. 9) Разновѣсъ мѣдный на 500 гр. 10) Спиртомѣръ въ футлярѣ. 11) 5 термометровъ для аквариумовъ. 12) Фотографическій фонарь жестяной. 13) Сѣтка для сушки растений.

VIII. Посуда металлическая: 1) Бидонъ для бензина. 2) 3 лоханки круглыхъ. 3) 2 манерки жестяныхъ. 4) 3 цинковыхъ ящика для рыбы. 5) Воздушный бакъ цинковый. 6) Жестянка для спирта. 7) Воронка для спирта. 8) 2 фотографическихъ ванночки эмалированныхъ.

IX. Кухонныя принадлежности: 1) 3 бадьи для воды. 2) 9 ведеръ желѣзныхъ. 3) Ковшъ для воды. 4) Лоханка жестяная. 5) Чугунъ. 6) Мясорубка. 7) 3 чашки полоскательныхъ. 8) 3 кострюли эмалированныхъ. 9) 2 чайника жестяныхъ. 10) 3 сковороды. 11) Противень. 12) 8 тазовъ. 13) 18 тарелокъ эмалированныхъ. 14) Разливательныя ложки, ножи и пр.

X. Мебель: 1) Столъ обѣденный. 2) 4 скамьи. 3) 8 козелъ для столовъ. 4) 30 козелъ для коекъ. 5) 15 щитовъ для коекъ. 6) 4 табуретки. 7) 3 умывальника. 8) 10 полочекъ стѣнныхъ.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ имѣется достаточный запасъ реактивовъ, необходимыхъ для гистологическихъ и химическихъ работъ, и посуды для работы и консервирования животныхъ.

3) Расходы на оборудованіе и содержаніе станціи.

За 5 лѣтъ существованія станціи на приобрѣтеніе указанныхъ предметовъ были израсходованы приблизительно слѣд. суммы:

въ 1911 г.	400 руб.
„ 1912 г.	70 „
„ 1913 г.	380 „
„ 1914 г.	120 „
„ 1915 г.	180 „

Итого 1150 руб.

Кромѣ этой суммы мы получили 800 р. отъ Департамента Земледѣлія Г. У. З. и З. на изученіе мѣстнаго рыболовства, на каковой предметъ они и были истрачены.

Нѣкоторые изъ расходовъ, связанныхъ съ заготовленіемъ матерьяла для практическихъ занятій, напр. на покупку посуды, реактивовъ и т. под., были отнесены на средства Зоотомическаго кабинета. Поэтому къ указанной суммѣ надо прибавить еще небольшую сумму, приблизительно 150 р. и кромѣ того 200 р. изъ указанной выше суммы въ 800 р., истраченныхъ на приобрѣтеніе рыболовныхъ принадлежностей. Тогда въ общемъ расходы на оборудованіе станціи выразятся въ суммѣ 1500 р.

Расходы на содержаніе станціи сводились почти исключительно на вознагражденіе рабочимъ и лицамъ, которымъ было поручено наблюденіе за имуществомъ станціи, что составило около 250 руб.

Незначительность этой послѣдней суммы объясняется тѣмъ, что работа на станціи производится въ значительной мѣрѣ самими участниками экскурсій.

4) Лица, работавшія на станціи.

На станціи за указанное время работали преимущественно студенты Императорскаго Юрьевскаго Университета, но также и постороннія лица. Кромѣ того станцію посѣтили и нѣкоторые экскурсіи.

Станцію посѣтили: въ 1911 г. — проф. К. Сентъ-Илеръ, студенты — Александровъ А., Александровъ Б., Гельманъ, Дьяконовъ, Катинскій, Кременскій, Миловановъ, Раевскій, Розовъ, Сахаровъ, Семеновъ, Щепинскій; преподаватели — Сѣверовъ, Ирбе, Озолинъ и Рейзинъ и воспитанникъ Юрьевской гимназій Витофъ.

Въ 1912 г.: ассистентъ В. К. Абольдъ, студенты — Александровъ А., Александровъ Б., Гельманъ, Доброшинскій, Розенталь и Янсонъ.

Въ 1913 г.: проф. К. Сентъ-Илеръ, студенты — Александровъ Б., Виноградовъ, Жуковский, Липкинъ, Монастыревъ, Кременскій, Оленцевичъ, Рейхенбахъ, Эткинъ и Скоропостижный.

Въ 1914 г.: проф. К. Сентъ-Илеръ, студенты — Г. Раевскій, Тилло, Борконъ, Карякинъ, Сентъ-Илеръ Д. и слушательницы Высшихъ женскихъ курсовъ — Бухалова, Воронина, Зеленкова и Лашкевичъ.

Въ 1915 г.: проф. К. Сентъ-Илеръ, младшій ассистентъ Зоологич.

музея В. И. Бухалова, студенты — Раевскій, Никоновчъ, Петропавловскій, Луха, Беккеръ, Ребенъ, Сентъ-Илеръ В., Сентъ-Илеръ Д., Дволаицкій; преподаватель И. И. Завьяловъ, Е. А. Воронина и воспитанникъ Юрьевской гимназіи Сентъ-Илеръ К.

Итакъ, за 5 лѣтъ на станціи перебивало:

Профессоръ	1
Ассистентовъ	2
Студентовъ	33
Преподавателей	5
Слушательницъ В. Ж. К.	4
Гимназистовъ	2
Всего	47 ч.

Нѣкоторые изъ названныхъ лицъ посѣтили станцію по 3 раза, напр. Александровъ Б. и Раевскій Г.; по 2 — Александровъ А., Кременскій, Гельманъ, В. И. Бухалова и Е. А. Воронина.

Кромѣ того въ качествѣ гостей на станціи были слѣд. экскурсіи: рижской женской латышской гимназіи подъ руководствомъ преподавателя А. И. Сѣверова, студентовъ Харьковскаго университета и слуш. Высшихъ женскихъ курсовъ подъ руководствомъ проф. В. М. Арнольди, Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института подъ руководствомъ проф. С. А. Зернова.

5) Научная дѣятельность станціи.

Работа на Ковденской станціи велась въ различныхъ направленіяхъ, а именно:

- 1) Изучалось распредѣленіе животныхъ въ Ковденскомъ заливѣ въ связи съ физико-географическими факторами и флорой.
- 2) Производились практическія занятія по анатоміи, систематикѣ и біологіи морскихъ животныхъ.
- 3) Были производимы спеціальныя работы.
- 4) Сбранъ гербарій наземной флоры.
- 5) Изучались ледниковыя образованія мѣстности и собрана коллекція горныхъ породъ.
- 6) Изучались флора и фауна прѣсноводныхъ бассейновъ, расположенныхъ на островахъ и на материкѣ.
- 7) Изучались мѣстныя рыбы съ точки зрѣнія систематики, біологіи и промысловаго значенія.
- 8) Были собраны матерьялы для практическихъ занятій со студентами нашего Университета, коллекціи животныхъ для

Зоологическаго музея И. Ю. У., собраны коллекціи для различныхъ учреждений.

Остановлюсь теперь болѣе подробно на отдѣльныхъ пунктахъ.

1) Изъ физико-географическихъ наблюдений были произведены слѣд.: была измѣрена въ различныхъ мѣстахъ и на различныхъ глубинахъ температура воды и взяты пробы воды; въ этихъ пробахъ въ Юрьевѣ было произведено опредѣленіе количества солей. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ мѣстахъ была измѣрена при помощи поплавковъ Митчеля скорость теченія. Особенное вниманіе при этихъ изслѣдованіяхъ было обращено на мѣсто впаденія р. Ковды и на бассейны, отдѣляющіеся отъ моря и подвергающіеся опрѣсненію. Въ 1915 г. велись тщательныя записи повышенія и пониженія уровня воды при приливахъ и отливахъ.

Въ 1911 г. производились метеорологическія наблюденія; въ послѣдующіе же года это оказалось излишнимъ, такъ какъ въ Ковдѣ была основана метеорологическая станція.

Для зоологическихъ изслѣдованій было взято за все время нашихъ работъ въ Ковдѣ, слѣд. съ прибавленіемъ сюда и 1908 г., 695 станцій; онѣ занумерованы, матерьялъ зафиксированъ, разобранъ и отчасти опредѣленъ. Опредѣленныхъ видовъ насчитывается приблизительно 300—320. При этомъ нѣкоторыя группы почти не обработаны, напр. мшанки (въ настоящее время обрабатываются Г. А. Ключе), амфиподы, нѣкоторые отдѣлы червей, простѣйшія. По классамъ опредѣленные формы распределяются такъ: губокъ — 35 видовъ, кишечно-полостныхъ — столько же, кольчатыхъ червей — 60, иглокожихъ — 15, ракообразныхъ — 30, пикногоновъ — 8, моллюсковъ — 50, оболочниковъ — 15, рыбъ — 20.

Къ этимъ числамъ впослѣдствіи, конечно, придется прибавить еще много.

Найдено нѣсколько видовъ животныхъ, не показанныхъ еще для Бѣлаго моря, напр.: *Rhegaster tumidus*, *Gorgonocephalus*, *Thujaria carica*, *Acaulis primarius* и др.

2) Практическія занятія въ полномъ объемѣ производились въ 1911 г. Это объясняется тѣмъ, что въ этомъ году на станціи было много работающихъ и поэтому легче было добывать необходимый матерьялъ. Списокъ животныхъ, послужившихъ матерьяломъ для занятій, приведенъ у меня въ отчетѣ объ экскурсіи 1911 г. Въ другіе года занятія производились, но не столь правильно.

3) На станціи или на основаніи матерьяла, собраннаго на станціи, были произведены слѣд. работы:

Сахаровъ Г. В. Списокъ губокъ Ковденскаго залива.

Миловановъ С. И. Списокъ моллюсковъ Ковденскаго залива.

Александровъ А. И. а) Списокъ аннелидъ Ковденскаго залива;

б) Къ анатоміи и физиологіи *Brada granulata*.

Раевскій Г. Е. Изученіе явленій фагоцитоза у теребеллидъ.

Гельманъ Г. Д. *Spirochaeta Caesirae* etc. Arch. f. Protistenkunde Bd. 19.

Сентъ-Илеръ К. К. а) *Acaulis primarius* — Zool.-Anz. 1914 г.

б) О питаніи гидроидовъ. в) Гистологическое строеніе мантии аспидій.

Розовъ В. Е. а) О рыбномъ промыслѣ въ с. Ковда и сосѣднихъ селеніяхъ на берегу Кандалакшской губы. Матерьялы по изученію русск. рыболовства. 1914. б) Наблюденія по біологіи рыбъ Ковды.

Изъ указанныхъ работъ только немногія могли быть напечатаны изъ за недостатка на это средствъ.

Кромѣ того мною сдѣлано нѣсколько докладовъ о фаунѣ Ковденскаго залива: въ Обществѣ Естествоиспытателей при И. Ю. У., въ Императорскомъ Петроградскомъ Общ. Естеств., въ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ Солянномъ городкѣ и др. Отчеты о всѣхъ экскурсіяхъ были напечатаны въ Ученыхъ запискахъ Императорскаго Юрьевск. Университета.

4) Гербаріи водорослей и наземной флоры были собраны слѣд. лицами: студентомъ Я. Я. Алексѣевымъ въ 1908 г., С. И. Оленцевичемъ въ 1913 г. и окончившей Высшіе женскіе курсы Е. А. Ворониной въ 1915 г.

Собранные гербаріи отчасти опредѣлены, отчасти же находятся въ обработкѣ. Особенный интересъ представляетъ гербарій 1915 г., весьма тщательно собранный; главное вниманіе было въ этомъ году обращено на флору болотъ и заросшихъ озеръ остр. Оленьяго.

5) Изученіе ледниковыхъ образованій въ Ковдѣ представляетъ особенный интересъ; здѣсь можно выяснитъ направленіе движенія ледника по шрамамъ и шлифамъ, прекрасно выражены бараньи лбы и моренныя образованія. Съ особенно интересныхъ мѣстъ были сдѣланы фотографическіе снимки; была произведена нивелировка нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. уровня воды въ отдѣлившихся отъ моря бассейнахъ, и нѣкоторыхъ высотъ; произведены буренія въ нѣкоторыхъ болотахъ и пр.

Собранная петрографическая коллекція передана въ геологическій кабинетъ Императорскаго Петроградскаго Университета, гдѣ она обрабатывается при любезномъ содѣйствіи прив. доц. Б. А. Попова.

6) Изученіе фауны прѣсноводныхъ бассейновъ и бассейновъ опрѣсняющихся было начато только въ 1915 г., но уже теперь на основаніи небольшого собраннаго матерьяла видно, насколько важно это изученіе. Можно прослѣдить процессы отдѣленія частей моря, ихъ опрѣсненіе, заселеніе прѣсноводными животными и наконецъ процессъ исчезанія фауны подъ вліяніемъ заболачиванія. Особенный интересъ представляютъ озера на большомъ островѣ Оленьемъ, гдѣ всѣ указанные процессы можно прослѣдить на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Въ настоящее время собранъ преимущественно матерьялъ изъ самаго большого озера — Малиноваго.

7) Коллекція рыбъ, собранная главнымъ образомъ стараніями студ. В. Е. Розова, передана для обработки въ Зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ. Имъ же производились и наблюденія надъ біологіей рыбъ, а также были собраны свѣдѣнія о мѣстномъ рыболовствѣ. Отчеты объ этихъ наблюденіяхъ переданы въ Департаментъ Земледѣлія Г. У. З. и З.

Затѣмъ въ 1914 г. студентомъ Г. Раевскимъ было предпринято при содѣйствіи студ. Карякина и Боркона обслѣдованіе рыбнаго промысла и условій обитанія рыбъ въ большомъ озерѣ Ковдо, изъ котораго вытекаетъ р. Ковда.

8) Для практическихъ занятій въ нашемъ Университетѣ были собраны различные представители морской фауны, что обезпечило намъ должную ихъ полноту. Вслѣдствіе этого намъ пѣти не пришлось обращаться на другія станціи. Я перечислю тѣ формы, которыя были собраны въ большомъ количествѣ для занятій: *Ascandra variabilis*, *Sycon raphanus*, *Reniera bowerbankii*, *Muxilla gigas*, *Gonothyrea loveni*, *Hippocrene superciliaris*, *Aurelia aurita*, *Actinoloba dianthus*, *Voerringia* sp., *Lineus gesserensia*, *Arenicola marina*, *Flustra membranacea*, *Loxosoma harmeri*, *Asterias rubens*, *Asterias linckii*, *Mysis oculata*, *Chiton marmoratus*, *Clione limacina*, *Mya arenaria*, *Molgula retortiformis*.

Кромѣ Зоотомич. кабинета и Зоологич. музея Императорскаго Юрьевскаго Университета коллекціи изъ Ковды были доставлены: Зоолог. музею Императорской Академіи Наукъ, Кружку студентовъ Физ.-мат. Факультета И. Ю. У., Симферопольскому Епархіальному училищу, Юрьевской мужской гимназій, Калужскому реальному училищу, Рижскому педагогическому музею, Латышскому обществу преподавателей и нѣк. др.

6) Нужды станціи.

Если бы въ будущемъ удалось превратить нашу временную станцію въ постоянную, съ опредѣленнымъ ежегоднымъ бюджетомъ, то, конечно, придется ее нѣсколько расширить и дополнить ея оборудованіе. Ввиду этого я считаю необходимымъ указать на тѣ нужды, которыя выяснены нами за время нашихъ работъ въ Ковдѣ.

Станція, какъ я уже говорилъ, помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ совмѣстно Таможенному вѣдомству и администраціи шведскаго завода. Хотя хозяева квартиры и относятся къ намъ съ большой любезностью и предупредительностью, но, конечно, имѣть собственный домъ было бы весьма желательно. Условія для постройки станціи имѣются весьма благопріятныя, а именно: имѣется участокъ земли, который можно было бы получить отъ казны въ долгосрочную аренду; на этомъ участкѣ есть постройки, которыя продаются. Ремонтъ этихъ зданій обошелся бы не дорого, такъ какъ лѣсные матерьялы можно было бы имѣть непосредственно съ заводовъ. Но, конечно, возбуждать этотъ вопросъ въ настоящее время невозможно ввиду военныхъ обстоятельствъ. Я и не указываю поэтому той суммы, которая потребовалась бы для указанной цѣли. Первое время несомнѣнно любезные хозяева наши предоставятъ намъ прежнее помѣщеніе.

Вотъ въ чемъ для дальнѣшей работы нужно было бы сдѣлать нѣкоторыя усовершенствованія. Прежде всего необходимо завести хорошее моторное судно, которое ходило бы и подъ парусами. На такомъ суднѣ можно было бы выѣзжать въ море на болѣе далекія разстоянія и примѣнять болѣе тяжелыя орудія лова. Въ настоящее время при работѣ въ ручную приходится тратить очень много времени для передвиженія, и добываніе матерьяла съ большихъ глубинъ весьма тяжело. Обойдется судно около 2000 р.

Вторымъ существеннымъ пробѣломъ станціи является отсутствіе бібліотеки; намъ приходится каждый годъ привозить и увозить книги, что весьма неудобно и дорого, поэтому приходится ограничиваться самымъ необходимымъ. Конечно, покупка книгъ теперь весьма затруднена, но все-таки имѣются необходимыя сочиненія и на русскомъ языкѣ, а многое можно приобрести въ Швеціи и Норвегіи, такъ какъ фауна сѣверныхъ морей въ значительной мѣрѣ изучалась скандинавскими учеными. Расходы на бібліотеку я полагаю въ 500 р.

Въ третьихъ, желательно дать занимающимся нѣсколько

большій комфортъ. Теперь намъ приходится спать на досчатыхъ кроватяхъ съ сѣнниками. Надо завести хоть и простые, но различные кровати, нѣсколько комодовъ и платяныхъ шкафовъ, буфетъ для посуды, письменные, рабочіе и лабораторные столы, умывальники, шкафъ для библіотеки, для реактивовъ и пр.

Требуется и нѣкоторое количество посуды, чтобы не надо было занимающимся привозить ее съ собой. Всего мебель и посуда обойдутся рублей 900.

Въ четвертыхъ, необходимо устроить водопроводъ для морской воды, такъ какъ иначе невозможно устроить акваріуми. Ввиду того, что зданіе не принадлежитъ станціи можно сдѣлать весьма упрощенный водопроводъ, который можно было бы снимать по желанію. На это необходимо положить рублей 300.

Наконецъ, на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ нехватящихъ инструментовъ и на мелкіе расходы — 300 р.

Такимъ образомъ, расходы по оборудованію станціи въ теперешнемъ ея состояніи выразятся приблизительно въ слѣд. цифрахъ:

На приобрѣтеніе моторнаго судна	2000 руб.
На библіотеку	500 „
На мебель	800 „
На посуду	100 „
На устройство водопровода	300 „
На инструменты и пр.	300 „
Всего	4000 руб.

Ежегодные расходы на содержаніе станціи при условіи трехмѣсячной работы будутъ приблизительно слѣд.:

Вознагражденіе лаборанту	300 руб.
Наемъ рабочихъ (3 чел. по 40 р. въ мѣс.)	360 „
Содержаніе мотора	100 „
Пополненіе библіотеки	100 „
Приобрѣтеніе посуды и реактивовъ	50 „
Мелкіе расходы	20 „
Охрана имущества	70 „
Всего	1000 руб.

Если принять во вниманіе, что до сего времени на станцію истрачено около 1750 р., т. е. приблизительно по 350 р. въ годъ, то можно надѣяться, что даже при скромномъ сравнительно съ другими станціями бюджетѣ, въ 1000 р. она сможетъ развить свою дѣятельность.

- 12) лит.: Daug klausyk, maž kalbék.
 лат.: Dzirdi daudz, runā maz.
 русск.: Болѣй слухай, а менѣй говори.
 нѣм.: Höre viel und rede wenig.
 англ.: Wide ears and short tongue is best.
 франц.: Entend premier, parle le dernier.
 латинск.: Multa audi, dic pauca. Стр. 40, 24.

Этотъ примѣрный типъ содержитъ наибольшее количество пословицъ.

Ad 4. Богатую нормальную форму имѣютъ пословицы, какъ напр.:

- 1) лит.: Mažī vaikai, mažl vargai;
 didi vaikai, didi vargai.
 лат.: Mazi bērni, mazas bēdas;
 dziži bērni, dzižas bēdas.
 русск.: Маленьки дѣтки — маленькія бѣдки,
 а вырастутъ велики — большія будутъ.
 нѣм.: Kleine Kinder, kleine Sorgen,
 Grosse Kinder, grosse Sorgen.
 голл.: Kleine kinderen, hoofdpijn;
 groote kinderen, hartpijn.
 датск.: Smaa børn, smaa sorger;
 store børn, store sorger.
 норв.: Smaae born gjera smaa sorgjer;
 store born gjera stora sorgjer.
 шведск.: Små barn, små sorger;
 stora barn, stora sorger.
 итальянск.: Fanciulli piccioli, dolor di testa;
 fanciulli grandi, dolor di cuore.
 Fanciulli piccoli, dolor di capo;
 e figli grandi, dolor di cuore.
 Figliuoli piccioli, fastidi piccioli;
 figliuoli grandi, fastidi grandi. Стр. 76, 3.
- 2) лат.: Ne viss zelts, kas spīd;
 ne viss sūds, kas smird.
 чешск.: Ne vše zlato, co se svíti;
 ne vše svato, co se vidí.
 франц.: Ce n'est pas tout or ce qui reluit,
 ne farine ce qui blanchist.
 латинск.: Non aurum est, quodcunque nitet;
 non gemma, quod ardet. Стр. 105.

- 3) бѣлорусск.: Два кóты въ одномъ мѣшку не мѣсцюца,
и два медвѣдзи въ одной берлогѣ не мѣсцюца.
нѣм.: Zwei Katzen und Eine Maus, zwei Weiber in Einem
Haus,
zwei Hund' an Einem Bein kommen selten überein.
англ.: Two cats and a maus, two wiwes in one house,
two dogs and a bone, never agree in one. Стр. 108, 1.
- 4) польск.: Viele słychać rzecz bezpieczna;
wiele mówić rzecz wszeteczna.
чешск.: Mnoho slyšeti — věc bezpečná;
mnoho mluvit — věc všetečná. Стр. 40, 24.
- 5) греч.: *Μία χελιδὼν ἔαρ ὅν ποιεῖ,*
οὐδὲ μία μέλισσα μέλι. Стр. 90, 1.
- 6) голл.: Mijn hemd is mij nader, dan mijn rok,
en mijn vleesch nader, dan mijn hemd. Стр. 56, 1.
- 7) греч.: *Οὐ δύνатаι δένδρον ἀγαθὸν καρποὺς πονηροὺς ποιεῖν,*
οὐδὲ δένδρον σαπρὸν καρποὺς καλοὺς ποιεῖν.
- 8) бѣлорусск.: Які́й дубъ, такі́й тынъ;
які́й батька, такі́й сынъ. Стр. 99.
- 9) русск.: Рука руку моетъ, а плутъ плута покроетъ. Стр.
29, 1.
- 10) лит.: Negirk pirm rýto merga,
nei pirms vákaro déna.
лат.: Neteic pirms rita meitu,
nei pirms vakara dēnu. Стр. 75, 1.
- 11) русск.: Не такъ живи, какъ хочется,
а такъ, какъ Богъ велитъ. Стр. 49, 45.
- 12) испанск.: En cada tierra su uso
y en cada casa su costumbre.
португальск.: Cada terra com seu uso,
cada roca com seu fuso.
новогреч.: *Κάθε τόπος καὶ ζαχόνι,*
κάθε μαχαλᾶς καὶ τάξι. Стр. 106, 1.
- 13) франц.: Corbeaux avec corbeaux ne se crèvent jamais les
yeux, non plus que les brigands maux ne se font
l'un l'autre, mais mieux. Стр. 126, 3.
- 14) нѣм.: Der Sommer ist ein Ernährer;
der Winter ist ein Verzehrer.

франц.: L'hyver mange le printemps,
l'été et l'automne. Стр. 91, 1.

15) англ.: Many men, many minds;
so many dogs, so many kinds. Стр. 18, 1.

16) лит.: Daug turédams, daug išleidi;
maž turédams, mažù paminti.

лат.: Kam daudz ir, daudz ar' noët;
kam maz ir, pàrtëk ar maz. Стр. 37, 12.

Какъ вообще все истинно благородное — рѣдко, такъ и пословицы этой благородной формы не многочисленны. Наибольшее число пословицъ имѣютъ, какъ мы видѣли, дефектая, недостаточная и обыкновенная нормальная формы.

Пословица, начиная свое происхождение, такъ сказать, съ хаоса, съ безобразности, нами такъ названной аномальной формы, съ рубежа поговорки, въ теченіе времени проходила эти нами выше очерченныя ступени развитія. На предварительной ступени, въ хаотической, аномальной формѣ, не открывается еще ни по содержанію, ни по формѣ, никакого стремленія, никакой склонности или зачатка къ образованію портала, къ симметріи. Этотъ прототипъ можемъ себѣ представить какъ прямую и сломанную линію. Различія между этой хаотической, аномальной формой пословицы и поговоркой нельзя болѣе искать во внѣшней формѣ, но лишь еще въ мысли и содержаніи. У пословицы рядомъ съ внѣшней формой имѣетъ болѣе значеніе мысль, чѣмъ это бываетъ у поговорки. Пословица открываетъ намъ всегда перспективу мыслей, иногда съ морализирующимъ заднимъ планомъ, поговорка этого не дѣлаетъ. Пословица, преимущественно облеченная въ опредѣленную форму, — богатая, дальше расширяемая мысль, поговорка же — лишь предложеніе, встрѣчаемое въ употребленіи изреченіе, не всегда даже оконченное, не имѣющее никакого расширяемаго круга мыслей. Въ рѣчи пословица служитъ болѣе украшеніемъ мыслей, поговорка же — болѣе картинною прикрасою.

Каждая пословица имѣетъ свою трудно изслѣдуемую исторію происхожденія, которую все-таки надо знать, если хотимъ достигнуть полнаго пониманія пословицы. Напр., Viel Geschrei, wenig Wolle (много шуму, да мало толку) не произошло изъ стрижки овецъ, но относится къ тому, что чортъ стригъ свинью. По моему мнѣнію можно пословицу

наилучше опредѣлить обыкновенно симметрически выраженнымъ брахилогизмомъ, и большое число пословицъ оказывается не народнымъ, но международнымъ ¹⁾).

4. Замѣчанія, сличенія и объясненія.

Здѣсь слѣдуютъ замѣчанія, сличенія и объясненія къ нѣкоторымъ пословицамъ, съ одной стороны, по ихъ значенію, смыслу, поскольку это было нужно, съ другой стороны, по ихъ происхожденію и литературнымъ прототипамъ, поскольку это было возможно.

А. Сверхъестественныя существа.

а) Богъ.

Стр. 9. — Ad 1. До Бога высоко, до Царя далеко, „т. е. Богъ высоко живетъ, а Царь далеко ѣздитъ“ ²⁾. — „Von eigenmächtig handelnden Beamten gesagt“ ³⁾.

Смр. 11. — Ad 4. Dėvė dūk, iš tavo burnós į Dėvo aúsi. Такъ отвѣчаютъ, когда кто-нибудь желаетъ кому-нибудь всего хорошаго. Значить „Gott erhöře deinen Wunsch“ ⁴⁾. — „So spricht der Bauer, wenn der Prediger ihm in seinem Anliegen Gutes wünscht“ ⁵⁾. — По-русски: Твоими бы устами медъ пить.

— *Ad. 7.* Dėvui daugiaús rūp, kaip mums. „Es liegt Gott mehr ob als uns“ ⁶⁾).

— *Ad 8.* Su Dėvù negali bartis. — „Говорятъ въ утѣшеніе потерпѣвшему несчастіе, особенно скорбящему о смерти родныхъ“. — „Переносить должно, что опредѣлено судьбою“ ⁷⁾.

б) Чортъ.

Стр. 11. — Ad. 1. А. Шлейхеръ перевелъ эту пословицу совершенно невѣрно: „Wen der Teufel nicht zwingt, den wälzt ein altes Weib“. Шлейхеръ не зналъ, что арвалиоти

1) См. мою статью Zur Parömiologie въ Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte. Herausgegeben von Dr. Max Koch. Siebenter Band. — Heft III. Berlin 1907.

2) Снегиревъ I 96.

3) Nesselmann стр. 179.

4) Тамъ же стр. 16.

5) Stender 251.

6) Schleicher, Lit. Märchen, Sprichworte etc. стр. № 161.

7) Носовичъ 51.

значить bezwingen (преодолѣть), а не wälzen (катать), что здѣсь безъ всякаго смысла. „Где чортъ не зможе (не успѣетъ), туда бабу пошли“. — „In ganz besonders verwickelten und schwierigen Angelegenheiten wählt der Teufel wol auch ein junges, schönes Weib“¹⁾). Веберъ говоритъ: Das Sprichwort ist nur halb wahr; denn der Teufel ist klüger und weiss, dass er weiter kommt mit jungen Weibern. Der Hass gegen die alten Weiber scheint aus dem Verdachte, in dem man sie wegen der Hexerei hatte, zu entspringen. Darüber, weshalb es der Teufel nur mit alten Weibern halte, hat König Jakob I. von England, dem gewiss alle Mittel zu Gebote gestanden haben, eine ausführliche Untersuchung geschrieben und Christo zugeeignet“²⁾). Аллегорическое объяснение — слѣдующее: „Der verummte Satan hatte auf dem Weltmarkte die sieben Todsünden feil, aber niemand mochte sie kaufen, denn sie lagen auf glühenden Kohlen, als angehende Höllenbrände. Dies sah ein altes Weib und rieth dem Satan, seine Feilschaft ebenfalls zu verummten, wie sich, dann würde er sie leicht verkaufen. Sie half ihm den Stolz mit dem Reputationschmuck verkappen, den Geiz mit der Sparsamkeit, den Zorn mit Amtsgebühr verstellen, die Unzucht mit Freundlichkeit bemänteln, den Neid auszieren mit der Ehrbegier, den Frass und das Saufen mit der Fröhlichkeit beschönen und die Unversöhnlichkeit ausrüsten mit zuverlässiger Gegenwehr. Sogleich fanden sich Käufer, welche gegen Darwägung ihrer Seelen diese verummelten Laster zu ihrem Verderben erhandelten“³⁾). Изъ этого событія произошла пословица. Nach einem alten Schwanke fürchtet sich der Teufel selbst vor einem alten betrügerischen Weibe. Als er einmal eine solche Vettel absendet, um zwischen zwei Eheleuten Zwietracht zu stiften, und sie diesen Auftrag ausgerichtet, gab er ihr den versprochenen Lohn: ein paar Schuhe, an einer sehr langen Hopfenstange über das Haus hinausgestreckt, weil er ihr, da sie listiger als er war, nicht traute“⁴⁾). — То же самое встрѣчается въ литовской сказкѣ: Apė seną boba kytrėsnę už vėlnię — „Vom

1) Wander IV 1105, № 1056.

2) Demokritos, II 571. — Wander, IV 1105 № 1056.

3) Wander, III 1868, 22.

4) Wander, IV 1105, № 1056.

alten Weibe, das schlauer war als der Teufel“¹⁾. Благодаря женщинѣ случилось грѣхопаденіе Адама и въ Фаустѣ Гёте Мефистофель не знаетъ предложить ничего болѣе соблазнительнаго, чѣмъ красавицу-женщину. Рядомъ со старою и молодою женщинами по этой пословицѣ оказываются опасными: монахъ (напр., въ голландскомъ monnik), посланный чорта (датск.: sine bud, шведск.: sitt ombud), его мать (франц.: sa mère, итал.: la madre), его слуга (латинск.: servus) и свои (исландск.: hann sina).

Стр. 12. — Ad 3. „Jedneho čerta vyhnal a desať voľnal“; испанск.: Un ruin ido, otro venido (Одинъ лихой ушелъ, другой пришелъ). „Es ist ein gemeines Sprichwort, wenn man einen Teufel mit Schlägen will ausbannen, so treibet man zehn wieder ein“²⁾. — Въ сѣверной Италии говорятъ: S'el n'e d' diàvol l'e so fioèul (Если это не самъ чортъ, то это его сынъ). Португалецъ говоритъ иронически: Hum roim' se nos vai da porta, outro vem, que nos consola (Когда одинъ лихой уходитъ отъ насъ черезъ дверь, тогда приходитъ другой, чтобы насъ утѣшить).

Стр. 13. — Ad. 4. Laissez le prendre un pied chez nous, il en aura bientôt pris quatre; латышскій вариантъ: Īlaid vēlņu baznīcā, viņš kāpj uz kanceles (Впусти чорта въ церковь, онъ взберется на кафедру церковную); нѣм.: Gieb dem Teufel einen Finger, und er greift nach der ganzen Hand, т. е., „Wenn man dem Unrecht irgend ein Zugeständnis macht, so wachsen seine Ansprüche und Forderungen“³⁾.

— *Ad 5.* Ar tavē vēlnies grēb, ar manē (Возьметъ ли тебя чортъ или меня)? — такъ спрашиваетъ, образумливаясь, одинъ изъ спорящихъ другого, когда дошло уже до того, гдѣ тотъ говорить: чортъ побери! Чтобъ тебя чортъ взялъ! Ср. выше заклинанія, проклинанія стр. 149, 2.

— *Ad 6.* Prieme kai šiltā vēlniē (Приняли какъ горячаго чорта). Значитъ, приняли съ бесполезною довѣрчивостью того, который отъ злости не знаетъ что дѣлать.

— *Ad. 7.* Bijos it velnias Perkuno. Въ латышскомъ рядомъ съ velns боится и jūds (jōds, чѣрный или скандинавск.

1) Schleicher, Lit. Lesebuch u. Glosar стр. 160. — Lit. Märchen Sprichw. etc. Стр. 50.

2) Wander, IV 1081, 519.

3) Wander, IV 1083, 564.

Jote) Перкуна, бога грома (Donner¹). По-бѣлорусски: Боицца, якъ чортъ ладону. — „Говорятъ при чьемъ либо отвращеніи отъ чего либо“,²) и всѣ эти пословицы, включая и нѣмецкую (Er fürchtet sich, wie der Teufel vorm Kreuze oder Weihwasser), имѣютъ свои оригинальныя черты.

в) Олицетвореніе смерти (Giltine).

Стр. 14 — *Ad 1.* Giltine neveiz į dantis; смерть ни на что не глядитъ. Эта пословица слагалась вѣроятно при торговлѣ лошадьми, гдѣ важно глядѣть на зубы животнаго, чтобы такимъ образомъ узнать его возрастъ. Но это не такъ при смерти, не глядящей, какъ лошадиный барышникъ, ни на зубы, ни на возрастъ и ни на что; старъ или молодъ — ей все равно. Литовская пословица, повидимому, очень стара и первобытна, что доказываетъ тутъ сохранившееся имя богини смерти — Giltine. Тетцнеръ говоритъ: In Sprichwörtern lebt der Name des weiblichen Freund Hein noch fort. „Giltine sieht nicht auf die Zähne“, sagt der Schameite³). Объ этимологіи и значеніи этого божества будетъ говорено еще впоследствии. Здѣсь укажу лишь на мнѣніе А. Шлейхера.⁴)

— *Ad 2.* Pro smėrti žolę neišrādo; Отъ смерти нѣтъ зелья. Нѣтъ ли, баушка, отмогительнаго зелья?⁵). Contra vim mortis nulla est herba in hortis. „Нѣтъ въ садахъ травы противъ силы смерти.“⁶) — Es giebt kein Mittel, das Leben in diesen Verbindungsformen für immer zu erhalten, wol aber giebt es tausend Kräuter und Mittel gegen die vorzeitige Auflösung dieser Verbindung. Die meisten Menschen sterben früher als es nöthig gewesen wäre, wenn sie zur rechten Zeit das rechte Kraut gekannt und angewandt hätten.“⁷) Естественно, что человѣчество давнымъ давно очень интересовалось смертью и жизнью и вслѣдствіе этого эта пословица распространена между столь многими народами:

1) Schleicher, Lit. Märch, Sprichw. etc. Стр. 182. — Wander 1. 1280, 88.

2) Носовицъ стр. 7.

3) Die Slawen in Deutschland стр. 89.

4) Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen herausgegeben von A. Kuhn und A. Schleicher. II Bd. Berlin, 1861. Стр. 129.

5) Даль стр. 294.

6) Носовицъ стр. 123.

7) Wander IV 1237, 268.

Стр. 15. — Ad. 3. Стоять на краю гроба. „Hat der Wahrscheinlichkeit nach nicht mehr lange zu leben.“¹⁾ „S. v. w. seinem Ende nahe sein, besonders von todkranken Menschen gesagt. Früher war gebräuchlicher auf der Grube gehen; wer das thut, ist am Ziele seines Lebensweges angelangt, jeden Augenblick kann er hinabsinken.“²⁾ Маалер объясняет: „der auf der gruben gadt, in abgeendem alter, declivis aetate, capularis senex.“³⁾ — „Поговорка — одною ногою стоять въ могилѣ (Даль II 568) — заимствована съ греческаго; у Лукіана (Hermotim. s. de sectis 78) мы читаемъ: *γέρων ἤδη καὶ — τὸν ἕτερον πόδα, φασίν, ἐν τῇ σορῷ ἔχων* (сорос — урна съ останками умершаго, гробъ, могила). Отсюда у Плутарха (de educ. puer. 17) *σοροδιῶν* называется глубокий старикъ, стоящій одной ногой въ могилѣ. Другое подобное выраженіе встрѣчается также у Лукіана: стоять уже одною ногою въ лодкѣ Харона (*τὸν ἕτερον πόδα ἐν τῇ πορθύειῳ ἔχειν* Luc. Apolog. I).“⁴⁾

Стр. 16. — Ad. 4. Geriaús ðestývai mirti, nekaip neðestývai givét. „Наша пословица: Лучше смерть, нежели позорный животъ, заимствована отъ Римскихъ писателей; она встрѣчается какъ у Тацита: *Honesta mors turpi vita potior*, такъ равно и у Греческихъ писателей: *Κρείσσων θανεῖν ἢ ζῆν αἰσχρῶς*.“⁵⁾

Б. Естественныя существа.

а) Человѣкъ.

Стр. 17. — Ad. 2. Koks žmogus, toks ir prots; Мужа нравъ отъ словесъ познавается; лат. вариантъ: *Káds ciléks, táda valoda*; латинск.: *Qualis homo, talis sermo*. По смыслу сюда относится: „У дурака дурацкая рѣчь. *Μορὰ γὰρ μορός λέγει*. Eurip. in Bacch. *Stultus stulta loquitur*. Terent. Глупый глупо говорить.“⁶⁾

— *Ad. 3.* Pikts žmogus iš adatos vežimę priskaldo. (Злой человѣкъ раскалываетъ изъ иголки полный возъ); литовецъ объясняетъ: *ką labai praplátit*, значить, злой человѣкъ преувеличиваетъ незначительную ошибку, погрѣшность, малый

1) Ibid I 1304, 235.

2) Schrader p. 404, 84.

3) Wustmann p. 162 № 401.

4) Тимошенко стр., 146 № 218.

5) И. Снегиревъ стр. 95.

6) Тамъ же I 84.

недостатокъ ближняго; по-латышски: по *nēka istaisa daudz*; вдается въ крайности и не извиняетъ того, кто лишь нѣсколько ошибся; по-русски: Дѣлать изъ мухи слона; по-нѣмецки: *Er macht aus einer Mücke einen Elephanten*. Балтійская пословица относится къ тому времени, когда еще была въ употребленіи деревянная иголка.

Стр. 18. — Ad. 4. О человекѣ, безстыдникѣ, говорятъ по-нѣмецки, что ему надо наложить намордникъ (*einen Maulkorb anlegen*). Произошло ли изъ этого выраженія еще другое *Einem das Maul stopfen*, т. е., насильственно заткнуть кому-либо ротъ, — въ этомъ можно сомнѣваться. Франц. *museler* (*le colomniateur*) и англ. *to muzzle* примыкаютъ къ словамъ *muselière* и *muzzle* (намордникъ). По мнѣнію Шрадера, это выраженіе заимствовано изъ обычая совать плѣннымъ платокъ въ ротъ. „*Scherzweise stopft man wohl Kindern den Mund, indem man ihnen den Mund voll Speise giebt.*“ ¹⁾ — Греч. *ἐπιστορεύω* и *φειδω* (затыкать кому ротъ, заставить кого молчать). — Въ библіи, напр. *Matth. 22, 34* *Tit 1, 11* и у Лютера встрѣчается это выраженіе часто. — По-бѣлорусски говорятъ: „Рота нікому не завязешъ“. Никому нельзя запретить говорить. ²⁾ „*Einem das Maul (den Mund) stopfen*“ ist so viel wie „*Einen durch Geschenke, Drohungen u. s. w. zum Schweigen bringen,*“ ³⁾ — „um nicht weiter vom ihm belästigt zu werden, etwa wie man einem Hund zu fressen giebt, damit er nicht länger belle. An die Sitte zu denken, widerspenstigen Gefangenen einen Knebel in den Mund zu stopfen, wie Schrader will“ (см. выше) „*verbieten folgende alten Zeugnisse, die zugleich die eigentliche alte Vorstellung deutlich machen.* In Brants „*Narrenschiff*“ 41, 27 ff. findet sich die Redensart angewandt auf Klatschbasen und schwatzhafte Narren, denen es niemand recht machen kann:

Der muss mäl han, vil me dann vil,
Wer yedems mul verstopfen wil.“

Tunnicius № 324: „*He behouet vele brodes de mallich wyl den munt stoppen. Panis eget magni, qui cunctis oro replebit.*“ Sebastian Frank 1,85: „*Der muss vil mel haben, der alle meuler wil verkleyben.* Weidner, Teutsche Sprüchwörter: „*Es mueste*

1) Schwader p. 150.

2) Носовичъ p. 145.

3) Wander III 776, 260.

einer viel Mehl haben, der allen boesen Leuten wollte das Maul verkleben.¹⁾

Стр. 18. — Ад. 5. Когда латышъ видитъ что-нибудь, что ему внушаетъ удивленіе, тогда онъ восклицаетъ: Tavi pēci brīnumi! (Твои пять чудесъ! т. е., о, какія чудеса! или: о чудо!) Очень оригинально, что здѣсь рѣчь идетъ о пяти чудесахъ, между тѣмъ какъ классическая древность говоритъ о семи чудесахъ.²⁾ Когда литовецъ и латышъ обозначаютъ высшую степень удивленія, тогда они употребляютъ пословицу: Ir senije žmones stebas (И старые люди удивляются). Здѣсь служить исходною точкою предположеніе, что старые люди, испытавшіе много и знающіе много, рѣдко чему удивляются и что слѣдовательно надо искать особенную причину тому, когда и старые люди должны удивляться. Нѣмецкая пословица говоритъ: Alte Leute wissen auch nicht alles. Стало-быть, и они иногда удивляются.

а) Части и члены человѣческаго тѣла.

aa) Голова.

Стр. 18. — Ад. 1. Снегиревъ сообщаетъ къ происхожденію этой пословицы слѣдующее: „Сія пословица происходитъ отъ слѣдующаго анекдота въ Польшѣ: одинъ Нѣмецъ купивъ мѣшокъ кочанной капусты и шедши подъ гору, вздумалъ облегчить себя, развязалъ мѣшокъ, отъ чего и кочни раскатились во всѣ стороны. При этомъ одинъ сказалъ: что голова, то разумъ — и сіе слово обратилось въ пословицу.“³⁾ Всѣмъ извѣстная поговорка — сколько головъ, столько умовъ, безъ сомнѣнія, находится въ родствѣ съ такою же извѣстною латинскою сентенціей, встрѣчающеюся впервые у Теренція: Quot homines, tot sententiae; въ другой формѣ выражена таже сентенція у Горация (sat. II 1, 27) и Овидія (art. am. I 759, см. и наши тексты). Но греческіе образцы гораздо древнѣе; напр. Филемону приписывается фрагментъ (см. тексты), заключающій слѣдующую мысль: „сколько есть отдѣльныхъ личностей, столько же можно наблюдать и характеровъ (или образовъ мыслей).“⁴⁾

1) Wustmann p. 320, № 796.

2) См. мою статью въ журналѣ Pagalms 1881 г. Стр. 64 и 65.

3) Снегиревъ I 124, 8.

4) Ср. Тимошенко стр. 83.

Смп. 19. — Ad. 2. Nu svetimos nelaimes galvą neskaust; нѣм.: Von fremdem Unglück thut der Kopf nicht weh; лат.: Cita sápes mazas (Чужая боль мала); „Чужое горе не горе“.¹) Латышъ говоритъ о томъ, что не его дѣло: Ne mana cūka, ne mana druva (Ни моя свинья, ни мое поле), т. е., что мнѣ до вреда другого, чужого

Смп. 20. — Ad. 3. Žódis galvós nepràmuša; Kein Scherz schlägt noch den Kopf ein etc., т. е., шутка не опасна ни для головы, ни для шеи, ни для сердца, если она не переходитъ границы; но она легко можетъ стать опасною. И какъ трудно здѣсь придерживаться вѣрной мѣры, на это очень прекрасно указываетъ чешская пословица игрою словъ čerty — žerty. Знаешь ли ты, спрашиваетъ она, что стоитъ между ангелами и чертами? и отвѣчаетъ: шутки.²) Между тѣмъ какъ отъ шутки предостерегаетъ литовецъ голову, латышъ — шею, бедро, нѣмецъ — сердце, то русскій отъ шутки предостерегаетъ пазуху, говоря: „Шутка въ пазуху не лѣзетъ.“

— *Ad. 4.* Eik palengvā, kād paūts nū galvós nenusiristu (Иди такъ медленно, чтобы яйцо не упало съ головы). Такъ говорятъ иронически о человѣкѣ, идущемъ медленно, когда надо спѣшить.

У ш и.

Смп. 21. — Ad. 1. Pro vijnā ausī iēje, pro antrā išeje; У него это въ одно ухо входитъ, а въ другое выходитъ — „наставленіе не вѣрить клеветамъ.“³) Но оно относится и къ невнимательному человѣку и къ таковому со слабою памятью. Шлейхеръ сомнѣвался относительно этого изреченія, принадлежить ли оно къ пословцамъ или къ поговоркамъ, и отнесъ его какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Для насъ, выработавшихъ для пословицъ и поговорокъ опредѣленную систему нѣтъ сомнѣнія о его принадлежности. В. Борхардтъ, считавшій его поговоркою, объявляетъ, что оно значить „S. v. w. sofort wieder vergessen, was man eben gesagt bekommen hat. Schon in mittelhochdeutscher Zeit üblich: Wolfram von Eschenbach erklärt einmal (Parzival 241, 21 fg.) sin maere vom Parzi-

1) Носовичъ стр. 184.

2) Wander IV 149, 7.

3) Носовичъ стр. 20.

val nicht für Leute gesungen haben zu wollen, für die es eine Qual wäre, es aufmerksam zu fassen:

wan daz hat da niendert stat
und vil gerumeclichen pfat,
zeim oren in, zem andern für.

Aenlich im „Wigalois“ Wiruts von Gravenberg 8, 12 fg.:

er lat ez durch diu oren gar
zem einen in, zem andern uz.“

Объяснение Агриколы (см. № 152) относится скорѣе къ поговоркѣ: Nur mit einem Ohre hinhören. Mancher hört ja nur mit halbem Ohre zu.¹⁾ По-русски: „Онъ слышитъ только однимъ ухомъ.“²⁾

Лицо.

Стр. 21. — Ad. 1. Nu veido pažinsi žmogų; Знать кого съ лица. „Das Verhältniss der Seele zum Gesicht ist von den Physiognomen noch so wenig erklärt, als von den Botanikern das Verhältniss der Staubfäden zum Kelche.“³⁾

Стр. 22. — Ad. 2. Iš veidū svēstą neskūsi. Aus einem schönen Gesicht kann man keine Butter schlagen. Литовецъ самъ объясняетъ свою пословицу, прибавляя „nū gražuma nē mīsi“, чему соотвѣтствуетъ нѣмецкая пословица: Von der Schönheit kan man nicht leben; итальянск.: La bellezza non si mangia. Наконецъ португалецъ и нѣмецъ знаютъ вариантъ: Femmura de mulher nāo faz rico ser; Schönheit der Frau macht nicht reich sein.

Глаза.

Стр. 22 — Ad. 1. Akis graibo, širdis neprīm Шлейхеръ переводить: Die Augen langen darnach, das Herz nimmts nicht an (z. B. von den Gelüsten eines Kranken gesagt),⁴⁾ хотя Akis — единственного числа. По-латышски употребляется иногда тоже единственное число, какъ-то: Acs grib, širds neprēm. Литовскій глаголѣ graibo со своимъ конкретнымъ значеніемъ: щупать, хватать, указываетъ на то, что и лат. grib (gribēt, хотѣть) первично имѣло конкретное значеніе, какъ и, можетъ быть, русск. хотѣть образовалось изъ хватать. Русскій вари-

1) G. Wustmann p. 353 № 881.

2) Павловскій II 647.

3) Wander I 1618, 1.

4) Schleicher, Lit. Märch., Sprichw., Rätsel und Lieder. p. 150.

антъ: Око (вар. глазъ) видитъ, да зубъ неймётъ, какъ по формѣ, такъ и по смыслу, выражаетъ нѣчто иное.

Смп. 23. — Ad. 5. Īeinant ākys svýla, īšeinant pakáušis (При входѣ горятъ глаза, при выходѣ — затылокъ). Такъ говорятъ о банѣ, сушильнѣ, солодовнѣ и т. д.

Н о с ъ.

Смп. 24. — Ad. 1. Kéikestis pro būrnā īšeit, pro nōsī (aúsi) ātlenda значить „der Fluch hat keine Kraft“, ¹⁾ т. е., клятва постигаетъ скорѣе того, кто ее произноситъ, чѣмъ того, на кого она направлена.

Р о т ъ.

Смп. 25. — Ad. 4. Iš tos patios burnos ir šilt ir šalt; Изъ одного рта и тепло и холодно; „Изъ одного рта, да не однѣ вѣсти, aus einem Munde kalt und warm blasen, doppelzünftig sein, so und so sprechen.“ ²⁾

З у б ы.

Смп. 25. — Ad. 1. Nagais neatmegsi, kur dantu reik (Ног-тами не развяжешь, гдѣ надо зубовъ). Трудная работа, трудная задача требуютъ соотвѣтствующаго напряженія силъ.

Я з ы к ъ.

Смп. 26. — Ad. 1. Lēžūvis, māšas mēsós stukélis, tas žmógu pàkar ir paléidž; лат.: Méle nocért, méle pàkar, „d. i. die Zunge richtet viel Unheil an“ ³⁾; — Языкъ не стрѣла, а уязвляеть. „Говорятъ въ наставленіе удерживать языкъ отъ осужденія другихъ, или въ упрекъ тому, который осуждаетъ тѣхъ, которыхъ недавно хвалилъ. — Языкъ урѣжь собѣ. Будь скромнѣе языкомъ.“ ⁴⁾

Смп. 27. — Ad. 4. Dēl ilgo lēžuvio nevėnam išbirst dantys. Изъ-за длиннаго языка, неумѣстно дѣйствующаго, т. е., вслѣдствіе насмѣшки, не рѣдко приходится страдать.

— *Ad. 5.* Rasi ant lēžuvio gala; На языкѣ вертится. Говорятъ „Wenn man sich nicht gleich auf ein Wort, einen Namen besinnen kann.“ ⁵⁾ Ср. ниже поговорки на стр. 130.
— Ad. 13.

1) Stender p. 248.

2) Павловскій I 1028.

3) Stender p. 249.

4) Носовичъ стр. 192.

5) Wander V 643 № 288.

ββ) П а з у х а.

Стр. 28. — Ad. I. Griäpkis i sävo patišs aňtĭ (Испытай самого себя, собственно, хватайся за свою собственную пазуху); Greif in den eigenen Busen. Здѣсь встрѣчаются въ нѣкоторыхъ языкахъ самобытныя, оригинальныя пословицы, которыя хотя не согласны по словамъ, но все-таки по смыслу. „Знай себя, (и того будетъ съ тебя“) ¹⁾. Γνώθι σεαυτόν. Nosce te ipsum; in se descendere. Между тѣмъ какъ лит. и лат. варианты и по словамъ соотвѣтствуютъ нѣмецкой и голландской пословицамъ, то греческая и латинская пареміи относятся сюда только по смыслу. Пареміографы приписываютъ эту пословицу или Солону (ср. Diogen II 10: Γνώθι σεαυτόν: ἀπόφθεγμα ἔστι Σόλωνος) или Хилону (ср. Greg. Cyr. cod. Mosq. II 66: ἀπόφθεγμα Χίλωνος; Масар. II. III 3: Χείλωνος ἐναί φασι τὸ ἀπόφθεγμα) и объясняютъ какъ-то: τάττεται δὲ ἡ παροιμία ἐπὶ τῶν ὑπὲρ ὃ ἐσι κομπαζόντων (Greg. Cyr.); τάττεται δὲ ἐπὶ τῶν ὑπὲρ δύναμιν κομπαζόντων (Diogen., Apost.) ²⁾. Стало-быть, такъ говорятъ о такихъ людяхъ, которые хвастаются своею властью и своимъ усилиемъ. Наша пословица Ūsk i savo aňtĭ значить, что при осужденіи другихъ, не надо забывать собственныхъ ошибокъ и не поступать при этомъ слишкомъ строго.

γγ) Р у к а.

Стр. 29. — Ad. I. Извѣстная, кажется, на всѣхъ европейскихъ языкахъ — я засталъ ее на около 25 языкахъ и говорахъ — пословица — рука руку моетъ (т. е., услуга за услугу) приписывается очень древнему писателю, именно, Епихарму, представителю дорическо-сицилійской комедіи, жившему за 500 лѣтъ до Р. Хр.: въ числѣ незначительныхъ фрагментовъ, уцѣлѣвшихъ отъ его комедій, находится это знаменитое изрѣченіе — ‘Α δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίξει. О принадлежности этого изрѣченія Епихарму мы имѣемъ два свидѣтельства, ³⁾ которыя, впрочемъ, нельзя назвать вполне авторитетными: одно находится въ позднѣйшемъ сборникѣ пословицъ — Апостолія — Арсенія (ср. тексты): ‘Α δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίξει. *Επὶχάρμων ἀπόφθεγμα κατὰ φιλαγύρων (т. е. „изрѣченіе Епихарма противъ людей падкихъ на деньги“). Латинская версія —

1) Снегиревъ I 80.

2) Тимошенко стр. 34.

3) Тамъ же стр. 35.

manus manum lavat — встрѣчается у писателей сравнительно позднѣйшихъ (I вѣка по Р. Хр.), именно, у Сенеки и Петронія, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она употребляется и у другихъ народовъ.¹⁾ „Eine Gefälligkeit hat eine andere zur Folge. Oft auch: die unerlaubte Handlung des einen bleibt in Folge der unerlaubten Handlung des andern ungestraft, indem keiner den andern verräth. Негры въ Суринамѣ говорятъ: Правая рука моетъ лѣвую руку, лѣвая рука моетъ правую руку. Почти тотъ же самый смыслъ выражаетъ другая изъ ихъ пословицъ: Одна рука можетъ мыть своей верхней части и нога не можетъ итти одна.²⁾

Смп. 31. — Ad. 3. Vēnu ranku glosto, antru peš. Одною рукою гладить, другою — драть, бить, значить очень дипломатически поступать.

ηη) Сердце.

Смп. 31. — Ad. 1. Aš negaliu nei į vėną įlisti; лат.: Ēšk nevēna cilēka nevar ēkšē ēlist (Нельзя влѣзть ни въ одного человѣка); по-русски: Нельзя влѣзть въ душу человѣка, т. е., не возможно его вполне знать, „ihn ganz kennen lernen“.³⁾

θθ) Кости.

Смп. 32. — Ad. 1. Šiluma kāulus nelāuž; Паръ костей не ломить; Wärme bricht kein Bein, aber die Kälte. „Man will damit sagen, dass Wärme keinen Schaden thue. Im Winter bricht man bei der Erstarrung der Glieder, wie auf dem eisigen Boden leichter ein Bein, als im Sommer“.⁴⁾ — Благодаря холоду нѣмбють, цѣпенбють члены, т. е., холодъ ломить кости, а не теплота, паръ.

β) Различныя дѣйствія человѣка.

Смп. 33. — Ad. 3. Trūdna prēš ākstinaš spārdyt (Трудно итти противъ рожна). „Сія метафора заимствована отъ быковъ, погоняемыхъ острымъ рожномъ (βούχεντρον), встрѣчается въ св. Писаніи, въ Дѣян. Апост. IX, 5 „Жестоко ти есть противу рожну прати“⁵⁾, у Пиндара (ποτὶ χέντρον λατίζειν), у

1) Тамъ же стр. 35.

2) Wander II 298 № 123.

3) Schleicher, Lit. Märch., Sprichw. etc. p. 172.

4) Wander IV 1785, 2.

5) Снегиревъ I 83.

Теренція (contra stimulum calcitrare) и у другихъ писателей. „Самъ Спаситель обратился къ апостолу Павлу со словами Теренція (Durum est tibi contra stimulum calcitrare), и не взялъ ихъ у него, а попустилъ Теренція изречь то-же, что и Онъ“. ¹⁾ По В. Борхардту, считавшему эту поговорку поговоркою, она значить „hartnäckig, halsstarrig, starrköpfig sein; zu seinem eigenen Schaden widerstreben, vergeblichen Widerstand leisten“. — Es bedeutet soviel wie mit den Füßen ausschlagen; die ganze Wendung stammt aus Apostelgesch. 9, 5, und ist ein im Alterthum oft gebrauchtes Bild aus dem Landleben: der Ochse, der den Pflug zieht, schlägt gegen den Stachel ²⁾ aus, mit dem ihn der Treiber anspornt, verwundet sich aber dadurch desto heftiger. Burkhard Waldis reimte:

Die sich wölln wider Gott auff lenen
Und widern scharffen stachel lecken:
Den bleibt er in der fersen stecken.

Эта же картина встрѣчается уже у Теренція, Плавта, Аммиана и еще чаще. И греческіе поэты и прозаики знаютъ поговорку *πρὸς κέντρον* (или *κέντρα*) *λαχτίζειν*, какъ мы это уже видѣли и еще разъ увидимъ. „Трудно противу рожна прати“ — по мнѣнію Тимошенко — поговорка, вошедшая въ нашъ живой русскій языкъ, безъ сомнѣнія изъ славянскаго перевода Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ она приводится при описаніи обращенія Савла (Дѣян. Ап. IX 5 и XXVI 14): жестоко ти есть противу рожну прати, греч.: *σκληρόν σοι πρὸς κέντρα λαχτίζειν*. Эта поговорка „принадлежитъ къ очень древнимъ и произошла отъ обыкновеннаго въ древности способа погонять быковъ острымъ шестомъ или стрекаломъ (*κέντρον*, stimulus, роженъ): отталкивая ногою стрекало, быкъ ранилъ самого себя. Въ житейскомъ смыслѣ поговорка означаетъ: идти противъ сильнаго, или бороться противъ общаго теченія, значить ухудшить свое положеніе.“ Эразмъ пишетъ adag. I 3, 46: *contra stimulos jactare calcem est frustra repugnare iis, quos vincere nequeas, aut eos provocare, qui lacesciti noceant,*

1) Л. Н. Веселовскій „Боккаччіо о мифологіи и поэзи.“ Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г. Апрель. Стр. 285.

2) „Unter diesem Stachel (hebr. malmel) ist der Ochsenstecken oder Reitel zu verstehen.“ Cp. Dr. H. Schraders „Der Bilders Schmuck der deutschen Sprache in Tausenden volksthümlicher Redensarten.“ Weimar 1894, p. 154.

aut reluctari fatis et incommodum, quod evitare non queas, impatienter ferendo non solum non effugare, verum etiam conduplicare. Древнѣйшіе литературные источники ея — Эсхилъ (Agamemn. 1616, 1624) и современникъ его — Пиндаръ. Затѣмъ она встрѣчается у Еврипида (Bacch. 794, 795) и позднѣе во всѣхъ почти сборникахъ пареміографовъ.¹⁾ У римлянъ — contra stimulos calces (или calcitrare) была также употребительная поговорка, безъ сомнѣнія, какъ переводъ греческой: въ первый разъ она встрѣчается у Теренція, любившаго пересаживать греческія выраженія на римскую почву, въ слѣдующемъ видѣ: Namque inscitia est adversus stimulum calces (scil. rejicere), въ Phormis 1, 2, 28) или: advorsum stimulum calces (Ter. Phorm. 78), между тѣмъ какъ до него Плавтъ, передѣлалъ ее по своему: si stimulos pugnīs caedis, manibus plus dolet (Plaut. Truculentus IV 2, 55; 768), т. е., „если кулакомъ ударить по рожну, больше боли причинишь рукамъ.“²⁾ — Мы имѣемъ эту пословицу здѣсь въ одиннадцати языкахъ.

Смп. 36. — Ad. 8. Neléksi pīm ōeso. Ты хочешь летѣть прежде, нежели у тебя доросли крылья. „Fliegen wollen, ehe die Federn gewachsen sind. S. v. w. etwas thun wollen, ehe man die Kräfte dazu hat; von den jungen Vögeln entlehnt.“³⁾

Смп. 38. — Ad. 15. Tēk ējus, tēk nējus. Вышло безъ всякаго результата. „Es geht nicht immer, wie man will.“⁴⁾

Смп. 39. — Ad. 22. Kur ūra, ēe ir būra; лат.: Kur ir, tur rūdas. Wo was ist, da rieselt was. Эти пословицы, по мнѣнію Вандера, выражаютъ: „wo in einem Hause Ueberfluss herrscht, da fällt auch für andere etwas ab. Das Bild ist von dem aus Aehren ausfallenden Getreide hergenommen. Will man in einem Hause herrschenden Ueberfluss bezeichnen, so sagt man: Da rieselt das Korn die Treppe herunter.“⁵⁾

Смп. 40. — Ad. 24. Daŭg klausŭk, māž kalbēk; Болѣй слухай, а менѣй говори. „Наставленіе быть внимательнымъ.“⁶⁾

1) Ср. Apost. XIV 100: Πρὸς κέντρα λακτίσεις. Προφάσεως δέσται μόνου ἡ παρομοία: ἐπὶ τῶν ἑαυτοὺς βλαπτόντων.

2) Тимошенко стр. 40, № 48. — Wustmann p. 450 и 451.

3) Wustmann p. 134, № 326.

4) Schleicher p. 160.

5) Wander IV 1795, 55—58.

6) Носовичъ стр. 8.

Еврейская пословица гласитъ : Слушай тысячу разъ, а говори только одинъ разъ.¹⁾

Стр. 41. — *Ad.* 27. Kàs miltus vartó, miltûts gâl búti. Этой пословицѣ соотвѣтствуетъ русское изреченіе: Съ кѣмъ повѣдешься, отъ того и наберешься. По-нѣмецки: Sage mir, mit wem du umgehst, so werde ich dir sagen, wer du bist.

— *Ad.* 28. Kaip moku, teip šoku; лат.: Ká máku, tá daru. „Кто какъ знаетъ, такъ и тачаетъ. Всякъ мастеръ на свой ладъ.“ — Или: „Кто какъ знаетъ, такъ и гадить. Всякъ на свой салтыкъ.“²⁾

— *Ad.* 29. Sávo kàsgi nāsta nešióti tûrim; нести крестъ свой; Sein Kreuz tragen. „S. v. w. sein Unglück ertragen. Von dem Kreuze Christi, das er selbst zur Richtstätte tragen musste. Joh. 19, 17: И, неся крестъ свой; далѣе Matth. 10, 38: и кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за мною, тотъ не достоинъ Меня; также глава 16, 24; Marc. 8, 34; 10, 21; Luc. 9, 23; 14, 27.

„Von eigenthümlicher Art ist die Symbolik des Kreuzes. Zu einer Art Martertod verwendet, war es ursprünglich das Zeichen der Qual, des Leidens und Sterbens; dann, als Christus am Kreuz gestorben war, wurde es ein Zeichen der Erlösung, der Unsterblichkeit selbst, und als solches wurde es ein Symbol der Hoffnung. Als Sinnbild der Hoffnung auf die Unsterblichkeit wird es für Grabdenkmäler verwendet und so wiederum ein Symbol des Todes selbst.“³⁾ — Какъ видно выше изъ текста, — рядомъ съ крестомъ, cruz, croix etc. встрѣчаются и nāsta, nasta, Last, byrda etc.

Стр. 42. — *Ad.* 30. Nebrideš nežinosi, ar gilei ура. „Попытка не пытка (шутка), а спросъ не бѣда“;⁴⁾ иначе не узнать, въ чемъ дѣло.

— *Ad.* 31. Kàs kām kitām dābe kāsa, pāts ī tā īpūla; лат.: Kas citam bedri rok, pats eekrit; Кто намъ яму вырывалъ, самъ ея не миновалъ. Wer ander fordert, wird geschlagen, und wer eim andern gräbt ein Loch, der muss darin abstürzen noch. Въ Провансѣ говорятъ: Кто вырываетъ сосѣду яму, самъ въ нее впадаетъ. Персіяне говорятъ: Яма на дорогѣ

1) Wander II 776, 17.

2) Даль стр. 460.

3) Wustmann p. 279 № 699.

4) Павловскій I 835.

того, кто ее вырываетъ. Албанцы: Кто другому роетъ яму, часто самъ впадаетъ въ нее. Еврейская пословица имѣетъ тотъ же самый смыслъ: Кто сосѣду ломаетъ заборъ, того жалить змѣя. Турки: Онъ упалъ въ яму, которую онъ вырывалъ другому.¹⁾ Татарская пословица: „Ежели копаешь колодезь для другихъ: то самъ же попадешь въ оный.“²⁾ „S. v. w. anderen eine Falle stellen, sie in Schaden zu bringen suchen.“³⁾ Первоначальный источникъ этой пословицы — библія.⁴⁾ Prov. Sal. 26, 27: Кто роетъ яму, тотъ въ нее ввалится. Псал. 7, 16: „Ровъ изры, и искона ѿ, и падетъ въ яму, юже содѣла“ („Er hat eine Grube gegraben und ausgeführt, und ist in die Grube gefallen, die er gemacht hat“). Ср. Ps. 35, 7; 9, 16: Iuc. Cip. Прем. 27, 29: Ископоваяй ровъ, впадется в онъ, и распростираяй сътъ, оувязнетъ в ней. Поученіе Лоуки Архіеп. XI вѣка. „Подъ братомъ ямы не рой, да тебе Богъ въ горшая той не вринетъ.“⁵⁾ Около XII столѣтія эта пословица встрѣчается въ устахъ нѣмцевъ, напр. (у Spervogel'a):

vil dicke er selbe drinne lit,
der dem andern grebt die gruoben.

„Auf einer Denkmünze von 1612, die auf die Entdeckung einer von den Bürgermeistern Canter und von Helsdingen angestifteten Verschwörung in der Provinz Utrecht geschlagen wurde, befindet sich vorn das Bild zweier Grabenden (1610) mit der Umschrift: Foveam foderunt, auf der Kehrseite sieht man beide Männer rückwärts in die Grube hineinfallen und die Umschrift (1611): In eam inciderunt.“⁶⁾ Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein. — „Hier ist an die Höhlen oder Vertiefungen zu denken, die man zum Fang wilder Thiere gräbt, also an Löven-, Bären- und (in unseren Landen zunächst) Wolfsgruben.“⁷⁾ Кто намъ яму вырывалъ, самъ ея не миновалъ. „Говорятъ тѣмъ, которыхъ подозрѣваютъ въ недоброжелательствѣ.“⁸⁾

1) Wander II 153, 6

2) Снегиревъ 63, 17.

3) Wander II 153, 6.

4) Wander ibid. — Тимошенко стр. 170.

5) Снегиревъ I 52.

6) Wustmann p. 185 № 472.

7) Schrader p. 404, 84.

8) Носовичъ стр. 176.

Стр. 43. — Ad. 32. Ko sau nenori, to ir kitam nelinkėk; лат.: Ko pats negribi nedari citam. Наставление или „основное правило христианской морали“, вошедшее въ число нашихъ пословицъ, образовалось на основаніи евангелическихъ словъ (Matth. 7, 12; Luc. 6, 31); болѣе древніе слѣды встрѣчаются Tob. 4, 16. По формѣ своей русская пословица „Чего себѣ не хочешь, того и другому не твори“ соотвѣтствуетъ латинской сентенціи: quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris, которую императоръ Александръ Северъ (умеръ 235 до Р. X), по словамъ своего историка, Лампридія, услышалъ „отъ Іудеевъ, или отъ Христіанъ (тѣхъ и другихъ язычники, какъ извѣстно, смѣшивали) и часто любилъ повторять, даже велѣлъ начертать ее во дворцѣ и на общественныхъ зданіяхъ, (Lamprid. Alex. Sev. 51).¹⁾ Въ нѣмецкомъ эта пословица имѣетъ еще слѣдующій вариантъ: Was du von andern ungern hast, damit du niemand überlast. Татары говорятъ: Если ты хочешь, чтобы не вломились въ твой гаремъ, то не ломай ворота другого.²⁾

Стр. 44. — Ad. 35. Nesejēs nepiausi. Хотя эта пословица на каждомъ въ текстахъ встрѣчаемомъ языкѣ имѣетъ по формѣ свой особенный оттѣнокъ, тѣмъ не менѣе въ ея общемъ происхожденіи нѣтъ сомнѣнія. „Жнешь гдѣ не сѣялъ (Даль 672), говоримъ мы охотнику пользоваться плодами чужихъ рукъ, заимствовавъ его выраженіе изъ Евангелія (Лук. 19, 21 *θερίζεις δ' οὐχ ἔσπειρας*, срв. Матѳ. 25, 24); но евангельское изрѣченіе представляетъ старинную поговорку, очень распространенную у грековъ“ — *ἀλλότριον ἀμῶς θέρος*: ἐπὶ τῶν τὰ ἀλλότρια καρπουμένων (Масар. I 81); *Ἀλλότριον ἀμῶς θέρος*: ἐπὶ τῶν κατολιγωρούντων ἐν τοῖς ἀλλοτρίοις ἢ τὰ ἀλχότριχ καρπούντων (Apost. II 37 и 51); далѣе, параллельныя выраженія, напр.: *Ἄλλοι μὲν σπεύρουσιν, ἄλλοι δὲ ἀμύσουσιν*: ἐπὶ τῶν οὐχ ἑαυτοῖς, ἀλλ' ἑτέροις ποιοούντων (Масар. I 78); *Ἄλλοι μὲν σπεύρουσι, ἄλλοι δ' ἀμύσουται*: ἐπὶ τῶν τὰ ἀλλότρια ἐσθιόντων (Apost. 24). *Ἀλλότριον ἀμῶς θέρος*, „жнешь чужую жатву, начало которой восходить къ отдаленной древности; уже Аристофанъ знаетъ ее τ'ἀλλότριον ἀμῶν θέρος (Arist. Equ. 392), но древнѣйшимъ источникомъ пословицы служить Θεογονία Гесіода, гдѣ встрѣчается стихъ: *ἀλλότριον κάματος*

1) Тимошенко стр. 145, № 236. — Wander V 389, 38.

2) Wander ib.

σφετέρην ἐς γαστέρα ἄρῳνται (Hesiod. Theog. 599), т. е. „чужой трудъ они пожинають для собственнаго чрева.“¹⁾

Смр. 45. — Ad. 36. Kam nijžt, tas kasos; лат.: Lai kasās, kam āda neez; у кого свербитъ, тотъ и чешись. „Wer sich getroffen findet, der mag es haben; es geht den an, der sich fühlt.“²⁾

— *Ad. 37.* Kaip pasiklosi, teip ir išmėgosi; Какъ постелешь, такъ и выспишься. Эта пословица выражаетъ приблизительно то же самое, что: По работѣ и плата (ср. выше стр. 36, 9) и: Какъ посѣешь, такъ и пожнешь (ср. стр. 49, № 46). „Якъ посцелишь, такъ и выспишься. Говорятъ въ наставленіе поступать во всемъ благоразумно.“³⁾ — Ср. стр. 34, 4 и 51, № 49.

Смр. 46. — Ad. 38. Kūrs pikī nutver, susimūrķtīn; лат.: Kas pikī āztēk, tas nūsmērejās; польск.: Kdo się dotyka smoły, zmaże się od niej. Это — очень распространенная пословица. Она встрѣчается у славянъ, балтовъ, германцевъ и романцевъ. Я нашелъ ее на двадцати языкахъ. Еще въ древнѣйшихъ историческихъ документахъ человѣческаго рода упоминается о смолѣ. Она примѣняется уже при строеніи Ноева ковчега (1. Моис. 6, 14) и ковчегъ, въ которомъ Моисея подкинули въ Нилъ, былъ заклеенъ смолою (2. Моис. 2, 3).⁴⁾ — „Wenn es heisst: wer Pech knetet, klebt seine eigenen Hände zusammen, so bedeutet das: wer sich in fremde schmutzige Händel einlässt, wird leicht in Mitbetheiligung hineingerissen, kann sich selbst von Schmutz nicht völlig rein halten.“⁵⁾ — „Auch der blosse Unverstand klebt wie Pech am Menschen und kann auch oft nicht durch das siedende Wasser des Unglücks von ihm losgeweicht werden.“⁶⁾ Въ бѣлорусскомъ говорятъ о безотвязномъ просителѣ: „смола смолою привязався.“⁷⁾ Османы говорятъ: Отставать отъ грязнаго, ибо грязное мараеть. По-венгерски: A' ki szurokkal bānik, megszurkollya magát.⁸⁾

Смр. 47. — Ad. 39. Pikts davēs, pikts nedavēs. Шлейхеръ переводить: „Schlecht ist er, wenn er gegeben, schlecht

1) Тимошенко стр. 15, № 17.

2) Wander II 1028, 19.

3) Носовичъ стр. 196.

4) Schrader p. 426.

5) Ibid p. 428

6) Wander III 1200, 15.

7) Носовичъ стр. 151.

8) Wander III 1201, 15.

ist er, wenn er nicht gegeben“.¹⁾ По моему мнѣнію эта пословица выражаетъ: то, что злой даетъ, не имѣетъ никакого значенія, т. е., соотвѣтствуетъ тому обстоятельству, какъ будто онъ ничего не далъ. По крайней мѣрѣ лат. пословица *Jauns devis, jauns nedevīs* означаетъ это. На другихъ языкахъ вмѣсто соотвѣтствій встрѣчаются лишь варианты, какъ-то: латинск.: *Bis dat, qui cito dat* (Erasm. adag. I 8, 91). Русская пословица — „Дорога милостыня во время скудости“ (Даль 752) напоминаетъ извѣстное изрѣченіе Публилія Сира: *Inopī beneficium bis dat, qui dat celeriter* (Publ. Syr. sent. 235), но малорусская параллель — „хто сразу дав (или хто в віді дав) той два рази дав“²⁾ представляетъ довольно близкій переводъ латинской сентенціи.³⁾ Параллели изъ другихъ языковъ: нѣм.: *Wer bald gibt, der gibt doppelt*; голл.: *Hij geeft tweemaal, die een ding in tijels geeft*; датск.: *Snart givet er dobbelt givet*; средне-верхне-нѣм.: *Swe schiere gît dârnach sô man sîn gert, als ich die wîsen hoere jehen, diu gâbe ist meneger gâbe wert*; англ.: *He gives twice, that gives in a trice*; франц.: *Qui donne tôt (promptement), donne deux fois*; итальянск.: *Chi dà presto, dà il doppio*; испанск.: *Quien da presto, da dos veces*.⁴⁾ Чешскую, польскую и сербскую параллели можно найти у Челяк. 45.

Стр. 48. — Ad 42. *Gera preke pati savi gir*; Хорошій товаръ самъ себя хвалитъ. Португалець говоритъ: *Ao bom rappto na arca lhe sahe o amo* (Хорошій платокъ собственникъ и въ сундукѣ сбываетъ съ рукъ).⁵⁾ — „Говорятъ въ одобреніе какого либо издѣлія.“⁶⁾

— *Ad. 43.* *Eimī savē rōdyt, kitā žiurēt*; себя показать, т. е., уборъ, и другихъ посмотрѣть. Такъ говорятъ, когда собираются отправиться въ гости и не могутъ хорошо нарядиться. Здѣсь кроется извѣстная иронія, направленная противъ такихъ людей, которые вслѣдствіе досуга и праздности не знаютъ, что дѣлать.

— *Ad. 44.* *Bloga sēkla ir nesēta aug, o geroje ir pasējus neaug.* Плохія сѣмена растутъ и, когда они не посѣяны, а

1) Schleicher p. 177.

2) Номіс. Украинські приказки 2322.

3) Тимошенко стр. 108 № 155.

4) Wander I 1367, 3 и 4; 1373, 164.

5) Cp. Düringsfeld I 341.

6) Носовичъ стр. 190.

добрыя не растутъ, когда они и посѣяны. Эта пословица сложилась только на лит. и лат. языкахъ и Шлейхеръ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ; она слагалась, повидимому, независимо отъ изреченія въ св. Писаніи (Matth. 13, 24—27), гдѣ человѣкъ посѣялъ доброе сѣмя на полѣ своемъ; когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы. Здѣсь сѣютъ оба, доброе сѣмя и плевелы, и растутъ вмѣстѣ то и другое. Напротивъ, по нашей пословицѣ, плевелы растутъ, хотя они вовсе не посѣяны, и доброе сѣмя не растетъ, хотя оно посѣяно и заботятся о немъ. По этому дано ученіе, что злое скорѣе распространяется и процвѣтаетъ, чѣмъ доброе. Иначе по притчѣ въ св. Писаніи. Тамъ должно „расти вмѣстѣ то и другое до жатвы.“ Доброе и злое должно остаться до страшнаго суда.

Стр. 49. — Ad. 46. Кѣк сѣсі, тѣк ріаузі; Что посѣешь, то и пожнешь. Эта пословица встрѣчается на 21 языкахъ. Древнѣйшіе литературные источники ея — Платонъ и Аристотель. У Платона читаемъ: *ποῖόν τινα ὀεί μετὰ ταῦτα τὴν ῥητορικὴν καρπὸν ὧν ἔσπειρε θερίξειν* (Phaedr. 260 D); у Аристотеля: *σὺ δὲ ταῦτα ἀσχυρῶς μὲν ἔσπειρας, κακῶς δὲ ἐθέριας* (rhet. III 3, § 4). Далѣе, слѣды этой пословицы находятся у Ап. Павла, какъ-то: *ὁ γάρ ἐν στείρῃ ἀνδρωπος, τοῦτο καὶ θερίξει*. Позднѣ эта пословица приводится у византійскаго писателя М. Глики¹⁾: *Καθεὶς κομῆται ὡς ἔσπρωσεν, ὡς ἔσπειρε θερίξει* и у пареміографовъ, Григорія Кипрскаго (cod. Leid. II 57)²⁾ и Макарія (см. тексты). У послѣдняго съ объясненіемъ: *ἐπὶ τῶν τοιαῦτα πασχόντων, οἷα ἔδρασαν*. Латинскую версію между прочимъ даетъ Цицеронъ (см. тексты). „Што посѣешь, то и пожнешь. Добрымъ дѣламъ добрая и слава.“³⁾ — Jeder muss die Folgen seiner Handlungen tragen.“⁴⁾ „Während das römische Reich dem die Ernte zuspricht, dem Grund und Boden gehört, hat man, wie dies Sprichwort zeigt, in Deutschland den Grund nicht als die Hauptsache angesehen, sondern die geschene Arbeit, die angewandten Kosten und Mühen für höher als den Werth des Ackers gehalten und daher die Ernte dem zugesprochen, welcher den Acker bestellt und besäet hat. In unseren Tagen hat das Sprich-

1) Тимошенко стр. 150, № 250.

2) Тамъ же стр. 60 № 79.

3) Носовичъ стр. 189.

4) Wander III 1827, 46.

wort diese Bedeutung verloren. Wer auf fremdem Boden ernten will, muss ihn nicht nur bestellen, sondern pachten und dafür das Pachtgeld bezahlen.¹⁾ Ср. стр. 277. — Ad. 37.

Смп. 50. — Ad. 47. Su siulu atrasi ir kamūļi. Варианты: лат. Kur káts, tur ar' cirvis (Гдѣ топорище, тамъ и топоръ); русск.: Гдѣ рука, тамъ должна быть и голова. Болѣе лит. и лат. текстамъ соотвѣтствуютъ русск.: Куда иголка, туда и нитка, а именно нѣм. пословица (см. тексты). Стендеръ объясняетъ лат. пословицу (см. тексты), что она значить: „Wo ich meinen Zaum finde, da muss auch das Pferd seyn.“²⁾ Бѣло-русск. „По ниточцѣ клубочикъ находзюць,“ соотвѣтствующую лат. Kur pavedēns, tur kamoļam vajag bût, Носовичъ объясняетъ: „По поводамъ и признакамъ доходятъ до виновника дѣла.“³⁾ Это несомнѣнно очень старинная пословица, происшедшая изъ народныхъ сказокъ. По одной латышской народной сказкѣ народный герой получаетъ отъ вѣдьмы (spīģana) клубокъ. Онъ бросаетъ этотъ клубокъ на землю и, держа нитку въ рукѣ, слѣдуетъ за его катаніемъ и достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли (ср. Needrischu Widwuds XII 175 и слѣд.). Надо сравнить здѣсь и греческое преданіе о ниткѣ Аріадны, благодаря которой Тезей нашелъ выходъ изъ лабиринта (см. нѣм. текстъ). Къ этому относитъ Шрадеръ и нѣм. поговорку „Es reisst der Faden der Geduld, Andacht“ etc.⁴⁾

— *Ad. 48.* Senā skylē, naujē siulē; sēns vyrs, jaunā pati (Старая дыра, новый шовъ; старый мужъ, молодая жена). Здѣсь собственно соединены двѣ пословицы, объясняющія другъ друга. Въ латышскомъ это — также. Напротивъ нѣм. пословица Altes Loch und neue Nath, selten gerath оказывается только вариантомъ. Она принадлежитъ къ типу дефектной богатой формы, гдѣ правая половинка дефектна, между тѣмъ какъ здѣсь лит. и лат. пословицы, такъ сказать, двойныя, т. е., представляютъ соединеніе двухъ паремій въ нормальной богатой формѣ.

Смп. 51. — Ad. 49. Kaip kas šauk, teip ir atsilijp; Каково

1) Ibid. p. 1828, 63.

2) Stender p. 247.

3) Носовичъ стр. 133.

4) Schrader p. 382, 67.

аукнешь, таково и откликнется. „За вѣжливость платять вѣжливостью, а за дерзость дерзостью.“¹⁾ Ср. стр. 63, Клинь.

Стр. 52. — Ad. 53. Эти пословицы, имѣющія всѣ въ средне-верхне-нѣмецкомъ, нѣм., голл., французскомъ и латинскомъ значеніе: Кто имѣеть, тому дають, — упоминають объ изреченіи въ св. Писаніи: Кто имѣеть, тому дають, чтобы онъ имѣлъ больше. Напротивъ литовско-латышская пословица имѣеть здѣсь немного иной смыслъ: *Kas tur, tam ir reik* (Кто имѣеть, тому и нужно).

Стр. 53. — Ad. 54. *Kàs nenór trečóko, tàs negaús šeštóko* (Кто не бережетъ дрейера, тотъ не получитъ зексера). „Любимою поговоркою великаго хозяина въ нашемъ отечествѣ Петра I была: Кто не бережетъ копейки, тотъ самъ не стоить рубля.“²⁾

Стр. 54. — Ad. 57. *Kėnó valiė, to ir teisýbė* (у кого власть, у того и правда). „Сильные пишутъ правду, а чья сила, по Русской пословицѣ, того и воля.“³⁾ — „*Er macht sich das Recht oder lässt es sich machen, wie er es eben bedarf.*“⁴⁾ — Значить какъ разъ: „*Macht geht über (vor) Recht*“; датск.: *Magten gaaen ofte for retten og kunsten*. Это служитъ паролемъ такъ называемыхъ реальныхъ политиковъ и консервативной партіи (*Das ist das Losungswort der sogenannten Realpolitiker und des konservativen Lagers*).⁵⁾ Но рядомъ съ этимъ узнали и высказали: *Macht ist nicht immer Recht*; голл.: *Geweld is geen regt*; франц.: *Force n'a pas droit*.⁶⁾

Стр. 55. — Ad. 60. *Çe žodis, ėe ir dárbas* (Вотъ слово, вотъ и дѣло). „*Auf das Wort folgt die Tat.*“⁷⁾ — „*Ἄμ' ἔπος ἀμ' ἔργον: ἐπὶ τῶν ταχέων καὶ ὀξέων εἴληπται.*“⁸⁾ „О скорости дѣла — сказано и сдѣлано: *λεχθὲν καὶ πραχθὲν*; въ такомъ же смыслѣ употребляетъ и Теренцій: *dictum ac factum*“;⁹⁾ лат.: *teikts, darits, var.*: *tē vīrs, te vārds*; чешск.: *muž slovo*; нѣм.: *Ein Mann, ein Wort; ein Wort, ein Mann*. Эта пословица имѣеть

1) Носовичъ стр. 193.

2) Снегиревъ II 141.

3) Тамъ же III 72.

4) *Wander* III 306, 18.

5) *Ibidem*.

6) *Wander* III 306, 18.

7) *Nesselmann* p. 127.

8) *Diogen* I 36.

9) Снегиревъ I 87 и 88.

двойное значеніе, именно, что двуязычность не соответствует чести мужа и, наоборот, что это для него честно, что ему приходится имѣть слово тамъ, гдѣ нужно просить слова, и что вмѣстѣ съ тѣмъ это его обязанность требовать слова. Wer ein Mann ist, dem gebührt das Wort. — „Das Sprichwort hat in den Ordalien seinen Entstehungsgrund. Man brauchte anfangs, um die Wahrheit einer Aussage zu bestätigen, nur das Zeugnis eines Freundes, der sich für die Wahrheit mit seinem Ehrenwort verbürgte, daher das obige Sprichwort. Allmählich artete der deutsche Charakter aus; man verbürgte endlich um seines Vortheils willen auch Unwahrheiten. Um davor abzuschrecken, führte man die Gottesurtheile oder Ordalien ein.¹⁾ — A Mann a Wort oder a Hundsfoth“;²⁾ голл.: Een man — een man, een woord — een woord; шведск.: En karl star wid sina ord; англ.: An honest man's word, is as good as his bond; франц.: Honnête homme ne manque jamais; Un homme l'honneur n'a qu'une parole; латинск.: Verbis opera concordare debent. Османцы говорятъ: Будь человѣкъ слова! И: кто не человѣкъ слова, тотъ никакой человѣкъ.³⁾

γ) Одежда.

αα) Рубашка и сюртукъ.

Стр. 56. — *Ad. I.* Баски говорятъ: Рубашка прикасается ко мнѣ, но плоть ближе. Португальцы: Рубашка мнѣ близка, а моя кожа ближе. Сарды: Прежде плоть, а потомъ рубашка. — „Die Beförderung der eigenen Wohlfahrt geht der Sorge für fremdes Glück vor. Man hat bloß durch dies Sprichwort anzeigen wollen, dass jeder Mensch die Pflicht habe, die eigene Erhaltung der Erhaltung anderer vorzuziehen (Rechtfertigung der Nothwehr) und dass die Sorge für entferntere Anverwandte und Freunde stets der für näherstehende untergeordnet werden müsse. Erst die Hilfsbedürftigen des Ortes unterstützen, dann Collecten für die Südseeinsulaner.“⁴⁾ — У Плавта (Trin. 1154) встрѣчается proverbialное выражение: tunica propior pallio est, соответствующее нашей поговоркѣ: рубашка ближе къ плечамъ, чѣмъ кафтанъ. Судя по контексту,

1) Wander III 394 № 729 и 730.

2) Ibid. p. 361, 2.

3) Wander III 394 № 730.

4) Wander II 499, 3; 500, 8, 12, 14 и 27; 503, 99.

можно догадываться, въ какомъ смыслѣ плавтовскій Лисительсь употребилъ это выраженіе; онъ хотѣлъ сказать, что изъ двухъ лицъ одно ближе къ намъ, чѣмъ другое, напр. родственникъ ближе посторонняго.“ Современные пословицы (см. тексты), „употребляются въ томъ смыслѣ, что личный нашъ интересъ для насъ дороже, чѣмъ интересы другихъ лицъ. Отсюда, вѣроятно, произошла и другая наша поговорка: своя рубашка къ тѣлу ближе, въ которой рубашка замѣнила шкуру: своя шкура къ тѣлу ближе (Даль IV 658). Греки ту же мысль выражали въ другой формѣ: *Γόνυ κνήμης ἔγγιον* (колѣно ближе голени).¹⁾

βγ) III у б а.

Смр. 57. — Ad. 1 Svetimi kailinei nešildo; лат.: Svešs kažoks nesilda; еврейско-нѣмецкій жаргонъ въ Варшавѣ: A fremder Pelz warmt nit — означаютъ, что заимствованныя вещи не доставляютъ никакой постоянной пользы; по-бѣлорусски: Чужое не грѣецъ.

— *Ad. 2.* Ten šauns vilks i avies kaili isisiautęs; Pelle sub agnina cordia lupina latent. Для этой пословицы служить, по всей вѣроятности, источникомъ Matth. 7, 15: *Προσέχετε δὲ ἀπὸ τῶν ψευδοπροφητῶν, οἵτινες ἔρχονται πρὸς ὑμᾶς ἐν ἐνδύμασι προβάτων, ἔσωθεν δὲ εἰσι λύκοι ἀρπαγες.*

— *Ad. 3.* Ļask ūteles i kailinus (Lass die Läuse nur in den Pelz), т. е., берегись впустить вошь въ шубу, она больше не выйдетъ, „sie gehen nicht wieder hinaus.“²⁾ Такъ говорятъ о плохихъ, нахальныхъ людяхъ, съ которыми не слѣдуетъ связываться; ибо они какъ разъ какъ вошь въ шубѣ (kā utes kažokē). Въ ново-изданномъ трудѣ Вильг. Борхардта прибавлено къ поговоркѣ Einem eine Laus in den Pelz setzen объясненіе: „So viel wie ihm einen kleinen, aber ärgerlichen Schaden zufügen, auch: ihm etwas weiss machen, ähnlich wie: einem einen Floh ins Ohr setzen. — In Murners „Schelmenzunft“ beginnt das 17. Kapitel „Leuss in beltz setzen“ mit den Versen:

Es wor nit not, als ich das schetzen,
Schiltecht leuss in beltz zu setzen:
Sy wachsendt selber dryn zu handt !

1) Тимошенко стр. 99.

2) Bezzenberger, Lit. Forsch. p 50.

Das muss auf einem Sprichwort beruhen, vgl. die Zimmerische Chronik III, 60: „man darf keine leus in belz setzen, dann sie wachsen für sich selbs.“ Wer sich selbst eine Laus in den Pelz setzt, lädt sich eine Beschwerde auf seinen eigenen Hals, bindet sich selbst eine Rute.)

77) Лапти, сапоги.

Стр. 58. — Ad. 1. Лапти — первобытная обувь литовцевъ и латышей. Здѣсь надо имѣть въ виду не только то, что старинное, собственное по привычкѣ дороже чужого, необычайнаго, но и то, что при нѣкоторыхъ сельскихъ занятіяхъ, напр., на пастбищѣ, на охотѣ, именно, гдѣ у болотистыхъ озеръ приходится подстерегать дикихъ птицъ, на самомъ дѣлѣ лапти превосходятъ сапоги: *Vyža batus praguven*.

77) Молоко.

— *Ad. 2.* *Is ožio ne rėno, ne vilnos.* Пословица — „поговорка“ — доить козла; какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока. Въ русской литературѣ эта поговорка встрѣчается уже въ „Моленіи Даниіла Заточника“ (XII—XIII стол.): не ѣдалъ есмь... отъ козла млека (по изд. Ундальскаго). Далѣ вмѣсто козла, у русскихъ ради риѣмы говорится про быка: захотѣлъ молочка отъ бычка и т. п. (Даль II 340). Пословица эта ведетъ начало, какъ кажется, изъ греческихъ источниковъ; по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ сборникахъ приводится выраженіе *τράγον ἀμέλγειν*; у Апостоля съ объясненіемъ: *ἐπὶ τῶν ἀνάρμοστών τι ποιοῦντων καὶ ἀνόητον ὄθεν καὶ Διογεμανὸς πότερον ὁ τὸν τράγον ἀμέλγων ἢ ὁ τὸ χόσκινον ὑποτιθεῖς ἀφρονέστερος*; ²⁾ она употребляется для означенія глупаго и безплоднаго занятія. Изъ писателей греческихъ пословицу эту приводитъ только Лукіанъ въ жизнеописаніи Демонакта (*Vita Demonactis*); „увидѣвъ однажды двухъ совершенно невѣжественныхъ философовъ, спорившихъ между собою, при чемъ одинъ предлагалъ нелѣпные вопросы, а другой давалъ не идущіе къ дѣлу отвѣты, Демонактъ сказалъ: не правда-ли, друзья, что одинъ изъ этихъ господъ доить козла, а другой подставляетъ сито“? ³⁾ Болѣ раннихъ слѣдовъ существова-

1) Wustmannh p. 296 № 740.

2) Apost. Ars. XVII 32 a.

3) Luc. Vita Demon. 28.

нія греческаго выраженія нѣтъ, такъ что древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ нашей пословицы нужно признать буколики Вергилія, гдѣ встрѣчается *mulgere hircos*, какъ proverbіальное выраженіе. „Наконецъ, нужно отмѣтить еще одинъ изъ позднѣйшихъ источниковъ — сочиненія Григорія Назіанзина, въ сентенціяхъ котораго находится proverbіальный стихъ (цитируемый Шнейдевиномъ къ *Diog. VII 95*): *πομπὴν ἀμείλει, εἰ θέλει, καὶ τοὺς τράγους.*¹⁾ По-нѣм.: *Den Bock melken*; *Einen Bock melken*.

Это выраженіе принадлежитъ къ proverbіальнымъ невозможностямъ, какъ: *einen Mohren weiss waschen, den Krebs vorwärts gehen lehren, beim Esel Wolle suchen, einem Nackenden die Kleider ausziehen*. Ср. итальянск.: *cavar sangue da una gapa, cavar l'olio di Romagna*; испанск.: *sacar de piedras panes*.²⁾

δδ) Х л ѣ б ъ.

Стр. 59. — Ad. 2. Вандеромъ изъ прусскихъ пословицъ *Frischbieg'a* приведенная: *Keine Not vor Brot*,³⁾ слагалась, вѣроятно, по литовской пословицѣ, или она просто переводъ послѣдней.

εε) К о л б а с а.

Стр. 60. — Ad. 1. *Ar ilgai šun dešrą?* Шлейхеръ⁴⁾ переводить: „*Ist etwa die Wurst dem Hunde zu lang?*“ Это, конечно, не совершенно безъ смысла; ибо собакѣ, или имѣющему собачью жадность, ничего изъ желаннаго не можетъ быть слишкомъ многимъ, слишкомъ длиннымъ. Но по моему мнѣнію приходится эту пословицу перевести: Долго ли будетъ собакѣ колбаса? Что мое мнѣніе вѣрнѣе перевода Шлейхера, явствуетъ какъ изъ соотвѣствующихъ латышскихъ пословицъ, такъ и изъ нѣмецкихъ вариантовъ. Лат.: *No suņa desu prasīt „ist eben so viel, als von einem Verschwender etwas zurückfordern“*;⁵⁾ *no suņa desu pirkt, „d. i. von einem Betrüger etwas einhandeln.“*⁶⁾ — „Die Wurst vom Hunde kaufen, d. h. übermässig theuer aus der zweiten Hand statt billig aus der

1) Тимошенко стр. 111.

2) Wustmann p. 72 № 177.

3) Wander III 1049, 117.

4) Lit. Märch. Sprichw. etc. p. 187. — Wander V 468, 23.

5) Stender p. 251.

6) Ibid.

ersten.“¹⁾ — Pastāj kā sunim desa (остаётся какъ собакѣ колбаса), т. е., неблагонадежному доставѣрить что-нибудь, или вообще начинать что-нибудь безумное. То же самое: „Den Hund nach Bratwürsten schicken. S. v. w. einen ungeeigneten schicken (cf. den Bock zum Gärtner machen), überhaupt etwas verkehrt anfangen. Syll. 30 steht die Redensart als Übersetzung von Agnini's lectibus alligare canem. Vgl. Syll. 41: Aquam e pumice postulas: 2) du suchest Bratwurst im Hundsstall.“³⁾

е) Домъ, кухня.

Стр. 61. — Ad. I. Nēr numu be dumu (Нѣтъ дома безъ дыма). „Es giebt überall Verdriesslichkeiten. — Auch in glücklichen Ehen kommen Meinungsverschiedenheiten und Zwistigkeiten vor.“⁴⁾

ββ) Другіе предметы и орудія
домашняго, хозяйственнаго обихода.

— Бочка, корзина.

Стр. 62. — Ad. I. Ī bāčķa gimēš, per spūntā žérts. Стендеръ прибавляетъ объясненіе: „d. i. ein Mensch, der hinterm Ofen erzogen und nicht fünf zählen kann“, 5) словомъ, этимъ обозначается плохо воспитанный, необразованный человѣкъ.

— Мѣшокъ.

Стр. 63. — Ad. I. Kīaurā maišā neprīpīlsī (Дыряваго мѣшка не наполнишь). „Расточительные люди тоже, что дырявые мѣшки.“⁶⁾

— Клинь.

— *Ad. I.* Ant drutós šakós pareīti drútos vágis; Prēķš resna kluša resns vadzis; „На крѣпкій сукъ острый топоръ. Эта пословица хочетъ сказать: „Der Grobian ist mit gleicher Münze zu bezahlen. — Die Grobheit scheint oft wirklich nöthig zu sein, weil man ohne dieselbe zuweilen kaum zum Ziel kommen dürfte.“⁷⁾ — Шлейхеръ не понялъ вѣрно и этой

1) Schrader p. 166.

2) Plaut. Pers. I, I, 42.

3) Wustmann p. 239 № 594.

4) Wander II 404, № 117.

5) Cp. ero Lett. Gr. p. 249.

6) Носовичъ стр. 34.

7) Wander I 156, 1; II 1405, 1.

литовской пословицы. Онъ пишетъ по-литовски *vagis* (Dieb) вмѣсто *vágis* (Keil) и переводить: „Auf einen starken Ast gehört ein starker Dieb,“ ¹⁾ между тѣмъ какъ, по моему мнѣнію, должно переводить: Auf einen starken Ast gehört (wenn man ihn spalten soll) ein starker Keil (На крѣпкій сукъ надобенъ крѣпкій клинъ). Что собственно эта пословица должна гласить такъ, то на это указываетъ латышская пословица и всѣ въ текстѣ встрѣчаемыя пословицы остальныхъ языковъ. „Цитируемая Еразмомъ (adag. I 2, 5) изъ сочиненій блаж. Иеронима простонародная пословица — *vulgare proverbium: malo arboris nodo malus cuneus requirendus est* существуетъ у чеховъ: Na tvrdu suk (špalec) tvrdeho třeba klinu; у насъ немного иначе говорится: на крѣпкій сукъ надобенъ острый топоръ.“ ²⁾

Стф. 64. — Ad. 2. *Vágis vági váro*; Клинъ клиномъ выбивается. „D. h. der Gewalt muss man weichen.“ ³⁾ „*Ἠλος τὸν ἥλον: καὶ Πάτταλος τὸν πάτταλον ἐξέχρουσεν: ἐπὶ τῶν ἰωμένων δι' ἀμαρτήματος ἀμαρτήμα* (Apostolii Centuria VIII 52). *Πάτταλος πατάλῃ προσκρούεται: ὅταν τὸ κακὸν ὑπὸ κακοῦ θεραπεύεται* (Apost. XIV 1). „Лихое лихимъ избиваютъ, или клинъ клиномъ выбивается. *Εὐφρημα φώνει, μὴ κακὸν κακῷ διδοὺς ἄχος*. Sophocl. in Ai. Mast. *Malum malo medicari*, т. е. Зло зломъ лѣчишь.“ ⁴⁾

„Пословица — клинъ клиномъ выбивать принадлежитъ къ очень распространеннымъ; греческій оригиналъ ея — „*Ἠλος τὸν ἥλον ἐκχρούειν (καὶ πάτταλον πατάλῃ)*“ находится во всѣхъ почти сборникахъ. Греки объясняли свою пословицу въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ свою: *ἀμαρτήματι τὸ ἀμαρτήμα* или *κακὸν κακῷ θεραπεύειν* (cf. Herod. III 53 и Thucyd V 65 *κακὸν κακῷ ἰᾶσθαι*); наша поговорка гласить: лихое лихимъ избивается (Даль II 261), польск. *złym złego zbyć* (Челяк. 33). Греческая пословица произошла, вѣроятно, изъ аттической комедіи (cf. Th. Kock frgm. incert. poet. 494. III p. 500), но раньше всего встрѣчается у Аристотеля (Polit. V 9 или 11, § 6), позднѣе нѣсколько разъ у Лукіана (Philopseud. 9; pro lapsu inter salut. 7; apolog. 9). Римляне говорили: *clavum clavo pellere*. Цицеронъ, рассуждая о средствахъ исцѣлить

1) Schleicher p. 150. — Ср. и Wander I 156, 2.

2) Тимошенко стр. 147 № 240 а.

3) Ulmann, Lett. Wb. p. 324.

4) Снегиревъ I 24.

любовную страсть, прибавляет: *etiam novo quidam amore verterem amorem, tanquam clavo clavum ejiciendum putant* (Cic. Tusc. IV 35). Вообще гомеопатическій способ лѣченія (*similia similibus curantur* Ганеманна) предписывается и другими, какъ греческими, такъ и русскими пословицами, напр. *κόπον κοπῇ λύειν* (Macar. V 22: *Κόπος κόπον λύει: ἐπὶ τῶν ἄγαν κεκοπωμένων*), *ὄνῳ τὸν οἶνον ἐξελαύνειν* (Antiphanes ap. Athen. II 20, p. 44 a), или *ὄνῳ τὸν οἶνον καὶ χραιπάλλῃ τὴν χραιπάλλην* (хмель похмельемъ) *ἐξαιρεῖν* (Plut. de san. 11; cf. Th. Kock II 129 и III 494); и русскія пословицы — клинъ клиномъ выбивать, чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчися примѣняются въ народной медицинской практикѣ; наприкладъ, снѣгъ рекомендуется для оттиранія отмороженныхъ членовъ, горячая вода отъ обжоговъ, похмѣлье отъ опьяненія, хотя, впрочемъ, другая наша пословица, вопреки греческой, гласитъ: клинъ клиномъ выколотишь, а хмѣль хмѣлемъ не выбьешь (Даль IV 570).¹⁾

Между тѣмъ какъ гоняющимъ и гонимымъ оказывается въ литовскомъ языкѣ (*vágis, kylýs*), въ латышскомъ (*vadzis, ķīlis*) и въ остальныхъ языкахъ — клинъ, гвоздь (*ῥλος, cuneus, clavus*), то въ испанскомъ эту же роль играетъ любовь (*amor*). Тамъ говорятъ: *Un amor saca otro* (одна любовь выгоняетъ другую) и въ португальскомъ въ богатой формѣ, въ двойной пословицѣ, встрѣчаются вмѣстѣ гвоздь (*cravo*) и любовь (*amor*), какъ-то: *Hum cravo tira outro, hum amor faz esquecer*.

— Коса.

Смр. 65. — Ad. 1. Atsikirto kaip dalgis į akmini; Нашла коса на камень. Говорятъ, когда на рѣзкое наставленіе или обращеніе къ кому-нибудь слѣдуетъ болѣе рѣзкое опроверженіе или отвѣтъ.

— Ложка.

— *Ad. 1. Šaukštu upes neišsemsi; лат. Ar karoti upi neišsemsi. Ложкою не можешь вычерпать рѣку (море), значитъ: Что ты хочешь начинать тамъ съ ничтожными средствами, гдѣ нуждаешься въ очень большихъ? Это почти то же самое, что выпить море, франц. *C'est la mer à boire*, т. е. попробовать невозможное. Такъ говорятъ и о продолжительной работѣ, конецъ которой не предвидится. „Der heilige*

1) Тимошенко стр. 68 № 93.

Augustin erklärte das Meer auszuschöpfen für nicht unmöglicher, als das Geheimnis der Dreieinigkeit zu ergründen.“¹⁾

— Н о ж ъ.

Стр. 66. — Ad. I. Aštrūs peilis, aštrūs vīrs (Острый ножъ, острый мужъ), „d. i. wo die Messer scharf sind, da ist der Mann auf dem Zeuge.“²⁾ Когда кто-нибудь имѣетъ тупой ножъ, тогда по-латышски говорятъ, что онъ получить лѣнивую жену, или она — лѣниваго мужа.

— В о з ъ (сани).

Тамъ же. Kēnó vežimē sēdi, to gēsme gēdi; На чьемъ возѣ сидишь, тому и пѣсенку поешь. „Кто благодѣтельствуетъ, тому долгъ велитъ угождать во всемъ.“³⁾ — „Es ist natürlich, dessen Bestes zu fördern, von dem unser Bestehen abhängt; doch darf dies nicht über die Grenzen des Rechts ausgedehnt werden, sonst gilt, was jemand behauptet, dies Sprichwort gehöre in einen Hundekatechismus. Das Sprichwort giebt die kurze Selbstcharakteristik derer, die gern gut Brot essen und nicht Pumpernickel verdienen; von feilen Schriftstellern, die für Geld im 19. Jahrhundert die Melodien des Mittelalters singen; überhaupt derer, die stets das Lied dessen singen, der sie am besten füttert.“⁴⁾ Сюда относящіяся пословицы варьируютъ между „wessen Brot“ (panis) и „wessen Wagen“ (plaustrum). Но возъ (лит. vežimas, лат. kamanas — сани, нѣм. Wagen) и хлѣбъ (лат. maize, чешск. chlieb, нѣм. Brot etc.), оказываются здѣсь только метафорическими обозначеніями службы (мѣста), какъ пѣсенка (cantilena), дудка указываетъ здѣсь на пользу. Итакъ, кому служу, на пользу того и дѣйствую.

77) Домашнія неудобства.

— Б л о х и.

Стр. 68. — Ad. I. Kožnus šū su blusu (Каждая собака имѣетъ блохи), т. е., плутъ имѣетъ плутни и мошенничества. Лат. вариантъ Suns suni blusina; нѣм. Ein Hund flöet dem andern (liest dem andern die Flöhe ab; латинск. Mutuum muli

1) Wustmann p. 234 № 807.

2) Wander III 643, 87.

3) Носовичъ стр. 90.

4) Wander I 480 № 303.

scabunt, т. е., самые низкіе люди дѣлають взаимныя одолженія; „d. i. ein Schelm versteht sich mit dem andern.“¹⁾

— МЫШИ.

Тамъ же. Kátins iš namú, pèles iš kampú; Кошки дома нѣтъ, мышкамъ воля; нѣм.: Wenn die Katze aus dem Hause ist, haben die Mäuse Kirchtag, springen die Mäuse über Tisch und Bänke; франц.: Les rats se promènent à l'aise, là où il n'y a point de chats, или: Quand le chat n'est pas au logis, les rats dansent sur la table; итальянск.: Dove non son gatti, i topi ballano; англ.: When the cat is away, the mice play.

„Der Grundgedanke dieses Sprichworts ist alt; er findet sich zuerst wohl in der Fabel Aesops, wo sich die Mäuse an einen für die Katze unzugänglichen Ort flüchten und nun in Freiheit leben. Die Fabel lehrt, dass Unordnung und Verwirrung überall da herrschen, wohin der Arm der Gerechtigkeit nicht reicht, oder wo es die Obrigkeit an der gehörigen Aufsicht fehlen lässt.“²⁾ У Теренція встрѣчается эта пословица въ слѣдующемъ видѣ: Perstreput, domini ubi absunt; слав. франц.: voyage de maitre, noces de valet. — — „Insanire facit mures absentia catti: коли нѣтъ кота въ дому, играютъ мыши по столу; славянскія, также англ. и дат. у Челяк. 429.“³⁾ — „Wenn die Katze nicht zu Hause ist, tanzen die Mäuse auf Stühlen und Bänken; wenn Eltern oder Herrschaft nicht zu Hause sind, so erlauben sich Kinder oder Dienstboten allerhand Ausschreitungen.“⁴⁾

Смр. 69. — Ad. 2. Katei žertas, pelei verksmas; Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слѣзки. „Говорятъ о шуткахъ сильнаго въ отношеніи къ слабому.“⁵⁾ — „Mit Einem spielen, wie die Katze mit der Maus. Die Katze nämlich tödtet ihr Opfer nicht sogleich, sondern lässt es spielend erst etliche Male entschlüpfen um es dann desto fester mit den „Sammetpfötchen“ zu fassen und zu zerfleischen. Daher der Sinn: ihn übermüthig, grausam behandeln.“⁶⁾

1) Stender p. 254.

2) Wustmann p. 6, № 16.

3) Тимошенко стр. 168 № 316.

4) Schrader p. 173.

5) И. И. Носовичъ стр. 69.

6) Schrader p. 172.

9) Родъ.

— Ж ен щ и н а.

Стр. 72. — Ad. 1. Māteriškes ilgus plaukus tur ir trūm-pus ūmus; у женщинъ волосъ дологъ, а умъ коротокъ. „Говорятъ о всякой женщинѣ при неудачахъ, происшедшихъ отъ ея опрометчивости и нерасчетливости.“¹⁾ Это наблюдение очень распространено. Оно встрѣчается въ пословицахъ всѣхъ европейскихъ и многихъ азиатскихъ и т. д. народовъ. Что эта пословица извѣстна и татарамъ, — сообщилъ Fr. Liebrecht въ „Orient und Occident“ Бенфея (I, 129. Anm.) и нашелъ ее въ средне-верхне-нѣмецкихъ стихотвореніяхъ тоже. Наконецъ, надо здѣсь и указать на изданіе Гагена (Abenteuer, № 31, 10—11). „Der Weiber Erinnerungsvermögen ist weit schwächer, als das der Männer.“ (Welt und Zeit, V, 224, 161). У Tunnicius'a (1047): Wyve hebben lange kleider unde einen korten sin. (Veste sub oblonga mulieri mens brevis errat).²⁾

Е. Eckstein, на вопросъ: что такое женщина? влагаетъ естествоиспытателю въ ротъ слѣдующій отвѣтъ: „Es nimmt das Weib in unserm Thiersysteme den ersten Platz als homo sapiens ein. Die Hirnfunctionen bieten hier Probleme, die selbst für Vogt und Moleschott zu fein sind. Unausgewachsen heisst es „Mädel“, so weit man Virchow glauben kann, ist bei dem Weib der Durchschnittsschädel entschieden flacher als beim Mann.“³⁾ — „Angriff auf das Fassungsvermögen der Töchter Eva's. Die Nasiräer trugen aber gewiss nicht langes Haar, um ihren kurzen Verstand anzuzeigen. Döllinger (Heidenthum und Judenthum, Regensburg 1857) bemerkt vielmehr, dass ihnen das Tragen des langen Haares deshalb geboten worden sei, weil es in der heissen Jahreszeit besonders lästig würde.“⁴⁾

ββ) М а т ь.

Стр. 74. — Ad. 1. „Выражается мысль, что родители болѣе пекутся о дѣтяхъ, нежели дѣти о родителяхъ.“⁵⁾ Это воззрѣніе широко распространено; только относительно числа дѣтей нѣтъ согласія и часто чередуются отецъ и мать. Въ

1) И. И. Носовичъ р. 166.

2) Wander V 45 № 1003.

3) Wander V 45 № 1003.

4) Ibid. II 221, 81 и 82.

5) Носовичъ стр. 77.

Эйфелъ это — мать, которая воспитываетъ, какъ въ Литвѣ и Леттландіи, девять (въ Леттландіи десять) дѣтей; въ остальной Германіи, Даніи и Польшѣ это — отецъ, заботящійся о десяти дѣтяхъ. На островѣ Сардиніи мать можетъ воспитать даже сотню сыновей, но сотня сыновей не въ состояніи прокормить ея. Въ Апуліи говорятъ: Одна ворона можетъ прокормить девять воронятъ, но девять воронятъ не могутъ прокормить одной старой вороны. Подобное видѣли въ Индіи. Бенаресь — главное мѣсто индійскихъ пилигримовъ, и сыновья обязаны сопровождать туда своихъ родителей. Вслѣдствіе чего тамъ говорятъ: Одна мать многихъ дѣтей не участвуетъ въ благословеніи Гангеса, потому что всегда одинъ изъ сыновей налагаетъ съ большими издержками соединенную обязанность на одного изъ братьевъ и пилигримство наконецъ, такимъ образомъ, не состоится.¹⁾ У османовъ вмѣсто десяти, ста, встрѣчается тоже число девять (Schlechta, 143).

Эта пословица содержитъ истину, основанную на опытахъ, а не правило. Естественная любовь къ родителямъ — причина ея. Отецъ имѣетъ (за исключеніемъ лит. пословицы) болѣе сильное побужденіе, онъ видитъ, что его портретъ, его характеръ продолжается въ его дѣтяхъ. Извѣстно, что любовь дѣтей къ родителямъ не такъ сильна, и, рядомъ съ почтенными изъятіями, родители не могутъ ожидать отъ дѣтей того, что первые послѣднимъ сдѣлали.²⁾

εε) Дѣти.

Смр. 76. — Ad. 1. Kad vaiks neverk, motinei nerup (Когда дитя не плачетъ, тогда мама не беспокоится о немъ). „Говорятъ съ упрекомъ тѣмъ, которые по капризу или застѣнчивости молчатъ о своихъ нуждахъ и не просятъ помощи у другихъ.“³⁾

— *Ad. 3.* Maži vaikai, maži vargai; didi vaikai, didi vargai; Маленькія дѣтки — маленькія бѣдки, а выростутъ великія — большія будутъ. „Говорятъ на счетъ семейственнаго положенія.“⁴⁾ Многія пословицы въ этомъ номерѣ оказываются облеченными въ богатую, благодную форму.

1) Wander III 807, 64, 75 и 77.

2) Ср. Wander IV 1507, 72.

3) Носовичъ стр. 35.

4) Тамъ же стр. 76.

Стр. 77. — Ad. 5. Auga vaikai né girio mēdzei (Растутъ дѣти, какъ деревья въ лѣсу). Говорятъ на счетъ многочисленной семьи.

— Ad. 7. Visi vėnós momós vaikai, nè visi vėnós išmintės; бѣлорусск.: Одного бацьки и одной матки не равныя бываютъ дзѣцятки. „Между родными братьями часто бываютъ разные характеры.“¹⁾

— Дочь.

Стр. 78. — Ad. 1. Gera dukterele tokie kaip motinele; бѣлорусск.: Якая matka, такое й дзицятко. Говорятъ въ упрекъ матери, не старавшейся своему сыну или дочери внушить добрыя правила жизни, но своимъ дурнымъ примѣромъ испортившей ихъ нравственность. Якая моя мама, такая й я сама. Насмѣшка надъ перенявшими слабости своихъ родителей.²⁾

х) Сословія.

аа) Король.

Стр. 78. — Ad. 1. Karālei ilgas rankās tūr, gāl toli prisėkt; по-сербски: У кралева су дуге руке. Рука во многихъ языкахъ служить символомъ власти, могущества: у него долгія руки, говоримъ мы, т. е. онъ далече достанетъ (Даль I 473); у большого человѣка руки долги (Даль IV 111); наоборотъ, коротки руки, говоримъ мы человѣку, не имѣющему власти или возможности сдѣлать что нибудь. Такія же выраженія у грековъ и римлянъ употреблялись съ давняго времени. Еще у Геродота о царѣ персидскомъ говорится: *Kai γάρ δύναμις ὑπὲρ ἀνδρωπων ἡ βασιλείωσ ἐστὶ καὶ χεῖρ ὑπερμήχης* (Herod. VIII 140); по этому, эпитетъ *μακρόχειρ* (долгорукій) былъ примѣнимъ ко всѣмъ персидскимъ царямъ, но историки приурочили его къ одному Артаксерксу I, большею частью, ошибочно понимая его въ смыслѣ физическаго недостатка, несоизмѣрной длины рукъ (Н. Stein къ Herod. VIII 140). У римскихъ писателей также встрѣчается эта метонимія, напр. у Овидія: *An nescis longas regibus esse manus*. Позднѣе у грековъ была даже поговорка: *μακραὶ τυράννων χεῖρες* (ἐπὶ τῶν ἄγαν δυναμένων), но она приводится только въ одномъ сборникѣ: Apost. XI 7 a.³⁾

1) Носовичъ стр. 119.

2) Тамъ же стр. 193.

3) Тимошенко стр. 48.

„Er hat eine lange Hand. So viel wie er vermag viel, er hat grosse Gewalt; Gegensatz: er hat eine kurze Hand. — Als deutsches Sprichwort in Brants „Narrenschiff“ 19, 76: Dann herren hant gar lange hend; bei Sebastian Frank: Fürsten vnd herren habend lang hend.“¹⁾

ββ) Господинъ.

Смп. 79. — Ад. 1. Āš póns, tū póns, kàs nēš kašēlē? По-словенски: Ja pán, ty pán, kto bude svine — kozy — past? По-нѣмецки: Wenn wir beide Herren sein wollen, wer wird Knecht sein?²⁾ Въ Финляндіи говорятъ: Я господинъ, ты господинъ, кто изъ насъ несетъ ранецъ? — Османы: Я господинъ, ты господинъ, кто теперь очиститъ скребницею лошадь? или: кто накормитъ скотъ?³⁾

γγ) Господинъ и холопъ.

Смп. 80. — Ад. 1. Kóks pónas, tóks tařnas; лат. Káds kungs, táds kalps; Каковъ господинъ, таковъ и слуга; Якій попъ, такій его ѵ приходъ. „Говорятъ объ отношеніяхъ хозяина и хозяйства, старшаго и подчиненныхъ.“⁴⁾ — „Gesinde und Dienerschaft richtet sich nach der Herrschaft.“ — „Man darf sich nicht über die Sittenlosigkeit der niedern Stände wundern, wenn die höhern mit ihrem einflussreichen Beispiele vorangehen.“⁵⁾

δδ) Священникъ.

Смп. 81. — Ад. 1. Kunegas du kartu pamokslą nesako; Для глухого двухъ обѣденъ не служатъ. „Отказъ повторить сказанное.“⁶⁾ — „Не петровскій день — по два раза не говорятъ. Насмѣшка надъ глуховатымъ. Петровскій день — до Петра, іюньскій, долгій.“⁷⁾

εε) Нищій.

Смп. 82. — Ад. 1. Ubago tarbos neprikrausi; Суму нищаго не наполнишь. Эта пословица соотвѣтствуетъ грече-

1) Wustmann p. 202 № 508.

2) Nesselmann p. 185.

3) Wander II 556 № 514.

4) Носовичъ стр. 194.

5) Wander II 576 № 919; 577 № 934.

6) Носовичъ стр. 134.

7) Романовъ стр. 303.

ской очень распространенной: *Πτωχὸς πῆρα ὅν πίμπλαται* („сума нищаго не наполняется), которая находится во всѣхъ главныхъ сборникахъ.¹⁾ У Грегорія и Апостолія съ объясненіемъ: *ἐπὶ τῶν ἀπλήστων*. Пословица эта примѣнялась къ людямъ ненасытнымъ. „Что изреченіе это принадлежитъ Каллимаху александрійскому ученому и поэту III вѣка до Р. Хр., на это указываютъ нѣкоторые изъ пареміографовъ (*τοῦτο παρὰ Καλλιμάχου ἐπὶ τῶν ἀπλήστων ἐρήται πτωχῶν Zenob.*). Подобную же поговорку мы имѣемъ въ *Append. provv. IV 62* и у Свида (II 2, p. 532): *Πτωχὸς* или *πτωχῶν ὀδλαί* (*ὀδλαί*) *δεὶ κεναί* т. е. „сумки нищихъ всегда пусты.“²⁾ И это выраженіе нѣкоторые приписываютъ тому же Каллимаху.³⁾ Интересно, что сербская пословица — „Просячка торба не може се напунити, или свагда е празна“ пытается соединить оба варианта греческой, между тѣмъ какъ англійская, итальянская и одна французская и латинская пословицы соотвѣтствуютъ больше послѣднему греческому варианту (*πτωχὸς* или *πτωχῶν ὀδλαί* — *ὀυλαί* — *δεὶ κεναί*) — *δεὶ κεναί* — is always empty; non ha fondo; n'a point de fonds; — *semper inanes*. Срав. стр. 83, 2.

Стр. 83. — *Ad. 2.* *Kiaura ubago terba* (Дырява нищенская сума); голл. *De bedelzak heeft een gat*. Объясненіемъ пословицъ какъ этого, такъ и предшествующаго нумеровъ (стр. 82, 1) служить латинская пословица: *Mendicus est insatiabilis*.

— *Ad. 3.* *Nereik ubagui (vilkui) keli rodyt* (Нищему — волку — не нужно показывать дороги). Лат. вариантъ: *Vilkam meža ceļu nerāda* (Волку въ лѣсу не показываютъ дороги). Нѣм. пословица: *Dem Wolf braucht man den Weg (in den Wald, oder zu den Schafen) nicht zu zeigen* подробно описываетъ эту дорогу. Литовская пословица ставить рядомъ съ нищимъ волка и указываетъ этимъ, по всей вѣроятности, на ихъ ровный, обыкновенный голодъ и готовность воровать или съ жадностію ухватиться за что-либо. Стендеръ объясняетъ: „*Das Böse lernt sich von selbst.*“⁴⁾

1) Тимошенко стр. 86, № 119.

2) Тимошенко стр. 87.

3) Относительно слова *ὀδλαί* (conj.: *ὀδλάδες, ὀυλάδες*) см. Bernh. ad. Suid.; срав. и Тимошенко тамъ же.

4) Stender Lett. Gr. p. 246.

λ) Ремесла.

αα) Кухарка (кухарь).

Смп. 84. — Ad. 2. *Kā tū īsitrūpinēs, tāi tū turi ī īśvālyti.* Самъ накрошилъ, самъ и выхлебаешь; заваривъ кашу, отъ бѣды не отнѣкивайся, т. е., зачинщикъ или виновникъ какого нибудь непріятнаго дѣла пусть и отвѣчаетъ или оплачивается за него. Греки въ томъ же смыслѣ говорили: *ἦν τις ἔμαζε μᾶζαν, ταύτην καὶ ἐσθιέτω* — „кто замѣсилъ тѣсто, тотъ и ѣшь его“. Кромѣ Макарія, пословица не встрѣчается у другихъ пареміографовъ и, „повидимому, принадлежить не къ книжнымъ цитатамъ, а къ народнымъ изрѣченіямъ и притомъ, кажется очень древнимъ; по крайней мѣрѣ, *μᾶζαν μεμαχέναν* въ метафорическомъ значеніи находится уже у Аристофана (Equ. 55; см. schol.). Относительно слова *μᾶζα* нужно замѣтить, что, кромѣ тѣста (именно, ячменнаго), оно означало, по объясненію Свида (*Μᾶζα, κυρίως ἢ τροφή ἀπὸ γάλακτος καὶ σίτου, παρὰ τὸ μᾶζεσθαι* Suid. II р. 661), пишу изъ молока и яшныхъ зеренъ или крупъ (*σίτος*), слѣдовательно, нѣчто въ родѣ каши, или же размазни. Русск. раз-маз-ня сближается съ санскр. корнемъ *masg'* (изъ *madg*), въ греч. является въ словахъ: *μαγ, μαχ, μασσ* съ основнымъ значеніемъ тереть, потомъ — мѣсить, къ этому же корню примыкають славянскія слова: мазати, масть, мас-ло и т. п.¹⁾ Родственный смыслъ имѣетъ и латинская пословица у Теренція: *tute hoc intristi, tibi omne est exedendum* (Phorm. 318 или 2, 2, 4), существующая у русскихъ почти въ буквальный переводъ: самъ накрошилъ (натеръ, замѣсилъ, заварилъ), самъ и выхлѣбай.²⁾

По-нѣмецки: „*Sich etwas einbrocken. S. v. w. eine Thorheit begehen, die schlimme Folgen hat*“; ср. поговорки: „*Sich eine Suppe einbrocken*“ и „*die Suppe ausessen müssen*“, т. е. поплатиться за непріятное дѣло.³⁾ — Шрадеръ говоритъ: „*Am häufigsten in der Wendung; was einer sich eingebrockt hat, muss er ausessen, hat sich durch eigene Schuld ein Unge- mach zugezogen, muss es nun tragen. Ursprünglich sind hier Brocken die Brotstücke, die in die Suppe gethan werden. Wer*

1) Ср. Th. Benfey, Griech. Wurzellexicon. Berlin, 1839–42, I 515 и II 359.

2) Тимошенко стр. 51 № 66.

3) Wustmann р. 114 № 278.

zu grosse, zu harte, zu viel Bissen eingebrockt hat, dem gilt, was Goethe sagt:

Harte Bissen gibt es zu kauen,

Wir müssen dran erwürgen oder sie verdauen.

bei Jean Paul ironisch: eine schöne Suppe wird da für den Helden eingebrockt.

Wenn übrigens Grimm sagt, dies Wort gründe sich auf das Terenzische (ср. выше): tute intrivisti, tibi omne exedendum est: so erlaube ich mir zu bemerken, dass es wohl schwerlich eines gelegentlichen Wortes in einer alten lateinischen Comödie bedurfte, um ein so nahe liegendes Bild zu schaffen, welches schon der Verstand jeder deutschen Hausfrau oder Köchin finden und bilden konnte.“¹⁾ — Какъ можно убѣдиться въ томъ по нашимъ текстамъ, то рядомъ съ латинскимъ это не только „der Verstand jeder deutschen Hausfrau oder Köchin“, который „ein so nahe liegendes Bild“, „finden und bilden konnte“, но и умъ (Verstand) хозяекъ и кухарокъ многихъ другихъ народовъ, какъ-то: грековъ, русскихъ, литовцевъ, латышей, французовъ, англичанъ и т. д. Онъ всё этою пословицею хотятъ сказать: „Wer den Fehler gemacht, der mag auch dafür büssen“;²⁾ заваривъ кашу, отъ бѣды не отнѣживайся.

ββ) Пекарка.

Смр. 85. — *Ad. 1.* Geri miltai mokin kerėje, geri linai verpėje (Хорошая мука учить пекарку, хороший ленъ — прядильщицу). Эта картина заимствована отъ женскаго хозяйства и женской работы и означаетъ, что изъ хорошаго матеріала можно изготовить хорошую вещь.

— *Ad. 2.* Iš tū miltu nekèpsi dūnos (Изъ этой муки не выпечешь хлѣба), значить, что изъ этой вещи ничего не выйдетъ.

δδ) Ткачъ, ткачиха.

Смр. 85. — *Ad. 1.* Pats met, pats aud (Самъ сноваť, самъ ткать), т. е., самъ предлагаетъ вопросъ, самъ отвѣчаетъ; „selbst fragt er, selbst antwortet er.“³⁾ — „Er ist ein Erzlügner.“⁴⁾

1) Schrader p. 29.

2) Wander I 781, 6.

3) Stender p. 252.

4) Nesselmann p. 14.

еє) Кузнецъ.

Тамъ же. Rakol karšta, kalk gelži. „Куй желѣзо, пока кипить (или: пока оно горячо), пользуйся удобнымъ случаемъ.“¹⁾

џ) Садовникъ.

Стр. 86 и 95. — Ad. 2. 'Ožī ānt dārzo pēr ūzveizda statyt; лат.: Azi par darznēku celt; Пустить козла въ огородъ. „Den Bock zum Gärtner setzen (machen). S. v. wie eine Sache einem übertragen, der dazu ganz untauglich ist. — Der Ausdruck kommt schon in einer Priamel des sechzehnten Jahrhs. vor.“ — „Der Bock ist bekanntlich sehr genäschig und frisst besonders gern Grünes. Hundertmal ist er abgebildet worden, wie er aufrecht an einer hohen Staude oder an einem Strauch steht und die jungen Spitzen abfrisst. So ist es auch eine alte Geiss, die in Rückert's Gedicht „Vom Bäumlein, das andre Blätter hat gewollt“ dem armen Bäumchen die über Nacht gewachsenen grünen Blätter mit Stumpf und Stiel abfrisst.“ — — „Syll. 182: Ovem lupo commisisti. Du hast den Bock zum Gärtner gesetzt. Dem Wolff hast du die Schäff befohlen. Der Katzen ist der Keess befohlen. Noch anders bei Simrock, Sprichw. 221: wenn man den Habicht über die Hühner setzt, dann ist ihr Tod gewiss.“²⁾ — Такъ уже въ древности, напр., у Овидія Ars amandi (2, 363):

Accipitri timidas credis, furiose, columbas!

Plenum montano credis ovile lupo!

Ср. англ.: to give a wolf the wether to keep; франц.: donner la brebis à garder au loup; итальянск.: dar la lattuga in guardia di paperi и т. д.³⁾ Значить, свое дѣло ввѣрить очень плохимъ рукамъ („Seine Sache gar schlimmen Händen befehlen“).⁴⁾ (Ср. стр. 95. 77) Садъ. 1.).

ѣ) Воръ.

Стр. 87. — Ad. 1. Vágiui bēgančam vēns kēlis, o jēškančam daūg keliū (Вору одна дорога, а догоняющему много). „Говорятъ въ случаѣ поисковъ за кѣмъ.“⁵⁾ Хотя латышскій

1) Павловскій II 410.

2) Wustmann p. 72 № 178.

3) Ср. тамъ же.

4) Schrader p. 115.

5) Носовичъ стр. 16.

вариантъ: *Zaġlam daùdz ceġu, pèdu-dzinejam tik vlms pats* (вору много дорогъ, а догоняющему только одна) содержать, по смыслу словъ противоположность къ лит. и остальнымъ сюда относящимся пословицамъ, однако онѣ всѣ согласуются по смыслу. Когда говорятъ, что воръ имѣетъ одну дорогу и его преслѣдователь много, даже всѣ дороги (см. лат. т.), то это значить, что преслѣдователь не можетъ знать, которую (изъ многихъ дорогъ) избралъ воръ; если говорятъ, напротивъ, что воръ имѣетъ всѣ дороги, а преслѣдователь только одну, то это — то же самое. Воръ имѣетъ много притоновъ и знаетъ ихъ хорошо, между тѣмъ какъ преслѣдователь ихъ не можетъ знать, стало-быть, имѣетъ только свою прямоту, правдивость, право.

Тамъ же. — *Ad. 2.* Между тѣмъ какъ лит. пословица: *Kùrs vāgie, tā pakār; kùrs dovanóje, tās miršta* имѣетъ богатую, благородную форму, или представляется какъ двойная пословица, то какъ лат. *Kuřš zog, tō paķaģ*, такъ и соотвѣтствующія нѣм. и датск. пословицы причисляются къ обыкновенной нормальной формѣ.

— *Ad. 3.* *Lunko voges šiksnu užmokēsi.* „Одолженная испорченная или потерянная вещь откуплена должна быть новою.“¹⁾ — „*Gestohlenen Bast muss man mit Leder bezahlen. Theuer oder mit der eigenen Haut.*“²⁾

μ) Окружающій міръ.

αα) Небо (облако).

Стр. 88. — *Ad. 2.* *Kadā kiaūle dėbesį mato.* Шлейхеръ слышалъ у самого народа объясненіе этой пословицы, какъ, то: *sākoma apė nesigėdinti žmógu* и перевелъ это: „*Wird von einem Unverschämten gesagt.*“³⁾ — „Свинья полудня не знаецъ. Поговорка о невѣжливомъ.“⁴⁾

— *Ad. 3.* *Šuns bālsas neit į dangų; lat.: Suņu balss nekļūs debesīs „ist wider die, die vergeblich fluchen.“*⁵⁾ —

1) Носовичъ стр. 45.

2) *Wander I 243, 2.*

3) *Schleicher, Lit. Märch., Sprichw. 5tc. p. 178*

4) Носовичъ стр. 147.

5) *Stender p. 254.*

„Собачій глосъ не йдзець до небёсь. Говорять на чье либо проклятіе.“¹⁾ — „Des Gottlosen Gebet wird nicht erhört.“²⁾

— Солнце.

Стр. 88. — Ad 1. Negyvensi su sauli; Вѣкъ солнца не проживешь. Шлейхеръ не понялъ смысла и этой лит. пословицы, переведя ее: „Mit der Sonne wirst du nicht Wirtschaft führen.“³⁾ Какъ на самомъ дѣлѣ надо понимать ее, на то указываетъ латышская пословица: Saules mūžu nedzīvoši (Вѣкъ солнца не проживешь). Ошибку Шлейхера повторяетъ Вандеръ, у котораго эта пословица гласитъ: „Mit der Sonne (allein) kann man nicht wirtschaften,“⁴⁾ что безъ всякаго смысла.

— Времена года.

— Весна.

Стр. 90. — Ad. 1 Vēnā kregždē nepadāro pavāsari; Одна ласточка весны не дѣлаетъ. „Изъ одного счастливаго обстоятельства нельзя заключать о полной удачѣ.“⁵⁾ Лежащая въ основѣ этой пословицы мысль, что изъ одного явленія, одного лица, дѣйствія нельзя дѣлать всеобщаго заключенія, слагалась у различныхъ народовъ въ пословицу. Подъ видомъ ласточки она встрѣчается уже у древнихъ грековъ и перешла отъ римлянъ ко всѣмъ романскимъ, германскимъ, славянскимъ, балтійскимъ и т. д. народамъ. Словаки говорятъ: Одна ласточка не дѣлаетъ весны, одинъ пенъ еще не лѣсъ. Подобно валахи: Одна ласточка не приноситъ весны и одно дерево не дѣлаетъ лѣса. Англичане: Ни одна ласточка не дѣлаетъ весны, ни одинъ куликъ (one wood-cock) — зимы. Та же самая мысль является и во многихъ другихъ оборотахъ. Датчане говорятъ: Капля меду не дѣлаетъ моря сладкимъ. Одинъ цвѣтокъ не дѣлаетъ вѣнка. Одинъ шиллингъ въ карманѣ не звучитъ. Голландецъ: Одна сорока не дѣлаетъ зимы. Въ Италіи говорятъ: Одинъ цвѣтокъ не дѣлаетъ весны. Или: Одинъ цвѣтокъ не дѣлаетъ гирлянды. Одинъ тѣрнъ не дѣлаетъ терновника. Одинъ человѣкъ не состав-

1) Носовичъ стр. 153.

2) Nesselmann p. 319.

3) Schleicher Lit. Märch., Spr. etc. p. 179.

4) Wander IV 617 № 151.

5) Носовичъ стр. 119.

леть хоророда. Одна корзина съ виноградами еще не сборъ винограда. Русскіе: Одинъ цвѣтокъ не дѣлаетъ сада, хотя бы это была и роза. Одна травинка не лугъ. Одинъ виноградъ не виноградникъ. Одинъ муравей не дѣлаетъ муравейника. Изъ одного пера не сдѣлаешь перины. Одна шерсть не дѣлаетъ шубы. Одна волна не море. Кроаты: Одинъ жидъ не составляетъ ярмарки. Въ Суринамѣ говорятъ: Одинъ куликъ не покрываетъ терелки; въ Индустанѣ: Одна рука не производитъ звука, — что соотвѣтствуетъ какъ тамулическому изреченію: Чтобы трещать пальцами, не достаточно одинъ палецъ, такъ и турецкой пословицѣ: Одною рукою нельзя бить въ ладоши, такъ и итальянской: Одинъ орѣхъ не гремитъ въ мѣшкѣ, такъ и, наконецъ, таковой у французскихъ негровъ: Однимъ пальцемъ нельзя кушать Kalalu (жидкій, зеленый супъ, очень любимый на Антильскихъ островахъ). Но древніе греки говорили: *ἐξ ὑψους*, относительно важности голоса спеціалиста.

Вандеръ говоритъ: „Wenn ein Volk nicht reif ist, so wird auch die beste politische Theorie nichts Gutes wirken. Einzelne Köpfe entscheiden, wie einzelne Schwalben, wenig und können, selbst an der Spitze der Regierung, nur insofern nützen, als ihre Massregeln der Nationalbildung angemessen sind.“¹⁾

Пословица — *Μία χελιδὼν ἔαρ οὐ ποιεῖ* („одна ласточка не дѣлаетъ весны“) принадлежитъ (какъ это уже доказываютъ наши тексты) къ очень распространеннымъ и ведетъ начало изъ классической древности. Она находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ басни Эзопа — *Νέος ἄσματος καὶ χελιδὼν*, въ которой разсказывается про расточительнаго юношу, промотавшаго отцовское имѣніе; когда у него остался одинъ плащъ, онъ и его продалъ, увидѣвъ первую ласточку, но надежда на скорое возвращеніе весны его обманула, и онъ жестоко поплатился, такъ какъ настали опять морозы, да и сама ласточка погибла. Пословица сама собою вытекаетъ изъ басни, или, можетъ быть, самая басня написана на тему, представляемую пословицей.²⁾ Послѣдняя встрѣчается впервые у Кратина, писателя древней комедіи; ею объясняются слова Аристофана: *δεῖσθαι δ' ἔοικεν οὐκ ὀλίγων χελιδόνων* (Arist. Av. 1417) — „онъ, по-видимому, нуждается не въ одной ласточкѣ (non paucis hirun-

1) Wander IV 412 и 413, 12.

2) Ср. выше стр. 239. 2. Къ происхожденію пословицы.

dinibus egere videtur)", т. е, онъ нуждается въ веснѣ или теплѣ: рѣчь идетъ о сикофантѣ, на которомъ старый хитонъ (ср. схолии къ этому мѣсту). Далѣе, пословицу приводятъ Аристотель, Либаній, Юліанъ и другіе (см. Schneidew. ad. Zenob. V 12). Позднѣе она вошла во всѣ почти сборники (Zenob. V 12; Suid. II 845; Greg. Cyr. III 11; Macar. VI 1; Apost. XI 63). У римлянъ не было этой пословицы; латинская версія una hirundo non facit ver позднѣйшаго происхожденія (Erasm. adag. I 7, 93). Въ новогреческой пословицѣ мѣсто ласточки занимаетъ кукушка (Krumbach p. 206), но въ итальянской, венеціанской, испанской, французской, англійской, голландской, нѣмецкой, датской, шведской, балтійской, эстской и въ многочисленныхъ славянскихъ (Челяк. 290; Ном. 5271) удержалась ласточка. Тимошенко говоритъ: „Наша пословица — одна ласточка не дѣлаетъ весны имѣетъ книжный характеръ, но простой народъ знаетъ другую пословицу: одной ласточкѣ (первой касаткѣ) не вѣрь (Даль 733), — еще холодъ будетъ.“¹⁾

— Лѣто и зима.

Смр. 91. — Ад. 1. Kū vasara važiosī, tū žijma išnešiosī; „Лѣто собироха, а зима прибиороха, т. е. что лѣтомъ воздѣлывается, собирается, то зимою обрабатывается и потребляется. Зимній путь въ старину назывался груднымъ, по коему отвозятъ хлѣбъ и издѣлія на продажу въ города. Зимнею порою крестьянинъ платитъ за цѣлый годъ барскіе оброки и государственныя подати, припасаетъ для себя и для своего семейства платье и обувь, для домашняго быту всякую посуду, а для полевыхъ работъ сбрую. Климатъ много дѣйствуетъ на свойства народа, но вѣра, правленіе и воспитаніе еще болѣе.“²⁾ — „Лѣтомъ на зиму приготавлиются жизненные припасы, а зимою орудія для работы.“³⁾ — „Was man in jener Zeit ansammelt, wird in dieser verbraucht.“⁴⁾

ββ) Стихиі.

— Воздухъ, вѣтеръ.

Смр. 92. — Ад. 1. Púsk prěš vėjē (Дуй противъ вѣтра)!

1) Тимошенко стр. 24, № 30.

2) Снегиревъ II 6.

3) Носовичъ стр. 75.

4) Wander IV 608, 83.

т. е., противъ власти ничего не подѣлаешь, „gegen Gewalt lässt sich nichts machen.“¹⁾ Въ бѣлорусскомъ: „Трудно дыхаць противъ вѣтру. Наставленіе не сопротивляться власти.“²⁾ Понѣмецки употребительнѣе выражаться: „In den Wind, in alle Winde blasen. Eine Ermahnung in den Wind schlagen (sie unbeachtet lassen).“³⁾

— Вода, рѣка.

Стр. 92. — Ад. I. Nespiauk i undeni, pats sugersi; Не плюй въ колодець, случится напиться. „Не пренебрегай никого.“⁴⁾ Варіантъ: „По которой водѣ плыть, ту и воду пить.“⁵⁾ У Эсхила (въ Евменидахъ) встрѣчается одно выраженіе, напоминающее нашу пословицу: Nespiauk i undeni, pats sugersi, лат. Nesplauj ūdeni, pats izdzersi (не плюй въ воду, самъ выпьешь) съ варіантомъ: не муті водою, случится напиться, именно: *βορβόρῳ ὕδωρ λαμπρὸν μάλινον, ὀψὸν δ' ἐύρῃσεις ποτὶν* (Aesch. Eumen. 694—695), т. е. „мутя грязью свѣтлую (чистую) воду, ты потомъ не найдешь питья.“ Диогеніанъ объясняетъ: *ἡ παροῖα ἐπὶ τῶν τὰ χύλλιστα τοῖς αἰσχίοτοις μινύντων*; подобно и другіе пареміографы, Грегорій и Макарій. Нельзя, конечно, утверждать, что именно Эсхилевскій стихъ послужилъ прототипомъ нашихъ пословицъ, такъ какъ существуетъ нѣкоторая разница между греческимъ и нашимъ способомъ выраженія (хотя въ сущности только кажущаяся), но то обстоятельство, что стихъ этотъ позднѣе сдѣлался proverbiallyмъ выраженіемъ и вошелъ во всѣ главнѣйшія сборники, даетъ, по мнѣнію Тимошенко, нѣкоторое основаніе предполагать, что наша русская пословица заимствована изъ одного изъ греческихъ источниковъ, при чемъ изрѣченіе Эсхила въ свободной передачѣ переводчика, или въ устахъ народа подверглось нѣкоторому измѣненію. Къ римлянамъ и къ западно-европейскимъ народамъ, за исключеніемъ балтійскихъ, эта пословица, кажется, не проникла. Въ книгѣ Челяковскаго (стр. 51) дается указаніе, что *παροῖα* наша находится и въ Талмудѣ.⁶⁾

1) Schleicher Lit. Märch., Spr. p. 185.

2) Носовичъ стр. 164.

3) Schrader p. 283.

4) Носовичъ стр. 101.

5) Снегиревъ I 161.

6) Ср. Тимошенко стр. 41, № 49.

— Огонь.

Стр. 94. — Ad. 1. Ugnis deg ir nekurstoma (Огонь горить и безъ раздуванія). „Das Schüren und Anschüren des Feuers (es stärker brennen zu machen) wird vielfach übertragen im Sinne von mehrern, fördern, steigern — — —. Man schürt die Eitelkeit, den Hass, den Aufruhr, das Stadtgespräch.“ — — „Das Feuer selbst tausendfach als Bild des Eifers, der Leidenschaft, Heftigkeit, des auflodernden Zornes.“ — — „Oel ins Feuer giessen, eine schon leidenschaftliche Erregung noch mehrern.“¹⁾ — Также въ огонь масло лить — ἐλαίῳ πῦρ σβεννύεις, oleo incendium restinguere.²⁾ „So viel wie das Uebel ärger machen, die flammenden Leidenschaften noch mehr anfachen. Ebenso ins Feuer blasen.“³⁾ Подобную картину какъ „въ огонь масло лить,“ нѣм. „Oel ins Feuer giessen“ содержитъ „Stroh zum Feuer thun. S. v. w. die Sache noch schlimmer machen.“⁴⁾ Срав. англ.: to add fuel to the fire; франц.: mettre le feu aux étoupes, aux poudres; jeter de l'huile sur le feu. — Уже у Горация (Sat. II 3, 321): Adde роѣmata nunc, hoe est, oleum adde camino. Также пишетъ святой Иеронимъ (ad Eustachium): Vinum et adolescentia duplex est incendium voluptatis. Quid oleum flammae adjicimus? Очень употребительна въ латинскомъ и формула: ignem igni addere.⁵⁾ Всѣ эти пареміи — варианты балтійской пословицы. По выраженію они расходятся, а по смыслу совершенно согласуются. Ср. оба слѣдующихъ нумера (Ad. 2 и 3).

— *Ad. 2.* Geraī ugnī kūrt prē kélmo saúso (Хорошо разводить огонь у сухого пня). Гдѣ уже на лицо воспламеняющееся вещество, тамъ легко раздувать огонь. Гдѣ страсти покоятся еще въ зародышѣ, тамъ легко возбудить ихъ. Срав. выше Ad. 1.

— *Ad. 3.* Atrās ugnis tāukus (Огонь найдетъ жиръ); Pataps uguns pakulās (Огонь попадетъ въ паклю). Не надо пробуждать страсти (ср. выше Ad. 1). Uguns pakulās (огонь въ паклю!) соотвѣтствуетъ нѣмецкому: Der Teufel ist los! Между тѣмъ какъ латышское изреченіе вводитъ насъ въ пря-

1) Schrader p. 27.

2) Снегиревъ I 87.

3) Wustmann p. 142 № 344.

4) Ср. тамъ же стр. 465 № 1156.

5) Ср. ibid. p. 474 № 1178.

дильню, то нѣмецкое оказывается заимствованіемъ изъ стараго представленія (ср. Откровеніе св. Іоанна 20, 7), по которому сатана лежитъ въ темницѣ, связаннымъ въ аду.¹⁾

— *Ad. 4.* Berigu pri sukurtos ugnės šildytės (Легко согрѣвается у разведеннаго огня). Gėr po kito stalū kójes užkibus 'sėdėt (Хорошо сидѣть растянувшему ноги подъ чужимъ столомъ). Хорошо быть у тѣплаго очага и за накрытымъ столомъ другого.

— *Ad. 5.* Ugnės nepakurstins nekurinas (Когда огня не разводять, тогда онъ не горитъ). Эта пословица, повидимому, противорѣчитъ той выше (*Ad. 1*). Но, въ концѣ концовъ, онѣ обѣ высказываютъ все-таки одно и то же. Если та пословица (выше *Ad. 1*) высказываетъ, что не нужно возбуждать сильныхъ страстей, то эта: Ugnis nepakurstins nekurinas, указываетъ на то, что и страсти, когда ихъ не восполюютъ, пробуждаютъ, — засыпаютъ, не пробуждаются такъ же, какъ и огонь не горитъ, если его не раздуваютъ, разводять.

— Заборъ.

Смр. 96. — Ad. 1. Žemà tvorà visos óškos kopinė (Черезъ низкій заборъ перелѣзаютъ всѣ козы). „Der Ärmere, Schwächere, Niedriggestellte zieht stets den Kürzeren.“²⁾ — „Wo ein Vorthail ohne Mühe zu erlangen ist, da nimmt ihn ein jeder gern mit.“ — — „Wo der Zaun am niedrigsten ist, da steigt er (der Teufel) hinüber.“³⁾ — „Also, wenns einem übel gehet, werden viel Leute gefunden, die seiner noch spoten.“⁴⁾ — „Wo der Zaun am niedrigsten ist, da steigt man über, oder: da springt der Teufel hinüber, d. h. entweder: der Schwache muss sich Alles gefallen lassen, oder ein Jeder habe Acht auf seine schwachen Seiten.“⁵⁾

— Кустарникъ.

Смр. 97. — Ad. 1. Mázas krúms, didžos šáknyš (Маленькій кустъ, но у него большіе корни). Эту пословицу можно примѣнить въ это время, напр., къ датскому королевскому дому. Хотя онъ господствуетъ лишь въ маленькомъ коро-

1) Ср. Wustmann p. 474 № 1178.

2) Wander V 510, 70.

3) Ibid. № 71.

4) Ibid. № 72.

5) Schrader p. 386.

левствѣ, тѣмъ не менѣе своимъ родствомъ онъ распространился на многихъ тронахъ.

δδ) Деревья.

Стр. 97. — Ad. 1. Gėrs mėdis negál pikto váisiaus atnėšt (Дерево доброе не можетъ приносить плоды худые). Для этой пословицы служить источникомъ неперемѣнно Новый Завѣтъ, гдѣ Matth. 7, 18; 12, 33 читаемъ: *Ὁ δὲ δύνεται δένδρον ἀγαθὸν καρποῦς ποιεῖν, οὐδὲ δένδρον σαπρὸν καρποῦς καλοῦς ποιεῖν*; лит. Ne gal gėras mėdis pikto vaisaus nėšti: ney piktas mėdis gėro vaisaus nėšti; лат. Ne var labs koks sliktus auglus nest: nedz sliktis koks labus auglus nest; не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Во французскомъ употребителенъ оборотъ: *Au fruit ont connaît l'arbre.*

— *Ad. 2.* Piktas mėdis negál gėro vaisiaus atnėšt (Ходое дерево не можетъ приносить плоды добрые). У Сенеки гласить эта пословица: *Non potest arbor mala fructus bonos facere.* Срав. предшествующій номеръ Ad. 1.

— *Ad. 3.* Kóks mėdis, tóks ir váisius; Какое дерево, такой и отрасль. „Похвала благонравнымъ дѣтямъ честныхъ родителей.“¹⁾

Стр. 98. — Ad. 5. Снегиревъ невѣрно перевелъ литовскую пословицу: *Kur medzius kert, ten skidras laksta* — „Здѣсь рубятъ дрова, а тамъ щепки летятъ.“²⁾ Надо гласить: Гдѣ рубятъ дрова, тамъ и щепки летятъ.

— Яблонь.

Стр. 99. — Ad. 1. Kókie obelis, tókė ir obúlai (Какова яблонь, таково и яблоко). — Бѣлорусск.: Якій кустъ, такой и отростокъ. Похвала благонравнымъ дѣтямъ честныхъ родителей“ (ср. выше Ad. 3.). Каковы родители, таковы и дѣтки. Тотъ же самый смыслъ выражаютъ пословицы, какъ-то: лат. *Abolis nekrít tálu no кока*; русск.: Яблочко отъ яблонки не далеко откатывается;³⁾ Яблочко не далеко отъ яблонки падаетъ; Яблочко не далеко падаетъ отъ своей яблони; сербск.: Ябука не пада далеко отъ свога стебла; татарская пословица: Яблоки не далеко падаютъ отъ своего дерева;⁴⁾

1) Носовичъ стр. 193.

2) Снегиревъ стр. 127, 4.

3) Даль IV 692.

4) Снегиревъ I 62, 4; 122, 47.

нѣм.: Der Apfel fällt nicht weit vom Stamme; голл.: De appel valt niet verre van den stam; латинск.: Naturae sequitur semina quisque suae; ex patre malo nunquam bonus filius; qualis erat mater, filia talis erit; patrem sequitur sua proles; non procul a proprio stipite poma cadunt. ¹⁾

„Nach diesem Sprichwort sollen Kinder den Aeltern gewöhnlich nacharten, was aber in der That selten genug geschieht. Gäbe es hier eine Statistik, sie würde beweisen, dass es nur ausnahmsweise der Fall ist. Nur vom niedrigen Stamme fällt der Apfel in der Regel nicht weit, rollt aber häufig sehr weit vom hohen ab, weshalb Aeltern von hervorragenden Eigenschaften meist nur Kinder von geringer Begabung, nicht selten von geradezu ganz entgegengesetzten sittlichen und geistigen Eigenschaften haben. Man gebraucht das Sprichwort von Kindern, die des Vaters oder der Mutter Tugenden oder Laster besitzen; aber nichts wäre falscher und ungerechter als vom Charakter der Aeltern unbedingt auf den der Kinder und umgekehrt zu schliessen.“ ²⁾ Укажу здѣсь на отличное при изслѣдованіи этой пословицы съ фізіологической точки зрѣнія сочиненіе Л. Шюкинга. ³⁾

ее) Лѣсъ.

Стр. 99. — Ad. 1. Iš miško gauts, i miška veiz. Прусски говорятъ: „Какъ волка ни корми, а онъ всё къ лѣсу глядитъ“; а татарская пословица: „Положи волчонка въ шапку, онъ не будетъ твоимъ сотоварищемъ.“ ⁴⁾ И по-нѣмски: „Was aus dem Walde kommt, sieht nach dem Walde aus,“ между тѣмъ какъ „Was aus dem Walde bekommen, das schaut nach dem Walde“ просто — переводъ Шлейхера съ литовскаго.

Стр. 100. — Ad. 2. Jū toliaus i miška, jū daugiaus malkos; чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Говорятъ старики, совѣтуя не вдаваться въ сору и тяжбы. ⁵⁾ — „Oft wachsen die Schwierigkeiten, je weiter man in einer Arbeit, in einem Unternehmen, einer Untersuchung vorschreitet. Auch: Ein Fehler, eine Streitigkeit, ein Ungemach zieht andere nach sich.“ ⁶⁾

1) Wander I 106, 14.

2) Wander ibid.

3) Geneanomische Briefe von Levin Schücking. Frankfurt a. M. 1855.

4) Снегиревъ стр. 63, 13.

5) Носовичъ стр. 32.

6) Wander IV 1768, 24.

Стр. 100. — Ад. 3. Plešk lūnkā, kād plýšta; kād prikēps, nespēsi (Срыва́й лы́ко, ко́гда срыва́ется; ко́гда прили́пнетъ, не смо́жешь). Это то же самое, что „Куй желѣзо, пока оно горячо.“ (Ср. выше стр. 298. ๕๕) Кузнецъ).

— Пень (кочка, бугоръ).

Стр. 100. — Ад. 1. Māžas kēras didī vežimā vēŗē (Ма-ленькій пень, маленькая кочка опрокидываетъ большой возъ), т. е., малая причина можетъ причинить большое зло, „ein kleiner Umstand kann ein gross Uebel verursachen.“¹⁾ Эта пословица употребляется латышами именно и въ томъ случаѣ, когда два парня борются и меньшій побѣждаетъ большаго.

ηη) Поле.

Стр. 101. — Ад. 1. Laukai gal tolē regēti o giri tolē girdēti; Лѣсъ слышитъ, а поле видитъ. Шрадеръ объясняетъ эту пословицу такъ: „wenn ein böser Herrscher auf dem Thron sitzt und die Mächtigen des Reiches ihm gleichen, dann rede auch nicht mal im Verborgenen Böses gegen sie, ja hege es selbst nicht in Gedanken. Denn Alles, auch die nicht laut gewordene Gesinnung des Herzens, kommt ihm zu Ohren. In früheren Jahrhunderten drückte man es in lebendiger Fassung aus:

Walt hat oren, velt hat gesiht,

oder: Velt hat augen, walt hat oren.

Und in einem leoninischen Hexameter:

Campus habet lumen et habet nemus auris acumen.“²⁾

Здѣсь рекомендуется осторожность въ сообщеніи тайнъ. Раввинская притча гласитъ: Если ты говоришь ночью, то понижай голосъ, если ты говоришь днемъ, то прежде всего осматривайся.³⁾ — Мысль, что ничего не остается втайнѣ, выражена въ одной сербской пѣснѣ слѣдующимъ образомъ: Цѣловались двое возлюбленныхъ на лугу и они думали, что никто этого не видитъ, но это видѣлъ зеленый лугъ и сообщилъ объ этомъ бѣлому стаду, стадо сообщило это своему пастуху и пастухъ — путнику на дорогѣ; путникъ сказалъ коробельщику на морѣ и коробельщикъ своему кораблю, корабль сообщаетъ водѣ и вода — матери дѣвушки. — Подоб-

1) Stender p. 249.

2) Schrader p. 391.

3) Wander IV 1767, 9. — Düringsfeld I 230 и 231.

ную мысль содержитъ новогреческая народная пѣсня: Голубушка, когда мы цѣловались, — была ночь, кто видѣлъ насъ? Ночь, утро видѣли насъ; звѣзда, луна тоже видѣли насъ; и когда звѣзда закатилась, тогда она это сообщила морю; море сообщило веслу, весло — корабельщику, и корабельщикъ пѣлъ это передъ окномъ своей красавицы. Русскіе говорятъ: Воздухъ имѣетъ тончайшія уши.¹⁾

— О вѣсь.

Стр. 102. — Ад. I. Kùrs arklýs avižú papiltu nēst. Говорятъ, напр., о парнѣ, соблазнившемъ легкомысленную дѣвушку.

— Горохъ.

Тамъ же. Bèrk žirnius i sēna, baú lips; малорусск.: Допикъ, мовъ горохомъ обь стѣну. „Treibt ein erfolgloses, thörichtes Werk.“²⁾

— Пшеница.

Стр. 102. — Ад. I. Notrines aug nesētas, o kvētei ir pasēti neaug, значить: Крапивы, плевелы, худое процвѣтаетъ и его скорѣе принимаютъ, чѣмъ доброе.

— Ячмень, рожь.

Стр. 103. — Ад. I. Kùr mēžei gūl, rugei nētelpa; чешск.: Kde ječne zrno leži, tu nemůže ležeti žitné. „Wird gebraucht, wenn ein Saufaus zum Essen keinen Appetit hat.“³⁾ „Trinker essen wenig“;⁴⁾ или: „Wer viel trinkt, isst wenig.“⁵⁾ Говорятъ, когда у пьяницы нѣтъ аппетита.

88) Камни.

Стр. 103. — Ад. I. Akmū vis ritams, neapžēl. „Въ Сибири же выражается сія пословица такъ: На летячемъ камнѣ мохъ не растетъ.“⁶⁾ — Апостолій объясняетъ: ἐπὶ τῶν διὰ τὰς συνεχεῖς μεταστάσεις πλοῦτον οὐ κερτῆμενον („про тѣхъ, которые вслѣдствіе постоянныхъ переселеній не наживаютъ богатства“).⁷⁾ — „Wer seinen Aufenthalt oft verändert, kommt nicht zu Brod.“⁸⁾

1) Ср. Wander IV 1767, 9 и 1768.

2) Тамъ же I 834, 31.

3) Stender p. 246.

4) Schleicher Lit. Märch. u. Spr. p. 160.

5) Wander I 1574, 25.

6) Снегиревъ I 81.

7) Тимошенко стр. 164. Замѣч.

8) Stender p. 240.

Стр. 104. — Ad. 2. Пословица — *Ir akmā ant vētos guļēdams арауг* — и камень лежа мохомъ обростаеъ, или на одномъ мѣстѣ лежа и камень обростаеъ (Даль 285; II 80), о зажиточныхъ людяхъ, долго сидящихъ на одномъ мѣстѣ, представляетъ не переводъ, а перифразъ греческой пословицы: *Λίθος κολλώμενος φύκος οὐ ποιεῖ* („перекатываемый камень не обростаеъ мхомъ“), которая также находится у одного Апостолія — Арсенія (см. выше) и не встрѣчается болѣе нигдѣ. Славянскія параллели и нѣкоторыя западно-европейскія приводитъ Челяк. 379—380. (См. и выше тексты). Латинская версія — *Musco lapis volutus non obducitur* (ср. тексты), приводимая подъ именемъ П. Сира, вовсе не принадлежитъ классической древности.¹⁾

λλ) Родина, чужбина.

Стр. 106. — Ad. 1. *Kokie šalis, toks ir įprotis.* Въ бѣлорусскомъ: „Што дворъ, то и норовъ. Въ каждомъ семействѣ свои обычаи.“²⁾ У древнихъ была пословица, не встрѣчающаяся, впрочемъ, раньше пареміографовъ II вѣка: *Νόμος καὶ χώρα* („что страна, то и законъ“), т. е. въ каждой странѣ свои законы. Объясненіе Макарія: *ἐπὶ τῶν ἰδίοις κεχρημένων ἥθεσι.*³⁾ Апостолій, кромѣ того, приводитъ еще варіантъ: *Πόλις καὶ τόπος* — что городъ, то и типъ (образецъ, характеръ, норовъ). Таковы прототипы пословицы, которая въ сборникѣ Плянуда находится въ формѣ, буквально соотвѣтствующей нашей русской пословицѣ: *Πόλις καὶ νόμος, χώρα καὶ ἥθος*, — что городъ, то норовъ; что деревня, то обычаи. Г. Куртицъ приводитъ еще новогреческую параллель: *Κάθε τόπος καὶ ζαχόν, κάθε μαχαλάς* (кварталъ) *καὶ τάξι.* Эта пословица въ богатой формѣ. Въ другихъ языкахъ ея, кажется, нѣтъ.⁴⁾

μμ) Народности.

— Гуды, литовцы.

Стр. 107. — Ad. 1. *Devyni Gudai viena aviną pjauja* (Девять гудовъ закалываютъ одного барана); лат.: *Devini Leiši gaili kauj* (Девять литовцевъ рѣжутъ одного пѣтуха). Гово-

1) Тимошенко стр. 294.

2) Носовичъ стр. 188.

3) Масар. VI 11.

4) Тимошенко стр. 137 и 138 № 222.

рять, чтобы осмѣливать слабость, когда нѣкоторые дѣлають работу, съ которою одинъ можетъ справиться.

— Жиды.

Смр. 107. — Ad. 2. Кар *amžinasis Žyds kelau'* (Онъ бродить какъ вѣчный жидъ); нѣм.: *Er ist wie der ewige Jude*; франц.: *C'est le juif errant*.

б) Животныя.

а) Домашнія.

аа) Кошка.

Смр. 108. — Ad. 1. Du katinu vėnami maiši nesutelp; бѣлорусск.: Въ одномъ мѣху два коты не мѣсцюцца. „Въ одномъ домѣ двумъ хозяевамъ тѣсно,“ т. е., два хозяина не могутъ ужиться въ одномъ домѣ.) Одна татарская пословица гласить: „Головы двухъ барановъ не умѣстятся въ одномъ котлѣ.“²⁾

— *Ad. 2.* Jū katę glosto, jū ūdegą kel; Кошка любитъ того, кто гладитъ ее. Такъ говорятъ о похвалѣ. Это значить: чѣмъ болѣе кого-нибудь хвалишь, тѣмъ болѣе онъ становится притязательнымъ; „je mehr man dem Stolzen schmeichelt, desto stolzer wird er.“³⁾

ββ) Козѣль (коза).

Смр. 109. — Ad. 1. Užsigėidė kai ožkà pipirų (Ему хочется какъ козѣ перца). „Eigenthümlich ist die Naschhaftigkeit des Ziegengeschlechts. Die Ziege beschnuppert, beleckt, kostet und versucht Alles, selbst den Pfeffer aus dem Gefässe vom Tische weg; im Garten probirt sie bald den Kohl, bald die jungen Sprossen, bald die Rinde junger Bäume.“⁴⁾ Справ. выше стр. 298. 5) Садовникъ.

— *Ad. 2.* Ožkà nè galvijas, mergà nè šeimyna. По латышской пословицѣ можно заключить, что имѣемъ здѣсь дѣло съ шуткою. Также Носовичъ объясняетъ бѣлорусскую пословицу „Козы не статокъ, а дзѣвки не людзи,“ прибавляя: „Говорять для юмора на счетъ дѣвицъ.“⁵⁾ На-

1) И. Носовичъ стр. 20 и 33.

2) И. Снегиревъ стр. 62, 2.

3) G. Fr. Stender p. 244.

4) Schrader p. 115.

5) Носовичъ стр. 62.

противъ Вандеръ говоритъ: „Der Sinn davon ist: Eine Ziege macht noch keinen (zum Ackerbau erforderlichen) Viehstand und eine Magd kein Dienstboten-Personal aus.“ ¹⁾

Стр. 110. — Ad. 4. Rēk kaip āzys ī turgū vedams (Кричитъ какъ козель, котораго ведутъ на ярмарку). Въ бѣлорусскомъ встрѣчается вариантъ: „Кричиць, на чимъ свѣтъ стоиць.“ По Носовичу: „Говорять о кричащемъ отъ боли.“ ²⁾ Франц.: Crier les hauts cris; лат.: blaut lēlā blāušānā; порусски обыкновенно говорятъ: „Ругаться на чемъ свѣтъ стоитъ.“

77) Лошадь.

Стр. 110. — Ad. 1. Arklys ir kėturems kājems klump, nedėvs zmāgui apsirikte; Конь на четырехъ ногахъ, да спотыкается. Въ литовскомъ эта пословица встрѣчается и въ рѣчи пригласителя на свадьбу, народномъ свидѣтельствѣ, относящемся къ литовскимъ свадебнымъ обрядамъ. ³⁾ Носовичъ замѣчаетъ къ соотвѣтствующей бѣлорусской пословицѣ: „Говорится шуточно въ извиненіи своей или чужой ошибки, особенно въ словахъ.“ ⁴⁾

Стр. 111. — Ad. 2. Ant kumėlės jōji, o kumėlės jėskai; бѣлорусск.: На коню сядиць и коня пытаецъ. „Говорять съ насмѣшкою на счетъ того, кто, имѣя предъ глазами, или въ рукахъ что либо, спрашиваетъ о томъ у другихъ.“ ⁵⁾ По-латышски: Zirgu jāj, zirgu meklē. „Wird gebraucht, wenn jemand in Gedanken etwas sucht, was er in Händen hat, oder selbst nicht weiss, was er thut.“ ⁶⁾

88) Свинья, гусь.

Стр. 112. — Ad. 1. Lētioje kiaule gilesnė saknī knis (Тихая свинья вырываетъ глубочайшій корень); „тихая вода берега подмываетъ; ⁷⁾ „ist so viel, als: still Wasser hat tiefen Grund.“ ⁸⁾ Ср. выше стр. 93, 2.

— *Ad. 2.* Šnek kaip kiauli su žousi; лат.: Runā kā cūka

1) Wander V 573, 43.

2) Носовичъ стр. 69.

3) Schleicher Lit. Märch. etc. p. 190.

4) Носовичъ стр. 67.

5) Тамъ же стр. 85.

6) Stender p. 253.

7) Павловскій I 93.

8) Stender p. 249.

ar zūsi (Бесѣдуетъ какъ свинья съ гусемъ). — Говорятъ о людяхъ, напрасно много говорящихъ другъ съ другомъ, а не понимающихъ другъ друга.

— Поросянокъ.

Смр. 112. — Ad. 1. Paršeli perkant reik ji iš žako ištrauktis (При покупкѣ поросенка надо вынять его изъ мѣшка). Едва-ли служить объяснениемъ нашей пословицы то, что Вандеръ прибавляетъ нѣмецкой поговоркѣ Eine Katze im Sack kaufen, говоря: „Es soll dies eine dünne unhaltbare Leinwand sein, die man durch Stärke und Appretur sehr steif macht, dass sie dem Käufer haltbar erscheint, sofort aber lappig wird, wenn die Stärke heraus ist.“¹⁾ И то едва-ли основательно, что Д-ръ Шрадеръ въ этой пословицѣ предполагаетъ что-то мифическое (einen mythologischen oder sagenhaften Hintergrund). Онъ говоритъ: „Sehr bekannt ist das Wort: die Katze im Sack kaufen. Auf gewöhnliche Vorgänge des Lebens lässt es sich nicht wohl beziehen; denn Katzen werden nicht gerade zu Markte gebracht und am wenigsten in Säcken, und selbst wenn das geschähe, würde jemals schwerlich ein Käufer buchstäblich die Katze im Sacke kaufen; er müsste ja auch gleich den Sack mitkaufen und bezahlen, welcher den Preis der Katze doch weit übersteigt. Das Wort wird sich wohl auf die mysteriöse Fabel früherer Zeiten vom Heckthaler beziehen. Man konnte sich einen solchen verschaffen, wenn man in der Neujahrsnacht mit einer Katze im Sack an die Kirchthür ging und um Mitternacht den Teufel rief. Dieser erscheint, fragt, was im Sacke sei, und erhält die Antwort: ein dreibeiniger Hase. Er kauft ihn für einen Thaler und wird den Betrug erst beim Morgenlichte gewahr, wo er über den Verkäufer keine Macht mehr hat. — Nicht richtig erscheint uns Büchmann's Erklärung: Till Eulenspiegel näht eine Katze in ein Hasenfell, steckt sie in einen Sack und verkauft sie den Kürschnern für einen Hasen. — Der Sinn ist: etwas unbesehen kaufen, sich aufbinden lassen und somit leicht betrogen werden.“

Дассъ sonst auch Katzen für Hasen ausgegeben werden, zeigen viele Speisehäuser, wo Katzenbraten für Hasenbraten aufgetischt und verspeist werden (wie Ziegen statt Gensен). Wir erinnern an den Schluss des Goethe'schen Gedichtes „Katzenpastete“:

¹⁾ Wander II 1203, 784.

Die Katze, die der Jäger schoss,
Macht nie der Koch zum Hasen.“¹⁾

У Вустмана читаемъ: „Die Katze (das Schwein) im Sacke kaufen. S. v. w. etwas kaufen, ohne es gesehen zu haben. Hildebrand wiederholt dazu die alte Erklärung von Frisch „nemlich anstatt eines Hasen,“ die einen auf den ersten Blick anspricht, aber doch nicht Stich hält. Denn nicht nur die heutige Betonung und die Nebenform „Das Schwein im Sacke kaufen,“ sondern auch die ältesten Formen der Redensart lehren, dass ursprünglich nur vor der Thorheit gewarnt werden soll, irgend welche Ware unbesehen zu kaufen, nicht ein betrogener Käufer verspottet werden soll. Bei Freidank, beim Winsbecken, bei Hugo von Trimberg und in alten Priameln heisst es immer nur: Wer im Sacke kaufet, ähnlich beim Spervogel: Swer koufet ungeschouwet vil. Die Katze, die sich dann in dem Sacke einstellt, bezeichnet einfach den Kaufgegenstand, nicht die falsche Ware. Sonst könnte es nicht in Niederdeutschland heissen: Man kopt keen Katt' in'n Sack, vollends aber nicht im Hennebergischen: Die Sau keft me net im Soack. Frisch ist vermuthlich dadurch auf seine Erklärung gekommen, dass er es für unmöglich gehalten hat, überhaupt Katzen kaufen zu wollen; dagegen vgl. die Bemerkung von Kern und Willms (Ostfriesland wie es denkt und spricht, № 697): „Schwarze Katzen werden von Pelzhändlern gern gekauft; gelbe, grüne oder gefleckte sind wertlos.“²⁾

Стало-быть, только-что приведенныя объясненія нашей пословицы доказываютъ совершенно ясно, что здѣсь нѣтъ рѣчи ни о чемъ-нибудь миѳическомъ, ни о замѣнѣ кошки зайцемъ. Что это такъ, свидѣтельствуютъ и наши источники, гдѣ вмѣсто кошки названы и другіе покупаемые предметы, какъ-то: 1) поросѣнокъ (лит. paršelis, лат. sivens, шведск. grisen, норв. grisen, англ. pig, pug и нѣм. Sau, Schwein); 2) рѣпы (въ португальскомъ nabos). Кошка встрѣчается въ русскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ (kat), датскомъ (katten), французскомъ (chat), итальянскомъ (la gatta) и испанскомъ (gato). Стало-быть, пословица эта безъ отговорокъ хочетъ только сказать, что не слѣдуетъ покупать вещей, не посмотрѣвъ

1) Schrader p. 181, 7.

2) Wustmann p. 399 № 997.

ихъ: Купить вещь, не выдавъ ея.“¹⁾ По-бѣлорусски: „Кота въ мѣшку не купляюць. Говорять о заочной или тайной покупкѣ, мѣнѣ, продажѣ или сватовствѣ.“²⁾

§5) Собака.

Стр. 113. — Ad. 1. Paskutinį šūnės piūje; лат. Beidzamū suņi rej (Послѣдняго кусаютъ собаки). „Der letzte Gläubiger verliert allein oder doch am meisten bei Subhastationen und Concursprocessen.“³⁾ Въмѣсто собаки во французскомъ это — волкъ (loup), въ нѣмецкомъ — волкъ рядомъ съ собакою и въ латинскомъ (у Горация) — чесотка (scabies).

— *Ad. 2.* Strampūs išmėtęs neturėsi kūmi šunų atsiginti (Сбросивъ палку, чѣмъ отмахнешься отъ собакъ). Говорять при брани и ссорѣ, подобно нѣмецкому: „Er hat sein Pulver verschossen.“ — „Etwa wie ein Jäger auf Sperlinge; und nun, wo er Wölfen gegenüber steht, hat er nichts. Also: jetzt, wo es darauf ankommt, kann er nichts mehr leisten.“⁴⁾ — Подобный смыслъ выраженъ здѣсь литовскою и латышскою пословицами. Если ты противъ слабого противника употребляешь всѣ средства для защиты, чѣмъ будешь защищаться противъ болѣе могущественныхъ враговъ, каковы, напр., и собаки? Въ литовскомъ и латышскомъ встрѣчается здѣсь очень первобытное орудіе (дубина, палка). И врагъ тамъ не особенно опасный: собака, а не волкъ. Нѣм. пословица могла слагаться только со времени огнестрѣльнаго оружія, а балтійская можетъ быть такъ стара, какъ самъ ея языкъ. По-русски говорятъ: „Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай.“⁵⁾

Стр. 114. — Ad. 6. Ams, ama, ama visi šūnys lōje (Амъ, амъ, амъ — всѣ собаки лаютъ). „Der Kuckuck ruft seinen eigenen Namen aus; zieh dich selbst bei der Nase.“⁶⁾

Стр. 115. — Ad. 9. Šū bė skolós (Собака безъ долговъ). Ein Hund hat keine Schulden. „Man will damit sagen, dass alle Leute Schulden haben, nur ein Hund habe keine.“⁷⁾ Это объ-

1) Павловскій II 1087.

2) И. Носовичъ стр. 68.

3) E. E. Klein's Merkwürdige Rechtsprüche der hallischen Juristen-facultät, Berlin 1797, Bd. 2., № 33. — Wander III 46.

4) Schrader p. 271.

5) Снегиревъ стр. 111.

6) Nesselmann p. 5.

7) Wander II 837 № 434. — Cp. Schleicher Lit. Märch., Spr. etc. p. 165.

ясненіе даетъ самъ народъ во второй отлученной половинкѣ или части этой пословицы, по-литовски: *Visi žmones skolù tūr* (Всѣ люди имѣють долги); по-латышски: *bet gan cilākam — sc. ir paradi* (но у человѣка долги).

Смр. 115. — Ad. 10. *Strūks šū bē ādegōs, su ādega būtu ilgēsnis* (Коротка собака безъ хвоста, съ хвостомъ — длиннѣе). Затѣмъ слѣдуетъ литовское объясненіе: *rāsi: žmogūs jū turtingēsnis jū ir garbingēsnis.*¹⁾ (Это вѣроятно значить: чѣмъ зажиточнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ и болѣе достопочтененъ). Лат. *sunis bes astes* (собака безъ хвоста) по Стендеру „*wird gebraucht, wenn jemand etwas von seinen Kleidern verloren, und ohne Hut, Mütze (oder Degen) gehen muss.*“²⁾ Вторая половина здѣсь не выражена; ее надо дополнить: *ar asti būtu gaṛaks* (со хвостомъ она была бы длиннѣе), т. е. полнѣе, нормальнѣе, красивѣе, любимѣе; ей тогда ничего не доставало бы, у нея ничего не было бы потеряно. Примѣняя этотъ взглядъ къ человѣческимъ житейскимъ отношеніямъ, получимъ нравоученіе, соотвѣтствующее литовскому объясненію, выражающему: чѣмъ зажиточнѣе, богаче и вліятельнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ товарищей, приверженцевъ, тѣмъ болѣе у него почестей.

— *Ad. 11.* *Nēks dar nemate, kad šū milētu katē.* Какъ кошка съ собакой дружны, или лады, что у кошки съ собакой (Даль 855; II 185). „Wenn wir von zweien sagen: sie sind wie Hund und Katze, so drücken wir damit bildlich aus, dass sie fortwährend Streit mit einander haben, sich nicht vertragen können. Der Vergleich liegt nahe und ist höchst bezeichnend: jeder hat es gesehen, wie der Hund, sobald er die Katze erblickt, auf sie losfährt und sie heftig anbellt, während sie einen Buckel macht und zum Sprunge oder zum Schlage bereit ihn anfaucht.“³⁾ Уже въ „Bescheidenheit“ Фрейданка мы читаемъ (138, 5):

„Bi hunden und bi katzen
was bizen ie und kratzen.“⁴⁾

Пословица эта очень распространенная и встрѣчаемая уже у грековъ. Одна новогреческая параллель приведена Курт-

1) Schleicher Lit. Lesebuch u. Glossar p. 99. Anm.

2) Stender p. 254.

3) Wustmann p. 240 № 599.

4) Ср. тамъ же.

цомъ; многочисленныя славянскія мы имѣемъ въ сборникѣ Челяк. 53.¹⁾

Смр. 116. — *Ad. 12.* Ar tūr šū gėdos? лат. Va sunim ar' kauns? (Стыдится ли собака?). Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится прибавить мысленно: Нѣтъ, у ней нѣтъ стыда. Такъ спрашиваетъ и такъ мысленно прибавляетъ какъ литовецъ, такъ и латышъ, чтобы намекнуть на безстыдство, наглость.

— *Ad. 13.* Kād šū nebūtu šķeš, tai būtu zūikī sugāvēs. Пока собака отдохнула, заяцъ ужъ за горами. — Въмѣсто зайца въ голл. и франц. пословицахъ встрѣчается волкъ; въ датскомъ какъ заяцъ (haren), такъ и волкъ (ulven). Говорятъ „Zum Langsamen, der zur Sache zu spät kommt.“²⁾

— *Ad. 14.* Ne laiks šūnis lakinti, kad vilks badoje; Нельзя, когда на охоту ѣхать, тогда и псовъ кормить. Болѣе распространена эта пословица въ литовскомъ въ видѣ: Kad vėlks kėmė, tad šūnė lakin (Когда волкъ въ деревнѣ, тогда кормятъ собаку); по-латышски: Tad suni baro, kad vilks pē vārtēm (v. kad avīs, ср. текстъ), значить: „Den Brunnen zuschliessen, wenn das Kind schon ertrunken ist.“³⁾ или: „Den Stall zuschliessen, wenn das Pferd weg ist.“⁴⁾ — „Den Brunnen zudecken, wenn das Kind, das Kalb hineingefallen ist,“ т. е., во избѣжаніе несчастья примѣнять мѣропріятія, когда уже поздно. — „Die Parömie geht auf eine der Schildbürgergeschichten zurück, также пословицы: „den Stall zuschliessen, wenn das Pferd, die Kuh gestohlen ist,“ die Spritzen kommen lassen, wenn das Haus abgebrannt ist,“ т. е., поздно спѣшить на помощь.

Такого рода пословицы встрѣчаются и въ англ.: to shut the stable-door, when the steed is stolen; франц.: fermer l'étable, quand les chevaux n'y sont plus, quand les vaches sont prises; латинск.: grege amisso septa claudere, sapere post factum, sero sapiunt Phryges, mus picem gustans, post festum; clipeum post vulnera sumere, Ovid. Trist. 1, 3, 35; navem mortuo applicare, Quintil. Declamat. 8, 6, 47.⁵⁾

Смр. 117. — *Ad. 15.* Daug šūnū ir vilk' papjaune; Двѣ собаки всегда смерть зайца. Въ литовскомъ, латышскомъ,

1) Тимошенко стр. 155, № 264.

2) Wander II 833 № 330.

3) Stender p. 241.

4) Ibid. p. 254.

5) Ср. Wustmann p. 88 № 215.

кроатскомъ это — волкъ, получающій смерть отъ многихъ собакъ; напротивъ въ русскомъ, польскомъ, вендскомъ, чешскомъ, нѣмецкомъ, датскомъ, норвежскомъ, шоттландскомъ и латинскомъ это — заяцъ, противъ котораго обращается много собакъ. Въ голландскомъ и итальянскомъ это — какъ волкъ, такъ и заяцъ, а именно въ итальянскомъ рядомъ съ этимъ сто гусей, наносящихъ смерть волку (*Cent' ocche ammazzano un lupo*). Въ испанскомъ много соколовъ, нападающихъ на цаплю и убивающихъ ее, во французскомъ, наконецъ, эта пословица имѣетъ болѣе общее изложеніе, указывающая только на число, превосходящее число, что именно это одно можетъ кого-либо уничтожить (*Enfin on est accablé par le nombre*). „Der Menge von Verfolgern unterliegen zuletzt Helden, nicht nur Hasen. Viele über einen macht die Klugheit selbst rathlos. Eine Zeit lang kann's einer schon aushalten, aber auf die Dauer ist der Sieg der Mehrzahl.“¹⁾

Смр. 118. — Ad. 16. Kas ꙗls šun' ódeg', ka ne pàts (Кто подниметъ хвостъ собакъ, если не она сама). По-бѣло-русски: Кто-жъ бы цѣбе похваливъ, коли бъ не ты самъ себѣ? — Говорятъ о самохвальствѣ; ржаная каша сама себя хвалить;²⁾ — „Eigenruhm stinkt.“³⁾

— *Ad. 17.* Kaip šū atsigulēs ant šēku, ne pats jed, ne kitam dūd; Какъ собака, на сѣнѣ лежитъ: и сама не ѣстъ, и другимъ не даетъ. Греки въ томъ же смыслѣ говорили, напр.: *Κύων ἐν φάτνῃ: πρὸς τοὺς μῆτε ἑαυτοὺς χρῶμενους μῆτε ἑῶντας* (см. текстъ). Первоначальный источникъ этой пословицы — вѣроятно басня Эзопа подъ тѣмъ же заглавіемъ — *Κύων ἐν φάτνῃ* (ср. выше стр. 239); затѣмъ она встрѣчается у Лукіана (*Tim. 14; adv. ind. 30*)⁴⁾ и въ сборникахъ пареміографовъ (см. тексты и срав. выше стр. 239 и 240). У римлянъ по всей вѣроятности не было этой пословицы: по крайней мѣрѣ, она не встрѣчается у латинскихъ писателей; латинская версія — *canis in praesepi* принадлежитъ Эрасму.⁵⁾ Изъ новыхъ народовъ ее сохранили, сколько намъ извѣстно, околи десяти (см. тексты).

1) Wander II 860 № 984.

2) Павловскій II 372.

3) или: Eigenlob stinkt.

4) Тимошенко стр. 20 № 22.

5) Ср. тамъ же.

β) Дикія животныя.

αα) Бѣлка.

Стр. 119. — Ad. I. Voveré ant šakós o jaú jěšmą drózie; Неубивши медвѣдя, не продавай шкуры: Значить положиться на сомнительную выгоду. „S. v. w. auf unsichere Vortheile rechnen.“ — „Die Redensart schreibt sich her von der bekannten Fabel von den zwei Jägerburschen, die den Wirth mit der Haut des noch nicht erlegten Bären zu bezahlen versprechen.“ (Срав. стр. 121, 2). Syll. 38: „Ante lentem augere ollam. Die Haut verkauffen, ehe denn der Behr gestochen ist. Für die Wiege sorgen, ehe denn das Kind gezeuget ist.“ Syll. 64: „Capra nondum peperit, et hoedus iam ludit in tectis. Die Geyss hat noch nicht geworffen, die Kütze aber, oder das Böcklein spielet schon im Hauss, das ist, Er rühmet sich des Fleisches, und hat die Brühe noch nit gesehen.“¹⁾ — „Der Ausdruck die Bärenhaut verkaufen, ehe der Bär gestochen (erlegt) ist, bedarf der Erklärung nicht eigentlich. Ihr Sinn erhellt aus der Fabel, wo zwei Gascogner (или Jägerburschen, ср. выше), die den Wirth mit der Haut“ и т. д., какъ это уже выше сообщено. — „Wenn Grimm zu diesem Ausdruck sagt: für die Wiege sorgen, ehe das Kind geboren ist, so scheint das den Sinn zu verdunkeln.“²⁾ Я не понимаю, почему выше Гриммомъ сказанное должно затемнять смыслъ этой пословицы; ибо какъ то, такъ и другое выражаетъ антипацию.

ββ) Волкъ.

Стр. 119. — Ad. I. Vilko bebeginédams, užbėgsi lŭkį; Отъ волка бѣжалъ, да на медвѣдя попалъ. Въ томъ же смыслѣ греки говорили: *Τὸν χαπνὸν φεύγων, εἰς τὸ πῦρ ἐνέπεσεν* („Изъ дыма попасть въ огонь“). *Τὸν χαπνὸν φεύγων εἰς τὸ πῦρ ἔπεσον*: ἐπὶ τῶν τὰ μυχρὰ τῶν δεινῶν φευγόντων καὶ εἰς μείζονα ἐπιπτόντων, или „изъ горячей золы въ огонь (*Σποδὸν φεύγων εἰς πῦρ ἐπιπτῶσα* Масар VII 77), или, наконецъ, „изъ золы на горящіе уголья (*Μὴ τὴν τέφραν φεύγων, εἰς τὴν ἀνθρακῶν ἐμπέσης* Apost. XI 37 и XVI 41 съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἀπὸ ἡττόνων χεῖροισι περιπεσόντων χακοῖς); русская: Изъ огня да въ палымя,³⁾ т. е. изъ

1) Wustmann p. 50 № 117.

2) Schrader p. 220.

3) Снегиревъ I 101; Даль III 275.

одной бѣды въ другую (горшую). Славянскія пословицы еще ближе къ греческимъ, чѣмъ русская, напр., чешская: *Z dymu do ohne padnouti; z rostu do uhli upadnouti* (Čelak. 626). Изъ классическихъ авторовъ пословица — *καπνὸν φεύγων εἰς πῦρ ἐμπίπτωκεν* (или *ἑαυτὸν ἐνέβαλεν*) раньше всего встрѣчается у Платона (resp. VIII 569 B), затѣмъ у Плутарха (*de vitioso pud.* 9) и Лукіана (Несуом. 4), а изъ римскихъ писателей только Аммианъ Марцеллинъ приводитъ это *proverbium vetus: de fumo in flammam.*¹⁾ Визатійскія, арабскія и турецкія параллели приводитъ Крумбахеръ (*Mittelgriech. Sprichw.* p. 200). Родственную по значенію русскую пословицу — отъ дождя да подъ капель (Даль II 87) и малорусскую — *З дощу та під ринву* (Ном. 1791)²⁾ срав. съ нѣм.: *Aus dem Regen in die Traufe kommen. S. v. w. ein Uebel vermeiden und dafür einem andern, schlimmern verfallen.* Эта нѣм. пословица первично относилась къ тому, кто бѣжалъ отъ дождя подъ выдающуюся крышу дома, но при этомъ попадалъ въ сточную воду и дѣлался мокрымъ до костей. Также: *Vom Galgen auf das Rad kommen. Der der Troffen entlauffen wil; der kömpt mit all in den Platzregen. Ich wil den Rauch umbgehen, und komme gar ins fewr.* Еще иначе у Лютера въ „*Ermahnung zum Frieden auf die 12 Artikel der Bauerschaft in Schwaben*“: „*Sehet euch vor mit eurer Freiheit, dass ihr nicht dem Regen entlaufft und fallet ins Wasser.*“ Срав. англ.: *to fall out of the frying pan into the fire*; франц.: *tomber de la poêle dans la braise*; латинск.: *de calcaria in carbonariam pervenire* (Tertull. Carn. Chr. 6); *tendere de fumo ad flammam* (Ammian. 14, 11; 28, 1); Syll. 94: *Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim.*³⁾

Источникомъ этой старинной пословицы служитъ рассказъ въ Одиссеѣ. Одиссей во время своего странствованія, боясь, пропасть Харибды, попалъ на Сциллу, ужасно ему повредившую: она отобрала (по преданію въ видѣ шестиручной собаки) отъ него шесть его спутниковъ. — Харибда и Сцилла это сегодня — имена двухъ высокихъ, крутыхъ, выдающихся въ море скалъ у бруттическаго берега, недалеко отъ Мессинской гавани. При недостаточной мореходной наукѣ прежняго времени не мудрено, что эти скалы были очень

1) Снегиревъ тамъ же. Ср. Amm. Marc. XIV 11, 12 и XXVIII 1, 26.

2) Тимошенко стр. 60, № 80.

3) G. Wustmann p. 389 № 974.

опасны, между тѣмъ какъ теперь тамъ о какой-нибудь особенной опасности не можетъ быть и рѣчи. — Ср. Erasmus, Ad.: Evitata Charybdi in Scyllam incidi¹⁾. —

Между тѣмъ какъ нѣм. пословица предостерегаетъ отъ опасности, грозящей дома съ крыши, латинская указываетъ на опасности мореходца въ проливѣ, то лит., лат. и русск. пословицы ведутъ насъ на свободное поле и въ первобытный лѣсъ, гдѣ человѣку грозилъ раньше, въ старое время, нападеніемъ волкъ и медвѣдь и иногда грозить и теперь еще. Что въ одномъ лит. вариантѣ вмѣсто волка встрѣчается лисица (lare) и вмѣсто медвѣдя — волкъ (vilkas), это доказываетъ только, что это изреченіе уже давно не употребляется больше въ буквальномъ, но переносномъ смыслѣ (какъ это является обыкновеніемъ у пословицъ), — изъ одной опасности попасть въ другую, большую.

Смп. 120. — Ad. 2. Sù vilkù neársi, sù meškà ne-ekési (Съ волкомъ не будешь пахать, съ медвѣдемъ — боронишь), т. е., корми и воспитывай хорошо лошадей, рабочій скоть; ибо чѣмъ иначе исправишь полевую работу, волка и медвѣдя изъ лѣсу какъ разъ не приведешь.

е) Медвѣдь.

Смп. 120. — Ad. 1. Gĩrio lĩkĩus iĩsmokin, o žmogaũs neĩsmokin; и медвѣдя люди учать. Такъ говорится „о трудности науки“²⁾. По-бѣлорусски: и медзвѣдзя вучиць. Говорятъ на счетъ трудности научить непонятливаго“³⁾. — „Dem Menschen bringt man die Lehre nicht völigg bei“⁴⁾. Von einem, der sehr schwer Lehre und Bildung annimmt“⁵⁾.

Смп. 121. — Ad. 2. См. выше стр. 319. аа) Бѣлка.

б) Птицы.

а) Домашнія.

аа) Курица.

Смп. 122. — Ad. 3. Paũtas viĩštà nĩr pĩrkytrauti; Яйцо курицу учить. У грековъ эта пословица выражена немного

1) Wustmann p. 94 № 230.

2) Даль стр. 1057.

3) Носовичъ стр. 56.

4) Nesselmann p. 184. — Wander I 3.

5) Wander IV 1768, 19.

иначе: ὅς ποτ' Ἀθηναίων ἔριψεν ἤριον, а именно чаще въ болѣе короткомъ видѣ ὅς πρὸς Ἀθηναίων или ὅς Ἀθηναίων; у римлянъ: sus Minervam, свинья борется противъ богини Мудрости, дуракъ и неразумный дерзаетъ на сопротивление разумнымъ. Обыкновенно говорятъ и sus Minervam docet или docere vult (свинья хочетъ учить Минерву); менѣе грубо выражено въ балтійскомъ и нѣм.: Das Ei will klüger sein als die Henne. Не убѣдительно, когда Шрадеръ думаетъ, что нѣмецкая пословица слагалась по древнимъ языкамъ¹⁾. Ибо гораздо вѣроятнѣе, что эта пословица о яйцѣ и курицѣ образовалась самостоятельно. Эта пословица, какъ можно убѣдиться по нашимъ текстамъ, встрѣчается кромѣ нѣмецкаго еще въ десяти другихъ языкахъ. И это не простые переводы, но большею частью самостоятельныя образования, имѣющія всѣ только исходною точкою яйцо и курицу. „Яйцы курей вучица. Говорятъ, когда младшій старшему или неопытный опытному дѣлаетъ наставленіе“²⁾. — „Strafender Spott auf die vorwitzige Jugend, die alles besser wissen will, als das erfahrene, kenntnisreiche Alter.“ — „Der Junge, Unerfahrene will den Alten, Erfahrungsreichen belehren, tadeln, zurechtweisen“³⁾. То же самое выражаетъ очень грубо лат. пословица: Sūds māca dirseju (Stender p. 253).

β) Близкія человѣческому жилью птицы.

αα) Воробей.

Смр. 123. — *Ad. 1.* Gerésnis žvirblis rānkoje, nekaī elnis girioje; лат. Labāk zīle rokā, ne kā medenis kokā; Синица въ рукахъ — лучше соловья въ лѣсу. Эта пословица встрѣчается у множества различныхъ народовъ и различны и многочисленны птицы и животныя, упоминаемыя во многихъ вариантахъ. Въмѣсто нашихъ разныхъ птицъ и животныхъ въ пословицѣ греки ставили орла: ἀετὸς ἐν νεφέλαις, т. е. „орелъ въ небѣ (въ облакахъ)“, по объясненію пареміографовъ, ἐπὶ τῶν δυσσάλωτων — о томъ, что трудно поймать, οὐ γὰρ ἀλίσχεται ἐν νεφέλαις⁴⁾. „Пословица встрѣчается у Аристофана (Equ. 1013 и Av. 978) и, по словамъ схолиаста, ведетъ начало отъ ора-

¹⁾ Schrader p. 197.

²⁾ Носовичъ стр. 193.

³⁾ Wander I 752, 37 и 38.

⁴⁾ Macar I 40; Apost. I 45.

кула, даннаго аѣинскому народу (cf. Plut. Demoth. 19)¹⁾. — Арабы и египтяне говорятъ: Тысяча журавлей въ воздухѣ не стоитъ одного воробья въ рукахъ²⁾. Предпочитая вѣрную и малую выгоду невѣрной, хотя и большой, литовцы и латыши вмѣстѣ со многими другими народами употребляютъ эту пословицу, означающую вообще, что — „То лучше всего, что есть у кого“; τὰ ἐν χειρὶ κρατούμενα μείζονά ἐστι τῶν προσδοκωμένων. „Die jungen Gesellen sollen auch hier den gemeinen Vers merken: Plus valet in manibus passer quam sub dubio grus. Es ist ein Sperling in der Hand besser denn ein Kranich auf dem Dache“³⁾.

Хотя эта пословица во многихъ (23) здѣсь встрѣчаемыхъ языкахъ по смыслу совершенно соотвѣтствуетъ другъ другу, однако о простомъ переводѣ ея изъ одного на другой языкъ рѣчи быть не можетъ, такъ какъ въ каждой изъ нихъ замѣчаются рядомъ съ согласнымъ отличныя, своеобразныя черты. Хотя, напр., находится воробей въ литовскомъ (žvirblis) такъ же, какъ, напр., въ польскомъ (wróbel), чешск. (vrabec), нѣм. (Sperling), датск. (spurv), англ. (sparrow), латинск. (passer), франц. (moineau), испанск. (pajaro, рахаро), португальск. (passaro, passarinho), румынск. (passare, vrabiă) и ретороманск. (spaz), однако орелъ (ἀετός) встрѣчается исключительно въ греческой и олень (élnis) лишь въ литовской пословицѣ. Съ другой стороны, обозначаетъ, конечно, въ латышской пословицѣ zīle и въ русской синица, ту же самую птицу, именно родъ маленькихъ птичекъ, но глухаремъ (mednis въ лат. пословицѣ) и соловьемъ (въ русской) онѣ отличаются другъ отъ друга и, въ виду еще другихъ маленькихъ отличительныхъ чертъ, утверждаютъ эти пословицы свою оригинальность и самостоятельность.

γ) Дикія птицы.

αα) Ворона, воронъ, орелъ.

Смп. 126. — Ad. I. Kùr maità, tèn ir bevėik bús varnos; лат. Kur maita, tur kraukļi (v. érgļi) saskrīn (Гдѣ падаль, тамъ собираются вороны). Это — старинная, уже въ библии встрѣчаемая пословица. Іовъ 39, 30: כַּאֲשֶׁר תִּלְלֶרֶם שָׁם הֵיאָה (Гдѣ трупъ,

1) Тимошенко стр. 50 № 65.

2) Wander IV 687, 18; 688, 19.

3) Wander IV 687, 18.

тамъ и онъ, sc. орелъ); Matth. 24, 28; *ὅπου γὰρ ἐστὶν ἡ τὸ πτῶμα, ἐκεῖ συναθροῦνται οἱ δέσποται*; гдѣ будетъ трупъ, тамъ соберутся орлы; лит.: *kur nes bus maita (lavonas), surinks ten ir erėlei*; лат.: *jo kur maita, tur saskreen ėrglį*; Wo ein Aas ist, da sammeln sich die Adler etc. Эта пословица употребляется теперь во многообразномъ значеніи. „Man wendet es an auf vornehme Herren, die viel Bedienung hatten, bei Glücksrittern, die gewinnstüchtige Leute zum Spiel verlocken, auf feile Dirnen“¹⁾.

Смп. 126. — Ad. 2. Tokie varna perta, tokie neperta; лат.: *Tāda vārna pērtā, tāda nepērtā* (Такова ворона мыта, парена, такова немыта, непарена). „Говорятъ, кромѣ буквального смысла, и о неисправимыхъ никакими истязаніями, тѣмъ болѣе убѣжденіями“²⁾. Эта пословица обращается противъ неисправимыхъ, „wider die, die sich nicht weiss und reinlich halten, imgleichen, die wie der Wolf die Haare, aber nicht ihre Nicken verwerfen“³⁾; по-латышски: *Sun's met gan spalvu, bet ne savu dabu*.

— *Ad. 3.* Vārna vārnos akēs nekerta; лат.: *Vārna vārnai acēs necērt*; Воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Первые слѣды этой, можно сказать, международной пословицы, существующей едва-ли не во всѣхъ языкахъ (см. и Челяк. 39 и М. Михельсонъ стр. 54), находятся въ сочиненіи грамматика V вѣка, Макробія, у котораго встрѣчается выраженіе: *tamquam cornix cornici oculos effodiat* (Macrobian. VII 5 § 2). Отто подъ № 436 приводитъ изъ Григорія Турскаго (писателя VI вѣка) цитату, въ которой выраженіе это трактуется уже какъ „извѣстная пословица“: *impletur in te „pro-verbium illud“, quod corvus oculum corvi non eruit*⁴⁾. — „Par pari gaudet. Равный равному радъ. Люди одного сословія другъ другу не вредятъ“⁵⁾. — *Man fügt seines Gleichen nichts Böses zu*⁶⁾. Въ испанскомъ встрѣчается вмѣсто вороны, ворона волкъ (lobo). Тамъ гласить: *Con un lobo no se mata un otro* (съ однимъ волкомъ не дерѣтся другой).

ββ) Дятель.

Смп. 128. — Ad. 1. Genýs márgs, o svēts margēsnis (Дя-

1) Wander I 4 № 13.

2) Носовичъ стр. 196.

3) Stender p. 254.

4) Тимошенко стр. 148 № 243.

5) Носовичъ стр. 16.

6) Павловскій II 797.

тель пестрь, но свѣтъ еще пестрьѣ). Нѣмецкая пословица — простой переводъ литовской. Настоящая нѣмецкая поговорка, это — „Es geht in der Welt bunt, wunderbar zu“ ¹⁾. По-латышски говорятъ: Pasaule ēt jo raibi. Финны говорятъ: Дятель — пестрь въ лѣсу, а человѣческая жизнь еще пестрьѣ. Литовцы и латыши, какъ видно, имѣютъ также эту пословицу, выражающую житейскую мудрость картиною, заимствованною сыномъ природы отъ ближайше окружающаго его міра, лѣса. — „Lassen sich richtiger und schöner alle Freuden und Leiden unsers Lebens, alle seine Hoffnungen und Täuschungen im Bilde ausdrücken, als wenn man sie mit dem bunten Gefieder des Spechts vergleicht“ ²⁾

II. Поговорки, обороты, прибаутки, идиотизмы.

1. Ихъ характеристика.

Въ изученіи языковъ лежитъ что-то чарующее. Да, что-то чарующее, захватывающее насъ такъ же, какъ и весна своимъ приходомъ, своимъ пріятнымъ, освѣжающимъ воздухомъ, когда она снимаетъ морозное покрывало съ безчисленныхъ ростковъ, когда она будитъ безчисленные почки; да, время цвѣтовъ продолжается безъ конца. Такое же сладкое весеннее упоеніе наполняетъ насъ, когда мы углубляемся въ царство языковъ и на все то, что тамъ росло и растетъ, обращаемъ свое вниманіе. Отъ кедровъ ливанскихъ до исopa, растущаго у стѣны, отъ могущественныхъ балтійскихъ дубовъ до моха на камнѣ, объ который топаютъ ногою, — все внушаетъ нашей душѣ удивленіе, глубокое уваженіе передъ произведеніями, изумленіе передъ чудеснымъ міромъ въ маломъ, которыя намъ открываютъ вооруженные глаза. — Это, въ другой картинѣ, какъ будто мы странствовали въ эльдорадо, въ блаженной странѣ сказокъ, въ странѣ, изобилующей золотомъ. Куда ни пойдешь, и гдѣ ни стоишь, вездѣ лежатъ большіе и маленькіе куски золота; и если покрыты пылью и землею, — отчисти только, и получишь блестящія драгоценности. Такого же мнѣнія и Шрадеръ, говорящій въ своемъ „Bilderschmuck der deutschen Sprache in tausenden volksthüm-

1) Nesselmann p. 250.

2) Wander IV 672, 1.

licher Redensarten,“ сочиненіи, мною многократно цитированномъ, слѣдующимъ образомъ:

„Ich habe das Alles tausendfach erfahren bei meinen sprachlichen Forschungen; und ich wünsche, ja ich verspreche ähnliche Freuden jedem, der unbefangen meiner Leitung folgen will. Unser deutsches Volk ist ein so poesiereiches, so poesiebegnadtiges Volk, wie vielleicht kein zweites auf dem weiten Erdenrund; nur etwa die alten klassischen Griechen dürften ihm nahe kommen. Daher liebt es bildliche Rede; und das nicht etwa blos, wo man in erhabener Sprache reden will, sondern erst recht in der Sprache des gewöhnlichen Lebens. Hier wimmelt es förmlich von Gleichnissen; und diese sind uns so geläufig, dass wir uns wohl nur selten bewusst werden gleichnisweise zu reden“¹⁾.

Но мы отнюдь не можемъ признать этой узурпаціи монополіи для одаренія поэзіей и для картинной рѣчи нѣмецкаго языка и нѣмецкаго народа. Какъ мы видѣли, и другіе народы имѣютъ въ своемъ языкѣ эльдорадо, богатую картинность и неизмѣримое богатство мыслей. Но относительно радостей, соотвѣтствующихъ весеннему упоенію, постигающихъ насъ при погруженіи и углубленіи въ золотыя сокровища языка, мы можемъ со Шрадеромъ согласиться, какъ и въ томъ, что „jede Sprache der Erde das erhabenste Denkmal ist, das sich ein Volk setzen kann.“ — „Mögen wir immerhin von der Mächtigkeit der egyptischen Pyramiden ergriffen werden, mögen wir den Kölner Dom und den Strassburger Münster ehrfurchtsvoll bewundern: wie klein wird ihre Grösse gegen das Gebilde der Sprache! In jenen Bauwerken liegt der Gedanke eines einzigen Menschen, und seine hundert Mitarbeiter haben seinen grossen Gedanken nach seiner Idee in Stein bilden müssen“²⁾. Но надъ языкомъ и народной поэзіей работали въ теченіи тысячелѣтій лучшіе люди изъ милліоновъ народа и вмѣстѣ съ ними уже упомянутые строители соборовъ. Своему мышленію, хотѣнію, ощущенію они дали звуки и слова; и весь народъ засѣдалъ въ судѣ, былъ судьей, одобряя то, что добро и принимая его, а худое бросая и отвергая. Такимъ образомъ, языкъ какъ будто — quinta essentia (τὸ πέμπτον στοιχεῖον Аристотеля), верхнѣйшій, высшій, эфирный

1) Schrader p. 1 и 2

2) Ibid. p. 17.

элементъ народа. — И все, что думали, мыслили, чувствовали, хотѣли, — отражается въ языкѣ. Онъ представляетъ удивительное великолѣпіе и многосторонность. Онъ безъ всякаго труда поднимаетъ претяжелыя мысли и даетъ легкокрылымъ стрекозамъ летать въ весеннемъ сіяніи солнца. Онъ имѣетъ достоинство и грацію, блескъ и задушевность. Для наибольшаго умственнаго богатства онъ имѣетъ одѣяніе, для глубочайшихъ сокровищъ мудрости — одежду. И такъ какъ балтійскій народъ тоже одаренъ поэзіей, то онъ наряжаетъ это одѣяніе тысячею пестрыхъ красокъ и украшаетъ одежды золотомъ, драгоценными камнями и алмазомъ. Значитъ: ихъ языкъ украшаетъ рѣчь все картинами и притчами. Весело смотрѣть, какъ тонко и остроумно литовцы и латыши наблюдали природу, жизнь животныхъ и людей; какъ проникательно и разумно, какъ грубовато и остроумно они изъ всего слагаютъ притчи и снабжаютъ рѣчь красотою и убранствомъ, гибкостью, великолѣпіемъ и блескомъ. Чего они ни прикасаются, они дѣлаютъ его пнемъ и заботятся, чтобы изъ него произошли почки и листья, цвѣты и плоды ¹⁾.

Между тѣмъ какъ въ пословицахъ мы встрѣтили рядомъ съ картинною рѣчью украшеніе мыслей и нравоученіе, то здѣсь, въ поговоркахъ и оборотахъ мы имѣемъ преимущественно образный слогъ, картинное украшеніе и богатство картинъ. Собственно говоря, весь языкъ состоитъ изъ картинъ и подъ картиннымъ украшеніемъ разумѣются здѣсь главнымъ образомъ поговорки. Убрахилогизмовъ мы странствуемъ между достопамятностями древнихъ временъ и по богатымъ нивамъ всѣхъ временъ, и вездѣ поражаютъ насъ блестящія сокровища. При моемъ трудѣ собирать вездѣ разбросанныя сокровища, я часто спѣшилъ отъ сюрприза къ сюрпризу, отъ радости къ радости.

„Удачный же оборотъ рѣчи, или мѣткое уподобленіе и счастливое сравненіе есть поговорка, или присловица, часто употребляемая къ рѣчи и слову, напр.: для изображенія внезапности: какъ снѣгъ на голову, или сходства: какъ двѣ капли воды — ни дать, ни взять, или безхарактерности: ни то, ни сіо — ни рыба, ни мясо — ни скоть, ни человѣкъ, ни ракъ, ни рыба, и тому подобное“ ²⁾. — — „Сіи гласные

1) Ср. тамъ же стр. 18.

2) Снегиревъ I 139 и 140.

памятники народного языка, или, лучше сказать, самый гласъ народный, служатъ ясными свидѣтельствами нравовъ и обычаевъ въ тѣ времена, когда образовывался языкъ; при всѣхъ случайныхъ измѣненіяхъ онѣ сохраняютъ свой духъ и свое истое обличіе, или скажемъ народнымъ же словомъ, свой истинникъ: что замѣчается въ отдѣльныхъ словахъ и въ сочетаніи оныхъ, нерѣдко представляя уклоненія отъ принимаемыхъ правилъ Грамматики письменнаго языка¹⁾. — „Поговорка относится къ пословицѣ, какъ поэтическая эмблема къ баснѣ.“ — „Поговорка точно такъ же, какъ и эмблема, есть поэтический т. е. иносказательный образъ, не сложнаго сцѣпленія лицъ и дѣйствій, а одного изъ элементовъ этого сцѣпленія, стало быть отдѣльно взятаго лица, качества, дѣйствія. Если это такъ, то поговорка есть элементъ басни, или пословицы, частью происшедшая изъ пословицы и басни, какъ остатокъ, сгущеніе ихъ, частью недоразвившійся до нея“²⁾.

Уже въ введеніи къ пословицамъ, гдѣ приведены мнѣнія разныхъ пареміологовъ, рѣчь была о различіи пословицъ отъ поговорокъ. Тамъ сказано, напр.: „полная пословица состоитъ изъ двухъ частей: изъ обиняка, картины, общаго сужденія, и изъ приложенія, толкованія, поученія; не рѣдко однако же вторая часть опускается, предоставляется смѣтливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь отъ поговорки“³⁾. Далѣе: „Поговорка, по народному жъ опредѣленію, цвѣточекъ, а пословица ягодка; и это вѣрно. Поговорка — окольное выраженіе, переносная рѣчь, простое иносказаніе, обинякъ, способъ выраженія — но безъ притчи, безъ сужденія, заключенія, примѣненія; это одна первая половина пословицы. Поговорка замѣняетъ только прямую рѣчь окольною, не договариваетъ, иногда и не называетъ вещи, но условно, весьма ясно намекаетъ. — Посему поговорка иногда весьма близка къ пословицѣ; стоитъ прибавить лишь одно словечко, или сдѣлать перестановку, и изъ поговорки вышла пословица“⁴⁾.

Всѣмъ пареміологамъ извѣстно различіе пословицы отъ

1) Снегиревъ I 145 и 146.

2) А. А. Потебня: „Изъ записокъ по теоріи словесности.“ Харьковъ. 1905. Стр. 337. — „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка.“ Харьковъ. 1894. Стр. 108.

3) Ср. выше стр. 231 и Даль стр. XXI.

4) Ср. выше стр. 231.

поговорки. Они и пытаются, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе ясно изложить это различіе; но въ качествѣ пареміографовъ они не были въ состояніи строго отличать ихъ другъ отъ друга въ своихъ сборникахъ. Они часто помѣщаютъ тамъ обѣ эти категоріи (*brevia dicta*) независимо другъ отъ друга. Даже А. Шлейхеру, хотя онъ въ своемъ трудѣ помѣстилъ пословицы (*prěžodžei*) отдѣльно отъ поговорокъ (*kālbesei*), не удалось ихъ строго отличить другъ отъ друга. Такъ онъ, напр., оба варианта, выражающихъ одну и ту же мысль, какъ-то: *Për vëna ausi ðlenda, për kltā išeit*¹⁾ и *Pro vijnā ausi ijeje, pro antrā išeje*¹⁾ (ср. выше текстъ стр. 21, 1), причислилъ разнымъ категоріямъ, именно, первый вариантъ помѣстилъ къ пословицамъ (*prěžodžei*), послѣдній — къ поговоркамъ (*kālbesei*), хотя они безъ сомнѣнія принадлежатъ къ одной и той же категоріи и притомъ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Вещь здѣсь именно очень трудная. Вѣдь здѣсь сталкиваются практика и теорія. Въ теоріи здѣсь вещь простая, но въ практикѣ очень сложная. Кромѣ того мы имѣемъ здѣсь дѣло съ флукутирующимъ и все въ развитіи находящимся предметомъ, о чемъ свидѣлствуютъ еще часто встрѣчаемые варианты. Хотя мы привели пословицы въ опредѣленную систему и отличали у нихъ различные типы; хотя мы и объяснили, гдѣ начинаются предѣлы поговорокъ (см. выше къ характеристикѣ пословицъ стр. 247 и сл.), однако *in praxi*, въ текстахъ, при сопоставленіи пословицъ и поговорокъ, мы также не были въ состояніи ихъ строго отличить другъ отъ друга. Ибо, что въ одномъ языкѣ является совершенно слагающеюся пословицей, то въ другомъ часто оказывается лишь поговоркой. Кромѣ того брахилогизмъ снаружѣ, конечно, можетъ имѣть форму пословицы, по содержанію же не совершенно ей соответствовать и наоборотъ. И какъ разъ это очень затрудняетъ ихъ различіе.

а) Различіе между поговоркой и оборотомъ.

Еще большее затрудненіе, чѣмъ отдѣленіе пословицъ отъ поговорокъ, приходится преодолевать при отдѣленіи послѣднихъ отъ оборотовъ. Между тѣмъ какъ это затрудненіе у пословицъ замѣчалось лишь тамъ и сямъ съ дефектной и

1) Schleicher p. 75 и 107.

анормальной формою, и между тѣмъ какъ онѣ уже отличались внѣшней симметрией отъ поговорокъ, то здѣсь (у поговорокъ и оборотовъ) едва-ли замѣчается какое-нибудь внѣшнее формальное различіе. Оба, какъ поговорка, такъ и оборотъ, — изреченія, говорящимъ въ употребленіи встрѣчаемыя потенціальныя, совершенstvоуемаыя предложенія, окольныя выраженія. Ихъ различіе, можетъ быть, лежитъ только въ содержаніи и замѣчается въ большей иносказательности поговорокъ передъ оборотами, стало-быть, первыя только болѣе картинныя, болѣе живыя, чѣмъ послѣдніе. Мы находимся именно все еще въ области притчъ (подобій, образовъ, иносказательной рѣчи), хотя и сплошь у границы, гдѣ онѣ прекращаются.

б) Различіе между оборотомъ и идиотизмомъ.

У поговорокъ и оборотовъ находятся и идиотизмы, которые опять чуть отличаются отъ оборотовъ. Стендеръ въ своей грамматикѣ § 208 пишетъ: „Zum Idiotismo gehören vorzüglich die besondern Lettischen Phrasen, die den eigentlichen Letticismus ausmachen, und manchen Anfänger, der sie nach der wörtlichen Uebersetzung nimmt, ziemlich stutzig machen. Als:

Pasaul ļaužu, eine grosse Menge Volks!

Pār galvu laist, in den Winden schlagen ¹⁾.

Grāmata eelikt, im Buch anzeichnen.

Cauru oder augošu deenu, den ganzen Tag.

Līdz šo baltu deenu, bis auf den heutigen Tag.

Ak manu sūru deeni, ach mein Elend!

Mežs jau zaļš metās, der Wald wird schon grün ²⁾.

Mana zelta oder balta māmuli, mein allerliebste oder
trautes Mütterchen.

Zelta līgaviņa, eine Scharmante oder Geliebte.

Puķite, rōzite, zelta magonite, ist eben so viel, als: mein
Herzen Seelen ³⁾!

Perkons sausu laiku apducina, es donnert rund herum und
deutet auf trockenes Wetter ⁴⁾.

1) По моему мнѣнію это такъ же оборотъ, какъ идиотизмъ.

2) Можно и считать оборотомъ.

3) Относительно этого и обоихъ предшествующихъ выражений ср. Ласкательныя и льстивыя слова № 14, 15 и 16.

4) Здѣсь опять скорѣе оборотъ чѣмъ идиотизмъ.

Между тѣмъ какъ между поговорками иногда еще въ другихъ языкахъ встрѣчаются соотвѣтствія, параллели, имѣющія, подобно пословицамъ, интернаціональный, космополитическій характеръ, — то этого у оборотовъ и идиотизмовъ уже больше нѣтъ. Въ этой категоріи находятся параллели только еще въ самыхъ родственнѣйшихъ языкахъ, какъ это — литовскій и латышскій. Это можно утверждать именно объ идиотизмахъ, представляющихся и какъ неправильныя выраженія, какъ діалектическія языковыя особенности.

Поговорки, напр., слѣдующія: по-русски: Стоять на краю гроба (или могилы); по-нѣмецки: Er ist am Rande des Grabes; по-французски: Être sur le bord de la fosse; по-латыни: In peculio Proserpinae numeratur (ср. выше стр. 15, 3); лит.: Aš sveiks kai žuvis; лат.: Vesels kā rutkis; нѣм.: Er ist gesund wie ein Saugkalb; франц.: Il est comme le poisson dans l'eau; латинск.: Saniōr pisce; лат.: Mēms kā zivs; нѣм.: Stumm wie ein Fisch; греч.: ὡς ἄφρωνι ἰχθύες; русск.: Какъ рыбы безгласныя; Тѣни своей бояться; лат.: No savas ēnas bitēs; греч.: Τῇν ἑαυτοῦ σκιάν δεδοίχεν¹⁾; лит.: Bėdà kōjes taiso; лат.: Bailes kājas taisa; нѣм.: Not macht Füsse; бѣлорусск.: Бѣда найдзѣць гроши; латинск.: Omnia vicit duris urgens in rebus egestas; лит.: Bijos it velnias Perkuno; лат.: Baidās (Bistās) kā velns nā Pērķūna; бѣлорусск.: Боицца, якъ чортъ ладону; нѣм.: Er fürchtet sich, wie der Teufel vorm Kreuze; лит.: Bijos, kaip kurmis kialo; лат.: Bistās, kā kurmis no ceļa; нѣм.: Er fürchtet sich wie der Maulwurf vor dem Wege; лит.: Dugiaūs skėli, nekaip plaukū tūr ant galvės; лат.: Vairak paradu nekā matu us galvas; польск.: Ma długów jak włosów na głowie; нѣм.: Er hat so viel Schulden als Haare auf dem Kopfe и т. д.

Обороты, напр.: по-латышски: Gribot negribot; по-русски: Волею неволею; по-гречески (у Еврипида Гекуба): ὁ δ' οὐ θέλων τε καὶ θέλων; по-латыни: Nolens volens; лит.: Eik su kōjomis; лат.: Ej ar kājam; русск.: Онъ побѣждалъ со всѣхъ ногъ; лит.: Buva it pūtra be druskos; лат.: Kur nu putra bes sāls; лит.: Jis ne per plaūką gerėsnis; лат.: Tas nav ne par matu labāks; лит.: Kalbėk su būrna; лат.: Runė ar muti; лит.: Akis ištyso beveizant; лат.: Acis išplėta skatotės; лит.: Tānki girie, ūds snūkį nūkiša; лат.: Tik bēzs mēzs, ka nē knislis nevar

1) Ср. Снегиревъ I 88.

degunu ėbást; лит.: Nei rasós grúda neragavaú; лат.: Ne rasas graudiņu vel n'ėsmu baudij's; лит.: Per ausį dūti; лат.: Par ausi dūt; лит.: Tok's biaurus kėl's, kad išbristi ne gali; лат.: Tāds nelāgs ceļš, ka išbrist nevari и т. д.

Идиотизмы, въ болѣе узкомъ смыслѣ, и прибаутки, напр.: по-литовски: Alūtis šnekūtis; по-латышски: Alutiņis rudacitis; лит.: Kūdikis užgėso; лат.: Bēns isdzisa; лит.: Vēja botags; лат.: Vēja pātega; лит.: Vilku duriemas; лат.: Vilka durams; лит.: Gīrioj āugęs; лат.: Mežē āudzis; лит.: Po kėlmu āugęs; Užkakalėj' āugęs; лат.: Askrásnēj' āudzis и т. д.

2. Замѣчанія, сличенія и объясненія.

Смп. 129. — Ad. 1. Akis ištysio beveizant; Глаза таращить. „So angestrengt sehen, dass sich die Augen recken“¹⁾. Всѣ эти выраженія употребляютъ, чтобы обозначить этимъ напряженное смотрѣнiе и зрѣнiе. Въ нѣмецкомъ встрѣчается старая Борхардтомъ записанная поговорка: Die Augen spitzen; она значить: „Scharfe Blicke schiessen“²⁾; по-русски: Пронзить острымъ взглядомъ.

— *Ad. 3.* Aklas Vókėtis; Ярый нѣмецъ, — соотвѣтствуетъ нѣмецкому „Ein Stockdeutscher, der nur deutsch versteht“³⁾; „Stockjude, Stockpreusse, Stockphilologe, stockfremd“ etc.⁴⁾.

— *Ad. 4.* Alūs ragūts. „Bier, mit dem man zurückhält, das man nicht anzapfen will“⁵⁾. — По-бѣлорусски: Пиво наше расходилося. „Говорятъ на счетъ разсердившагося и въ ярости бушующаго“⁶⁾.

— *Ad. 8.* Ant dantū turėti; лат.: Us zoba jemt. Обѣ эти поговорки объясняются своими вариантами, лит.: Per dantys traukti, лат.: Caur zobēm vilkt, т. е., по-нѣм.: aufziehen, издѣваться надъ кѣмъ-нибудь. Немного иначе по-русски: Точить зубы на кого-либо; по-нѣмецки: auf's Korn fassen.

Смп. 130. — Ad. 11. Ant rankū nešoti; лат.: Us rokām nesāt; Носить кого на рукахъ. „Jemand auf den Händen tra-

1) Schleicher p. 151.

2) Wustmann p. 351 № 876.

3) Nesselmann p. 3.

4) Wustmann p. 457.

5) Nesselmann p. 426.

6) Носовичъ стр. 127.

gen. S. v. w. in der liebevollsten, zärtlichsten Weise für ihn besorgt sein“¹⁾). Этой поговоркѣ служить источникомъ библія. Ps. 90, 11 и 12: ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ — охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ: на рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. И ссылаясь на это же мѣсто Matth. 4, 6 и Luc. 4, 11: ἐπὶ χειρῶν ἀροῦσά σε. Срав. также библейскую поговорку Jes. 49, 22: — и принесутъ сыновей твоихъ на рукахъ и дочерей твоихъ на плечахъ.

Смп. 130. — Ad. 13. Ant širdēs turu vardā; лат.: Vārdš mēles galē; На языкѣ вертится (ср. выше пословицы на страницѣ 27, 5). Der Name (das Wort) schwebt mir auf der Zunge. Говорять, когда при разговорѣ надлежащее слово забывается.

— *Ad. 14.* Ant tavo slenkšōio su savo kojū ne užminu; лат.: Us tava slėkšpa savu kaju ne-usmīšu; Нога моя не будетъ у него (въ домѣ). Такъ говорятъ обыкновенно тому, съ кѣмъ хотять разойтись, сказавъ: Вотъ Богъ, вотъ и порогъ.

Смп. 131. — Ad. 16. Apdegti nū saulės; лат.: Apdegti nū saules; Онъ загорѣлъ; загорѣлый (отъ солнца); по-нѣм.: Von (An) der Sonne verbrennen, abbrennen, т. е., получить темную кожу, какъ это именно случается при сіяніи солнца весною и лѣтомъ.

— *Ad. 19.* Aš ne noru savo galvą ant pečių nešoti; лат.: Es negribu savu galvu (gálu) us plecēm nest (Я не хочу носить своей головы на плечахъ), т. е., я готовъ заложить свою голову за то, что это случится. Стало-быть, эта поговорка выражаетъ удостовѣреніе.

— *Ad. 20.* Aš sveiks kai žuvis. Я здоровъ какъ рыба въ водѣ. Вмѣсто лит. sveiks (здоровый) встрѣчается въ латышскомъ sveiks, vesels (здоровый) и laimīgs (счастливый) и при томъ такъ же, какъ въ русскомъ, ūdenē (въ водѣ) и въ вариантѣ, вмѣсто лит. žuvis, лат. zivtiņa (рыбочка), rutkis (рѣдька). „(Gesund) wie ein Fisch im Wasser. Wenn sich der Fisch im Wasser, „in seinem Elemente“ tummelt, so ist er ein Bild frischen, gesunden Lebens, wie es wenige geben wird. Das hat man schon früh empfunden. In Konrads von Würzburg „Trojanerkrieg“ heisst es V. 10808:

er wart gesund reht als ein visch
der vert in einem wage.

1) Срав. Wustmann p. 205 № 518.

Schillers „Räuber“ beginnen: Franz: „Ist euch wirklich ganz wohl, mein Vater?“ Der alte Moor: „Wie dem Fisch im Wasser!“ Am schönsten kann man das Bild ausgenießen in den lockenden Worten der Nixe in Goethes „Fischer“:

Ach, wüsstest du, wie's Fischlein ist
So wohlig auf dem Grund,
Du stiegst herunter, wie du bist,
Und würdest erst gesund“¹⁾.

Это наблюдение могли дѣлать въ своихъ многочисленныхъ рѣкахъ и озерахъ литовцы, латыши и русскіе такъ же, какъ нѣмцы. Что эта поговорка слагалась самостоятельно, то доказываютъ лат. варианты.

Смр. 132. — Ad. 26. Atimti žodį iš burnôs; лат.: Atjemt vardu no mutes; Онъ не даетъ мнѣ слова выговорить; по-нѣмски: „In die Rede fallen; jemanden beim Reden unterbrechen, т. е., прерывать кого-либо, прерывать чью-либо рѣчь, прерывать разговоръ.

— *Ad. 31.* Bedā kôjes taiso. Бѣда, лат. bailes (страхъ, боязнь), заставляетъ бѣжать проворнѣе; по-нѣм.: Not macht Füsse. По-бѣлорусски: Бѣда найдзёць гроши. „Всякій несчастный находитъ средство выйти изъ бѣдственнаго положенія“²⁾. И Виргилій уже поетъ:

Omnia vicit duris urgens in rebus egestas.

Смр. 133. — Ad. 34. Blezdinga vâkus į jû kailines išperės (Ласточка птенцовъ высидитъ въ его шубѣ). Говорятъ „Wenn jemand lange in das Frühjahr hinein den Pelz trägt“³⁾.

— *Ad. 35.* Buvo it putra be druskos (Была каша безъ соли). Лат.: Kur nu putra bes sâls (Какъ быть кашѣ безъ соли). Говорятъ, если кто-нибудь, напр., путается въ рассказѣ, не можетъ продолжать рассказа, если ему „der Zwirn ausgeht“ или онъ потеряетъ связь въ рассказѣ. Говорятъ и, если кто-нибудь безъ опоры.

— *Ad. 39.* Dēvo laistas; лат.: Dēva laists (Богомъ созданный); нѣм.: „Ein Erschaffener“; вообще все естественное, не людьми сдѣланное. Лат. Dēva laists (mests) ezers, болотистое, естественное озеро, въ противоположность и,

1) Wustmann p. 149 № 366.

2) Носовичъ стр. 11.

3) Bezzenberger Lit. Forsch. p. 51.

напр., искусственно запруженному мельничному пруду, который по-латышски иногда называется и озеромъ (ezers)¹⁾. По-латышски и tāds Dēva laists (palaists) cileciņš, т. е., человекъ отъ котораго нельзя ожидать многого, который, собственно говоря, оказывается идиотомъ.

Смп. 134. — Ad. 43. Eik sū kójomis (Бѣги со всѣхъ ногъ). По-нѣм.: Geh mit den Füßen, „d. h. schnell, ordentlich“²⁾. О спѣшкѣ по-латышски говорятъ еще: Jem kājas pār plecēm (Возьми ноги на плечи). „Es lässt sich hierher auch das Wort ziehen: „den Kopf zwischen die Beine nehmen“, vom Durchgehen des Pferdes entlehnt und auf eilige Flucht angewandt. Dieselbe Procedur machen auch Maulthiere und Esel“³⁾. Лат. вариантъ показываетъ, какъ изъ поговорки (Ej ar kājām) слагалась нормальная пословица, когда прибавляется strādā ar rokām. И присоединяя къ ней еще другую нормальную пословицу Skatēs abām acīm, klausēs abām ausīm, получается типъ пословицы богатой, благородной формы.

— *Ad. 44.* Giroj' (po kelmū) užaugęs, или: užkalkāj' augęs (Въ лѣсу или подъ пнемъ или за печкой выросшій). Это по литовскому объясненію — paiks (глупый, невѣжа), „einer, der ohne Erziehung aufgewachsen ist“⁴⁾, „ein Hauslummel“⁵⁾. По-нѣмецки: Er ist wie im Walde aufgewachsen.

— *Ad. 46.* Grižulo ratai; лат.: Greizē rati (Кривая телѣга). Русск.: Большая медвѣдица, созвѣздія медвѣдицъ; нѣм.: Der grosse Bär — имѣетъ на самомъ дѣлѣ видъ кривой телѣги, колеса которой видны въ сдвинутомъ съ мѣста разстояніи и дышло криво. Между тѣмъ какъ оба прекрасныя, состояшія каждое изъ семи большихъ звѣздъ, созвѣздія въ близи полярной звѣзды (никогда для насъ не исчезающей подъ горизонтомъ) называются большой и малой медвѣдицами и уже Іовъ знаетъ и называетъ ихъ (9, 9 и 38, 32): „Можешь ли выводить созвѣздія въ свое время и вести Ась“⁶⁾ съ ея дѣтьми?“ — то литовець и латышъ имѣютъ для нихъ особенное обозначеніе. И по-нѣмецки „der grosse und

1) Cp. Ulmann p. 134.

2) Schleicher Lit. Märch., Sprichw. etc. p. 179.

3) Schrader p. 60.

4) Nesselmann p. 15.

5) Ibid. p. 171.

6) Медвѣдица.

kleine Bär“ называются „sonst auch wegen der wagenähnlichen Gestalt der grosse und kleine Wagen“¹⁾.

Смр. 134. — Ad. 47-b. Gyvatą užimti; лат.: Dzīvi uzjēmt (завестись хозяйством), именно переселиться въ усадьбу, хуторъ, по-нѣмецки: „Ein Bauergut antreten“²⁾.

Смр. 135. — Ad. 54. Iš pirštū žįsti; лат.: Is pirkstēm zist (Высосать изъ пальца). — „Erfinden, erdichten. Die mit Unwahrheit umgehen, zerbrechen sich den Kopf mit der Erfindung wahrscheinlicher Gründe, wobei manche die Gewohnheit haben, an den Nägeln zu kauen und gleichsam an einem Finger zu saugen“³⁾. По Павловскому: „aber auch: leicht, ohne Mühe haben“ высосать изъ пальца; „das saugt man sich nicht aus den Fingern, das kostet Mühe“, этого изъ пальца не высосешь⁴⁾. — „Sich etwas aus den Fingern saugen. S. v. w. etwas ausdenken, gewöhnlich von einer aus der Luft gegriffenen Behauptung. Ob wirklich unwahre Menschen, wie behauptet wird, die Gewohnheit haben, beim Erzählen an den Fingern zu kauen, mag dahingestellt sein; das Bild bezieht sich weniger auf das Erzählen, als auf das Ausdenken einer Lüge“⁵⁾.

Смр. 136. — Ad. 61. Jis ugnimi spīauja; лат.: Tas uguni spļauj; Онъ дышетъ огнемъ и пламенемъ; франц.: Jeter feu et flamme; нѣм.: Feuer und Flamme speien; Er speit Gift und Galle aus, значить быть крайне разсерженнымъ. „Das Bild ist von den sagenhaften Drachen entlehnt, die Rauch und Feuer speien und die ganze Landschaft mit ihrem giftigen Athem versengen. — Der Typhon der Griechen war ein solches Ungethüm; Gāa, die Erde, hat ihn dem Tartaros, der Unterwelt, geboren, aber Zeus hat ihn besiegt und unter den Aetna gebannt, aus dem er noch immer seine Flammen speit (Virgil: absistunt scintillae ab ore)“⁶⁾. Литовцы и латыши тоже богаты подобными огнемъ и пламенемъ дышащими драконами и чудовищами. Я укажу здѣсь только на составленный мною латышскій эпосъ Needrischu Widwuds (VIII 179, IX 465—485, XIII 65—185).

— *Ad. 62.* Iis vaikū kūrpes dār nenumīņes; лат.: Tas

1) Schrader 226.

2) Nesselmann p. 27.

3) Wander I 1022, 156.

4) Павловскій II 518.

5) Wustmann p. 146 № 355.

6) Ibid. p. 142 № 343.

nav vél bēna-kurpes nāmīnis (Онъ еще не износилъ дѣтскихъ башмаковъ). Въ Помераніи говорятъ: De Kinderschō afleggen. „Mit dem Eintritt ins reifere Alter auch den diesem Alter zukommenden Verstand und dessen Lebensernst erlangt haben“¹⁾. Итакъ, выйти изъ дѣтства или изъ дѣтскаго возраста. Римляне говорятъ: Nuces relinquere, оставить орѣхи. И латышамъ съ дѣтства извѣстна игра орѣхами и счетъ ихъ, какъ о томъ сообщаютъ ихъ сказки и преданія. (См. Needrischu Widwuds XXI 126—175). „Die Kinderschuhe ausgezogen haben. Das hübsche Bild meint: alle kindlichen und kindischen Gewohnheiten abgelegt haben, herangewachsen sein.“ „Mancher ist alt von Jahren und steckt doch in der Bubenhaut, und gehet sein lebtage in Kinderschuhen.“ Auch „geht die Rede von alten Leuten,“ die „ob sie schon die Kinderschuhe und Röcke abgelegt, doch ihr Lebtage in der Kindshaut stecken bleiben.“ Auch „wird öfter von Eselsschuhen anstatt von Kinderschuhen in diesem Sinne gesprochen“²⁾.

Смр. 137. — Ad. 65. Kadà tai nusidūs? лат.: Kad tas būs? (Когда это будетъ?) На такой и тому подобные черезчуръ дерзкіе вопросы отвѣчаютъ иронически, какъ-то: Kadà kārklas ūgas nēs (Когда ивнякъ будетъ давать ягоды); kadà kiškis šūnī vūs (Когда заяцъ будетъ гнаться за собакою) и т. п. Ср. мои Очерки. I. Народныя пѣсни стр. 82 и 83, гдѣ тому подобные обороты встрѣчаются еще больше какъ въ литовскихъ, такъ и въ латышскихъ дайнахъ (пѣсняхъ) и гдѣ указано на соотвѣтствующія параллели и въ другихъ языкахъ³⁾, въ родѣ слѣдующихъ: „Когда почернѣетъ лебедь и побѣлѣетъ воронъ,“ „когда всплыветъ камень и потонетъ перо,“ „оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ грязнути (тонуту)“⁴⁾.

— *Ad. 67.* Kaklas visā padaro; лат.: Rīkle visu padara (Горло дѣлаетъ все), т. е. пьянство виновато во всемъ. „Das Saufen ist Schuld an allen Lastern, an allem Unheil“⁵⁾.

— *Ad. 68.* Kalbēk sū būrna; лат.: Runē ar muti (Говори

1) Wander II 1330, 4.

2) Wustmann p. 268 № 664.

3) Ср. Uhland, Schriften zur Geschichte der Dichtung III 217 и 218.

4) Потѣбня: Объясненія малорусс. II 560. — Ср. и мои Очерки стр. 201 и 202.

5) Nesselmann p. 127.

ртомъ), т. е., разѣвать ротъ, говорить порядочно. „Das Maul aufthun, ordentlich reden“¹⁾. — „Rede laut, deutlich“²⁾.

Смр. 138. — Ad. 73. Kám nùgarā mēlynā padarýti; лат.: Kam muguru zilu (melnu) padarit (Колотить кого въ спину), т. е., кого-нибудь хорошенько колотить. По-нѣмецки: Jemanden blau schlagen. „Kannst von mir etwas Buckelblau bekommen. (Sonst lassen Kinder sich anführen, am 1. April Buckelblau in Apotheken und Färbereien zu fordern)³⁾. Jemanden durchbläuen oder blau schlagen.

— *Ad. 75.* Kúdikis užgēso; лат.: Bērs izdzisa (Дитя погасло, т. е. умерло). И относительно взрослыхъ и старыхъ людей любятъ выражаться такъ картинно, и картина здѣсь заимствована отъ погасающей свѣчи. По-латышски говорятъ и ká svece tas izdzisa (какъ свѣча погасла, умеръ онъ). Лит. вариантъ: Tą kúdikį róns Dėvs paskýne (Господь Богъ сорвалъ — какъ цвѣтокъ — дитя). „Bei frühem Tode eines Kindes gesagt“⁴⁾. Здѣсь картина заимствована отъ того впечатлѣнія, которое получается, когда срывають цвѣты.

— *Ad. 77.* Kaí delčē dilo; лат.: Ká vecs mēnesis dila (Какъ луна ущербляется). Такъ говорятъ о больномъ (лит. ligústas). По-латышски говорятъ, когда кто-либо послѣ продолжительной болѣзни встаетъ и очень похудѣлъ: Ká vecs mēnesis (v. ēna, тѣнь) izdilis (Какъ луна на ущербѣ, вариантъ: Какъ тѣнь онъ похудѣлъ).

— *Ad. 78.* Laižykes kaip šū dešrā prarijēs (Облизывайся какъ собака съѣвшая колбасу); лат. вариантъ: Sun's, taukus ēdis, laizās (Собака, съѣвшая жиръ, облизывается). Такъ говорятъ именно объ избалованныхъ дѣтяхъ, когда они съѣли что-нибудь втайнѣ безъ позволенія, не хотятъ признаться и готовы хапнуть еще что-нибудь.

— *Ad. 79.* Lo kaip šou mēnesijno; лат.: Rej ká sun's mēnesi (Лаетъ какъ собака на луну). „Steht der Angebollene oder Angegriffene zu hoch, als dass der Angreifer oder Verleumder ihm schaden könnte, so sagt man: der Hund (oder noch verächtlicher) der Mops bellt den Mond an“⁵⁾. Латинистъ гово-

1) Schleicher p. 173.

2) Nesselmann p. 338.

3) Schrader p. 507.

4) Schleicher p. 161.

5) Schrader p. 150, 4.

рить: *culicem non curat elephas indicus* и: *nubila latrat*. — Подобно Phorkyas (Мефистофель) во второй части Фауста обращается къ хору плѣнныхъ троянокъ:

Wer seid ihr denn, dass ihr des Hauses Schaffnerin
Entgegen heulet, wie dem Mond der Hunde Schar?

Лаять на луну, „Den Mond anbellен“, значить ругать того, кому нельзя повредить. По-французски: *Aboyer à la lune*. Срав. Lehm. 409 (Hund 27): „Der Mond fragt nichts darnach, dass ihn die Hunde anbellен.“ Тамъ же 723 (Sorgen 12): „Mancher sorgt unnützlich wie ein Hund, der bellet den Mond an, vens meynet, er wöll ins Hauss steigen.“

Въ доказательствѣ, лежащемъ въ послѣднихъ словахъ, мы нуждаемся такъ же мало, какъ и въ томъ въ извѣстной нѣмецкой баснѣ: „Der Mops und der Mond.“ Толстый мопсъ (моська) гуляетъ при лунномъ свѣтѣ (по-нѣм.: *Mondschein*, по-лит.: *mēnesiena*, по-лат.: *mēnesnica*) и приходитъ ко рву. Онъ хочетъ его перепрыгнуть, падаетъ въ него и бѣшено лааетъ на луну, какъ будто луна виновата въ его недобровольномъ купаньѣ.

Der Mond, nicht wahr, der schalt doch wieder?
O nein, sah lächelnd auf den Mops hernieder
Und fuhr, als ging's ihn gar nicht an,
Lustwandelnd fort auf seiner Himmelsbahn“ ¹⁾.

Смр. 140. — Ad. 91. *Nei rasós grúda neragavaú*; лат.: *Ne rasas gaudiū vél n'ēsmu baudij's*; нѣм.: *Nicht einen Taupfen genossen haben*; русск.: Онъ еще ничего въ ротъ не бралъ. Говорятъ о голодномъ человѣкѣ, не поспѣвшемъ еще ничего поѣсть. Лат. вариантъ: *Vipš neveena miltumīna neir baudijis* (онъ еще ни одной крошечки не покушалъ). Такъ говорятъ именно о больномъ.

Смр. 141. — Ad. 94. *Nekīrsk pēr šnúra*; лат.: *Necért pār šņōru*; Pār šņōru cirst; нѣм.: *Ueber die Schnur hauen*; русск.: Превышать мѣру въ чѣмъ, или: выходить изъ границъ, значить слишкомъ много дѣлать. Обыкновенно такъ говорятъ о проказахъ и ихъ слѣдствіяхъ. Другая половинка тоже употребляется, въ латышскомъ: (*ēt*) *kā pec šņōra*; нѣм.: (*es geht*) *wie nach dem Schnürchen*; *nach der Schnur hauen*, т. е., придерживаться вѣрной мѣры. Эти поговорки, а именно ли-

1) Wustmann p. 329 № 819.

товская, латышская и нѣмецкая, относятся первично къ линіи или шнуру плотника, имѣющаго тесать по отбивкѣ, по шнуровой чертѣ. Стало-быть, онъ именно всегда въ положеніи говорить: *Nekírsk pèr šnúra*, не превышай мѣру¹⁾.

Diese Anschauung wird nun auf mannigfache Lebensverhältnisse übertragen, wo des natürlichen Vorgangs ganz vergessen und nur das Ueberschreiten der gesteckten Schranke im Auge behalten wird, also überhaupt etwas tun, was nicht ganz recht in der Ordnung war, einen Streich verüben; gewöhnlich jedoch nicht in eigentlich bösem Sinne²⁾. Такимъ образомъ эта поговорка обозначаетъ „ein geringes Zuviel in einer an sich guten Sache, das doch alles verdirbt. Wolfram von Eschenbach vergleicht einmal (Willehalm 394, 13 fg.) die Art zweier kämpfenden Heerführer mit dem Hauen des Zimmermanns:

der zimmerman muoz warten
wie er mit der barten
nach der ackes müeze sniden:
daz wolt ouch er niht vermeiden

d. h. so schnurgerade wollte König Marlanz in die Feinde eindringen. Umgekehrt sein Gegner:

Poydwiz al anders fuor:
er kunde wenic nach der snuor
houwen nach ir marke.

In Sebastian Francks Sammlung (1541), I 74 b: „*Stateram ne transgrediariis. Vbermachs nit, haw nit über die schnur*“³⁾. Другую картину предоставляютъ латинская и французская поговорки, какъ-то: *extra chorum saltare*; *sortir de sa sphère* и т. п. Эта поговорка, по нашей системѣ, — пословица съ дефектной формой, которая сдѣлается нормальною, если прибавимъ къ ней лит.: *alè pagaī šnúra* (но по шнуру), тогда получается правильная пословица. *Nekírsk pèr šnúra*, *alè pagaī šnúra* (Не отбивай шнура, но по шнуру)!

См. 141. — Ad. 97. Nër ka ĭ burna dēti; лат.: *Nav ko mutē bást* (Ничего нѣтъ, чтобы сунуть въ ротъ), т. е., нѣтъ ничего кушать. „*Es ist nichts zu essen da*“⁴⁾.

1) Ср. Schrader p. 347, 41; Wustmann p. 423 № 1058.

2) Schrader p. 347, 41. — Ср. и Wander IV 310, 22.

3) Wustmann p. 423 № 1058.

4) Nesselmann p. 127.

Смр. 141. — Ad. 99-a. Nēsti kaī aitvars; лат.: Nest kā rūķis (Нести какъ драконъ). Aitvars, rūķis — мѣстическія существа въ родѣ дракона, приносящаго своему хозяину много богатства. Впослѣдствіи о нихъ будетъ больше рѣчи. Относительно лат. rūķis срав. выше лит. pukis || pūkys¹⁾ стр. 185 № 143 и стр. 143 № 107. Нести какъ драконъ, значить: онъ носить такое бремя, что ужасъ.

Смр. 142. — Ad. 99-b. Netūr neī drūskos grūda; лат.: Nav ne sāls grāudiņa (Ни соли дробинки); „Ни муки пылинки, ни соли дробинки, ни горѣлки росинки. Говорятъ полушутливо, при жалобѣ о недостаткѣ“²⁾. Немного иной смыслъ имѣетъ нѣм. поговорка: Es ist kein Körnlein Salz in ihm.

— *Ad. 103.* Nulūdēš kaī žemę pardāvēš (Онъ такъ печаленъ, будто продалъ землю). Говорятъ о томъ, который не можетъ рѣшиться и стоитъ, потупивъ голову. По-латышски говорятъ о таковомъ еще: it kā vistas būtu grāudus tam atjēmušas (какъ будто куры отобрали у него зерна). Эта картина заимствована изъ жизни куръ.

— *Ad. 106.* Rāmažu, rāmažu! su rāgēms pēr smiltē (Тише, тише! санями по песку). Такъ обращаются иронически къ тому, который безъ причины ѣдетъ тамъ тихо и оказывается медленнымъ, гдѣ надо спѣшить. Лат. вариантъ: Rāmažu, rāmažu pār tiltu! (тише, тише по мосту!) выражаетъ другою картиною ту же иронію въ томъ случаѣ, когда кто-либо ѣдетъ такъ, какъ будто ему приходится беречь мостъ.

Смр. 143. — Ad. 107. Pasipūtēš kaip puce (Надутый какъ сова). „Damit bezeichnen die Litauer einen hochmütigen Gebieter. Die Eule, ein Raubvogel, der von dem einmal eingenommenen Aste um kein Haar breit weicht; der Vogel mit den im Dunkel der Nacht schreckhaft glühenden, Furcht einflössenden Augen ist wol ein sehr treffendes Bild eines Aufgeblasenen“³⁾. Интересно видѣть, какія различныя картины выбираются о надутости. Литовцу служитъ примѣромъ надутости съ одной стороны мѣстическое существо (Pūkys, см. выше Ad. 99-a), съ другой — rūce (сова), латышу напротивъ — rūpēdis (вздюха) и tītars (индюкъ), нѣмцу, наконецъ — жаба (Kröte). Rūce (сова) для латыша — образецъ злой женщины. Онъ гово-

1) Geitler p. 105 и Bezzenberger Lit. Forsch. p. 61 слѣд.

2) Носовичъ стр. 112.

3) Wander I 159, 6.

рить: ak tu rūse! nīkna rūse! чтобы обозначить разсерженную женщину. Ср. бранныя и ругательныя слова.

Стр. 143. — Ad. 109. Pliks kaip tilviks; нѣм.: Kahl wie ein Brachvogel; бѣлорусск.: Голъ, якъ соколъ; лат.: Kails kā pīrksts (діал. pērkssts); русск.: Голъ, какъ перстъ; бѣлорусск.: Голъ, якъ бичъ, а восцеръ, якъ мечъ. Нищъ и дерзокъ. Голъ, якъ соколъ. Совершенный бѣднякъ¹⁾. — Двѣ одинаковыхъ русскихъ поговорки: голъ, какъ (осиновый) колъ и голъ, какъ пестъ (Даль I 381) представляютъ буквальный переводъ слѣдующихъ двухъ греческихъ поговорокъ: 1) *Γυμνότερος πατάλλου ἐπὶ τῶν σφόδρα ἀπόρων* (Apost. V 73), или *ἐπὶ τῶν σφόδρα ἀπορωτάτων* (Масаг. III 8), т. е. „о крайне бѣдныхъ людяхъ“, 2) *Ἰπέρου γυμνότερος*; послѣднюю поговорку Тимошенко нашель еще у византійскаго историка, Никиты Хоніата въ русскомъ переводѣ. Спб. 1862, т. II стр. 254²⁾. — „Er ist ganz vermögenlos“³⁾.

Эти поговорки обозначаютъ бѣдность, недостатокъ, нужду и т. д. въ ихъ различныхъ видахъ, степеняхъ и т. д. Какъ видно изъ текстовъ, то нѣмцы, русскіе и латыши очень богаты картинами, поговорками, выражающими бѣдность. Объясненіе нѣм. „ratzenkahl“ или „rattenkahl“ Шрадеру совершенно не удалось, когда онъ эти выраженія производитъ „von radikal (radix), d. h. mit der Wurzel, von Grund aus, völlig“ и предполагаетъ „das kahl in dem Worte verleitet zu der falschen Anwendung für leer.“ Ratzenkahl oder rattenkahl klingt,“ какъ выражается Шрадеръ, не только по меньшей мѣрѣ („wenigstens“), но, по моему мнѣнію, — вполне по-нѣмецки („deutsch“) и, какъ можно убѣдиться изъ поговорки He is so käl as en Rott (Ratte) и изъ другихъ изреченій, то это и не такъ безсмысленно („so unsinnig“), какъ думаетъ Шрадеръ, но запросто осмысленно эти выраженія вести въ связь съ крысою (Ratte), какъ и остальныя находятся въ связи съ летучей мышью („Fledermaus“), червю (Wurm), вошью („Lus“).

Стр. 145. — Ad. 122. Sù kūnu, sù dūsià; лат.: Ar mēs' un dvēseli соотвѣтствуютъ вполне нѣм.: Mit Leib und Seele; напротивъ въ русск.: Всею душою, нѣм.: Von ganzer Seele

1) Носовичъ стр. 26.

2) Тимошенко стр. 143 № 232.

3) Wander III 855, 17.

картина начерчена только на половину. Тѣмъ не менѣе смыслъ всѣхъ этихъ поговорокъ одинаковъ, т. е. всею душою, всѣмъ существомъ, всѣмъ своимъ „я“ за кого, за что поручаться, отстаивать кого-либо и что-либо.

Стр. 145. — Ad. 124. *Su rékščeis vandens atnešti*; лат.: *Sēte ūdeni nest*; русск.: Рѣшетомъ воду носить. Поговорка эта, означающая напрасный трудъ, встрѣчается впервые у Платона, потомъ у Аристотеля, затѣмъ въ позднѣйшихъ сборникахъ, напр., у Макарія съ объясненіемъ: *ἐπὶ τῶν ἀνθρώπων καὶ μάλιστα τοιοῦτων*¹⁾. Римляне также знали эту поговорку: *Non pluris refert, quam si imbrem in cribrum ingeras* (Plaut. Pseud. 102). Изъ „римскихъ древностей“ Діонисія Галикарнасскаго извѣстна исторія весталки Тукціи: обвиненная въ нарушеніи обѣта цѣломудрія, она, чтобы доказать свою невинность, рѣшилась на поступокъ, „который по пословицѣ, считается совершенно невозможнымъ“ *τὸ παρομοιάζον ἐν τοῖς πρώτοις τῶν ἀδυνάτων λόγῳ ὑπορεῖναι* (Dion. Hal.): она зачерпнула рѣшетомъ воды изъ Тибра и въ сопровожденіи жрецовъ и толпы народа принесла ее на форумъ, въ храмъ богини (по Liv. ep. XX *Tuccia virgo Vestalis incesti damnata est*). „Въ русскихъ сказкахъ вѣдьма также заставляетъ дѣвушку принести воды въ рѣшетѣ, и у древнихъ поляковъ былъ обычай тѣмъ же способомъ испытывать обвиняемыхъ“²⁾. Подобное встрѣчается и въ латышскихъ сказкахъ. Нѣмцы говорятъ: „Mit einem syffe wather pütten.“ — „Wenn der Vergessliche hört und liest, so schöpft er Wasser mit einem Siebe. Von der Mythe der Danaiden“³⁾.

„Wasser in ein Sieb schöpfen. Auch: mit einem Siebe Wasser schöpfen: s. v. w. sich vergebliche Mühe machen. Der Vergessliche hört und sieht zwar, aber er schöpft Wasser mit einem Siebe.“ — „Wer dasjenige, was er gewonnen, nicht kann erhalten, der schöpft Wasser in Sack“⁴⁾. Изъ старшихъ гномическихкихъ поэтовъ нѣмцевъ эта поговорка встрѣчается уже у Freidank'a и Frauenlob'a⁵⁾. Какъ уже и выше доказано, ее знаетъ уже классическая древность. Кромѣ грековъ и римляне знаютъ подобную поговорку. Она встрѣчается именно

1) Macar. V 20.

2) Тимошенко стр. 64 № 86.

3) Wander IV 551, 12.

4) Wustmann p. 491 № 1221.

5) Cp. Wustmann ibid.

часто у Плавта, какъ-то: *imbrem in cribrum gerere* (Pseud. I, 1, 100), *in pertusum dolium aliquid ingerere* (Pseud. I, 3, 135), у Лукреція и др.

Смр. 125. — Ad. 128. Šármas ūdā nuēdēs; лат.: *Sārms ādu nūēdis* (Щёлокъ испортилъ кожу). Такъ жалуются прачки. По-нѣмецки: „Jemand mit scharfer Lauge waschen. S. v. wie ihn scharf tadeln, ihn tüchtig herunterputzen.“ Эта картинная поговорка заимствована отъ стирки шелкомъ, примѣняемомъ еще въ XVI ст. къ стиранію. Вслѣдствіе чего и: „Die Lauge des Spottes, die man über Thorheiten ausgiesst, um sie zu bekämpfen.“ Справ. (Syll. 24): „Aceto perfundere. Einen höhnisch oder für einen Gecken halten“¹⁾. Какъ въ литовскомъ и латышскомъ (*šármas, sārms*), такъ и въ русскомъ щелокъ, по видимому, не употребляется въ переносномъ смыслѣ.

Смр. 146. — Ad. 134. Tānki girie, ūds snūķī nīķīša; лат.: *Tik bēzs mežs, ka ne knislis nevar degunu ēbāst* (Густой лѣсъ, комаръ не можетъ сунуть въ него своего носика). Латышскій вариантъ гласитъ: *Tik bēzs (mežs), ka ķirķis nevar sauri islīst* (Лѣсъ такъ густъ, что сверчокъ не можетъ пролѣзть). Эту поговорку употребляютъ особенно пастухи, чтобы обозначить этимъ лѣсъ до такой степени не проходимымъ, что нельзя въ него войти со скотомъ, стадомъ.

— *Ad. 137.* Tēsus kaip smilg's; лат.: *Tēvs (fem. tēva) kā smilga* (Въ стройномъ видѣ какъ ситникъ). Такъ говорятъ о молодыхъ людяхъ, особенно о дѣвицахъ.

— *Ad. 138.* Tikt gēra šaukimā yra nū musū (Онъ отъ насъ на разстояніи крика); лат.: *Tē saukuma zemes nū tums* (Они на разстояніи крика земли отъ насъ), т. е. какъ далеко слышенъ крикъ, какъ далеко можно крикнуть, такъ далеко извѣстное разстояніе. Такъ выражаются, напр., по-латышски: *Teļi saukuma zemes āsgājuši* (Телята до того ушли, что крикомъ нельзя ихъ достигнуть).

Смр. 147. — Ad. 140. Tu gali kalbēt kāp dēvyni nēbile (Ты можешь говорить какъ девять нѣмыхъ); лат.: *Tu vari runāt par deviņēm* (Ты можешь говорить за девять). Говорятъ о болтунѣ. „Zu einem Schwätzer gesagt“²⁾. По-нѣмецки выражаются въ этомъ случаѣ: *Er spricht das Blaue vom Himmel*; по-русски: Онъ болтаетъ самъ не знаетъ что.

1) Wustmann p. 295 и 296 № 739.

2) Schleicher p. 283.

— *Ad. 141.* Tū tai gali aīt pīrštū nusiskaityti; лат.: Tu tō vari pē pirkstēm saskaitīt (Ты это можешь пересчитать по пальцамъ). „Sich etwas an den Fingern abzählen können. S. v. w. etwas ohne grosse Ueberlegung begreifen können. An den Fingern haben die Menschen zählen und rechnen gelernt, lernen es die Kinder noch jetzt, und so sagen wir auch noch heute von einer leichten Aufgabe: Das ist sehr einfach, das kannst du dir an deinen fünf Fingern abzählen.

Dagegen bedeutet „etwas an den Fingern her zählen“ s. v. w. es genau wissen und aufsagen können“¹⁾.

— *Ad. 145.* Vējē su žakū tu nōri sugāuti; лат.: Grib vēju maisē ķert (Ты хочешь ловить вѣтеръ мѣшкомъ). „Das machen die Aufpasser und Horcher“²⁾. — „Den Wind haschen, nach Wind schnappen, Vergebliches unternehmen“³⁾.

Смр. 148. — *Ad. 148.* Visuī pažīstama pāsaka, по-латышски употребительнѣ: Visēm pažīstama lēta (Старая всѣмъ извѣстная сказка, вещь). Это — общеизвѣстно. По-латышски еще: Ta jau vesa pasaka; vesa, pažīstama lēta (Это — старая сказка; старая, извѣстная вещь).

— *Ad. 149.* Vēja botags, лат.: Vēja pātāga (Бичъ вѣтра). Прибавлено къ этой прибауткѣ по-лит. rabastūnas и по-нѣм.: „d. i. ein Herumstreicher“⁴⁾. Картина бича, размахиваемаго вѣтромъ, бросаемаго имъ сюда и туда, — очень жива и наглядна, такъ что и очень поразительно характеризуетъ бродягу. Ср. Бранныя и ругательныя слова.

— *Ad. 150.* Vilku duriemas, лат. Vilka durams (Волчья острога?). Прибавлено съ цѣлью объясненія лит. tinginys (лѣннivecъ). Шлейхеръ переводитъ этотъ идиотизмъ: „Einer, der vom Wolfe gestochen wird (d. i. Faulpelz)“⁵⁾. По моему мнѣнію это не имѣетъ никакого смысла. Говорятъ только dass einer vom Wolfe gebissen, zerrissen wird, но никогда dass einer „vom Wolfe gestochen wird.“ Этотъ загадочный, неясный идиотизмъ (эта прибаутка) относится, собственно говоря, къ браннымъ и ругательнымъ словамъ, къ лѣнтю (tinginys) и обозначаетъ человѣка (vilka durams), иначе ни куда не годнаго (лѣнтя). Этотъ человѣкъ только готовъ и

1) Wustmann p. 146 № 354.

2) Wander V 259 № 293.

3) Schrader p. 283.

4) Schleicher p. 186.

5) Ibidem.

способенъ къ чему-нибудь чрезвычайному, какъ напр., волчья охота, такъ что онъ только посылаемый на волчью охоту; vilku durietas, кѣмъ охотиться на волковъ.

Смр. 148. — Ad. 151. Kútras vilks (Хитрый волкъ), т. е., хитрый человѣкъ. Интересно, что у латыша, русскаго и нѣмца хитрецемъ, лукавцемъ представляется лиса (lapsa, Foss), а у литовца и у нѣмца (кромѣ лисицы) волкъ или просто птица (paúkštis, Vogel). Русское выраженіе „хитрый человѣкъ“ переходитъ уже грани переноснаго языка. „Eine grosse Rolle spielt der Fuchs in der Sprache um seiner innern Eigenschaften willen. Wie von Alters her der Fuchs in der Thierfabel gefasst wird, so wird ein listiger, schlauer, verschlagener Mensch ein Fuchs genannt“¹⁾. Намъ не приходится указывать на басни Эзопа, но слѣдуетъ отмѣтить, что уже Христосъ въ Евангеліи (Лук. 13, 32) такъ называетъ тетрарха Ирода: *Πορευθέντες εἴπατε τῇ ἀλώπεκι ταύτῃ*. По-французски напротивъ une fine, méchante bête обозначаетъ хитраго, лукаваго звѣря, „feinen Fuchs, Schlaufuchs, schlimmen Gesellen“²⁾.

— *Ad. 152.* Jis vilko rýtas ir iššiktas; лат.: Tas vilka rīts un isdērsts (Онъ волкомъ поглощенъ и опять выброшенъ); вариантъ: Bēso rýtas ir iššiktas (Чортомъ поглощенъ и опять выброшенъ). Говорятъ о зломъ, задорливомъ человѣкѣ. „Sagt man von einem bösen Processirer“³⁾.

Смр. 149. — Ad. 156. Žnairėti kaip kóks šū; лат.: Glūnēt kā sun's (Смотрѣть какъ собака), т. е., глядѣть злобно, „scheel, auch begierig ansehen“⁴⁾.

III. Заклинанія, проклинанія.

1. Введеніе.

Какъ съ одной стороны пословицы и поговорки находятся между собою въ болѣе тѣсной связи, такъ съ другой и остальныя категоріи брахилогизмовъ, заклинанія, проклинанія и т. д. Въ то время какъ въ пословицахъ и поговоркахъ преобладаетъ спокойная рефлексія, въ заклинаніяхъ, проклинаніяхъ и бранныхъ, ругательныхъ словахъ — про-

1) Schrader p. 214, 3.

2) Ibid. p. 456.

3) Nesselmann p. 328.

4) Schleicher p. 166.

дукты крайняго аффекта. Одни указываютъ на что-то положительное, другія же — на что-то отрицательное.

Заклинанія, проклинанія и бранныя, ругательныя слова давнымъ-давно были въ употребленіи у народовъ, а именно въ древнее, варварское время больше, чѣмъ въ наше время. Заклинаніе, проклинаніе имѣютъ первично религіозный характеръ; это — формула, которой такъ же, какъ благословенію, притчѣ благословенія приписывали сверхъестественное дѣйствіе, особенную божественную или демоническую силу. Достаточно вспомнить только библейскую исторію о Валаамѣ и засохнувшей смоковницѣ. Заклинанія, проклинанія по народному вѣрованію имѣютъ слѣдствіемъ метаморфозы и указываютъ на мифологію. Такимъ образомъ народныя преданія и сказки рассказываютъ о заколдованныхъ замкахъ, дѣвицахъ, принцахъ и т. п. Въ противоположность проклинанію стоитъ благословеніе, какъ это и видно изъ исторіи о Валаамѣ. Но какъ зло между людьми распространяется скорѣе добраго, такъ же и въ народныхъ преданіяхъ преобладаютъ заклинанія, проклинанія передъ благословеніями, поздравленіями и т. д. Между тѣмъ какъ послѣднія очень рѣдки, то первыя, не смотря на прогрессъ культуры и цивилизаціи, встрѣчаются въ народной жизни еще въ значительномъ числѣ, хотя и не оказываютъ болѣе особаго процвѣтанія этого жанра народныхъ произведеній. Die relative Dürftigkeit, говоритъ Беззенбергеръ относительно своихъ собраній заклинаній и ругательныхъ словъ, — *beruht darauf, dass die Litauer, wie mir ein Mann von der Kurischen Nerung sagte, glauben, eine Verwünschung oder eine Schimpfrede, die man ohne Grund ausgesprochen habe, kehre „in den Mund des Scheltenden zurück,“ und dass sie in folge dessen die Fragen nach ihren Flüchen und Schimpfwörtern meist nicht beantworten*¹⁾. И лит. пословица *keikėstis pro burną išeit, pro nosį atlanda*²⁾ выражаетъ, что проклятіе, проклинаніе падаетъ на проклинающаго. Итакъ, проклинаніе имѣетъ теперь еще по мнѣнію народа ужасную, уничтожающую силу, приписанную ему во время Валаама. Стендеръ говоритъ: *Einige Flüche der Letten haben ganz was besonderes. Als: Ka tevi bagati vilki! Dass dich reiche Wölfe (holen mögen!) Warum nicht arme Wölfe? vielleicht möchten*

1) Bezzenberger Lit. Forsch. p. 56.

2) См. выше стр. 24, 1.

die aus Hunger den Fluch erfüllen und den Hund holen. Ka tevi deviṇi velni! dass dich neun Teufel! warum nicht zehn, oder ein Dutzend voll? Ka tevi simti pérkoni! dass dich hundert Donner! Wären 1, 2 oder 3 nicht schon genug?¹⁾ Это тѣ слова, въ которыхъ лежитъ магическая, волшебная сила; слова, которыя должны гласить такъ и не иначе, если они не хотятъ потерять своей силы. Съ заклинаніями и проклинаніями то же самое, что съ заговариваніями и магическими формулами, которымъ нельзя пропустить ни юты, чтобы не остаться безъ дѣйствія. Это именно приговоры, предписанія миѣическаго происхожденія. Такимъ образомъ эпитеты, какъ: bagati, deviṇi и simti не безразличны и не могутъ быть замѣстимы другими, чтобы проклинаніямъ не потерять своей силы. Что они примѣнены не случайно, это видно изъ эпитетовъ deviṇi, simti. О нихъ мы знаемъ, что они миѣическія имена числительныя. Такъ гласить, напр., въ миѣическихъ народныхъ пѣсняхъ:

1. Въѣхало солнце	Ėbrauce Saulite
Въ яблонный садъ,	Abelū dārzā,
Девять колесъ,	Deviṇi riteṇi,
Сто коней.	Simt' kumeliṇi ²⁾ .
2. У отца Перкуна	Pérkona tėvam
Девять сыновей:	Deviṇi dėli:
Трое гремѣли,	Tris řuca,
Трое ударили,	Tris spēra,
Трое сверкнули.	Tris zibināja ³⁾ .
3. Чьи это пѣгіе кони	Kam tė sirmi kumeliṇi
У дверей божьяго дома?	Pė Dėviṇa nama durvju?
Это кони луны,	Tė Mėneša kumeliṇi,
Отъ сватовъ къ дочери солнца.	Saules meitas precenėku.
Сегодня ведутъ дочь солнца;	Šodėn veda Saules meitu;
Сегодня солнце осѣдлаетъ	Šodėn Saule apsegloja
Сто карихъ коней.	Simtu bėru kumeliṇ'.
Дай, Боже, лунѣ	Dod, Dėviṇ, Mėnešam
Сто сыновей всадниковъ!	Simt' dėliṇu — jājejiṇ'! ³⁾

Можетъ быть что эпитетъ bagati указываетъ на старославянское bogŭ (Богъ, рядомъ съ этимъ богатый), старо-

1) Stender, Grammatik. 2. Aufl. p. 234

2) Büttner p. 18 № 226.

3) Ср. Спрогись стр. 302, 21. — Ср. и Очерки etc. стр. 118.

индiйск. bhāga (обозначенiе извѣстнаго бога, который представляется какъ сынъ Aditi и какъ раздаватель добра — 557, 2 bhāgam putrām ādites yās vidhartā — и какъ благословляющiй). Стало-быть bagāti vilki — волки бога или волки въ сопровожденiи извѣстнаго бога. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ магическими, миѳическими словами, происшедшими изъ старыхъ народныхъ вѣрованiй и находящимися въ связи со старыми божествами. Это на счетъ предложенныхъ Стендеромъ вопросовъ. Далѣе тотъ же самый авторъ говоритъ: Was ihre anderen Flüche, ihre Scheltwörter und Unflätereien betrifft, daran mag ich nicht gedenken¹⁾. Стало-быть онъ отказался отъ собранiя латышскихъ ругательныхъ словъ.

Хотя и приходится сожалѣть, что Стендеръ, одинъ изъ самыхъ первыхъ собирателей латышскихъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ и загадокъ, не обратилъ большаго вниманiя на проклинанiя и бранныя слова, однако мнѣ удалось съ литовскими Шлейхеромъ и Бецценбергеромъ собранными заклинанiями и ругательствами сопоставить здѣсь латышскiя, или изъ сочиненiй Ульмана и Бривземниака, или изъ собственнаго собранiя проклинанiй и ругательствъ съ устъ народа.

2. Различiе между заклинанiями и проклинанiями и ихъ характеристика.

Хотя въ обыкновенномъ употребленiи языка часто смѣшиваются заклинанiя, проклятiя, однако и между ними имѣется различiе. Между тѣмъ какъ проклинанiе, проклятiе въ раздраженiи можетъ произнести каждый, желать зла каждый, то заклинанiе по народному вѣрованiю совершаютъ именно злыя вѣдьмы, колдуны. Между тѣмъ какъ у проклинанiй, проклятiй дѣло идетъ болѣе о раздраженiи гнѣва кого-нибудь надъ кѣмъ-нибудь, то, напротивъ, заклинанiя оказываются совершенiемъ хладнокровно обдуманнаго, нѣкоторымъ образомъ политическаго, хитраго дѣйствiя. Между тѣмъ какъ въ осуществленiе проклинанiй, проклятiй едва-ли кто вѣритъ — это обыкновенно не имѣется въ виду, — то за заклинанiемъ всегда слѣдуетъ околдованiе, именно превращенiе,

1) Stender p. 234.

или въ лягушку¹⁾, или въ камень²⁾ и т. д. Въ проклинаніяхъ, проклятійхъ исключительно слова должны обнаруживать вредящую силу и власть, нѣкоторымъ образомъ дѣйствовать гипнотически; напротивъ въ заклинаніяхъ рядомъ съ произношеніемъ извѣстныхъ словъ съ цѣлью дѣйствія нужно имѣть прикосновеніе, часто — магическій жезлъ и т. п. Такъ, напр., по сказкѣ „царица — шиповникъ“ (Dörnröschen), восклицаетъ тринадцатая, не приглашенная вѣдьма — колдунья (weise Frau) громкимъ голосомъ: царевна на пятнадцатомъ году своей жизни должна уколоть себя веретеномъ и упасть мертвою! И это заклинаніе дѣйствительно осуществляется, когда царевна на самомъ дѣлѣ прикасается къ веретену. Такъ и во время превращенія въ камень происходитъ дѣйствіе заклинанія только тогда, когда къ словамъ *torì rag akmeni* (стань камнемъ) присоединяется прикосновеніе или магическимъ прутомъ, или хлыстомъ etc. Итакъ, заклинаніе всегда соединено магическимъ средствомъ, чарою, и если при этомъ не совершается прикосновеніе извѣстнымъ предметомъ, то осуществленіе рядомъ съ извѣстными словами (заклинаніями), зависитъ и отъ сохраненія извѣстной тайны, напр.: кто это слышитъ и сообщаетъ другимъ, тотъ сдѣлается камнемъ³⁾. Заклинаніе, значитъ подвергнуть кого подъ волшебство злого магическаго изреченія, т. е. околдовать. Напротивъ, у проклинанія-проклятія все дѣйствіе ограничивается одною силою слова. Когда проклинаніе происходитъ изъ божественной силы, тогда оно и можетъ осуществиться, на комъ-нибудь оставаться, какъ, напр., въ раю Богомъ направленное на змѣю: за то, что ты сдѣлалъ это, проклять ты предъ всѣми скотами и предъ всѣми звѣрями полевыми; ты будешь ходить на чревѣ твоёмъ, и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей⁴⁾. Это — первое намъ извѣстное, древнѣйшее проклинаніе.

Какъ мы это и видѣли уже въ введеніи, проклинаніе, проклятіе — что-то вообще старинное, относящееся къ очень ранней ступени развитія человѣчества, гдѣ было паролемъ „око за око и зубъ за зубъ“ или *ká tu man, tá es tav* (какъ

1) См. напр. „Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich“ въ „Kinder- und Hausmärchen“ братьевъ Гриммъ.

2) См. Das lett. Volksmärchen von A. Bielenstein и Needrischu Widwuds XI 2:7 слѣд.

3) Needr. Widw. IX 500 и слѣд.

4) 1 Mous. 3, 14.

ты мнѣ, такъ я тебѣ). Въ теперь еще встрѣчаемыхъ проклятійхъ можно хорошо видѣть борьбу стараго, суровыхъ обычаевъ времени и старыхъ убѣжденій съ новымъ, болѣе просвѣщеннымъ, гдѣ начинаютъ стыдиться проклятій. Напр., полныя, ни чѣмъ не сокращенныя и не смягченныя проклинанія приходится считать старѣйшими, но сокращенныя, смягченныя, намѣками выраженныя — новѣйшими. Болѣе вѣжливый, образованный человѣкъ не въ состояніи болѣе изрыгать ужасныя проклятія. Когда онъ приходитъ въ гнѣвъ, тогда онъ произноситъ, напр.: „чтобъ тебя!“ (ka tevi! hol dich! dass dich!) и пропускаетъ чорта (vells, Teufel), или болѣе благородный скажетъ вмѣсто „чтобъ тебя чортъ!“ (rau tevi vells! hol dich der Teufel!) — rau tevi kocipš! (чтобъ тебя деревцо!) Нѣмецкія выраженія „der Tausend“ и „dass dich der Tausend,“ кажется, только намекаютъ на чорта, или онъ какъ бы скрывается въ нихъ.

Аналогіи такихъ снисходительныхъ деликатныхъ изреченій, во избѣжаніе ужасныхъ словъ или, чтобы не осквернить священнаго, встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Прежде всего въ старо-еврейскомъ имя Бога (2 Mos. 3, 14) гласитъ собственно Jahveh. Его не произносилъ ни одинъ еврей. Вмѣсто того говорили, читали adonai, т. е. Господь. И чтобы евреи, читающіе св. Писаніе, каждый разъ, гдѣ они встрѣчаютъ слово Jahveh, вмѣсто этого читали adonai, то ставили гласныя этого послѣдняго слова подъ согласныя перваго, и такимъ образомъ произошло изъ смѣшенія согласныхъ слова Jahveh и гласныхъ слова adonai — слово Jehova (Иегова), которое какъ таковое вове не встрѣчается во св. Писаніи.

Во французскомъ встрѣчается множество доказательствъ того, что вмѣсто dieu говорили и еще говорятъ совершенно иначе, собственно безсмысленно, но, съ подобнымъ звукомъ bieu, bleu, quieu. Sangbieu значитъ sang de dieu, parbleu — par dieu, morbleu — par la mort de dieu, corbieu — corp de dieu, vertubleu — vertu de dieu, vertuguieu и vertugoi — vertu de dieu, morgoi — mort de dieu¹⁾. Также въ литовскомъ и латышскомъ, чтобы не выражать ужаснаго, напр., velns (чортъ), вмѣсто этого употребляютъ по-литовски nelábasis, по-латышски nelabajs (недобрый, лихой), по-лит. aklatiš, kipšis²⁾, по-лат

1) Schrader p. 510.

2) Geitler p. 91.

kociņš, dēviņš и др., вмѣсто Perkunas'a (Pérkūns), Deivāitis'a (Dēviņš) и т. п.

Изъ нашихъ лит. и лат. проклинаний можно составить цѣлую скалу, которая, начиная съ самыхъ сильнѣйшихъ выражений (Perkunas, Velns, Giltine, Nelabasis, Magilos, Dēvai), переходитъ къ болѣе слабымъ (visi budeliei, būdelis, bende, rākeris, devyni vilkai, vilks, šūnes, suņi, traki suņi) и продолжается къ слабѣйшимъ, почти смѣшнымъ (zuiks, paūkšdei, varnai, ūteles, ķirmēlēs и др.). Мы видимъ здѣсь стараніе человѣческаго духа, хотя и не вполне освободиться отъ проклинаний, однако ослабить ихъ, замѣняя ужасныя почти совершенно ничего не значащими. Здѣсь нѣкоторымъ образомъ замѣчается утопленіе стараго Адама, все же еще высывающаго голову изъ воды.

Проклинаніе въ теперешней человѣческой жизни оказывается резидуумомъ прежней, низкой ступени развитія человѣческаго духа. Оно не миролюбивое, благотворительное, спасительное слово, нѣтъ, оно желаетъ, чтобы настигли насъ зло и несчастье. Но между тѣмъ какъ настоящее заклинаніе встрѣчается еще почти исключительно въ сказкахъ и преданіяхъ, то проклинанія, не смотря на миролюбивое христіанское ученіе: „благословляйте, а не проклинаяте“ (Rom. 12, 14: *εὐλογεῖτε, καὶ μὴ καταράσθε*), процвѣтаетъ еще вездѣ тамъ, гдѣ сильно раздраженные умы даютъ волю своему гнѣву. Смѣшиваются и проклинаніе съ руганіемъ и бранью. По сколько же проклинанія отличаются отъ руганій и брани, объ этомъ рѣчь будетъ ниже у бранныхъ и ругательныхъ словъ.

Нашъ сборникъ содержитъ настоящія проклинанія, всего — за исключеніемъ вариантовъ — 76 или по 38; включая 35 лит. и 45 лат. варианты, получаемъ приблизительно 73 лит. и 83 лат. проклинанія, всего на всего 156. Въ 34 нумерахъ приведеннымъ проклинаніямъ могутъ предшествовать Dēve dūk! Dēvs dūd! (дай Богъ! Gott gieb!); напротивъ въ № 35—38 встрѣчаемая лит. и лат. проклинанія употребляются безъ этой постоянной формулы „дай Богъ!“ Наконецъ послѣдній номеръ (39) содержитъ очень интересное заклинаніе. Заклинаніе собственно тоже — проклинаніе, а именно такое, которое должно обращаться противъ самого заклинающаго, если онъ не исполняетъ чего-либо обѣщаннаго. Стало-быть, оно условное, съ извѣстнымъ условіемъ связанное проклинаніе, или соединенная для извѣстнаго случая съ заклинаніемъ самого себя присяга.

3. Замѣчанія и объясненія къ нѣкоторымъ проклинаніямъ.

Смр. 149. — Ad 1. Kād tavē Perkūns užmūštu! Да поразить тебя громомъ! „Deivaitis (die Gottheit) bezeichnet ebenfalls den Perkunas“¹⁾, т. е. богъ грома; лат.: Ka tevī deviņi (var. trejdeviņi) Pērkūni saspērtu! (Чтобы тебя девять — var. трижды девять — боговъ поразили громомъ!) Числа deviņi, trejdeviņi — священные, миѳическія²⁾. Срав. при этомъ выше введеніе (стр. 346 и слѣд.). Число devyni мы встрѣтили и у пословицъ (стр. 107). Укажу здѣсь и на нѣмецкое восклицаніе удивленія: Potz Tausend! (Gottes tausend Donnerwetter mögen dich treffen)³⁾.

— *Ad 2.* Kād tavē velns pagrēbtu (Чертъ тебя побори!), nunēstu ī padāngēs („dich in die Wolken, wörtlich: in den Raum unter dem Himmel, entführe!“)⁴⁾ Въ лит. вариантахъ вмѣсто velns встрѣчаются velnai, Magilos, Dēvai, šimts rūpkiu и Aklatis. Это всѣ злыя божества. Magilā — „eine alte heidnische Göttin des Zornes, der Pest, des Todes“⁵⁾. — — „vielleicht = p. mogilų Totenhügel; ima jī magilos, es würde bedeuten: hole ihn der Tod“⁶⁾. „Rūpkiu“ по мнѣнію Беценбергера — искаженіе слова piktū, которое послѣднее, по моему мнѣнію, сближается со слѣдующимъ лат. Pīķis (если это не обозначаетъ смолы и не указываетъ на выше изложенное мною ослабленіе проклинанія, но представляетъ сокращеніе словъ: Pīkulis, Piktulis, лит. Rykulas)⁷⁾. Лат.: Kad tevī velns (v. Pīķis, Jupis, Jāds, Ne-laime) parautu (Чтобъ тебя схватилъ чортъ) (v. Пикись, Юпись, Иудсь, несчастье). Это — злые духи изъ дохристіанской латышской старины; нынѣ народъ отождествляетъ большею частью эти миѳическія существа съ простымъ понятіемъ о „чортѣ“⁸⁾. Латышскій вариантъ гласитъ: Lai tevī deviņi velli (Чтобъ тебя девять чертей)! „Möglich auch, dass in dem obi-

1) A. Schleicher, Lit. Märch., Sprichw. etc. p. 189.

2) Очерки etc. стр. 117, 118 и 119.

3) Schrader p. 509.

4) Schleicher ibid.

5) Nesselmann p. 378.

6) Schleicher, Lituanica pag. 76 sq. и A. Brückner: Die slavischen fremdwörter im litauischen. Weimar, 1877, p. 109.

7) Geitler p. 91.

8) Трейландъ (Бривземніаксъ), Труды etc. стр. 38 № 1580.

gen Potz Tausend der Fürst der Finsternis steckt, weil man auch sagte Gottes Teufel und häufiger Gottes Tausend (oberd. Potz dausi). Und in den Wendungen „der Tausend“ und „dass dich der Tausend“ scheint deutlich der Teufel zu liegen. Das Wort Teufel wird übrigens bei Ausrufen, Verwünschungen, Betheuerungen, Flüchen ungemein oft verändert und verdreht“¹⁾. Вслѣдствіе этого и въ литовскомъ и латышскомъ множество обозначеній, указывающихъ на чорта. Можетъ быть, что „Tausend“ только такъ же имя числительное, какъ выше приведенныя латышскія миѳическія числа и тѣ въ лит. проклинаніи: *Kād tavē šimts penkiālika*²⁾ (чтобъ тебя сто пятнадцать!), что какъ бы *sub rosa* намекаетъ на нечистаго.

Смп. 150. — Ad 3. Проклинанія *Kād tavē devyni vilkai*; лат.: *Kad tevi bagāti vilki apėstu* etc. (Чтобъ тебя девять волковъ, var. богатые волки съѣли!) содержать что-то очень старинное и особенное въ имени числительномъ *devyni* (*devipi*) и прилагательномъ *bagāti*, о чемъ же уже рѣчь была выше въ введеніи. Какъ въ литовскомъ и латышскомъ, такъ и въ русскомъ употребляютъ здѣсь множественное число: Чтобъ тебя волки съѣли! Въ литовскомъ и латышскомъ рядомъ съ этимъ встрѣчается и единственное число (*vilks*). Нѣмецъ говоритъ въ этомъ же случаѣ: *Hol dich der Kuckuck!*

Такъ какъ кукушка кладетъ для высиживанія свои яйца въ чужія гнѣзда, то ея имя вошло въ дурную славу, такъ что у римлянъ невѣрный супругъ назывался *cuculus*; ср. Плавта: *Asin. 5, 2, 73*; *Pseud. 1, 1, 94*; *Trin. 2, 1, 18* и чаще. Наоборотъ въ англійскомъ (*cuckold*) и во французскомъ (*cocu*) обманутый женою мужъ получаетъ это прозвище. Въ Германіи сталъ *Gauch* (кукушка), вѣроятно тоже подъ вліяніемъ христіанства, поносительнымъ словомъ, и такимъ образомъ это имя птицы служить и именемъ лукаваго, дьявола; ср. выраженія: *Geh zum Kuckuck! Hol' ihn der Kuckuck! Des Kuckucks sein! Jemand zum Kuckuck jagen. Das ist zum Kuckuck. Ei der Kuckuck!* Шиллеръ въ пьесѣ „Коварство и любовь“ (*Kabale und Liebe*) 2, 4, говоритъ: *Wem der Teufel ein Ei in die Wirtschaft gelegt hat, dem wird eine hübsche Tochter geboren*³⁾. И въ литовско-латышской народной поэзіи часто

1) Schrader p. 509.

2) Bezzenberger Lit. Forsch. p. 56.

3) Wustmann p. 284.

встрѣчается кукушка. Ср. Очерки etc. I. Народныя пѣсни. Стр. 54, 67, 74, 182, 192 и чаще.

Стр. 153. — *Ad 21.* Kad jì nelábasis pagrėebtu, лат.: Kad tš nelabajs (nelabejs) pagrābtu (Чтобъ его лихой, собственно недобрый, побралъ!) Nelábasis (nelabejs) — только смягченное обозначеніе слова velns (vells, чортъ, ср. выше № 2). Въмѣсто nelábases (nelábasis) въ литовскомъ встрѣчается и nelaboks, nelabòka (лихой, чортъ)¹⁾. Въ латышскихъ преданіяхъ и сказкахъ, также въ обыденной жизни, слышны очень часто nelabejs и nelabà māte (мать нечистаго), чѣмъ намекають на лихого, чорта²⁾.

— *Ad 22.* Kad tavē zūiks subodytū (Чтобъ заяцъ боднулъ тебя!) Это — почти ничего не значащее изреченіе или шутовское проклинаніе, приблизительно подобно нѣмецкому: dass dich das Mäuslein beisse!³⁾ Это — кроткая угроза, когда мать въ шутку говоритъ своему ребенку, или кроткій видъ заклинанія или проклинанія⁴⁾.

— *Ad 24.* Kat tavē lāpes! лат.: Ka' tev' lapsas nūrētu! (Чтобъ тебя лисицы съѣли!) Говорятъ именно къ дворовымъ птицамъ, именно къ курамъ, гусямъ и уткамъ, когда онѣ наносятъ земледѣльцу вредъ. Не мудрено, что лисица, или какъ предметъ любимой интересной охоты, или ради своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ свойствъ, даетъ поводъ къ многочисленнымъ пословицамъ, поговоркамъ, притчамъ и не пропущена даже въ проклинаніяхъ.

Лисица, принадлежащая къ роду собакъ — хищный звѣрь, опасная особенно живности земледѣльца, почему послѣдній живетъ съ нею какъ въ постоянной враждѣ⁵⁾, такъ и въ досадѣ и гнѣвѣ передаетъ ей провинившихся домашнихъ птицъ.

— *Ad 25.* Kād tavē Giltine! Kad tevi nāve! (Чтобъ ты достигъ смерти!) Какъ здѣсь въ лит. проклинаніяхъ, такъ и въ лит. пословицахъ (см. выше стр. 14) встрѣчается еще старая богиня смерти. „Die litauische todesgöttin Giltinė hat den namen vom stechen, wurz. gal in gėl-ti stechen, gyl-ýs stachel u. a. Das häufige suffix weiss ich als nomina

1) Geitler p. 97 и Bezzenberger p. 124 и 145.

2) Needr. Widw. XI 210, 287, 311 и чаще.

3) Bezzenberger p. 57. — Schrader p. 188.

4) Schrader ibid.

5) Schrader p. 210, 13.

agentis bildend sonst nicht nachzuweisen, der form nach entspricht, bis auf den accent, z. b. gim-tinē (geburtbort) von wurz. gam; draústinē (schonung im walde, draús-ti für draud-ti drohen).

Mit Giltinē, der stechenden, vergleiche man Hagano, den elbischen, durch stich den tod fügenden mörder Sigfrids, von hagan dem stechenden dorne genannt. Sollte man, auf die parallele mit der stechenden Giltinē hin, auch Hagano als den stechenden todesgott fassen dürfen? Dies wäre dann eine neue stütze für die vermuthung, dass auch Sigfrid ursprünglich als Gott gedacht ward¹⁾. — „Die Giltine (von igelti, stechen) denkt man sich bald als Schlange, bald als Weib. Sie ist die Tod-bringerin“²⁾. Доналишиусть въ „Metas“ восиѣваетъ косьбу сѣна и упоминаетъ при этомъ два раза Giltine. Вотъ въ „Vasarós darba“ это мѣсто (440 и слѣд.) гласитъ:

Štai, tūjaus visūr išsišėpusi Giltinē smaigė
Ir visoms laukėlėms rauda didę padarę. —
Giltinē sū dalgiū, nei sėnā grėmždama bārzdā,
Būrams tū visėms visūr ištūštino pevas.

Нѣмецкій переводъ Pasarge:

Ringsum würgte sogleich hohnlachend Giltine und brachte
Allen den lieblichen Wiesen umher unendliche Klage. —
Doch mit der scharfen Hippe, als wollte sie alles rasieren,
Räumte Giltine auf den sämtlichen Bauern die Wiesen.

(Pasarge, Sommer, p. 434).

Ф. Бехтель не согласенъ съ этимологіей Шлейхера, но сближаетъ Giltinē (Todesgöttin) съ лит. géla (Schmerz), старопрусс. golis (Tod)³⁾ и сравниваетъ эти слова съ санскр. jal (welches bedeutet: herabträufeln, herabfallen, verschwinden, verstreichen: caus. auflösen, schmelzen)⁴⁾.

Въ верхнелатышскомъ говорѣ тоже еще сохранилось названіе этой богини въ видѣ слова Dzelte. Хотя въ остальномъ латышскомъ сохранилась точь въ точь литовской Giltine соответствующая форма dzel-tene (жгушая, крапива), но она

1) Schleicher. Beiträge zur vergleichenden sprachforschung etc. II Bd. Berlin, 1861, p. 129.

2) Tetzner. Die Slaven in Deutschland p. 89.

3) F. Bechtel. Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen. Weimar, 1879, p. 23.

4) По моему мнѣнію это лат. gals, конецъ.

потеряла значеніе божественнаго существа. Лат. слово *dzel-tene*, рядомъ съ также латышскимъ *lik-tenis* (м. ген. судьба), могли-бы, съ латышской стороны, служить Шлейхеру доказательствами къ литовскому *pomen agentis* образующему суффиксу — *tinis*, — *tine* (въ *Giltine*), еслибъ онъ зналъ это.

Смп. 153. — Ad 28. *Kād Perkūns pakļēs dešimt klāsteriu tavē i žēmei ītrēnktu!* (Чтобъ Перкунъ поднялся и вбилъ тебя на десять — по-лат. на девять — сажень въ землю!) Здѣсь призываютъ того же самаго бога грома, котораго мы встрѣтили уже выше (№ 1). Тамъ мы коснулись также и миѳическихъ именъ числительныхъ. Здѣсь въ этомъ проклинаніи мы имѣемъ (въ *dēšimt*, *deviņas*) дальнѣйшую прибавку къ нимъ.

Смп. 154. — Ad 30. *Kadd tawe Percūnās sukkultu!* (Чтобъ поразило тебя громомъ, собств. чтобъ громъ молотилъ, колодилъ, билъ тебя!) Здѣсь тотъ же самый уже раньше въ нумерѣ (28) упомянутый балтійскій богъ грома, какъ Брандъ его записалъ еще въ 1689 году¹⁾. Въ лит. вариантъ: *Kāt tavē per krūmus* Беценбергеръ предполагаетъ искаженіе слова *Perkūnas*²⁾. Итакъ, ужасное проклинаніе превращено было бы въ простой намекъ и такимъ образомъ ужасное смягчено, подобно тому какъ вмѣсто латышскаго проклинанія *raġau vells* (чортъ побери!) говорится *raġau kociņš!* (дерево побери! — намекается ли этимъ на висѣлицу?) говорятъ кроткимъ, смягченнымъ образомъ во избѣжаніе имени *vells* (чортъ). Или *per krūmus* скорѣе значить — по кустарникамъ? Ср. лит. *krūmas*, -о, м. и лат. *krūms*, -а, м. (кустарникъ).

— *Ad 31.* *Kad tavē devyni vilkai!* (Чтобъ тебя девять волковъ!) О числѣ *devyni*, *deviņi* была чаще рѣчь уже выше. Интересно, что это, какъ и многія другія проклинанія, осталось — безъ дѣйствительнаго глагола и такимъ образомъ причисляется къ проклинаніямъ болѣе мягкаго свойства.

— *Ad 34.* *Kād tū pēreitume ļaurei žēmei!* лат.: *Kad tu saug zemi isētu sauri!* (Чтобъ ты сквозь землю провалился!) Ср. слѣдующее заклинаніе (*Betheuerung*).

Смп. 155. — Ad 39. Это заклинаніе: *Jādā žēme neturētu manē nēsti*; лат.: *Dēva zemīte lai mani nenes*; русск.: Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться — оказывается очень стариннымъ, какъ это доказываетъ рядъ греческихъ и римскихъ

1) Brand: *Reysen durch die Marck Brandenburg etc.* p. 109.

2) Bezenberger: *Lit. Forschungen* p. 56.

авторовъ, начиная съ Гомера и кончая Лукіаномъ и Квинтиліаномъ. Квинтиліанъ въ числѣ разныхъ фигуръ, придуманныхъ ораторами для выраженія аффектовъ, приводитъ восклицаніе: *Magnae nunc hiscite terrae*. Относительно другихъ авторовъ ссылаясь выше на тексты (стр. 155, 39), я приведу здѣсь еще слова Лукіана, вотъ это мѣсто, какъ-то: *Τούτων — ἀναγγευσσασκομένων μεταξύ ἰδρώς τε μοι περιεχεῖτο ὑπ' αἰδοῦς, καὶ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ λόγου χανεῖν μοι τῇν γῆν εὐχόμενῃ ὁρῶν τοὺς παρόντας γελῶντας ἕφ' ἑκάστῳ*¹⁾ — „во время этого чтенія я обливался потомъ отъ стыда и, какъ говоритъ пословица, желалъ провалиться сквозь землю, видя, что присутствующіе смѣются при каждомъ словѣ.“ Итакъ, какъ видно, это выраженіе встрѣчается, именно, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ иногда и у насъ оно было бы какъ нельзя болѣе кстати²⁾. Лит. и лат. выраженіе употребляется болѣе въ смыслѣ удостовѣренія. Хотя наши выраженія сближаются съ античными, однако они имѣютъ и свои подлинныя черты. Конечно, лит. *jūda žēte* вполнѣ передаетъ греч. *γαῖα μέλαινα*, но лат. *Dēva zemīte* (Божья земля, а не *melna zemīte*) совершенно что-то своеобразное. О понятіи „*Dēvs (Dievs)*“ ср. Очерки etc. I. Народныя пѣсни etc. стр. 115, 116, 130, 131, 152 и W. Mannhardt: *Die lettischen Sonnenmythen* p. 90, 91 и 92. *Zeme*, уменьшительное *zemīte*, означаетъ Божью землю (*Dieva zemīte*) потому, что по представленію древняго латыша Богъ ему далъ землю, какъ это явствуется изъ слѣдующаго латышскаго четверостишія, какъ-то:

Богъ сѣдился на коня,	<i>Dieviņš kāpe kumeļā,</i>
Я поддерживалъ ему стремя;	<i>Es kāpslīti paturēju;</i>
Богъ далъ мнѣ землю	<i>Man Dieviņš zemi deva</i>
За поддержанье стремени.	<i>Par tō kāpsļa turejum'³).</i>

IV. Бранныя — ругательныя слова.

1. Къ характеристикѣ бранныхъ и ругательныхъ словъ.

Между тѣмъ какъ заклинанія-проклинанія выражаютъ пожеланіе или угрозу, выходящія какъ воздаяніе большею

1) Luc. conv. 28, cf. Piscat. 38 κατὰ γῆς δύναι εὐχόμενῃ.

2) Тимошенко стр. 4, № 4.

3) И. Спрогисъ. Памятники латышскаго народнаго творчества. Вильна, 1868. Стр. 301, 19.

частью отъ сверхчеловѣческихъ существъ, то ругательныя слова — лишь поносительныя, которыми кто-либо долженъ быть огорченнымъ, обиженнымъ, оскорбленнымъ, униженнымъ, лишеннымъ чести. Проклинаніе относится болѣе къ будущему, брань, ругань — болѣе къ настоящему времени. При заклинаніи-проклинаніи желаютъ, чтобы несчастье и зло постигли человѣка, при брани-ругани предполагается, что они уже на лицо; что одинъ человѣкъ считаетъ другого, напр., волкомъ, собакою и называетъ его таковымъ. Между тѣмъ какъ при проклинаніи желаютъ, что кого-либо съѣли, напр., волки, собаки, то при ругани констатируютъ, что кто-либо — волкъ, собака или по крайней мѣрѣ имѣетъ качества этого животнаго. Ругань — поношеніе, огорченіе кого-нибудь, наименование, осыпаніе нелюбимыми, гадкими, гнусными, дурными словами. Ругань хорошо характеризуетъ нѣмецкая поговорка: *Schimpfen wie ein Rohrspatz*. По восточно-фризландски: *He schellt as'n Reitlünink*. „Der Rohrsperling (richtiger Rohrammer) ist in der That ein sehr geschwätziger Vogel; er macht sich besonders den Jägern dadurch lästig, dass er das Wild durch seine Geschwätzigkeit warnt, sobald er etwas Verdächtiges merkt“¹⁾. Какъ видно изъ этой поговорки и ея объясненія, то при ругани дѣло состоитъ въ пустословіи, вздорѣ, говорливости („Maulwerk“), осыпаніи странными, грубо звучащими словами, бросаемыми, такъ сказать, въ лобъ, голову. При этомъ, рядомъ съ выраженіемъ гнѣва, преслѣдуется особенно цѣль по возможности пожурить, выбрать кого-либо поношеніемъ, ругательствомъ, такъ что отъ него, какъ латышъ выражается, *ne sun's maizi pejem* (ни собака не беретъ хлѣба).

Это просто удивительно видѣть, какъ языкъ, вопреки своему богатству, своимъ богатымъ средствамъ, все-таки и экономенъ. Онъ не употребляетъ только и при ругани одну часть крѣпкихъ словъ, примѣняемыхъ въ проклинаніи, нѣтъ, онъ въ состояніи пользоваться тѣми же ругательными словами въ качествѣ бранныхъ, даже ласкательныхъ словъ. Стоитъ только прибавить уменьшительный суффиксъ. Напр., лат. слово *sun's* (собака) играетъ очень часто тройкую роль. Во-первыхъ, какъ ругательное слово: *tu sun's* (ты собака)! — *sunš, káds nav* (собака какова)! во-вторыхъ, какъ бранное

1) Wustmann p. 393 № 985.

слово: ne-esi ká sun's (не будь собакою); va tu táds sun's gribi bût (хочешь ли ты быть такой собакой)? и въ-третьихъ, наконецъ, какъ ласкательное слово: mans suniti (моя собачка), mans mîlo suniti (моя милая собачка): такъ, напр., жена работника ласкаетъ своего ребенка, когда онъ бѣжитъ ей на встрѣчу во время ея возвращенія отъ работы. Здѣсь, при этихъ категоріяхъ словъ, мы можемъ еще замѣтить процессъ языка. Здѣсь мы еще нѣкоторымъ образомъ у кипящаго ключемъ котла языкового процесса и можемъ хорошо наблюдать состояніе первобытнаго языкового процесса.

а. Нѣсколько словъ о происхожденіи значенія корней. Три ступени образованія языка.

Главная привлекательность, интересующая изслѣдователя этой темы, это — свѣтъ, распространяющійся иногда здѣсь о первичномъ значеніи словъ и хорошо открывающій нашему глазу духъ языка, міровоззрѣніе народа. „Sind ja doch die Lautcomplexe der Wörter nicht gleich den Münzen oder gar den Bankscheinen, denen Uebereinkunft oder willkürliches Gesetz diesen oder einen anderen Werth zuspricht, sondern hat doch jedes Wort eine über aller Willkür stehende Bedeutung aus historischer Nothwendigkeit, und ist's doch ein Spiegelbild freilich nicht von dem Wesen des Dinges, aber in jedem Fall von dem Eindruck, den das Ding auf die Seele des Menschen, des Volkes gemacht hat“¹⁾. Если образованіе словъ служить главнымъ фундаментомъ новой науки, психологій народовъ, первая линія которой начерталъ Штейнталь²⁾ и которая, со своей стороны, предоставляетъ всеобщее основаніе философіи исторіи, то она должна итти рука объ руку съ семасіологіей, или съ ученіемъ о значеніи словъ.

Въ образованіи языка различаютъ три ступени:

- 1) патогномическую,
- 2) ономатопоэтическую (въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова) и
- 3) характеризующую.

На первой, патогномической, ступени произошли междометія, представляющія языкъ только до такой степени, до

1) Cp. Bielenstein. Die Lettische Sprache. I. Berlin, 1863, p. 241.

2) H. Steinthal. Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin, 1855, p. 387 sq.

которой они, съ одной стороны, вообще понятны, но съ другой вполнѣ не оказываются языкомъ, потому что они не знаки предмета, но — дѣйствія ощущеній, преодолевающихъ душу. Въ междометіяхъ мы имѣемъ теперь еще послѣдній остатокъ первобытнаго образованія языка, по меньшей мѣрѣ, отраженіе его. Ибо междометія большею частью — не переданные, изученные, но — естественные, первичные звуки. Они происходятъ, какъ всякій первобытный языкъ, невольно, безсознательно. Они понятны безъ традиціи; они имѣютъ свое значеніе въ себѣ безусловно. Но междометіе не развивается до степени языка, потому что его звукъ лишь — выраженіе настоящаго и дѣйствительнаго чувства, не воспроизводимаго въ его собственной силѣ и вообще въ качествѣ чувства. Вслѣдствіе этого междометія едва-ли доставляютъ какіе-нибудь корни къ дальнѣйшему развитію языка. Только въ видѣ исключенія встрѣчаются формы, какъ лат. *vai-d-ét* (стонать) отъ *vai!* (охъ! латинск. *vae!*), русск. ох-ать (отъ охъ!) или греч. *οἶ-κτος* (сѣтованіе), *οἶζω* (вопить), отъ междометія *οἶ* (воскликаніе боли).

Только на второй, ономатопоэтической, ступени произошли корни. Здѣсь болѣе не обозначаетъ фонетическое выраженіе только ощущеніе или настоящее дѣйствіе ощущенія, но вещь, пробуждающая ощущеніе и его выраженіе. Что вообще человѣкъ раздражался звуками, свою со внѣшними впечатлѣніями нѣкоторымъ образомъ обремененную душу облегчалъ звуками, — это прежде всего случилось несомнѣнно безсознательно. И тѣмъ болѣе специальная опредѣленность звуковъ имѣла первично объективныя причины. Кромѣ междометій, зачатками языка оказываются рефлексы внѣшнихъ впечатлѣній, производимыхъ на душу. Звуки какъ разъ опредѣлились качествомъ объекта.

Это всего яснѣе бросается въ глаза относительно тѣхъ словъ, которыя большею частью исключительно называются *опоматороетиса*. Это тѣ звукопроизведенія, которыя слѣдуютъ за наблюденіемъ звонкихъ предметовъ. Но и они не оказываются свободными и умышленными подражаніями слышанныхъ въ природѣ звуковъ, но прежде всего невольными отраженіями того, чему внимало ухо, и не только того, но и отраженіями происходящаго рядомъ со слышанными звуками созерцанія звучащаго предмета. Составъ звуковъ говорящаго не соотвѣтствуетъ звучащей вещи, даже ни слышанному

звуку, но подобится только, а именно подобится только посредствомъ челоѣческаго распознаванія. Изъ этого слѣдуетъ между прочимъ, что самыя простыя, употребительнѣйшія звуковыя слова въ различныхъ языкахъ гласятъ различно; вѣдь субъективное воззрѣніе различно. Напр., лит. *čiaudėti*, лат. *škaudīt* || *škaudēt* (чихать); лит. *trinkėti*, *virpėti*, лат. *trīcēt*, *gibēt* (дрожать, трепещать); лит. *braškėti*, лат. *brakšket* (трещать); лит. *traškėti*, лат. *trakšket* (скипѣть, трещать) и т. д. Хотя такимъ образомъ и въ различныхъ языкахъ одинъ и тотъ же звукъ выраженъ другимъ составомъ звуковъ, хотя далѣе звуковое слово совершенно разнородно сущности предмета, однако во всякомъ случаѣ въ душѣ — однородны созерцаніе предмета и созерцаніе звука, и это созерцаніе служить все связью между вещью и словомъ. Лацарусъ отлично сравниваетъ звуковое слово съ раскрашенною картиною: „Sowie dieses nur eine farbige Fläche von bestimmten Umrissen giebt, der Zuschauer aber darunter das ganze Wesen anschaut, so giebt der Sprachlaut nur den Ton und Schall des Wesens und begreift darunter zugleich das Ganze mit allen übrigen Eigenschaften“¹⁾.

Во-первыхъ имѣются звуковыя слова, сближающіяся съ междометіями, напр., лит. *braukšt* || *brākšt*, лат. *braukš* || *brakš*, русск. хлопъ! (трахъ!) бухъ! (бацъ!) нѣм. *krach!* *bautz!* *badautz!* для обозначенія звука, когда что-нибудь падаетъ; лат. *žlāgs!* это — звукъ, когда что-либо выливается, оттого ругательное слово *žlāga*, gen. comm. (сцака, сцаться) ср. лит. *mužnus*, лат. *mīža* (ср. выше стр. 174, 91-а). Итакъ, эти слова обозначаютъ уже больше, чѣмъ простой звукъ. Они упоминаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о падающихъ, ломанныхъ дровахъ, о ливающей водѣ, слѣдовательно о причинѣ звука.

Во-вторыхъ, ближе къ звуковымъ словамъ прежде всего стоятъ глаголы, обозначающіе прежде всего извѣстный родъ звучанія, напр., лат. *klabēt* (стучать, нѣм. *klappern*), *grabēt* (бракать), оттого *klabis* и *grabis* (болтунъ, пустомеля); *čabēt* (шумѣть, шелестить), оттого *čaba* (болтунъ, и: „eine in grossem Staate Einhergehende“); въ Пальцмарской волости: *čaba* (лягушка, „ein Frosch; *čabiča*, Dim. *Liebkosungswort*)“²⁾; лит. *parpti* (трещать, брюжать, ворчать, жужжать), примѣняется

1) Lazarus, Geist und Sprache, II. „Leben der Seele“ (1857) p. 100.

2) Ulmann p. 314.

къ звуку различныхъ животныхъ, оттого *parplys* (земляной ракъ, сверчокъ земляной, въ зоологіи *gryllus*, *gryllotalpa*, *Acheta*), названный по его шипящему звуку, слышному въ лѣтнихъ ночахъ; лат.: *parkšét* || *parkšĕt* (брюжать, ворчать, *parkšis* || *parkšĕis* (квакша, древесная лягушка и болтунъ, какъ ругательное слово) и т. д. Эти глаголы со своими производными словами отличаются отъ подобныхъ междометій ничѣмъ болѣе, чѣмъ уже болѣе членосоставною, органическою формою и флексією.

Въ третьихъ, наконецъ, насъ еще дальше ведутъ тѣ слова, глаголы и имена существительныя, не обозначающія только звука, но съ помощью звука, какъ признака, обозначающія еще больше — или событіе, или предметъ. Напр., лит. *bezdėti*, лат. *bezdét* (распространять отвратительный запахъ, бздѣть), это — звуковое слово, представляющее намъ еще другія чувственныя впечатлѣнія, оттого лит. *bezdalus*, лат. *bezdāls* (бздѣхъ, бздунъ, ср. выше ругательныя слова, стр. 158, 14); лит. *pliukškėti*, лат. *plukškét* (болтать, это — первичное звучное слово, какъ и нѣм. *plaudern*), оттого лит. *pliukškis*, лат. *plukškis* (болтунъ, ср. выше стр. 185 № 139); лит. *burbulioti*, лат. *burbuļot* || *burbulēt* (журчать), лит. *burbulyš*, лат. *burbulis* (водяной пузырь), примыкая къ звуку, обозначаютъ волненіе, кипѣніе кипящей или изъ земли бьющей ключемъ воды; оттого ругательныя слова (см. выше стр. 159, 21). Между именами существительными встрѣчаются также многія, происшедшія изъ звука, какъ характеристическаго признака, напр., названія животныхъ: лит. *varlė*, лат. *vārde* (лягушка, квакающая), и лит. *gegužė*, лат. *dzeguze* (кукушка, ср. лат. *gugot* || *kukot*, нѣм. *Kuckuck*).

Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ происходилъ звуковой составъ корней изъ звука или тона природы, но который является въ языкѣ раздѣленнымъ на слоги, очеловѣченнымъ, просвѣщеннымъ. Дѣйствія или предметы представлены здѣсь звуками говорящаго передъ душою слушателя такъ же, какъ живописецъ пишетъ красками дѣйствія или предметы передъ душою зрителя.

Послѣ этого перваго разряда ономастическихъ, сравнимаемыхъ съ раскрашенными картинами, перейдемъ ко второму, сравненному Лацарусомъ съ черными, сѣрыми или простыми очерками¹⁾. Корни и слова этого второго разряда не

1 Ср. Lazarus *ibid.* p. 100.

обозначаютъ болѣе какихъ-нибудь звучащихъ предметовъ или дѣйствій, не обозначаютъ болѣе такового, что слышно ухомъ, но такое, что относится къ другимъ четыремъ чувствамъ: къ зрѣнію, осязанію, обонянію и вкусу. Это возможно, такъ какъ ощущенія различныхъ чувствъ, хотя не объективно, но все-таки субъективно, имѣютъ для души извѣстное подобіе между собою. Вслѣдствіе чего и случается, что мы переносимъ на ощущенія другихъ чувствъ весьма часто выраженія, происшедшія прежде всего съ цѣлью обозначенія одного рода ощущеній чувствъ. Мы не называемъ исключительно, напр., острымъ ножъ, но и говоримъ объ остромъ умѣ, остромъ зрѣніи, острой мысли, острой болѣзни. Мы говоримъ тоже объ яркихъ краскахъ и звукахъ. Звуки человѣческаго языка въ своихъ сложеніяхъ отражаютъ вслѣдствіе этого невольно не только звучащія, но и сіяющія или произведенныя на чувство, вкусъ etc. впечатлѣнія, въ томъ отношеніи какъ ощущеніе зрѣнія и т. д. и такое ухо могутъ произвести одинаковое психическое впечатлѣніе. Конечно, составъ звуковъ здѣсь не болѣе портретъ вещи, какъ выше слово *varlē* или *vārde* можно было считать звуковымъ портретомъ лягушки, но надо скорѣе сравнить его съ аллегорическою картиною. Здѣсь открывается опять область метафоры.

Самая важная для насъ здѣсь третья, характеризующая, ступень образованія языка. На этой ступени вѣдь находятся именно наши ругательныя слова и другія еще разсматриваемыя категоріи. Важно то, что на этой ступени не создаются болѣе никакіе корни, никакіе новые элементы языка, но что теперь лишь уже на второй, онома-топоэтической, ступени происходящіе корни развиваются дальше къ основнымъ и производнымъ формамъ, отчасти чтобы новые созерцаемые предметы снабдить словомъ того же корня, съ созерцаніемъ котораго оно имѣетъ подобіе, отчасти чтобы многія вещи, дѣйствія, качества, бывшія въ созерцаніи еще несмѣшанными вмѣстѣ, обозначить каждое отдѣльно¹⁾.

Вотъ примѣры перваго рода: лит. *māras*, лат. *mēris* (чума, морь), *✓ mīr*, собственно болѣзнь, которою умираютъ, по-нѣм. *der schwarze Tod*, по-латышски ругательное слово :

1) Lazarus *ibid.* 104.

tu méri! (см. выше стр. 173, 84); лит. Dievas, лат. Dievs (Богъ), *V* div, собств. блестящее, свѣтъ; лит. sviestas, лат. sviests (масло), *V* svid, собств. жирное, чѣмъ можно намазывать, или что сіяетъ, — сіяніе; лат. lišķis (льстецъ), *V* liz, собств. лизунъ, нѣм. Lecker (ср. выше ругательныя слова стр. 168, 63); лит. gaidys, лат. gailis (пѣтухъ), *V* gid, собств. пѣвецъ и т. д.

Вотъ примѣры другого рода: лит. árti, лат. árt (орать, пахать); лит. artojis, лат. arajs (оратай, оратель, пахарь); лит. arimas || ogē соотвѣтствуютъ лат. arums || aršana (паханное поле и паханіе); лит. árklas, лат. árcls (орало, плугъ, соха, церковнослав. рало); лит. bijotis, лат. bijatis || bitis (бояться); лит. báime, лат. báile (боязнь); лит. bailybe, лат. bailiba (боязливость); лит. baidyti, лат. baidit (страшить кого); лит. gýti, лат. gít (глотать); лит. ryjonis, ryjoklas, apsirijėjas, лат. rįjonis, rįjokls, apsrįjėjės (обжора, прожора, пожиратель, см. выше ругательныя слова стр. 187 № 151).

б) Еще къ характеристикѣ бранныхъ и ругательныхъ словъ.

Возвращаясь къ браннымъ и ругательнымъ словамъ, мы видимъ, что они частью простыя основы, частью различными суффиксами снабженныя слова, частью denominativa, частью deverbativa, частью simplicia, частью composita; заимствованныя какъ отъ названій животныхъ, такъ и отъ частей человѣческаго тѣла; отъ оживленныхъ и неживленныхъ существъ, вещей, качествъ etc. Мы здѣсь какъ разъ на характеризующей ступени образованія языка, гдѣ дальше развиты на прежней ступени происходившіе корни, частью, чтобы однимъ и тѣмъ же словомъ выразить брань и ругань, частью чтобы прибавленіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ образовать ласкательныя слова, какъ мы это еще увидимъ впослѣдствіи. Ср. выше примѣръ: sun's, sunitis etc.

Между бранью и руганью общее то, что онѣ обѣ кому-либо прибавляютъ или заслуженный или незаслуженный титулъ, упрекъ, громко и съ негодованіемъ или злостью раздражаются надъ кѣмъ-нибудь. Какъ уже сказано, какъ при брани, такъ и при ругани, употребляютъ одни и тѣ же слова. Но между бранью и руганью есть всетаки различіе. Это различіе не лежитъ въ формѣ, но въ намѣреніи говорящаго. Ругань и проругающій исключительно желаетъ кого-нибудь опечалить, огорчить, оскорбить, отдѣлать, разругать; напро-

тивъ того брань и бранящій хочетъ кого-нибудь увѣщевать, уговаривать, исправлять. Брань — негодование на зло, чтобы устранить послѣднее. Между тѣмъ какъ проклинаніе желаетъ, чтобы зло и несчастье настigli кого-нибудь, то брань хочетъ устранить зло и несчастье. Брань именно — наказаніе, а руганіе — нападеніе. Вслѣдствіе этого (Matth. 3, 7, 8) Іоаннъ бранитъ фарисеевъ и садукеевъ, называя ихъ: „порожденія ехиднины!“ но не проклинаетъ, не ругаетъ ихъ, но желаетъ имъ добра, говоря: „сотворите же достойный плодъ покаянія.“ Брань отличается и отъ хулы, порицанія, именно осыпаніемъ упреками и мгновенностью.

Бранными и ругательными служатъ болѣею частью и тѣ слова, которыя были точкою опоры выше при раздѣленіи пословицъ по содержанію. Стало-быть, ихъ можно пройти и по оглавленію пословицъ. Они заимствованы какъ отъ сверхъестественныхъ, такъ и отъ естественныхъ существъ, отъ частей и членовъ человѣческаго и животнаго тѣла, отъ дѣйствій человѣка, отъ домашнихъ и дикихъ животныхъ и птицъ, словомъ, отъ всего окружающаго міра.

2. Замѣчанія, сличенія и объясненія.

Хотя смыслъ этихъ словъ (бранныхъ и ругательныхъ) выяснился уже въ текстахъ сопоставленіемъ, однако же не можемъ и здѣсь обойтись безъ отдѣльныхъ замѣчаній и объясненій нѣкоторыхъ словъ этой категоріи.

Стр. 156. — Ad 3. А. Брюкнеръ помѣстилъ въ списокъ славянскихъ заимствованныхъ словъ („slavische lehnwörter“): „*balamūtas betrüger, ausschweifender, balamūtyti, betrügen — wr. balomūt p. balamucié*¹⁾; лат.: „*balamute schwätzer, balamutēt, schwatzen, no-ap-balamutēt bereden — lit. balamūtas*“²⁾. Брюкнеръ объясняетъ здѣсь нѣкоторымъ образомъ *obscura per obscuriora*. Прежде всего пришлось объяснить это слово изъ балтійскихъ языковъ. Тамъ оказывается оно сложнымъ словомъ, состоящимъ изъ *bala* (болото, топъ) и *mute* (ротъ), итакъ первично болотистый, топкій, т. е. грязный ротъ (нѣм. *Schmutzmaul, Schandmaul*). Русск. баламутъ, бѣлорусск. баламу́тъ, по всей вѣроятности, тоже — сложное слово; по

1) Ср. А. Brückner, Die slavischen fremdwörter im litauischen. Weimar 1877. p. 69.

2) Ср. *ibid.* p. 167.

меньшей мѣрѣ муть, мутить, сближающіяся по формѣ и значенію, повидимому, со второй частью словъ бала-мутъ, баламутить, оказываются тамъ самостоятельными словами; но для первой части этихъ словъ славянскій языкъ врядъ-ли доставляетъ объясненіе. Съ тѣмъ же правомъ, съ которымъ Брюкнеръ объявляетъ *balamūtas*, *balamute* etc. заимствованіемъ изъ славянскаго, можно наоборотъ „баламутъ“, „баломуть“ etc. считать заимствованіемъ изъ балтійскаго. По всей вѣроятности это слово перешло съ балтійскаго въ бѣлорусское, гдѣ мы находимъ еще много другихъ заимствованій изъ балтійскихъ языковъ. Въ уменьшительной формѣ оно встрѣчается и между лит. и лат. ласкательными словами, напр., въ одной дайнѣ у Беценбергера встрѣчается стихъ: *Mano berneli, balamuteli*¹⁾.

Смр. 157. — Ad 12. *Bènkarts*, лат. *benkátis*. Къ лит. слову Беценбергеръ замѣчаетъ: „*Mehr von den Žemaiten gebraucht*“²⁾. Это несомнѣнно заимствовано съ нѣмецкаго. „*Bankert, eigentlich das auf der Bank erzeugte Kind, wohl nach dem aus dem Romanischen stammenden Bastard gebildet, das von mittellat.-roman. bastum, Saumsattel, abgeleitet und als dessen ursprüngliche Bedeutung angesetzt wird: auf dem Saumsattel erzeugtes Kind*“³⁾.

— *Ad 13.* *Bestija* перешло съ латинскаго въ другіе языки не просто въ качествѣ ругательнаго слова въ значеніи скотины, дикаго звѣря, для чего они имѣли уже свои собственные обозначенія, напр., лит. *žvėris*, лат. *zvérs* (см. выше стр. 200 № 214), но особенно въ значеніи для борьбы съ гладиаторами или преступниками опредѣленнаго животнаго. Объ этомъ свидѣлствуетъ римскій обычай, объ этомъ свидѣлствуютъ латинскія выраженія: *aliquem ad bestias mittere* (отсылать на бой звѣрей), *Cicero: condemnare aliquem ad bestias* (осудить на бой звѣрей), *Suet.* Во французскомъ къ *bête* прибавлено еще имя прилагательное *noire*. „*Beiläufig erwähnen wir, dass c'est la bête noire (das schwarze Thier), noch stärker als das deutsche „er ist das schwarze Schaf,“ einen Menschen bedeutet, den alle Welt hasst und flieht gleich einem Gespenst, ein Abscheu*“⁴⁾.

1) См. Bezenberger, Lit. Forschungen p. 6, Daina 7, 5.

2) Ibid. p. 57.

3) Wustmann p. 267. Anm. 1. Cp. Kluge, Etym. Wörterb. 5. Aufl. p. 28.

4) Schrader p. 456.

Стр. 158. — Ad 16. Blingis || blingys (праздношатающийся, баклушникъ). Blingis „auch von tieren gebraucht, z. b. tas blingis (das nichtsnutzige pferd) gānc īssikinkēs“¹⁾ (лошадь-негодяй совсѣмъ распряглась. По-латышски тоже говорятъ лошадямъ между прочимъ: ak, tu blinī, blingi! blinis tāds! чтобы бранить, что она хорошо не видитъ).

Стр. 159. — Ad 21. Burbulys (ворчунъ, бормотунъ). Бещенбергеръ замѣчаетъ: „das wort gab anlass zu einem injurienprocess, der aber nicht entschieden werden konnte, weil dies schimpfwort unerhört und weil es deshalb zweifelhaft war, ob es eine injurie enthalte“²⁾. Лат. burbulis служить ругательнымъ словомъ, обозначая того, кто, какъ кипящая вода, не перестаетъ болтать, бормотать, бурчать, клокотать; burbuļot || burbulēt (клокотать, лепетать, бормотать).

Стр. 160. — Ad 24. Сора, лат. сора || žūra („Einer, der im Duse! umhergeht“)³⁾. По значенію это слово соответствуетъ латышскому žūra || žūris (пьяница), происшедшему вѣроятно изъ ниже-нѣмецкаго нарѣчія supen. Лат. сора принадлежитъ дѣтскому языку; sorāt (слабыми ногами, нетвердо ходить).

Стр. 162. — Ad 35. Drūtgalvis, лат. grūtgalvis (трудно понятливый). Первая часть латышскаго слова grūt-, вѣроятно, первично гласила и какъ лит. drūt, по меньшей мѣрѣ, чередующіяся латышскія слова driķis || griķis (гречиха, греча, ма-зурск. gryka, лит. griķai) даютъ поводъ къ этой мысли.

Стр. 164. — Ad 44. Gongalvis (Ящеричная голова). Можетъ быть, что gon-, первая часть этого сложнаго слова, сближается съ goniti (beschimpfen Vilnaer Kalender 1861 — poluganić, tadeln)⁴⁾. Ибо какъ ругательное слово gon-galvis можетъ на самомъ дѣлѣ обозначать постыдную, безобразную голову, какою можетъ казаться ящеричная голова. Въ такомъ случаѣ сюда относятся лат. gāņa, gānekļis (пятно, срамъ, стыдъ, позоръ).

Стр. 167. — Ad 55. Kiaule, лат. ļaulis, cūka (свинья, Schwein). „Ungraziös, ja plump-massiv ist sein Bau; ungraziös, ja eckig-roh sind seine Bewegungen; widerlich ist seine gierige

1) Bezenberger, Lit. Forsch. p. 57.

2) Ibid.

3) A. Brückner p. 84.

4) A. Brückner p. 84.

Gefrässigkeit. Est ist das blosse Thier, (d. h. κατ' ἐξοχήν), das Vieh, was sich in ihm darstellt. Hieraus erklärt sich genügend, warum der Mensch ihm mit tiefster Verachtung begegnet. Dazu kommt seine Unreinlichkeit, die so gross ist, dass die Sprache Schwein und Schweinerei ganz synonym mit Schmutz und Unrath, Unflätereie gebraucht¹⁾. Геродотъ (2, 47) рассказываетъ: Египтяне считаютъ свинью до такой степени нечистымъ животнымъ, что мимоходомъ прикоснувшійся къ свиньѣ отправляется къ рѣкѣ и моетъ всѣ свои платья. И хотя свинари — урожденные египтяне, однако во всемъ Египтѣ имъ однимъ запрещенъ входъ въ храмъ. Никто не выдаетъ за-мужъ своей дочери за нихъ, или никто не женится на ихъ дочеряхъ; но свинари сочетаются бракомъ исключительно между собою. — Глубокое презрѣніе къ свиньѣ у израильтянъ выражается многократно. Proverb. 11, 12: „Что золотое кольцо въ носу у свиньи, то женщина красивая и — безразсудная.“ Ps. 80, 14 обозначаются языческіе народы лѣсными вепрями и полевыми звѣрями. Matth. 7, 6: „не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями.“ Значитъ не выговаривать глубокаго познанія и блаженнаго опыта передъ людьми, погруженными въ полость безбожной и безнравственной жизни. И 2 Petri 2, 22 гласитъ „по вѣрной пословицѣ“: вымытая свинья идетъ валяться въ грязи.“ — Подобное презрѣніе поражаетъ свинью у грековъ и римлянъ. Самая извѣстная поговорка: ὅς ποτ' Ἀθηναίαν ἔρω ἤριπ, особенно въ болѣе краткомъ видѣ ὅς ποτ' Ἀθηναῖν или ὅς Ἀθηναῖν, у римлянъ sus Minervam, свинья борется противъ богини мудрости, глупый и безумный дерзаетъ на борьбу съ разумными (ср. выше пословицы стр. 112). По-нѣм.: In der heiligen Schrift fertig, wie eine Sau auf der Harfe (Hans Sachs). По-англійски: a sow to a fiddle. По-гречески: ὅς ἐκώμασεν (свинья имѣла пирушку), говорятъ, когда кто-либо поступаетъ надменно и дерзко съ кѣмъ-нибудь. По-латыни: Suatim (suicidius) vivere, значить въ собственномъ и переносномъ смыслѣ: жить по-свински, „säuisch leben“²⁾.

Стр. 171. — Ad 75. Lókis, лат. lácis (медвѣдь). Въ зоологическихъ садахъ, конечно, онъ представляетъ обыкновенно забавную картину, когда онъ, растянувшись, покойно лежитъ, сосетъ лапы или хватаетъ брошенную ему булку; или когда

1) Schrader p. 196, 11.

2) Schrader p. 197.

медвѣжатникъ заставляетъ его танцовать или выдѣлывать другіе фокусы. Но въ свободной пустынѣ онъ оказывается опаснымъ врагомъ людей и животныхъ, въ особенности бѣлый ледовитый и черный медвѣдь; и охотникъ, подстерегающій его, болѣе или менѣе подвергаетъ свою жизнь опасности. — Теперь, съ какой точки зрѣнія представляетъ его себѣ языкъ? Языкъ часто слишкомъ своенравенъ и по чистому произволу выказываетъ извѣстныя стороны животнаго, не обращая вниманія на другія, еще болѣе бросающіяся въ глаза. Такъ знаетъ онъ сообщить почти исключительно худое, напр., о вѣрной собакѣ (ср. выше стр. 113 и слѣд.) и полезномъ гусѣ (ср. выше стр. 112). У медвѣдя это — почти наоборотъ. Его яростный характеръ едва-ли имѣется въ виду. Языкъ придерживается его забавности, неуклюжести, неповоротливости и примѣшиваетъ даже къ серьезнымъ поговоркамъ немного шутки и юмора. Это выражается уже въ его прозвищахъ *meška*, *miška* (ср. выше стр. 121 sq. и 174), русск.: мишка, мишенька, нѣм. *Petz*, особенно съ прибавленіемъ *Meister*. *Petz*, какъ Шрадеръ предполагаетъ, произведено отъ *Bär*, какъ ласкательная, смягчительная форма, подобнымъ образомъ, какъ образовалось изъ *Gottfried'a* — *Götz*, изъ *Ulrich'a* — *Uz*, изъ *Friedrich'a* и *Heinrich'a* — *Fritz* и *Heinz*, какъ русск. мишка, мишенька — изъ медвѣдя, или Миша — изъ Михаила.

Медвѣдь — тяжелый, лѣнивый, неуклюжій, неповоротливый, неловкій, грубый. Какъ такового нѣмецкій языкъ дѣлаетъ его въ противоположность тонкимъ нравамъ, свѣтскости, вѣжливому обращенію представителемъ прямодушія и честности, конечно вмѣстѣ съ тѣмъ съ суровою, отталкивающею наружностью. Говорятъ по-нѣм.: *Was für ein unfreundlicher Bär bist du doch den ganzen Tag gewesen; erst am Abend wirst du wieder geniessbar.* Въ Натанѣ Мудромъ Лессинга, въ концѣ перваго дѣйствія Дая говоритъ тамплеру: „*So geh, du deutscher Bär. Jener hatte sich kurz zuvor erst einen plumpen Schwaben genannt*“¹⁾. — Лат. воззрѣніе о медвѣдѣ (*lácis*) соотвѣтствуетъ изрядно нѣмецкому. Но выраженіе *lācu mātite* своеобразное лат. выраженіе, встрѣчаемое въ лат. сказкахъ съ нѣкоторымъ миѣическимъ оттѣнкомъ и не соотвѣтствующее нѣмецкому *Bärenmutter*.

1) Schrader p. 218, 14.

Стр. 172. — Ad 80. Maišas, лат. maiss (мѣшокъ). При брани и ругани намекають на толстый, неуклюжій видъ мѣшка. „Hinfallen wie ein Sack (so plump und ungraciös)¹⁾).

— *Ad 81.* Maita (падалъ), въ качествѣ ругательнаго слова, употребляется въ болѣе добродушномъ смыслѣ, напр.: Eik, maita, eik, geh, Närrchen, geh! — „In ganz Ostpreussen beliebtes Schimpfwort“²⁾. Тоже въ латышскомъ maita употребляется часто въ добродушномъ смыслѣ, т. е., болѣе въ качествѣ брани, чѣмъ ругани, напр., мать бранитъ своего ребенка: Tu maita, va tu nevarejī ārē prasiēs (шалунъ, невѣжливый, не могъ ли ты попросить выйти). Кромѣ того maita, какъ ругательное слово, встрѣчается и въ мужескомъ родѣ.

Стр. 174. — Ad 89. Meška, лат. meška || miška (медвѣдь), заимствованное изъ славянскаго „vgl. abulg. mešikū mešika mešika, nbulg. mešuk meškū, grg. meška, wr. méka (kinderwort); miešek gebraucht z. b. der Litauer Adam Mičkievič im Pan Tadeuš“³⁾. Въ латышскомъ meška || miška встрѣчается въ сказкахъ, а именно какъ прозвище медвѣдя. Что и въ литовскомъ meška — прозвище медвѣдя, о томъ свидѣтельствуемъ паремія: Meška su lokiū abudu tokiu (Gleich und Gleich gesellt sich gern)⁴⁾, или латинск.: similis simile gaudet, или: simile gaudet simili; греч.: “Ὁμοιον ὁμοίῳ φίλον, или какъ у Платона: “Ὁμοιος ὁμοίῳ ἀεὶ πελάζει. Подобный подобнаго любить (ищетъ)⁵⁾.

Стр. 179. — Ad 110. Oška, лат. (ázis) kaza (коза). Извѣстны прихотливость и упрямство козы, отъ чего итальянск. capriccio, франц. caprice (капризъ), итальянск. capriccioso, франц. capricieux, нѣм. capriciös, русск. капризный (прихотливый, упрямый) отъ латинск. caper (козелъ), capra (коза). Нѣм. „Capriolen machen“ образовано⁶⁾ по итальянскому capriola или французскому cabriole (козлиный прыжокъ). По-литовски говорятъ: Ak tu oška! по-латышски: Ak tu kaza! — lec ká kaza; нѣм.: Keckes Mädchen, springendes, naschhaftes Frauenzimmer, böses Frauenzimmer. Что козелъ — очень лакомъ, на это указываютъ и пословицы (см. выше стр. 96, 1 и 109, 1).

1) Ibid. p. 306.

2) Nesselmann p. 389.

3) Brückner p. 108 и 177.

4) Nesselmann p. 372.

5) Снегиревъ I 81.

6) Ср. Schrader p. 112,

По-русски коза обозначает и игру, гдѣ приходится бѣгать и прыгать.

Стр. 185. — Ad 142. Puce (сова). Между тѣмъ какъ лат. pŭce (уменьш. pŭcite) обозначаетъ злую женщину, русск. совушка напротивъ употребляется ласкательнымъ словомъ. Въ нѣмецкомъ имя „Eule“ — ономотопозитическое и произошло изъ воя и вопля этой птицы. Также по-латыни: ulula или ululare; по-гречески: *ὄλολυζω* и одна порода совъ называлась *ὄλολυγών*. „Weil dieser schöngebildete und kluge Vogel tages- und lichtscheu ist, weil er von anderen Vögeln gemieden und (bei Tage) verhöhnt wird, auch wohl, weil er ganz leise, kaum hörbar fliegt, so hat er von jeher den Menschen für gespenstisch und unheilweissagend gegolten“¹⁾. У Шиллера (Разбойники 5, 1) Францъ Мооръ говоритъ къ пастору Мозеру, сообщающему ему рѣшеніе суда: „Geh in tausend Gräfte, du Eule!“

Стр. 187. — Ad 149. Raitélka (сварливица, мегера). Это слово употребляется въ лит. поговоркѣ: Tai tikra raitélka, и Нессельманъ переводить и объясняетъ: „das ist gerade die rechte! von einem Frauenzimmer mit loseм Maule“; но онъ сближаетъ raitélka съ нѣм. Reiterin²⁾, что здѣсь безъ всякаго смысла. По моему мнѣнію raitélka надо сближать съ лит. глаголомъ gėti (бранить, ругать), gėtis (ругаться), лат. gēt (лаять, санскр. ragati, лаять), gētės (ругаться), слѣдовательно raitélka, какъ и лат. rēkle (изъ gēt, лаять), сварливица, нѣм. Ein zänkisches Weib, „Frauenzimmer mit loseм Maule.“

Стр. 189. — Ad 158. Rupuze, лат. rupicis (жаба). „Rupusche (= rupuze) böser Geist in Krötenform wird im Telscher Kreise gebraucht, ist jedoch häufiger Schimpfwort. Die Ableitungen Rupuzokas (Rupuschokos?) und Rupuzele (Rupuschele) sind nur Schimpfwörter“³⁾. И въ латышскомъ вѣрить иногда простой народъ, что жаба (rupicis || krupis) именно — явленіе чего-то злого, злого духа.

Стр. 195. — Ad 190. Šū, лат. sun's (собака). Такъ какъ собака часто встрѣчается почти во всѣхъ категоріяхъ нашихъ брахилогизмовъ гораздо чаще, чѣмъ какое-нибудь другое животное, то мы должны теперь остановиться на ней немного обширнѣе, чтобы попробовать разрѣшить многое своеобраз-

1) Schrader p. 261, 20.

2) Nesselmann p. 432.

3) Tetzner. Die Slawen in Deutschland p. 91.

ное и часто загадочное, что языкъ заимствовалъ отъ собаки въ своихъ притчахъ.

Но прежде всего позволю себѣ привести здѣсь по Шрадеру изъ талмуда, содержащаго рядомъ со многимъ пошлымъ и опаснымъ и многое разумное, прекрасное преданіе о происхожденіи собаки.

Ангель-хранитель Адама сожалѣлъ, что остатки земли, изъ которой былъ сдѣланъ праотецъ человѣческаго рода, лежали еще разбросанными тамъ и сямъ, и онъ попросилъ Бога позволить ему примѣнить ихъ къ менѣ благороднымъ тварямъ. Это было позволено. Тогда онъ взялъ глину и слѣпилъ сперва обезьяну. Но обезьяна не подождала, пока ея хвостъ былъ готовъ, и взлѣзла на дерево. Теперь ангель сдѣлалъ собаку и далъ ей уже готовый хвостъ обезьяны, состоящій изъ болѣе тонкой земли. Вслѣдствіе этого лежитъ фізіономическое выраженіе собаки менѣ въ лицѣ, чѣмъ во хвостѣ. Этотъ хвостъ опускается въ печали, завивается, дѣлаетъ круги при чувствѣ силы, стоитъ негибко, туго, неподвижно въ раздраженіи и виляетъ при радости, любви и лести, ласканіи. — Эта прекрасная исторія служить въ славу талмуда тѣмъ болѣе, такъ какъ у евреевъ собака считается нечистымъ животнымъ.

Какія же качества собаки оказываются существеннѣйшими, выдающимися? Это прежде всего ея вѣрность и преданность своему хозяину до смерти, даже послѣ смерти. Она стоитъ къ сердцу человѣка ближе всѣхъ. Многіе естествоиспытатели называютъ ее самымъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ. Гриммъ (*Geschichte der deutschen Sprache*) говоритъ о старо-германскомъ бытѣ: *Der Hund schützt Herde und Wagen, seine Treue überdauert den Tod des Herrn. Canes defenderunt Cimbris caesis domus eorum plaustris impositas; beim gefallenen Helden liegt sein Hund, steht traurig nickend sein Ross.* Бюффонъ говоритъ между прочимъ очень прекрасно: Она кладетъ смиренно свое мужество, силу, талантъ къ ногамъ своего господина; она ждетъ его приказа, чтобы его исполнить; она спрашиваетъ его; одно миганіе достаточно, она понимаетъ знаки его воли. И при томъ она безъ честолюбія, корыстолюбія, безъ мстительности, безъ боязни, лишь бы ей одной нравился ему.

Кто читаетъ эти строки, не зная, что они относятся къ собакѣ, тотъ несомнѣнно будетъ предполагать, что здѣсь

рѣчь идетъ не просто о человѣкѣ, но даже о такомъ, кто преданъ своему ближнему съ рѣдкою вѣрностью, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Старинное изреченіе гласитъ: Собака единственное существо, любящее насъ больше самого себя. Вѣдь она въ состояніи умереть отъ горя у могилы человѣка, любимого ею. —

Такъ какъ такимъ образомъ собака вслѣдствіе этихъ прекрасныхъ качествъ стоитъ такъ близко къ человѣку и оказывается его любимцемъ, такъ какъ она своею вѣрностью даже тысячу разъ стыдитъ людей, то пришлось бы предполагать, что языкъ похвалить ее и прославить въ безсмысленныхъ притчахъ, параболахъ. Но, изслѣдуя эти произведенія, мы встрѣчаемъ лишь очень рѣдко тамъ оборотъ, воспоминающій собаку признательно и хвалебно, но безчисленные изреченія, поносящія ее, клеймящія ее самою презрѣнною, жалкою, низкою тварью. Какъ объяснить это странное явленіе?

Скажемъ сравнительно нѣсколько словъ о человѣкѣ. Если кто-либо всегда буквально поступалъ бы по словамъ проповѣди на горѣ (Matth. 5, 39): „кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую,“ тому навѣрно не окажутъ почести, почитанія, но осмѣяніе, презрѣніе. Какъ ни высоко мы почитаемъ кротость, терпѣніе, допущеніе обиды, однако это никогда не допустимо до полного самоуниженія, самоотреченія отъ достоинства человѣка. Извѣстная истина въ Гётевскомъ поздравленіи съ новымъ годомъ:

Zum neuen Jahre Glück und Heil,
Auf Weh und Wunden gute Salbe,
Auf groben Klotz ein grober Keil,
Auf einen Schelmen anderthalbe.

Подобно это относительно собаки. Мы пользуемся ея великолѣпными качествами, даже нѣжно любимъ ее, но почитать ее мы не можемъ. Ибо таковая степень отсутствія эгоизма — самоопроверженіе, полное уничтоженіе всякой собственной воли. Такое принимаютъ отъ раба, но считают его рабомъ и не уважаютъ его. Подобное наблюдается относительно измѣны; хотя пользуются ею, но самого измѣнника презираютъ. Природный, здоровый народъ древнихъ грековъ не имѣетъ даже слова для смиренія.

Примѣры этого безграничнаго презрѣнія, выпадавшего на долю собаки въ языкѣ, встрѣчаются въ изобиліи, какъ мы

о томъ могли убѣдиться особенно у пословицъ и поговорокъ. Вотъ еще одинъ примѣръ изъ послѣднихъ. По-латышски говорится: *no viņa ne sun's maizi nejem* (отъ него ни собака не беретъ хлѣба, ср. выше стр. 359) и по-нѣмецки: *Es nimmt kein Hund einen Bissen Brot von ihm*. Эта поговорка выражаетъ высшую степень презрѣнія, при чемъ нельзя обойтись опять безъ собаки. И Борхардтъ говоритъ: „Dabei liesse sich an den alten Glauben erinnern, dass der Kirchenbann nicht nur Menschen, sondern selbst Hunde von dem Betroffenen fern halte“¹⁾.

Здѣсь остается намъ еще указать на собаку (*šū, sun's Hund* etc.) какъ на ругательное слово. Собакѣ и смерть собачья; онъ прожился на собакъ; онъ собаку съѣлъ; онъ въ этомъ собаку съѣлъ; собака лаетъ, вѣтеръ носить и т. д. — *Da trink, du Hund!* (Schiller, Wall. Lag. 2). *Hinweg, du Hund!* (Bürger, der wilde Jäger). — Шрадеръ говоритъ: *Wir haben lange es uns müssen gefallen lassen von den Türken Christenhunde, unbeschnittene Hunde, genannt zu werden, und wir gaben ihnen den gleichen Namen Türkenhunde zurück.* — Гёте оканчиваетъ одно маленькое стихотвореніе:

— — der Tausendsakrament!
Schlagt ihn todt, den Hund!
Es ist ein Recensent!

Диомедъ говоритъ къ Гектору (И. II, 362): *Ἐξ αὖ νῦν ἔφυγες θάνατον, κύων* (Опять избѣгъ ты смерти, собака!) — Ахиллесъ къ Агамемнону (I, 225): *Οἶνοβαρές, κυνὸς ὄμματ' ἔχων, κραδίη δ' ἐλάφοιο* (Пьяница со глазомъ собаки и мужествомъ оленя!) — (21, 481): *Πῶς δὲ σὺ νῦν μέμονας, κύων ἀδεές, ἀντί' ἐμεῖο στήσεσθαι;* (Какъ ты смѣешь теперь, безстыдная сука, мнѣ самой противиться?) Такъ обращается Гера къ Артемидѣ. Наконецъ, Одиссей (Od. 22, 35) называетъ жениховъ Пенелопы тоже собаками. — Не иначе у римлянъ, напр., Ног. ер. 6: *quid immerentes hospites vexas, canis ignavus adversus lupos* (Что ты лаешь на невинныхъ путниковъ, собака, и оказываешься трусливою противъ волковъ?) это — обращеніе къ Кассію Северу. И самое плохое бросаніе (*Wurf*) въ игрѣ въ кости называли собакою, *κύων, canis*. — Давидъ (I. Sam. 24, 15 или I Кн. Царствъ 24, 15) говоритъ преслѣдующему его царю

1) Wustmann p. 240 № 598.

Савлу: „За кѣмъ ты гоняешься? За мертвымъ псомъ, за одною блохою,“ т. е., я по отношенію къ тебѣ такъ безсиленъ, какъ въ отношеніи къ каждому человѣку мертвый пёсъ; и (2 кн. царствъ 16, 9): „И сказалъ Авесса, сынъ Саруинъ, царю: зачѣмъ злословить этотъ мертвый пёсъ“ (этотъ презрѣнный и безсильный человѣкъ, Семей) „господина моего царя? пойду я и сниму съ него голову.“

Сюда относятся и франц. *canaille*, итальянск. *canaglia*, испанск. *canalla*, производство которыхъ несомнѣнно отъ *canis*. Въ качествѣ гнуснаго ругательнаго слова оно оттуда заимствовано и нѣмцами (*Kanaille*), русскими (каналья), литовцами (*kanaljes smąts*), латышами (*kanāla*). Оно значитъ негодяй, бездѣльникъ, сволочь, сбродъ. Оттого съ кѣмъ обойтись *en canaille*, т. е., въ высшей степени презрѣнно; *s' encanailer*, обходиться съ презрѣнными людьми.

Canis скрывается и во французскомъ презрѣнномъ ругательномъ словѣ *çagot*, обозначающемъ ханжу, лицебѣра. Собственно это значитъ *canis gothus* (готская собака) и указываетъ на особенное племя въ Пиренеяхъ, славшее долгое время зачумленнымъ или прокаженнымъ. Это были готы аріанскаго вѣроисповѣданія, жившіе особнякомъ отъ ортодоксальныхъ католиковъ, но противъ своего убѣжденія иногда участвовавшіе въ обрядахъ католической церкви, вслѣдствіе чего они и слыли лицебѣрами¹⁾.

Смр. 197. — Ad 202. Velns (чортъ). „Bei Donalitiuss (Lenz 214) flucht ein stattlich gekleideter Herr, der obersten einer, bei allen grossen und kleinen Teufeln (Velnias, Velnikištis), dass die Hölle aufdampft. Der Velns oder Velnias entspricht dem biblischen Satan, heisst auch Biesas, Schetons, Tscharts, Tschertas, und wird gern in der Duoba wohnend gedacht. Alle diese Worte, wie auch die Ableitungen Velnuks, Biesuks gebraucht man auch als Schimpfworte“²⁾. Вотъ эти стихи:

Nēs jis Vēlnius ir Vēlniūkšēu kaimenē visā,
Dēvā blūznydams, taip bāisei šaūkti pagavo,
Kād visā peklā dēl to nusigāndusi rūko
Irgi bedūgnei jos bei pāmatos prasivēre.

Смр. 198. — Ad 203. Veršis (бычѣкъ), лат. *versis* (быкъ); грубіанъ; нѣм. *Ochs*. „Was kann man vom Ochsen anders

1) Schrader p. 141.

2) Tetzner p. 92.

erwarten, als Rindfleisch: vom Rohen Roheit, vom Dummem Dummheit.“

Какъ здѣсь, такъ уже въ Ветхомъ Заветѣ быкъ служить представителемъ невѣжества и вражды (Ps. 67, 31). — Такъ какъ быкъ оказывается неуклюжимъ, флегматическимъ, неповоротливымъ, тяжелымъ, неловкимъ, дикимъ, то служить онъ именно ругательнымъ словомъ: быкъ быкомъ; глядѣтъ быкомъ. Въ нѣмецкомъ: Du Ochs, Rindvieh, Ochsenkopf, Heuochse, Hornvieh. Du Ochsenhirn, du bist ein geborener Ochse. — Быкъ, болванъ (нѣм. Heuochse) почти слово въ слово у Горация (Sat. I, 4, 34), гдѣ боящійся сатиры предостерегаетъ отъ поэта: *foenum habet in cornu, longe fuge* (у него сѣно на рогу, бѣги далеко отъ него). Схолии объясняютъ эту пословицу обычаемъ римлянъ вязать бодливымъ быкамъ для предостереженія сѣно вокругъ роговъ. Латыши теперь еще прикрѣпляютъ бодливому быку доску передъ лбомъ. — „Heuochs eigentlich ein Heu fressender Ochs. — Auch der Stier deutet die Dummheit eines Menschen an: Seine Gesichtszüge verrathen weniger Geist als die eines klugen Stiers. —

Ochs und Büffel dienen wegen ihrer schweren Arbeit in der burschikosen, ziemlich allgemein gewordenen Redeweise zur Bezeichnung Eines, der mit Fleiss und Anstrengung geistige Arbeit treibt, mit dem Nebebegriff, dass es keine freudige, sondern aufgezwungene Arbeit ist. Noch häufiger das Zeitwort: er ochst, büffelt (ist ein Ochse); etwas erochsen, erbüffeln, durchochsen, sich einochsen (zum Examen)¹⁾. По-русски въ этомъ случаѣ употребляется „зубрить“ отъ зубра, по аналогіи „büffeln“ отъ „Büffel“; иначе по-латышски. Тамъ говорятъ въ этомъ случаѣ *ēkalt, ēkalt galvā* (paure), что соответствуетъ русскому: вдолбить или вбить кому что въ голову, нѣм.: *einbläuen* и лит. *kām kã įplėkti*.

Странно въ этомъ дѣлѣ то, что слово быкъ въ нѣкоторыхъ языкахъ обозначаетъ что-то большое. Напр., въ латышскомъ *vērša pēre, buļļa pēre* (большой лобъ), *vērša deguns* (большой носъ), *vērša balss* (большой голосъ). Говорятъ, напр.: *vīrs kā ozols, balss kā vērsim* (человѣкъ какъ дубъ, голосъ какъ у быка). Одно латышское четверостишіе начинается:

1) Schrader p. 99.

Puisi, puisi, bulļa pēre,
 Nenāc meitu pulciņa —
 (Парень, парень, бычачій лобъ,
 Не прійди въ кружокъ дѣвицъ).

Bulļa pēre (бычачій лобъ) намекаетъ на большой, смѣлый лобъ. По-гречески также: βούλιος (бычачій голодъ), βουγάιος (хвастунъ, бахвалъ, герой на словахъ; нѣм. Grosssprahler), βούπαις (большой парень), βούσυχον (большая смоква). Наконецъ въ нѣмецкомъ слово Ochs, и еще болѣе прилагательное ochsig, служатъ тоже обозначеніемъ особенной въ глаза бросающейся величины, высокаго градуса, именно въ сѣверной Германіи, обыкновенно въ простонародномъ языкѣ¹⁾.

Смр. 198. — Ad 204. Tu vilko ēdamāji (Ты волчья ѣда! нѣм. Du Wolfsfrass!) „Eine frau aus Löbardt Nausseden bat mich, ihr bei einer appellation gegen das erkenntniss der ersten instanz in einem von ihr angestregten injurienprocesse behilflich zu sein, der sich um die schimpfwörter „tu vilko ēdamāji und „klórka“ (см. выше ст. 167, 57) drehte. Sie verlor den process auch in der zweiten instanz“²⁾.

Смр. 199. — Ad 208. Zuikis, лат. zaķis (заяцъ). Хотя не особенно много качествъ и особенностей зайца, выраженныхъ языкомъ въ параболахъ, однако они встрѣчаются въ различныхъ оборотахъ. Прежде всего мы замѣчаемъ трусость зайца. Его научное названіе какъ разъ Iepus timidus. И боязливаго человѣка также называемъ трусливымъ зайцемъ (по-лат. bikls zaķis, по-нѣм. furchtsamer Hase), или просто зайцемъ. По-латышски: Ak tu zaķis (экой ты трусь — ахъ ты заяцъ)! Мужество представляется имѣющимъ свое мѣстопробываніе въ сердцѣ. У кого нѣтъ мужества, у того, по нѣмецкому представленію, заячье сердце (Hasenherz), по литовскому — bankštūtė širdis, трусость, малодушіе. Тому соотвѣтствуетъ въ латышскомъ jēga dvēsele (ягначья душа). — Въ противоположность этому нѣм. Löwenherz (львиное сердце), лат. vilka dūša (волчій куражъ), zvēra dūša (звѣриный куражъ). Прапоръ — знамя, за которымъ приходится слѣдовать. Если же на прапорѣ находится изображеніе зайца (а не орла, льва, волка), то это значить трусливость и бѣгство. Шрадеръ говоритъ: „Wer das Hasenpannier ergreift oder aufwirft, der flieht. — Dieser

1) Schrader ib.

2) Bezzenberger p. 57

Ausdruck lässt sich aber nicht übel auch so deuten, dass der Hase selbst dies Panier trägt, indem er sein Schwänzchen (die Blume) auf der Flucht in die Höhe reckt. — Sei doch kein Hase, kein Banghase wird geradezu schimpfend gesagt.“ — Ноги и ихъ обувь, по-латышски: *zaķa pastalas* (обувь зайца), относительно зайца намекають на бѣгство. Вслѣдствіе этого по-нѣмецки называютъ труса *Hasenfuss* (собств. заячья нога, заячья лапка), или говорятъ: *Er hat seine Schuhe mit Hasenfett geschmiert* (онъ наваксилъ свои башмаки заячьимъ жиромъ), т. е., онъ удралъ во всѣ лопатки. Наваксенными мягкими башмаками (лат. *zaķa pastalas*) легче бѣжать. Проще по-нѣмецки: *er zieht Hasenschuhe an* (онъ надѣваетъ башмаки зайца), по-латышски: *laižās lapās* (отправляется въ кусты), т. е., обращается въ бѣгство. — Въ народномъ вѣрованіи заяцъ играетъ тоже свою роль. По-латышски говорятъ, когда кому-нибудь путешествие не удалось, *zaķis pār ceļu pārskrēja* || *pārteseja* (заяцъ пробѣжалъ черезъ путь). Также по-нѣмецки: „Wenn einem ein Hase über den Weg laufe, so bedeute das Unglück, zunächst eine unglückliche, verdriessliche, nicht zu Stande gekommene Reise“¹⁾. По-русски: Чѣрная кошка пробѣжала дорогу.

Смп. 199. — Ad 209. *Žalktys*, лат. *zalktis* (змѣя, лукавецъ) — „böser Geist in Schlangenform als heftiger, gefährlicher Widersacher, jedoch häufiger als Schimpfwort“²⁾. Въ балтійскихъ преданіяхъ *žalktys* || *zalktis* встрѣчается какъ мифическое существо. (См. мою поэму *Salkscha līgawa* — Невѣста змѣя).

— *Ad 211.* *Žāsis*, лат. *zoss* || *dzoss* (гусь). Хотя гусь самая полезная изъ всѣхъ плавающихъ птицъ, однако же языкъ едва-ли сообщаетъ о немъ что-нибудь хорошее. Народъ въ своихъ иносказательныхъ рѣчахъ, притчахъ, параболлахъ давнымъ-давно относительно животныхъ любитъ обращать свое вниманіе болѣе на ихъ слабости и недостатки, чѣмъ на ихъ хорошія стороны и преимущества. Прежде всего тамъ встрѣчается глупость гуся. Она въ общемъ переносится на людей. Особенно охотно и почти исключительно это слово, именно въ латышскомъ и нѣмецкомъ ради своего женскаго рода, употребляется про женщинъ, а именно молодыхъ дѣвушекъ. Въ латышскомъ это слово встрѣчается

1) Schrader p. 204 sq. — Wustmann p. 210 № 526.

2) Tetzner p. 91.

какъ въ качествѣ ругательнаго (zosa, zosiḗa), такъ и ласкательнаго словъ (zosiḗa, mana zosiḗa, см. ст. 213, 40). По-нѣмцки говорятъ: Du bist eine Gans, eine dumme, eine echte Gans, ein albernes, eiteles Gänschen. Гѣте: Sie hatte so ein Gänschen von Nichte; и въ Страданіяхъ молодого Вертера, гдѣ Вертеръ описываетъ свое пренебреженіе въ дворянскомъ обществѣ слѣдующимъ образомъ: „Da tritt herein die übergnädige Dame v. S. mit ihrem Herrn Gemahl und wohl ausgebrüteten Gänslein Tochter.“ Въ мужескомъ родѣ это слово, въ качествѣ ругательнаго, употребляется какъ въ русскомъ, такъ и въ латышскомъ и нѣмецкомъ, про мужчинъ: хорошъ гусь! — Ахъ ты, гусь лапчатый! — По-латышски: zostēviņš! Tu tik tāds zostēviņš esi (Ты, такой дуракъ)! — По-нѣмцки: „Das Wort aber für die männliche Gans, Gänserich, Gander, Ganser, wird von Männern gesagt, z. B. das kann nur ein Gänserich (Dummkopf) glauben, wie du bist! In der Bedeutung Dummkopf sagt man auch „Gänsekopf,“ der eben nicht viel Hirn hat, von Männern und Weibern“ ¹⁾. — Въ итальянскомъ гусь тоже символъ глупости; ибо cervel d'oca (гусиный мозгъ) обозначаетъ дурака, простака, простофилю. И мало галанто выражается итальянецъ, говоря: Donne e oche tiene poche (отъ женщинъ и гусей не ожидай многого), при чемъ нѣмецъ еще болѣе ѣдко говорить: Die Weiber haben einen Witz mehr als die Gänse: wenn es regnet, so gehen sie ins Trockene ²⁾. Нѣм. gänseln — дразнить, надувать.

V. Ласкательныя-льстивыя слова.

1. Къ характеристикѣ ихъ.

Для этой категоріи словъ имѣетъ именно французскій языкъ, языкъ галантности, вѣжливости *par excellence*, нѣкоторыя прекрасныя обозначенія. Такъ прежде всего *causerie* (болтовня, дружеская бесѣда, отъ *causer*, болтать, разговаривать, дружески бесѣдовать); потомъ *caresse* (средневѣковое латинское: *caritia*, ласкательство, лесть), *caresser* (отъ *carus*, любимый — ласкать, приголубливать, льстить, нѣжить; по-итальянски: *carezzare*) и, наконецъ, хорошо обозначающее *fleurettes* (собств. цвѣточки, комплименты, ласки, сладкія слова).

1) Schrader p. 243.

2) Тамъ же.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло именно со сладкими словами, сладостями, цвѣточками.

Между тѣмъ какъ у ругани дѣло шло о томъ часто прямо употреблять самыя гадкія, крѣпкія слова, чтобы безчестить, срамить, позорить, отдѣлывать, журить ненавистнаго противника, то здѣсь у ласкательныхъ и льстивыхъ словъ наоборотъ замѣчается противоположное. Ими должно ласкать, льстить, т. е., нѣжными словами, ласками, нѣжностями оказать кому-либо любовь, а не ненависть и вражду. Аллегорическое, фигуральное, картинное имѣетъ и здѣсь свое мѣсто, играетъ и здѣсь свою роль. И что выше у бранныхъ-ругательныхъ словъ сказано о происхожденіи значенія корней (о трехъ ступеняхъ образованія языка), относится и сюда. И то уже отмѣчено выше у ругательныхъ словъ, что они могутъ быть употребляемыми не только въ качествѣ бранныхъ, но иногда даже и ласкательныхъ, прибавляя къ нимъ уменьшительные суффиксы. Примѣромъ при этомъ служилъ намъ лит. *šū*, лат. *sun's*, уменьшительное лит. *šuny-tis*, лат. *sumtis* (см. выше стр. 195 № 190; 212, № 37; стр. 360); прибавимъ здѣсь еще лит. *žasis*, лат. *zoss*, оттого уменьшительное *žasytis*, лат. *zosite*, *zosiņa* (гусѣнокъ, fig. душенька). Последнее слово (*zosiņa*), для насъ особенно интересно тѣмъ, что не смотря на его уменьшительную форму, оно имѣетъ такъ же, какъ нѣмецкое *Gänschen*, презрительный смыслъ, стало-быть употребляется и въ качествѣ ругательнаго слова (см. выше стр. 199, лат. т. 211 d). Языкъ рядомъ со своимъ большимъ богатствомъ придерживается и здѣсь большой экономіи.

Когда мы сопоставляемъ сборникъ ругательныхъ словъ со сборникомъ ласкательныхъ, тогда результатомъ этого вовсе не получаютъ никакія ласки для доброты человѣческаго сердца. При этомъ сопоставленіи нельзя избѣжать упрека, что человѣкъ оказывается гораздо болѣе бранящимъ, ругающимъ, ненавидящимъ существомъ, чѣмъ ласкающимъ, голубящимъ и любящимъ. И здѣсь получается результатъ, что у человѣка худыя и гнусныя качества далеко превосходятъ прекрасныя и добрыя. „Es ist ja überhaupt Eigenthümlichkeit der menschlichen Natur, weit lieber die Schwächen, Mängel und Gebrechen der Umgebungen wahr zu nehmen und zu strafen, als die guten Seiten und Vorzüge zu loben. So macht es das Volk von jeher in seinen Gleichnissreden“¹⁾.

1) Schrader p. 242, 16.

Хотя количество ругательныхъ словъ гораздо больше, чѣмъ то ласкательныхъ, однако же надо признаться, что послѣднія превосходятъ первая столько формою, поскольку они матеріею ниже. Напр. уменьшительныя формы у ласкательныхъ словъ — прямо неисчерпаемы въ литовскомъ языкѣ, и латышскій языкъ не стоитъ въ этомъ отношеніи значительно ниже. Присматриваясь подробнѣе къ тому, что причисляется къ ласкательнымъ словамъ и что ради ласкательства получаетъ уменьшительныя формы, мы убѣждаемся, что это — члены или части человѣческаго тѣла, нѣкоторыя драгоценности, какъ, напр., золото (*auksas, zelts*), различныя ближайшія степени родства, любовникъ, возлюбленная, юноша, парень, дѣвица, невѣста, различнѣйшія птицы, солнце и луна, а именно цвѣтки, и между ними самые прекрасные, напр., лилія и роза. Дѣло какъ разъ во флѣретахъ, сладкихъ цвѣтистыхъ рѣчахъ, ласкательствѣ, приголубливаніи, приласканіи и любви.

Имѣется же различіе между ласкательными и льстивыми словами. Между тѣмъ какъ ласкательныя слова диктуются искренностью и изливаются изъ чистаго расположенія и склонности и чистой любви, то причина лести не искренность. Можно нѣкоторымъ образомъ ее назвать граціозной ироніей. Она хочетъ коснуться кого-либо умственно мягко и пріятно, возбудить въ немъ благотворительныя ощущенія, при чемъ часто проявляется обманчивое и ложное, корыстное намѣреніе снискать себѣ чью-либо любовь. Стало-быть, причиною лести — эгоистическое намѣреніе. Купецъ, напр., даетъ прикрашенную пробу, потому что товаръ долженъ оказаться лучшимъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Нужно и отличать лестное отъ льстиваго, увивчиваго. Лестная похвала можетъ быть намѣренною искренно и хорошо, напротивъ, льстивая открываетъ ложь, ложность. Ласкательство и лесть иногда вовсе нельзя различать, когда они привѣтливостью, укрощеніемъ, приноравливаніемъ доказываютъ ласковость. Напр., нѣм. *Mein Putchen* ласка и лесть вмѣстѣ. Между тѣмъ какъ ловко употребленная лесть превращается почти въ ласку, то грубая и неуклюжая прямо въ ругань.

2 Замѣчанія, сличенія и объясненія.

Стр. 200. — Ad 1. Глазъ, ротъ, голова и сердце — четыре благороднѣйшія, выдающіяся части тѣла, снабженныя

порицательными частями рѣчи, служатъ бранными и ругательными словами, а съ уменьшительными формами — любимѣйшими ласкательными и лѣстивыми словами. Они хотятъ упоминать о всемъ особенно любимомъ и дорогомъ. Вслѣдствіе этого они и въ пословицахъ играютъ не маловажную роль. Относительно глаза (лит. *akute*, лат. *acite*) мы встрѣчаемъ прежде всего въ нѣмецкомъ поговорку: *Jemand wie seinen Augapfel hüten*; во французскомъ: *conserver quelqu'un (quelque chose) comme la prune de l'oeil*. Картина эта заимствована изъ библіи (5. Mos. 32, 10; Ps. 17, 8; Prov. Sal. 7, 2; Sacharja 2, 8), но она такъ естественна и такъ человѣчна, что не мудрено, что она встрѣчается еще въ древности; напр., у Катулла, *Luct. pass. 3, 4: plus oculis suis amare; oculo mi* (см. тексты). У Вольфрама фонъ Эшенбаха (пѣсни 8, 4) говорить дама о своемъ возлюбленномъ:

den ich in minen ougen gerne burge ¹⁾.

Какъ въ литовскомъ и латышскомъ, такъ и въ латинскомъ глазъ одинъ служить ласкательнымъ словомъ, какъ: *māno akēle*, *mana actiņa*, или *akēle māno*, *actiņa mana*, латинск. *ocule mi*. Лит. *akiės obūlas*, лат. *acu ābūls* (глазное яблоко) не служатъ ласкательными словами, какъ нѣм. *Augapfel*. Въ латышскомъ же вмѣсто того употребляется *acu zilīte* (зѣница ока, зрачѣкъ).

Лат.: *Tai dzīļi acīs ēskatījēs* (всмотрѣлся ей глубоко въ глаза); нѣм.: *Er hat ihr zu tief in's Auge gesehen*. Эти выраженія принадлежатъ къ самымъ глубокомысленнымъ въ языкѣ; глаза будто окна, чрезъ которыя смотрять въ человѣческое сердце. Трубадуръ *Hugues Bruet* говоритъ: *L'amour s'élançait doucement d'oeil en oeil, de l'oeil dans le coeur, du coeur dans les pensées* ²⁾.

Смр. 201. — Ad 2. Сложныя слова, у которыхъ лит. *akis*, лат. *acs* (глазъ) представляютъ одну составную часть, служатъ или ругательными или ласкательными, смотря на то, выражаетъ ли прибавляемая ближе опредѣлительная составная часть что-то порицательное или хвалебное. *Pajūdakiŭtis*, е, лат. *melnacitis*, е (чѣрноглазый), какъ и нѣм. *Schwarzäuglein*, — ласкательныя слова, съ одной стороны, потому что прилагательныя *pajūdis*, -е (черноватый) и *melnis*, -а || *mells*, -а

1) Wustmann p. 32 № 71.

2) Ibid. № 72.

(черный, ramelns, ėmelns, черноватый) выражаютъ здѣсь что-то хвалебное, а не порицательное и, съ другой, потому что akis, acs снабжены уменьшительными формами. Конечно, и ругательныя слова встрѣчаются иногда уменьшительными, какъ, напр., лит. rajūdelis (ругательное слово, обозначающее нечистаго человѣка), лат. lácitis (говорять о мальчикѣ: маленькій, неуклюжій медвѣдь); но такимъ образомъ достигнуто только смягченіе ругани, брани, а не ласка. Возвращаясь къ понятію черноокій, Schwarzäugelein, мы должны отмѣтить, что въ народномъ языкѣ означеніе красокъ часто не точное и онѣ легко смѣшиваются. Между тѣмъ какъ лит. jūdas (черный) сближается съ лат. jūds (злой духъ, лѣшій) и judurutks (омегъ, бѣженица, cicuta virosa; judurutks, можетъ быть, по своей сложной формѣ, лит. jūd-šelmis, отъявленный плутища), то, напр., лат. melns (черный) соотвѣтствуетъ литовскому mēlins¹⁾ (темносиній) и латышское zils (синій) литовскому žilas (сѣрый), по крайней мѣрѣ, по формѣ, хотя немного различному по значенію, но происходившему, вѣроятно, первично изъ одинаковаго воззрѣнія. Лит. mēlinas kai anglis (черный какъ уголь, нѣм. kohlschwarz) и лат. melns kā ogle (черный какъ уголь) соотвѣтствуютъ вполне какъ по формѣ, такъ и по значенію; также лит. mēles и лат. mēles (Isatis tinctoria, ein Blaufärbekraut, Farber-Waid). Лат. mellacite, въ одной народной пѣснѣ:

Daugaviņa, mellacīte (melnacīte),

Melna tek vakarā — —

(Двинуншка, черно-окая,

Черна течетъ вечеромъ).

Названіе лифляндской рѣки Mell-upė (черная рѣка), потомъ греч.: 1) *Μεῖλας πόντος*, и *Μεῖλας κόλπος* — заливъ эгейскаго моря между оракійскимъ Херсонесомъ и материкомъ, теперь Сароскій заливъ, въ который течетъ 2) *ὁ Μεῖλας*, рѣка въ Оракіи, теперь Schere Su, 3) рѣка въ Θεσσαλίи, впадающая въ Sinus Maliacus, теперь Mavra-Neria, — эти эпитеты, названія рѣкъ и заливовъ свидѣлствуютъ, что melns || mells, μέλαν первично означало темное или темносинее.

Стр. 201. — Ad 3. Mano auksēl (бѣлорусск. золоцень-

1) Ср. санскр. malas sordes, sordidus, и malinas lutulentus, niger; греч. μέλας, μέλαν; латинск. malus; гот. mail rūtiς; старо-верхне-нѣм. meil macula; лит. molis (глина); лат. māls (глина, Lehm).

кій); лат. *mana zeltainite* || *dzeltainite* могутъ обозначать какъ нѣм. *Goldmädchen*, такъ и *mein Blondinchen* (моя блондинка, такъ какъ *zeltainite* восходитъ какъ къ *zelts* (золото)¹⁾ такъ и къ *dzeltens*, *dzeltans*, *dzeltains* (жёлтый, лит. *geltonas*). Ср. при этомъ лат. *dzelt* || *zelt* (жалить, лит. *gilti*); лат. *dzintars* || *dzītars* || *zītars* (янтарь, лит. *gentaras*); лат. *dzintele* || *zintele* (скобка, связь) и др.

Стр. 201. — Ad 4. *Balandyte*, лат. *balodite* (голубушка). Голубь можетъ представлять или только пріятное, прелестное, граціозное, или, по крайней мѣрѣ, свои слабости и тѣнистыя стороны къ притчамъ, параболамъ. Голубь — поэтическое явленіе, какъ уже въ преданіяхъ и нравахъ древности, такъ и въ языкахъ настоящаго времени. Мужъ называетъ свою жену или дочь „голубчикъ мой“, *mano balandyte*, *mana balodite*, *mein Täubchen*. И это обращеніе ласкательно.

Когда Зевсъ на Критѣ воспитывался нимфою Амальтеею, приносили голуби божьему ребенку амвросію изъ западныхъ источниковъ океана. Въ Додонской рошѣ бѣлые голуби человѣчьими голосами провозглашали оракулы боговъ. Голуби тащили колесницу Афродиты пѣнорожденной. Въ Сициліи, гдѣ у горы Эриксъ ей посвященъ былъ славный храмъ, голуби ежегодно въ теченіе девяти дней удалялись въ Африку. Тогда при прощаніи праздновали отплытіе и при возвращеніи — жертвами благодаренія и играми.

Веселому Вакху и Прозерпинѣ тоже посвящены были голуби и въ гаруспиціяхъ римлянъ и жертвахъ евреевъ они были символами предзнаменованія и освященія. Финикіяне и сиріяне почитали ихъ; египетскія вдовы считали черныхъ голубей символомъ сѣтованія о смерти мужа²⁾. У Виргилія (Aen. 6, 190) — пара голубей (*geminae columbae*), ведущіе Энея по его просьбѣ (*este duces, si qua via est*) къ золотому дереву. (Tibull. 12): *Alba palaestino sancta columba Syro*.

Голубь служить символомъ кротости, простодушія, безмятежности, невинности, миролюбія, вѣрности. Что онъ сверхъ того и робокъ, трусливъ, немного дурень, на это языкъ не обращаетъ вниманія.

Голуби безъ жёлчи, слѣдовательно — безъ гнѣва, безъ

1) A. Brückner p. 189: — „zeltene goldmädchen, — grr. złoto, p. złoto złocić.“

2) Schrader p. 256, 18.

коварства и ложности. Felle columba caret. Вслѣдствіе этого (Matth. 10, 16): *γίνεσθε ὁὖν φρόνιμοι ὡς οἱ ὄφεις, καὶ ἀχέραι ὡς αἱ περιστεραί* (будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби). Потому голубь и служить ласкательнымъ словомъ, особенно для женскаго пола. Canticum cant. 2, 14: „Голубица моя въ ущельи скалы подъ кровомъ утеса! покажи мнѣ лице твое, дай мнѣ услышать голосъ твой, потому что голосъ твой сладокъ и лице твое пріятно; (5, 2:) отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!“

Когда вспомнимъ, что голубь, выпущенный Ноемъ изъ ковчега, принесъ оливковый листь въ знакъ опаденія потопа, тогда голубь оказывается символомъ мира.

На основаніи мѣста (Matth. 3, 16): *Ἰωάννης εἶδε τὸ Πνεῦμα τοῦ Θεοῦ καταβαῖνον ὡσεὶ περιστερὰν, καὶ ἐρχόμενον ἐπ' αὐτόν* (sc. Χριστόν, увидѣлъ Іоаннъ Духа Божія, который сходилъ какъ голубь, и ниспускался на Него), мы видимъ во многихъ церквахъ изображеніе голубя, особенно надъ каедрою, какъ символъ святого Духа, долженствующаго открываться въ произнесенныхъ словахъ, проповѣди.

Голуби живутъ обыкновенно не какъ многія остальные птицы въ магометанскомъ бракѣ, но парочки остаются вѣрными.

Человѣкъ, особенно женщина, выдающейся кротости, называются настоящимъ голубемъ. Латинск. *columbam mitiorem proverbialiter hominem dicimus ingenio maxime mansueto* ¹⁾. Стендеръ поетъ о возлюбленной:

Ká balodíte godiga
Un gudra tá ká zīle — —
(Какъ голубка — честива
И умна какъ синица).

И по-литовски называется первый весенній мѣсяцъ (мартъ) голубинымъ мѣсяцемъ (*karvelinis mėnu*).

Смр. 202. — Ad 6. Brolytis, лат. *brālītis* || *bāliņš* (братецъ). Странно, что лат. формы съ г (какъ *brālis*, *brāliņš* etc.) очень рѣдко встрѣчаются въ лат. народныхъ пѣсняхъ. Тамъ почти исключительно употребительны формы безъ г (какъ: *bāliņš*, *bāleliņš* etc.). Принадлежатъ ли вообще эти слова къ одному и тому же корню, — въ томъ можно сомнѣваться. Такъ какъ *bāliņš* имѣетъ преимущественно значеніе героя,

1) Schrader p. 257.

то это воспоминаетъ о санскр. *bala* (*suto-bala*, герой). Характеристично при этихъ лат. формахъ (*bāl-iņš*, *bāl-el-iņš*, etc.), что ихъ простая форма (*bāl-s*, *bāl-is*) вообще не употребляется.

Смр. 202. — Ad 7. *Burnyte*, лат. *mutite* (ротикъ). Лат. *purns*, -a || *purna*, -as (морда) употребляется исключительно у животныхъ и въ уменьшительной формѣ (*purnīte*) даже въ качествѣ ласки. Очень интересны лат. формы *muža*, *mužiņa*, *mužiņš* (ротикъ). Если бы онѣ сближались съ лат. *mute* (ротъ), онѣ должны были звучать *muša*, *mušiņa*, *mušiņš*. Откуда же въ нихъ *ž*, а не *š*? Вставилось ли, во избѣжаніе созвучія съ *muša* (муха), здѣсь *ž* вмѣсто *š*? Или *muža* (происшедшее изъ **muḍia*) болѣе первичная форма и сближается съ греческ. *μῦθος*, родство котораго Курціусъ предполагаетъ съ *μύω* и съ санскр. *mu-kh-am*, старо-верхне-нѣм. *mula* (*Mund*). Впрочемъ въ лат. дѣтскомъ языкѣ встрѣчается слово *muḍiņa* (ротикъ), что, можетъ быть, первичная форма нашего ласкательнаго слова *mužiņa* etc.

Смр. 204. — Ad 14. *Lēlija*, лат. *līlija* (лилія, ботан. *Lilium*). Интересно, что, между тѣмъ какъ въ литовскомъ лилія очень часто служитъ ласкательнымъ словомъ, то въ латышскомъ она встрѣчается очень рѣдко. Здѣсь въ соотвѣтствующихъ случаяхъ употребляются или *puķīte* (цвѣточекъ), *rožīte* (розочка), или *maģonīte* (макъ). Также литовскому *lelijū daŗžas* (лилейный садъ), *gūtū daŗžas* (рутовый садъ) соотвѣтствуютъ въ латышскомъ *gōžu dārzs* (розовый садъ). Можетъ быть, что лилія служитъ именно католическимъ символомъ, такъ какъ, напр., бѣлая лилія признакъ Дѣвы Маріи ради ея незапятнанной чистоты. Этотъ цвѣтокъ теперь еще саживаютъ на могилахъ дѣвицъ. Но въ томъ же смыслѣ встрѣчается роза въ евангелической церковной пѣснѣ, напр.:

Es ist ein' Ros' entsprungen
Aus einer Wurzel zart.

Болѣе подробное см. ниже у розы стр. 338. *Ad 29.*

Смр. 280. — Ad 23. *Paukštis*, лат. *paukšķis*, *putns* (птица, пташка). Гриммъ (*Myth.* 634) говоритъ: *Mit den Vögeln lebte das Alterthum noch vertrauter (als mit den Vierfüßlern), und wegen ihrer grösseren Behendigkeit schienen sie geisterhafter als vierfüssige Thiere. In Norwegen setzt man Julabends ihnen Kornbüschel aus, als ein Opfer, damit sie den Fluren nicht schadeten. Götter und Göttinnen pflegen sich in Vögel zu ver-*

wandeln. Zwei Raben, Hugin und Munin, sind Odins beständige Begleiter ¹⁾. И въ балтійской мифологіи птицы играютъ большую роль; превращенія въ птицъ встрѣчаются и здѣсь, напр., мать, сестра и возлюбленная превращаются въ кукушекъ или лебедей ²⁾, по одной латышской дѣйств. возлюбленная превращается въ соловья etc. Вообще, благодаря милому виду птицъ, встрѣчаются онѣ въ ласкательныхъ словахъ, съ одной стороны, птица какъ таковая вообще, и нѣкоторые роды птицъ, какъ, напр., голубь, соловей, синица и др., съ другой стороны.

Смр. 208. — Ad 24. Peléle, лат. pelite (мышка, fig. душичка). И здѣсь приходится намъ признаться, какъ изобрѣтателенъ языкъ въ изображеніи параболъ, притчъ, пользуясь даже такимъ презрѣннымъ матеріаломъ, какова мышь. Хотя языкъ и не забываетъ и неуважительныхъ чертъ мыши, однако же онъ открываетъ у ней и пріятныя стороны. Ея проворная, бодрая сущность, ея умные глазки, ея боязливость и страхъ опасности, можетъ быть, потому, что она знаетъ всѣ тайные ходы, — сдѣлали ее образомъ дѣвушекъ и жѣнъ. Считается особенною ласкою, когда обращаются къ женщинѣ и особенно къ маленькой дѣвушкѣ, напр., по-латышски: mana pelite (душечка моя)! по-нѣмецки: Mein Mäuschen! „Gib mir einen Kuss, kleine Maus!“ — „Sei nicht bange, kleine Maus!“ — „Adieu, mein Mäuschen!“ ³⁾

Смр. 210. — Ad 29. Rožyte, лат. rōzīte (розочка). Издавна роза — символъ молчаливости, вслѣдствіе этого доводить кому-либо что-нибудь sub rosa, т. е. съ полною довѣренностью дискреціи; потому и: sub rosa dictum.

Купидонъ, богъ любви, подарилъ первую розу богу молчанія, Гарпократесу, долженствовавшему ему за то дать обѣщаніе никогда не измѣнять тайнамъ любящихъ. И уже по своей формѣ роза, закрывающая свое внутреннее многочисленными листьями, служить подходящимъ символомъ молчаливости. И въ сочиненіи Севастіана Бранта „Narrenschiff“ гласить:

Was wir kosen,
Bleibt unter Rosen.

1) Schrader p. 390 № 74.

2) Очерки I 66 sq.; стр. 188 и 189.

3) Schrader p. 190.

Выраженіе *sub rosa* значить тоже — говорить иносказательно, дать намекъ, объясниться картиннымъ языкомъ. Такъ по-французски: *sous la fleur*; по-нѣмецки: *Durch die Blume etwas sagen*. Римляне впрочемъ рассказываютъ, что роза первично была бѣла. Однажды Венера хотѣла сорвать ее, но ранила при этомъ себя шипами. Цвѣтокъ, сдѣланный ея кровью краснымъ, остался до сихъ поръ таковымъ. — Во Франціи 8 іюня празднуютъ праздникъ розъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добродѣтельнѣйшая дѣвушка получаетъ розовый вѣнокъ и сливетъ розовой дѣвушкой (*rosière*).

Что царица цвѣтковъ при томъ еще служить символомъ невинности, дружбы, восторга и радости, доказываютъ и поговорки, напр., русск.: Нѣтъ розы безъ шиповъ; нѣм.: *Keine Rose ohne Dornen*; *Mit der Zeit pflückt man Rosen*; *Auf Rosen gehen, liegen, ruhen, wandeln, gebettet sein etc.*, т. е., блаженствовать. Роза служитъ выраженіемъ юношеской красоты, свѣжаго цвѣта щекъ, губъ, именно молодыхъ дѣвушекъ, цвѣтушихъ подобно розамъ. — Такъ говорятъ и о краскѣ на лицѣ отъ стыда, что лицо молодой дѣвушки переливается розовымъ цвѣтомъ. Анакреонъ прекрасно называетъ розу единственною заботою весны. Четвертое воскресенье времени поста, *Laetare*, издавна, можетъ быть, еще съ XI столѣтія, называется розовымъ воскресеньемъ, *dominica in rosa*. Въ это воскресенье папа обыкновенно освящаетъ молитвою золотую розу, обложенную драгоценными камнями. Это такъ называемая роза добродѣтели, которую онъ даритъ выдающимся лицамъ¹⁾. Въ наше время красная роза считается преимущественно символомъ любви. Итакъ, не мудрено, что она служитъ столь излюбленнымъ ласкательнымъ словомъ.

Смр. 210. — Ad 30. Saulyte, лат. *saulyte* (солнышко). Такъ какъ солнце уже въ балтійской мифологіи извѣстно какъ милая, дружелюбная, утѣшающая, согрѣвающая богиня²⁾, то было бы удивительно, еслибъ это величественное дневное свѣтило было пропущено въ ласкательныхъ словахъ. Какъ у литовцевъ и латышей, такъ и у русскихъ оно получило удостоеніе и ласкательнаго слова, ибо солнышко, крас-

1) Schrader p. 326 № 35.

2) Очерки etc. I. Народныя пѣсни стр. 23, 3.

ное солнышко — любимая, многоупотребительная ласка. Понѣмьцы говорятъ: Ich ward gesonnt von der Freundschaft Blick.

VI. Благословенія, поздравленія, поклоны, привѣты, привѣтствія.

г. Характеристика ихъ.

Какъ ласкательныя и лъстивыя слова составляютъ противоположность къ браннымъ и ругательнымъ, такъ и благословенія, поздравленія etc. оказываются противоположными къ проклинаніямъ и заклинаніямъ. Наша здѣсь еще изслѣдуемая категорія брахилогизмовъ склоняется вообще къ тому, что выражено Rom. 12, 14: *εὐλογεῖτε τοὺς διώκοντας ὑμᾶς εὐλογεῖτε, καὶ μὴ καταράσθε* (благословляйте гонителей вашихъ; благословляйте, а не проклинаяте). Тутъ выраженъ не только совѣтъ, но заповѣдь и плодъ духа. Благословляйте, а не проклинаяте. Это же благословеніе состоитъ въ томъ, что даже преслѣдователямъ желаютъ всего хорошаго. Не только приходится благословлять преслѣдователей, но вся жизнь должна быть такою, что она каждому желаетъ всего хорошаго. Ибо мы дѣти благословенія, призванныя къ благословенію, чтобы мы унаслѣдовали то благословеніе, чѣмъ благословляется весь міръ. Ибо вовсе не прилично, что именно христіанинъ проклинаятъ и злѣйшаго врага и злодѣя; ибо ему повелѣно говорить объ евангеліи. Но евангеліе ничто иное, чѣмъ миролюбивое, душеспасительное слово, носящее лишь благословеніе въ весь міръ, потому не должно быть проклинанія возлѣ него.

Кое-что подобное открываетъ наша категорія брахилогизмовъ, о которой теперь идетъ рѣчь. Она содержитъ тоже миролюбивое, спасительное слово, происходящее изъ благословенія, рядомъ съ которымъ не быть проклинанію. Въ этихъ въ народѣ и изъ народной жизни происшедшихъ произведеніяхъ мы видимъ безпрекословно продуктъ болѣе-высокаго человѣческаго, духа.

Если уже проклинанія взывали къ Богу (дай Богъ! etc.), то естественно здѣсь у благословеній, поздравленій etc. призваніе Бога особенно уместно. Какъ проклинаніе, такъ и благословеніе религіознаго происхожденія. При томъ благословеніе теперь еще въ богослуженіяхъ нѣкоторымъ обра-

зомъ — послѣдній актъ, послѣднее слово. Тутъ религіозный характеръ благословенія еще въ неизсякаемой силѣ; тутъ его религіозный характеръ, какъ сначала, имѣетъ силу и жизнь. Словомъ, благословеніе происходитъ изъ религіи; т. е. изъ отношенія и образа мыслей, которыя человѣкъ имѣетъ къ Богу или богамъ. Благословеніе соединяютъ со знакомъ (латинск. *signum*, изъ этого нѣм. *segnen*) креста, если только ему приписываютъ сверхъестественное дѣйствіе; оно — формула, которой должны присваиваться особенная божественная или демоническая сила, сверхъестественное дѣйствіе; милость Божья и всякое успѣваніе извѣщающая или желающая торжественная притча, какъ мы это видимъ въ благословеніи, которымъ Исаакъ благословляетъ своего сына Іакова (1. Mos. 27, 28 и 29): „да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесной и отъ тука земли, и множество хлѣба и вина; да послужатъ тебѣ народы, и да поклонятся тебѣ племена; будь господиномъ надъ братьями твоими, и да поклонятся тебѣ сыны матери твоей; проклинаящіе тебя — прокляты; благословляющіе тебя — благословенны!“ Благословеніе и — молитва, относящаяся къ особннымъ временамъ и случаямъ, напр., нѣм. *Abend-, Morgen-, Tisch-Segen* etc. Далѣе благословеніе — магическая формула, заклинательное изреченіе, чѣмъ заклинаютъ, напр., силу вражію, демона, огонь, лихорадку, скотъ и т. п. Наконецъ благословеніе — благоденствіе и милость Божья и ея благотворительное дѣйствіе, преуспѣваніе, богатое изобиліе чего-либо добраго и добра: Настигнуть тебя всѣ эти благословенія. И это — подаянія и приношенія, какъ это видно, напр., изъ 1. Mos. 33, 11, гдѣ Іаковъ при встрѣчѣ со своимъ братомъ Исавомъ подарилъ подарокъ, говоря: „прими благословеніе мое, которое я принесъ тебѣ, потому что Богъ даровалъ мнѣ, и есть у меня все. И упросилъ его. И тотъ взялъ“. — 1 кн. царствъ (25, 18 и 27): „Тогда Авигея поспѣшно взяла двѣсти хлѣбовъ и два мѣха съ виномъ, и пять овецъ приготовленныхъ и пять мѣръ сушеныхъ зеренъ, и сто связокъ изюму и двѣсти связокъ смоквъ, и навьючила на ословъ“ и принесла Давиду и передала ему со словами: „Вотъ эти дары (благословеніе), которые принесла раба твоя господину моему, чтобы дать ихъ отрокамъ, служащимъ господину моему“. 1 кн. царствъ (30, 26): И пришелъ Давидъ въ Секелагъ и послалъ изъ добычи къ старѣйшинамъ Іудинымъ, друзьямъ своимъ, говоря: „вотъ вамъ подарокъ (благословеніе)“

словеніе) изъ добычи, взятой у враговъ Господнихъ“. — Стало-быть, первоначально благословеніе есть что-то совершенно конкретное и теперь еще люди берутъ его охотнѣе всего конкретнымъ.

Какъ выше изъ Ветхаго Заѣта приведенныя благословенія, такъ и встрѣчаемыя въ литовской и латышской народной поэзіи, содержать что-то конкретное, напр. (см. выше стр. 218, 13):

Дай Богъ
Сотню пахать,
Другую сотню
Боронить.
Изъ той сотни
Бурую лошадку,
Бурую лошадку
Ѣхать къ возлюбленной.

Въ латышскомъ а) Лайма (богиня счастья), поостряя сироту выйти за-мужъ, говорить ей:

- Иди, сиротинка, не бойсь,
Я тебѣ помогу,
Я тебѣ дамъ сотню пестрыхъ коровъ,
Сотню бѣлыхъ овецъ;
Молись сама милому Богу,
Чтобъ онъ далъ тебѣ бурыхъ коней.
- b) Ликуйте, Ивановы дѣти,
Бросьте травы въ коровникъ:
Сколько травинокъ, столько телятъ
Въ коровникъ Ивановой матери.
- c) Я дамъ своей Ивановой матери
Цвѣточный вѣнокъ:
Чтобъ у нея были хорошія коровы
Со цвѣтистыми ножками.
- d) Я надѣлъ отцу
Дубовый вѣнокъ:
Дай, Боже, отцу
Хорошихъ пчелъ въ саду.
- e) Я своему Иванову отцу
Надѣну дубовый вѣнокъ:
Чтобъ ему росли кони
Низкіе, толстые какъ дубы.

Наконецъ приведу еще латышское благословеніе, отчасти уже отвлеченное или одухотворенное, какъ-то (стр. 219, 14):

Во имя милаго Бога мы сошлись,
 Во имя милаго Бога мы простились;
 Во имя милаго Бога пусть останется
 Благословеніе въ этой избѣ.
 Благослови, Боже, это мѣсто,
 Гдѣ мы ѣли, гдѣ мы пили,
 Дай, Богъ, расти двумъ колосьямъ
 На кончикѣ одной соломины!

Благословенія, какъ мы здѣсь видимъ, переходятъ границы брахилогизмовъ, такъ какъ они вмѣсто сжатости любятъ экспансію, расширеніе въ словахъ и предложеніяхъ, какъ это именно свойственно остальной народной поэзіи, напр., дайнамъ.

Здѣсь къ благословеніямъ примыкаютъ прежде всего поздравленія. Въ нихъ тоже вмѣсто сжатости можно констатировать расширеніе, именно въ латышскихъ и нѣмецкихъ (см. выше стр. 216, 12). Напр., латышскія:

- d) Желая тебѣ столько счастья,
 Сколько песка въ морѣ, сколько листьевъ на деревьяхъ,
 Сколько блестящихъ звѣздъ на небѣ.
- e) Да процвѣтетъ счастье, какъ листья липы;
 Да растетъ липа корнями дуба!
- f) Да процвѣтетъ счастье, какъ стройная липа,
 Какъ стройная липа, какъ дубъ,
 Да процвѣтетъ счастье, какъ рябина;
 Да процвѣтетъ счастье цвѣтами крушины,
 Да процвѣтетъ счастье, какъ яблонка,
 Какъ цвѣтокъ, какъ роза, какъ макъ!

Благословенія, поздравленія и привѣтствія, напр., привѣтственные рѣчи, привѣтственные стихотворенія и т. п., первоначально, какъ теперь еще въ торжественныхъ случаяхъ, не — брахилогизмы, но произведенія ума, отличающіяся большимъ расширеніемъ, растянутостью, наборомъ словъ и высокопарностью. Категоріи поздравленія и поклона, привѣта очевидно — лишь остатки или сокращенія благословеній, оказывающихъ религіозное начало и сохранившихъ религіозный характеръ съ начала до нынѣ. Изъ праздника и торжества вступая въ обыденность, благословеніе, вслѣд-

ствіе житейской хлопотливости и спѣшности, дѣлается брахилогизмомъ, а поздравленіе и поклонъ — прямо пустою формальностью учтивости и приличія. И продуктами этой послѣдней стадіи мы должны быть здѣсь занятыми.

Благословлять значитъ — причинять, чтобы благословеніе дѣйствовало на кого-нибудь, на что-нибудь, обыкновенно и прежде всего относительно благотворительнаго вліянія именно божественной милости и достигнутаго этимъ преуспѣванія въ изобиліи etc. Богъ или божество (Dėvas или Laima — Fortuna) etc. благословляетъ кого-нибудь или что-нибудь чѣмъ-нибудь (Dėve peržegnok! Dėvs svėtė! Благослови, Богъ! см. стр. 214, 5); священникъ, отецъ etc. благословляетъ кого-нибудь, что-нибудь, желаетъ ему счастья, успѣванія, благоденствія etc., многихъ лѣтъ, богатаго урожая, плодоносныхъ нивъ, всего хорошаго etc. Итакъ, выходитъ цѣлый рядъ, цѣлая вереница и цѣпь, звенья которой — благословеніе, поздравленіе, поклонъ, привѣтъ, привѣтствіе. Въ нѣм.: Mahlzeit! Gesegnete Mahlzeit! можно еще замѣтить ходъ дѣла.

Теперь намъ приходится распространиться еще въ особенности о поздравленіи, привѣтѣ и поклонѣ, такъ сказать, объ отросткахъ или отпрыскахъ благословенія.

Поздоровиться, поздравить, значитъ собственно желать здоровья; лит. pa-laimos vėlyti (желать счастья), лат. laimes vėlėt (то же самое); нѣм.: Glück wünschen (то же самое); латинск. gratulari (собств. желать пріятнаго); греч. χαίρειν (радоваться) и χαρίζεσθαι (оказаться любезнымъ, радушно встрѣтить, поклониться). Простой поклонъ по-гречески гласить: χαίρε, т. е. радуйся! по-литовски и по-латышски: sveiks! т. е. здравствуй! Латинск. gratulari образовалось изъ gratulus (уменьшительное отъ gratus). Съ послѣднимъ словомъ сближаются Gratiae (богини граціи), соотвѣтствующія греческимъ Χάριτες; единственное число χάρις обозначаетъ именно грацію, красоту, какъ и латинск. gratia. Интересно, что и литовско-латышскія поздравленія сближаются съ ихъ старинными богинями Laima и Sveikata. Лео-Мейеръ, написавшій интересную статью о поздравленіи¹⁾, сближаетъ въ ней старо-индіиск.

1) Ueber Gratulieren und Glückwünschen. Vortrag, gehalten in der Jahresversammlung der Gelehrten Estnischen Gesellschaft am 18. Januar 1893 von Leo Meyer. (Sonderabdruck aus den Sitzungsberichten der Gel. Estn. Gesellschaft). Dorpat, 1893.

vānch съ нѣм. wünschen; vānch-ati, er wünscht (какъ sch въ первомъ словѣ, такъ и sch въ послѣднемъ, восходитъ къ старому sk)¹⁾. Онъ предполагаетъ здѣсь основную глагольную форму van и нашелъ ее въ старо-индѣйскомъ, а именно въ значеніи „любить“, „радоваться чему“; напр., въ третьемъ гимнѣ Ригведы, во второмъ стихѣ, въ обращеніи къ божественнымъ Aṣvine гласитъ: vanatam giras (радуйтесь пѣснямъ). Къ этой основной глагольной формѣ принадлежитъ между прочимъ и латинское названіе богини любви, Venus (собств. миловидность, прелесть, греч. *ἡφρο*). Отъ этого — производное имя прилагательное venustus (миловидный, прелестный). Изъ нѣмецкихъ принадлежатъ сюда между прочимъ Wonne и wohnen, чтò собственно значить „радоваться“, „sich wohlbe finden“, далѣе старо-сѣверное vinr (другъ), встрѣчаемое въ названіи Wingolf (залъ друга) и, напр., еще готск. un-vunands (не радующійся, Philip. 2, 26). Als Grundlage der Bedeutung des deutschen Wünschen kann man somit etwa angeben „sich freuen wollen“, das also noch nicht „sich freuen“ ist, aber die Freude als zukünftig ansieht²⁾.

Результатомъ изслѣдованія Лео-Мейера „Ueber Gratulieren und Glückwünschen“ оказывается то, что добрыя желанія, выражаемая словомъ „gratulieren“, относятся къ настоящему времени, напротивъ, произносимыя словомъ „glück wünschen“, — къ дальнѣйшему, будущему времени.

Надо еще отмѣтить, что въ противоположность поздравленію имѣется въ русскомъ изъясненіе соболѣзнованія; въ нѣмецкомъ Beileidsbezeugung, Kondolenz; во французскомъ condoléance, въ итальянскомъ condoglienza. Эти слова восходятъ къ латинскому condolere (соболезновать кому, лит. argailėti, argósti, лат. apgaust, lidzcėtibū isteikt) въ противоположность gratulari etc.

Послѣднее звено въ нашей цѣпи приличія и учтивости — поклонъ, привѣтъ, лит. sveikinimas, лат. sveicinums || sveicēns. Поклонъ первоначально — желаніе благоденствія и благополучія, стало-быть, собственно очень сокращенное благословеніе, оказанное словомъ или знакомъ, происшедшими изъ дружелюбной склонности или должнаго почитанія, и это слово, или эти слова, и знакъ, или знаки, сами, сокращенныя

1) Ibid. p. 21 и 22.

2) Leo-Meyer ibid p. 23.

часто въ пустую формулу учтивости. Дѣло намъ здѣсь именно съ привѣтствіями, привѣтами или поклонами, искаженными, сокращенными изъ первоначальныхъ цѣлыхъ предложеній теперь полупредложеніями, отдѣльными словами и словечками, даже отшлифованными, какъ уже сказано, пустыми формулами учтивости, первичное содержаніе которыхъ было благоденствіе и благословеніе.

Какъ благословеніе и поздравленіе относятся лишь къ одному событію, безъ показанія времени, такъ поклонъ кромѣ случаевъ встрѣчи и расхода, привѣта и прощанія, и кромѣ общаго поклона, какъ, напр., поклоняюсь тебѣ, — къ утру и вечеру, дню и ночи.

Съ очень различныхъ точекъ зрѣнія отдѣльныя народности имѣли въ виду при благодареніи, напр., римляне — пріятное (*gratus*), о чемъ рѣчь была уже выше: *grates agere, dicere, habere, persolvere, referre; gratiam persolvere, habere; gratias agere etc.*; нѣмцы — мышленіе, воспоминаніе (*Denken, Gedenken*); французы — награду (*merces*), къ чему восходитъ *merci* (*je merci, я благодарю*); русскіе — благодарѣніе (благодареніе, благодарить); латыши — похвалу, прославленіе (*ra-teiktis, tencinat, teikt, лит. teigti*) и — желаніе помощи Божьей; ибо *paldis* (благодарю! спасибо! или благодарствіе, благодареніе) сокращено изъ *paldzi Dēvs* (помоги, Боже!); лит. *dėkavoti* (благодарить; *dėkavõne, dėkà, благодареніе*) или произошло изъ нѣм. *danken*, или по своей этимологіи еще не выяснено.

2. Замѣчанія, сличенія и объясненія.

Здѣсь только немногое, что еще не выяснилось изъ текстовъ и предшествующаго и нуждается еще въ замѣчаніяхъ, сличеніяхъ и объясненіяхъ.

Стр. 215. — Ad 6. *Dēvs mēlo* (Помилуй Богъ), именно *Dēvs mēlo vīpa dvēseli!* (упокой Господи душу его! дай ему Богъ царство небесное!) говорятъ обыкновенно о покойникѣ. Какъ лат. глаголѣ *mēlot*, такъ и имя существительное *mēlasts* соотвѣтствуютъ по значенію совершенно греч. *ἀγαπῶ* и *ἀγάπη* и *αἱ ἀγάπαι*, братскія трапезы христіанъ, называются по-латышски *mēlasts, Dēva mēlasts* (тайная вечеря), множ. число *mēlasti*.

Стр. 216. — Ad 12. Здѣсь имѣются въ латышскомъ и нѣмецкомъ болѣе обширныя благословенія. *Ad a)* Дай Богъ

нашему господину долго жить и доброе испытывать; золото (вѣроятно корону), носить на головѣ, серебро топтать ногами, т. е., ходить по блестящему полу и имѣть серебряныя шпоры. Ad b) Вошли Ивановы дѣти (собств. въ Ивановомъ праздникѣ участвующіе гости) во дворъ Иванова отца, т. е., хозяина дома. Дай, Боже, рожь, ямень на полѣ Иванова отца! — Это благословеніе относится къ латышскому Иванову празднеству и его обычаямъ. Мы замѣчаемъ здѣсь и *parallelismus membrorum*, какъ онъ вообще употребителенъ въ лат. народной поэзіи. Ad d) По одной латышской дѣйнѣ, по которой возлюбленный отправился на чужбину и возвращается только послѣ многихъ лѣтъ. Встрѣчая свою возлюбленную подъ деревомъ, онъ сейчасъ не называется, желая испытать ея вѣрность. Онъ рассказываетъ ей, что онъ видѣлъ ея возлюбленного, какъ онъ обвинчался съ другою. Потомъ онъ спрашиваетъ, чего она желаетъ невѣрному любовнику. Та отвѣчаетъ, что она желаетъ ему столько счастья, сколько листьевъ на деревьяхъ, сколько песка у моря и сколько звѣздъ на небѣ. Теперь онъ называется и оба — счастливы.

Стр. 218. — Ad 13. Здѣсь какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ подробныя, обширныя благословенія, содержащія все конкретное, какъ-то: лошадей, коровъ, овецъ, пчелъ и т. п., что Богъ (*Dėvas, Dėvs*), богиня судьбы (*Laima, Māra*)¹⁾ должны дать. а) Лайма (*Māra*) общается сиротѣ, когда она выйдетъ за-мужъ, — сотню пестрыхъ коровъ, сотню бѣлыхъ овецъ, и поощряетъ сироту попросить Бога, чтобъ онъ далъ бурыхъ коней. Благословенія въ нумерахъ b), c), d) и e) заимствованы изъ лат. Ивановыхъ пѣсенъ обычаевъ Иванова праздника. Тутъ благословеніе все соединено съ церемоніями, именно приношеніемъ травъ, надѣваніемъ цвѣтного вѣнка, дубоваго вѣнка и т. п.

Стр. 219. — Ad 15. Въ этомъ номерѣ опять обширное благословеніе въ латышскомъ. Это — благословеніе, какъ оно въ употребленіи при распрощаніи послѣ отпразднованнаго празднества. Оно вращается большею частью въ отвлеченномъ, чѣмъ въ конкретномъ; но и оно основывается на земледѣліи.

1) Ср. ниже.

VII. Къ языку брахилогизмовъ.

1. Общее.

Какъ уже въ предисловіи сказано, въ этихъ текстахъ мы имѣемъ языкъ обыденности. Лишь за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ это не такъ. Въ общемъ здѣсь выражается обыденная жизнь. Потому и вслѣдствіе поспѣшности и житейской торопливости — сокращенія и большое отшлифованіе языковыхъ формъ. Сравнительно лишь немного стариннаго противостоитъ, подобно старымъ развалинамъ, разрушительному дѣйствію времени. Или, по другой картинѣ, мы имѣемъ тамъ передъ собою уже сжатое житное поле, гдѣ еще можно найти нѣкоторые колосья. При этомъ наше языковое поле тѣмъ богаче или плодovitѣе, потому что здѣсь встрѣчаются различныя нарѣчія. Тамъ жемайтскій или ниже-литовскій говоръ въ текстахъ Доеконта и Рагауниса; остальной литовскій текстъ — въ верхне-литовскомъ нарѣчій. Латышскій текстъ въ общемъ — въ ниже-латышскомъ (среднемъ, земгалскомъ или литературномъ) діалектѣ; въ верхне-латышскомъ говорѣ — текстъ Смелтерса, и въ діалектѣ средней Абава (*Dialekt der mittleren Abau — Kurland*)¹⁾ мною на моей родинѣ собранные и L. снабженные тексты.

2. Къ нѣкоторымъ грамматическимъ вопросамъ.

Конечно, здѣсь встрѣчаемый языковой матеріалъ можно было бы систематизировать или пройти теперь еще по главнымъ частямъ грамматики, по фонетикѣ, морфологій и синтаксису; но это не подошло бы хорошо подъ нашъ трудъ, который по преимуществу историко-литературный и фольклористическій, чѣмъ грамматическій. Итакъ, относительно чисто лингвистической или грамматической стороны я буду касаться здѣсь только очень немного.

Прежде всего относительно морфологій укажу здѣсь лишь на то обстоятельство, что, въ основахъ на -а, основной гласный *a* большею частью выпадаетъ въ литовскомъ и такимъ образомъ приближается къ латышскому; напр.: *Pons Dévs* (вмѣсто *Ponas Dévas*, ср. выше стр. 9); *kóks dárbs*

¹⁾ См. Beiträge z. kunde d. indg. sprachen XVII.

(вм. kókias dárbas, стр. 36, 9); tévs (вм. tévas, стр. 74 βγ); prots (вм. protas, стр. 17, 2); vŷrs (вм. vŷgas, стр. 66 — Ножъ) и т. д.

Относительно синтаксиса я долженъ признаться, что великая задача изложить исторію литовско-латышской рѣчи на основаніи брахилогизмовъ также не соотвѣтствовала бы моимъ цѣлямъ. Хочу и здѣсь коснуться только нѣсколькихъ примѣровъ. Дельбрюкъ говоритъ: Augenscheinlich existirt im Sprachbewusstsein nichts Anderes als Anwendungstypen, z. B. des Genitivs bei Verben, bei Substantiven, bei Präpositionen u. s. w. (Typen deren Vorhandensein dadurch bewiesen wird, dass gegen den Versuch einer stark abweichenden Anwendung das Sprachbewusstsein rebellirt), aber keine Zusammenfassung dieser Typen zu einer Allgemeinvorstellung“¹⁾. Итакъ, хочу коснуться здѣсь только нѣкоторыхъ типовъ примѣненія, въ которыхъ литовское или соотвѣтствуетъ латышскому, или нѣтъ. Но и уже изъ нихъ будетъ видно, что не только равенство основъ и большое сходство формъ, а именно построение предложеній, порядокъ словъ, конструкція очень приближаетъ латышскій языкъ литовскому.

Иногда находили непонятнымъ, необъяснимымъ, почему и латышскій языкъ послѣ отрицанія въ предложеніи не употребляетъ родительнаго падежа, какъ это встрѣчается вездѣ въ литовскомъ²⁾ и русскомъ³⁾. Но собственно говоря, это не совершенно такъ, какъ обыкновенно утверждаютъ. Какъ можно убѣдиться по нашимъ текстамъ, литовскій языкъ употребляетъ послѣ отрицанія и винительный падежъ, и даже въ русскомъ языкѣ употребленіе этого падежа не исчезло совершенно, какъ мы въ этомъ могли убѣдиться на пословицахъ. Исключительное примѣненіе родительнаго падежа въ отрицательныхъ частицахъ въ русскомъ литературномъ языкѣ вѣроятно — продуктъ нивеллирующихъ и систематизирующихъ грамматиковъ, подобно тому какъ устраненіе двоякаго отрицанія въ нѣмецкомъ литературномъ языкѣ употребляется на счетъ нѣмецкихъ грамматиковъ. Вліяніе ли это русскаго или чего-нибудь другого, это — фактъ, что и латышскій

1) B. Delbrück, Die Grundlagen der griechischen Syntax. Halle a. S. 1879, p. 2.

2) Kurschat, Grammatik § 1570.

3) A. Bielenstein, Lettische Grammatik § 569.

языкъ, а именно лифляндскій, въ отрицаніяхъ употребляетъ родительный падежъ, между тѣмъ какъ курляндскій предпочитаетъ винительный и относительно употребленія родительнаго падежа въ отрицаніяхъ соотвѣтствуетъ тому, что Куршаты излагаютъ въ своемъ синтаксисѣ литовскаго языка ¹⁾.

Случаевъ, гдѣ въ нашихъ брахилогизмахъ въ отрицательныхъ частицахъ въ лит. языкѣ употребляется винительный падежъ, гораздо больше (34) тѣхъ, гдѣ родительный (21). Напротивъ, гдѣ по Куршату ²⁾ и общему ученію латышскаго синтаксиса долженъ былъ бы стоять въ отрицательныхъ предложеніяхъ (in negativen Sätzen), когда они выражаютъ „es gibt nicht“ (не имѣется), родительный падежъ, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ діалектическихъ примѣрахъ именительный падежъ, какъ-то (стр. 116, 14); а) Ne laiks šunis lakinti, kad vilks badoje (Нѣтъ времени, некогда кормить псовъ, когда волкъ голоденъ) — жемайтскій говоръ; с) Nē čēsas kūrtā lakint, einant medžot (Нѣтъ времени кормить борзую собаку, когда на охоту ѣхать) и (стр. 58. 77) Молоко. 2.): No āža ne pēns, ne villa (отъ козла ни молока, ни шерсти) — діалектъ средней Абавы.

Кое-что къ разстановкѣ словъ. Имѣется традиціонная и окказіональная разстановка словъ, встрѣчаемая въ литовско-латышскомъ такъ же, какъ и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. И оба рода этихъ типовъ разстановки словъ встрѣчаются естественно въ нашихъ брахилогизмахъ, гдѣ ихъ лучше можно узнать въ спокойномъ изображеніи первичной народной прозы. „Was unter ruhiger oder gewöhnlicher Darstellung zu verstehen sei, lässt sich nicht definiren, sondern es muss durch Lectüre ein Gefühl dafür erworben werden“ ³⁾. Въ слѣдующемъ я позволю себѣ въ обозрительной краткости нѣкоторыми примѣрами изложить какъ традиціонную, такъ и окказіональную разстановку словъ.

а) Традиціонную разстановку словъ въ простыхъ независимыхъ предложеніяхъ можно свести къ слѣдующимъ правиламъ:

а) Подлежащее начинаетъ предложеніе, напр.: стр. 22. Глаза. 1; 32, 2; 34, 4 и 5; 94, 1; 117, 15; 122, 3 и т. д.

1) См. его Grammatik der lit. Sprache p. 374, § 1375-a.

2) Тамъ же § 1504, 1507 и 1508.

3) Ср. Altindische Syntax von B. Delbrück, Hall. a. S. p. 15.

в) Глаголь оканчиваетъ предложіе, напр.: стр. 11, 9, 10, б) Чортъ. 1; 39, 19 и 21; 91, 1; 128, 77) Кукушка. 1 и т. д.

г) Остальныя части предложія помѣщаются въ серединѣ, напр.: 17, 1; 95, 2; 121, 1; 126, 3 и т. д.

д) Приложіе (*appositio*) слѣдуетъ за словомъ, къ которому оно относится, напр.: стр. 26, 1; 95, 5; 87, 1; 103, 88) Камни. 1 и т. д.

е) Определительный родительный падежъ (*genitivus attributivus*) и имя прилагательное предшествуютъ имени существительному, напр.: стр. 11, 4; 27, 5; 81, 1; 82, 1; 83, 2 и т. д.

Описанный въ этихъ предложіяхъ типъ предложій — древній. Онъ безъ сомнѣнія встрѣчался уже въ индо-европейскомъ пра-языкѣ.

б) Главнѣйшій коренной законъ окказіональной разстановки словъ слѣдующій: Чѣмъ важнѣе кажется говорящему одно слово, тѣмъ рѣшительнѣе ставитъ онъ его въ началѣ предложія. Или, такъ какъ важность слова узнается по ударенію, — чѣмъ больше одно слово отличается удареніемъ, тѣмъ болѣе оно движется впередъ, то слѣдуютъ изъ этого существенныя отличія отъ вышеначертанной традиціонной разстановки словъ. Эти отличія нельзя констатировать всегда и во всѣхъ выше приведенныхъ пунктахъ, но часто, даже большею частью, по частямъ. Вотъ нѣкоторые примѣры: стр. 11, 4. б); 21, 1; 27, 2; 32, 2. б); 33, 3; 36, 8; 100, 1; 101, 1; 105, 1 и т. д.

Благосклонный читатель самъ замѣтитъ, что выше приведенные типы разстановки словъ въ литовскомъ и латышскомъ текстахъ соотвѣтствуютъ другъ другу, хотя не всегда, однако, попеременно.

Нельзя сомнѣваться, что, какъ традиціонный, такъ и окказіональный коренной законъ наблюдался уже въ пра-языкѣ. Мои изложенія большею частью согласны, напр., съ таковыми же Дельбрюка ¹⁾ о старо-индійской разстановкѣ словъ. Итакъ мы имѣемъ въ нашихъ брахилогизмахъ, какъ частью въ старѣйшей народной прозѣ, и старѣйшіе типы, старѣйшія формы предложій.

1) Ср. *ibid.* p. 15 sq. — Справ. и Abel Bergaigne sur la construction grammaticale considérée dans son développement historique en sanscrit, en grec etc. Въ *Mémoires de la soc. de lingu.* III, Paris 1875.

VIII. Культура литовцевъ и латышей по ихъ брахилогизмамъ.

Не мало интереса вообще разсмотрѣть эпоху происхожденія или древность нашихъ брахилогизмовъ. Извѣстная часть ихъ, конечно, новая, какъ тамъ упомянутыя вещи, или понятія, относятся къ новой культурѣ, и форма, выраженіе не обнаруживаетъ болѣе простаго природнаго созерцанія, но прогрессивную рефлексію. Но эти болѣе молодые, модные брахилогизмы составляютъ лишь относительно малое количество. Большая масса, или, по меньшей мѣрѣ, значительная часть, — стара, какъ это явствуетъ и изъ часто стариннаго, во всякомъ случаѣ, неподдѣльнаго, подлиннаго языка, потомъ вообще изъ удивительнаго сходства литовскихъ брахилогизмовъ съ латышскими. Они оба по кругу своихъ идей и по своимъ картинамъ почти сплошь тождественны, такъ что мы можемъ предполагать, что взаимные брахилогизмы, между ними именно пословицы, произошли изъ періода, гдѣ литовцы и латыши говорили еще однимъ языкомъ и составляли одинъ народъ.

Съ другой стороны, кругъ идей настоящихъ брахилогизмовъ показываетъ уже народъ, перешедшій уже первыя ступени юности или юношескаго возраста, юношескаго развитія. Онъ не оказывается болѣе кочующимъ, пастушескимъ или охотничьимъ народомъ, но — народомъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ¹⁾. Придерживаются обыкновенно воззрѣнія, что человѣкъ вездѣ проходитъ три культурныхъ ступени — охотника, кочующаго пастуха, осѣдлаго земледѣльца, а именно по этой очереди. Но въ новѣйшее время поднимается сильное противорѣчіе противъ этого воззрѣнія. Скотоводство, говорятъ, вовсе не проще первоначальнаго земледѣлія, скотоводство можетъ предшествовать земледѣлію, но и земледѣліе — скотоводству, что обусловливается мѣстными отношеніями. Можетъ и народъ, бывшій осѣдлымъ и земледѣльческимъ, быть вытѣсненнымъ изъ своего жительства и попасть въ невыгодную мѣстность и быть принужденнымъ къ кочеванію. Такъ какъ мы по всѣмъ извѣстнымъ и принимаемымъ въ соображеніе аналогіямъ врядъ-ли можемъ предполагать полное равенство въ культурѣ индо-европейцевъ до ихъ разставанія,

1) Cp. A. Bielenstein 1000 Lettische Räthsel. Mitau, 1881, p. 10.

то изъ этого мы должны заключить и здѣсь различія¹⁾. Изъ нашего сопоставленія большихъ собраній пословицъ остальныхъ индо-европейскихъ народовъ, славянъ, германцевъ, романцевъ etc. возможно было, еслибъ заимствованія не были препятствіемъ, — приискать, сколь большая часть — общее достояніе, первобытное обладаніе, сколько лишь при отдѣльномъ странствіи и поселеніи произошло наконецъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Хотя настоящій сборникъ вовсе не полный, однако относительно литовцевъ и латышей уже нынѣ можно обозначить приблизительно культурную ступень, на которой слагались эти брахилогизмы. Можно утверждать, что народъ все главное, что ему извѣстно, выразилъ въ пословицахъ или формою брахилогизмовъ: окружающую природу, свои необходимыя потребности жизни, свои орудія.

Какую картину природы и культуры дають намъ литовскіе и латышскіе брахилогизмы?

Изъ дикихъ четвероногихъ животныхъ представляются намъ медвѣдь, волкъ, олень, лисица, заяцъ, бѣлка; изъ птицъ: воронъ, ворона, глухарь, чепура (полуночникъ), кукушка, синица, соловей, ночная сова, куликъ, ласточка, воробей; изъ рыбъ — вообще рыбы, безъ какого-либо нарицательнаго имени, за исключеніемъ угря; изъ низкихъ животныхъ: кротъ, змѣя, жаба; изъ насѣкомыхъ: блоха, вошь, сверчокъ, жукъ, комаръ и червь.

Домашнія животныя — полны числомъ: лошадь и корова, коза, козелъ и овца, кабанъ, свинья и поросёнокъ, гусь и гусакъ, утка, индюкъ, пѣтухъ и курица, собака и сука, котъ и кошка, мышъ. И пчелъ можно отнести сюда.

Изъ дикихъ растений и деревьевъ воспоминаются едва-ли какія, за исключеніемъ ивы и ели. Лѣсъ встрѣчается въ противоположность полю; въ общемъ воспоминается о деревьяхъ и кустахъ безъ какой-либо спеціализаціи. Въ лѣсахъ растутъ грибы, ивняки, гдѣ въ подходящее время дѣргають лыко, гдѣ и охотятся на дичь. У воды — камышъ и тростникъ, на поляхъ — хвощъ.

Земледѣлецъ занимается хлѣбопашествомъ. Онъ разводитъ соломистый и колосистый хлѣбъ и растенія: пшеницу, рожь, ячмень, овёсъ, гречиху, ленъ, коноплю; изъ плевела

1) Cp. Sammlung Götschen: Indogermanische Sprachwissenschaft von Dr. Rudolf Meringer. Leipzig, 1899, p. 129.

упоминается о крапивѣ. Луга косятъ, на что указываютъ сѣно, зеленый кормъ и на камень попадающая коса. Въ саду — яблони со сладкими плодами. Надо предполагать, что тамъ же растетъ и хмель, такъ какъ именно упоминается о пивѣ, для котораго онъ необходимъ. Изъ овощей мы встрѣчаемъ тамъ: горохъ, капусту, рѣдьку. Пищею кромѣ мяса животныхъ и огородной овощи служатъ еще хлѣбъ, молоко, масло, каша (putra) съ солью, медъ и яйца; напиткомъ: вода, пиво и кислая каша (skába putra).

Одеждою литовца и латыша служатъ рубашка и сюртукъ, шуба, лапти, башмаки и сапоги.

Субъективное средоточіе міра — я и его окружающее тѣло. О слѣдующихъ частяхъ человѣческаго тѣла упоминается: голова съ волосами и бородою, глазами и ушами, носомъ, ртомъ, языкомъ и зубами; затылокъ и шея; пазуха, сердце, руки и пальцы; задница, брюхо и колѣни, ноги, кожа и кости, мужскіе и женскіе половые органы.

Литовецъ и латышъ брахилогизмовъ живетъ въ домѣ, устроенномъ изъ обтѣсанныхъ бревенъ, кухня котораго вѣроятно еще безъ хорошей дымовой трубы, подъ крышею; домъ уже съ окнами (со стеклами ли? — не сказано) и дверьми. У дома — садъ, въ которомъ яблони, потомъ дубъ, липа и рябина, изъ цвѣтовъ: лит. лилія, лат. роза и макъ. Въ домѣ печь для отопленія жилища и для печенья хлѣба. По субботамъ литовецъ и латышъ очищаются вѣникомъ на полкѣ въ потовой банѣ. Его дворъ огороженъ заборомъ. Свой хлѣбъ онъ молетъ дома въ жерновахъ или ручной мельницѣ и сыплетъ въ мѣшокъ.

Изба меблирована стульями и столомъ. Чанъ и бочка тоже тамъ — въ кухнѣ, чтобы пиво было подъ рукой для утоленія жажды. Въ хозяйствѣ употребляются: горшокъ, блюдо, ложка, корзина, лукошка и сито. Мясо жарятъ, какъ древніе греки, на вертелѣ. Бойкая хозяйка печетъ хлѣбъ и варитъ, дѣлаетъ колбасы и доитъ корову; она употребляетъ иголку, прядетъ ленъ и шерсть, мотаетъ пряжу на клубокъ и ткетъ на ткацкомъ станкѣ; она носитъ длинные волосы, приготовляетъ шѣлокъ для стирки.

Мужъ пашетъ и боронитъ на нови и полѣ. Онъ знаетъ высокую цѣну навоза для пашни. При жатвѣ онъ пользуется косою. При работѣ у дровъ, въ лѣсу, онъ употребляетъ топоръ, клинъ и ножъ. Онъ ѣдитъ верхомъ и ѣздитъ на

телѣгѣ и саняхъ и махаетъ бичомъ; онъ ловить въ водахъ рыбу и охотится въ лѣсахъ и съ мечомъ отправляется на войну для защиты отечества. Къ веселому танцу онъ играетъ на дудкѣ. Изъ металловъ уже знаетъ онъ — литовецъ и латышъ — золото, серебро, мѣдь и желѣзо. Изъ монетъ находятся въ обращеніи: дрейеръ, зексеръ, грошъ, копейка и рубль.

Совершенно ясно, что въ брахилогизмахъ мы имѣемъ извѣстную картину культуры литовцевъ и латышей, что народъ въ своихъ брахилогизмахъ выражаетъ все, въ чемъ и чѣмъ обнаруживается его жизнь, стремится къ выраженію всего ему извѣстнаго міра. Этотъ міръ еще не новый, модный, но и уже не совсѣмъ варварскій. Эта, по технической области изъ брахилогизмовъ, очерченная внѣшняя культура балтовъ становится еще гораздо интереснѣе, когда мы сравниваемъ ее съ тою, которую А. Биленштейнъ описалъ въ своемъ сочиненіи¹⁾. Именно тамъ описанная культура гораздо моднѣе и, слѣдовательно, въ общемъ гораздо новѣе, чѣмъ мною здѣсь описанная. Между тѣмъ какъ она знаетъ уже такіе продукты новаго времени, каковы, напр., водка, сахаръ, трубка и сигары, то въ нашей здѣсь за исключеніемъ перца нѣтъ ничего такого.

Миеологія — религія. Одна сторона окружающаго литовцевъ и латышей міра нуждается въ особенномъ разсмотрѣніи, потому что здѣсь встрѣчаются слѣды надъ землею возлетѣвшихъ народныхъ мыслей, мыслей натурфилософіи, миеологіи, религіи или отношенія, расположенія человѣка къ Богу или богамъ. Тѣмъ же мы получаемъ съ новой точки зрѣнія утвержденіе высокой древности многихъ нашихъ брахилогизмовъ. Въ брахилогизмахъ миеологическаго и религіознаго содержанія мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, еще замѣчаемую связь или нѣкоторое сцѣпленіе съ остальными индо-европейскими признаками, съ другой же, и со специфически литовско-латышскими или балтійскими. Углубляясь въ миеологическое или религіозное содержаніе нашихъ брахилогизмовъ, мы получаемъ очень интересный взглядъ объ умственной жизни прежде всего литовцевъ и латышей, вмѣстѣ съ тѣмъ же индо-европейцевъ, даже всего человѣчества въ его самыхъ раннихъ стадіяхъ развитія.

1) См. его 1000 Lettische Räthsel p. 11 и 12.

Начнемъ съ самаго высшаго.

Понятіе Бога, въ пословицахъ, является, конечно, уже сильно христіанизированнымъ; однако слѣды древняго языческаго бога замѣчаются. Хотя Богъ здѣсь, въ качествѣ подателя всѣхъ благъ, представляется прямо духовною личностью христіанскаго, библейскаго сознанія, однако онъ и непрѣмѣнно еще пластически изображенная личность болѣе развитого язычества, какъ мы это встрѣчаемъ въ литовско-латышскихъ дайнахъ ¹⁾ или въ классическій періодъ грековъ. Мы видимъ здѣсь еще, хотя чуть замѣтные, слѣды поэтическаго олицетворенія природныхъ началъ, именно неба, какъ оно вѣдь въ мифологіи употребительно, однако же не такъ, какъ оно совершается въ первыхъ стадіяхъ образованія, какъ я надѣюсь это изложить въ третьемъ томѣ при обработкѣ литовско-латышскихъ загадокъ.

Хотя по нашимъ пословицамъ Богъ оказывается, съ одной стороны, прямо какъ библейскій Богъ: „Отцемъ свѣта“, „подателемъ всѣхъ благъ“; дающимъ сіяніе солнца и дожди (ср. выше стр. 10, 2), зубы и хлѣбъ (тамъ же № 3); помогающимъ при рожденіи и возвращеніи (II, 5), при потерѣ и нахожденіи (II, 6); имѣющимъ больше заботъ, чѣмъ у людей (II, 7); съ которымъ нельзя спорить, ссориться (II, 8); съ которымъ — хорошо дѣлиться (II, 9) и съ которымъ соперничаетъ чортъ (II, 10) etc., съ другой же стороны нельзя отрицать, что замѣчаются здѣсь нѣкоторые представленія въ языческой окраскѣ, которыя, какъ общечеловѣческія, очень хорошо подходятъ и подъ христіанскія. Во-первыхъ, Богъ (Dievs) извѣстенъ какъ благотворительное существо уже въ литовско-латышской мифологіи, какъ и въ благословеніяхъ (ср. выше стр. 218, 13), онъ рядомъ съ Лаймою (богиня судьбы) помогаетъ при рожденіяхъ — ему жертвуютъ за то ²⁾, — къ нему враждебно относится его братъ Velns, (чортъ) ³⁾; во-вторыхъ однако выше упомянутыя Богомъ (Dievas, Dievs) данныя блага всѣ таковы, каковы оплодотворяющею, производящею силою неба, сіяніемъ солнца и дождемъ ниспадаютъ съ выси на об-

1) См. Очерки etc. I. Народныя пѣсни etc. — Ср. и Die Religion der Letten. Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft XX Bd. 2. Stück. Mitau, 1901, p. 229.

2) См. Die Religion der Letten p. 172.

3) Ibid. p. 172.

ширную землю, считаемую впрочемъ матерью рядомъ съ небеснымъ отцомъ, ниспадають съ древняго бога неба, еще миѳическаго понятія. Далѣе въ пословицахъ (10, 1 с.) стоитъ вмѣсто Бога (Dievs) небо (dangus, debess), что служитъ свидѣтельствомъ того, что здѣсь встрѣчаемое литовско-латышское божество точь въ точь соотвѣтствуетъ греческому Зевсу, царствующему въ эфирѣ богу неба и блеска этого, какъ и этимологически литовско-латышскій Dievs (Dėvs) тождественъ съ греческимъ *Ζεύς, Διός*, латинскимъ deus. Если я не ошибаюсь, то здѣсь мною описанный Dievs (Богъ) еще вполне тотъ же самый, какъ по латышскимъ народнымъ пѣснямъ В. Маннгардтъ его изобразилъ „als Gott des lichten Himmels“¹⁾. И такъ какъ въ латышской пословицѣ (10, 1 с) противопоставлена небу (debess) земля (zeme), то это можетъ соотвѣтствовать точно тому, что древняя греческая *Γαῖα* является рядомъ съ *Οὐρανός*, которые оба тоже не пластическіе образы, но миѳическія понятія. Очевидна здѣсь высокая древность сюда относящихся пословицъ. Латышскія пареміи (стр. 11, 4), можетъ быть, слагались въ то время, когда латыши были еще католиками, что вѣроятно ушная исповѣдь была причиною происхожденія этихъ пословицъ.

Saule (солнце), оказывающееся въ литовско-латышскихъ дайнахъ пластическою личностью, въ брахилогизмахъ предполагается, по меньшей мѣрѣ, особою. Такъ оно представляется очень долговѣчнымъ (въ пословицахъ стр. 88. — Солнце), что вѣроятно относится къ тому, что оно въ дайнахъ²⁾ фигурируетъ какъ дочь Бога (Dievo dukte). И въ ласкательныхъ словахъ (стр. 210, 30) оно играетъ прекрасную роль любимаго существа.

Мѣсяць (Menų, Mėness), встрѣчаемый въ дайнахъ³⁾ въ качествѣ супруга солнца (Saule) и возлюбленнаго утренней звѣзды (Aušrine), имѣетъ здѣсь въ парѣ ласкательныхъ словъ (стр. 206, 18) очень скромную роль.

Perkunas, Perkūns (богъ грома), тоже многократно воспѣваемый въ дайнахъ⁴⁾, встрѣчается здѣсь въ брахилогизмахъ, а именно въ проклинаніяхъ, какъ страшная (стр. 13, 7),

1) Ср. его Lettische Sonnenmythen p. 90 sq.

2) Ср. мои Очерки etc. стр. 23 и 24.

3) Ibid. p. 14 sq. и 25 sq.

4) Тамъ же.

могущественная (149, 1; 153, 28 и 154, 30) личность, которой даже боится ее братъ, могущественный Vells (Velnius, Velns, var. Jūds, черный ?); какъ божество (deivāitis), имѣющее эпитетъ въ литовскомъ švents (святой), въ латышскомъ миѣическія священныя числа deviņi (девять), trejdeviņi ') (трижды девять; стр. 149, 1) и къ распоряженію молнію, его призываютъ разгромить, наказать враговъ.

Vēlns, Velnius, Vels, Vils, лат. Velns, Vells, это — альтернати́и одного и того же миѣического существа, первично брата Dievs'a и Perkūns'a. Въ литовско-латышской миѣологии впрочемъ очень добродушное существо (ср. и выше стр. 13, 7), здѣсь, въ брахилогизмахъ, получало уже христіанскую окраску злого (стр. 11, 1; 11, 10; 12, 3 и 13, 4; 13, 5 и 6; 149, 2) и въ христіанской догматикѣ — понятіе абсолютнаго злого. Попытка этимологіи этого слова (vel-n-a-s || vel-nia-s, vel-s, лат. vel-n-s, vel-l-s) помѣщена въ первомъ томѣ (Очерки etc.)²⁾. Тетцнеръ говоритъ: Der Glaube an den Velns (Teufel) ist über das ganze litauische Sprachgebiet verbreitet³⁾.

Въ нѣкоторыхъ проклинаніяхъ (стр. 149, 2 и 150, 3) рядомъ съ Velns'омъ (deviņi Velli, девять чертей) упоминаются: лит. Rūpkis, лат. Piķis, Jupis, Jūds, Nelaime, лит. Magilos и Ak-latis. Срав. и ругательныя слова (стр. 197, № 202): Velns, Velnuks, Velnukštis, Vēlnuvā, лат. Velns, Vellens, Vellamāte etc.; еще лит. Biesas, Biesuks, Čarts, Čertas и т. п. Это все темныя, злыя силы, не пластичные образы, но еще темныя необъясненныя миѣическія понятія. Въ литовскомъ проклинаніи (стр. 149, 2. с.) стоятъ Velnai, Magilos (во множ. ч.) рядомъ съ богами (Dėvai). Подробнѣе о нихъ рѣчь была уже выше у проклинаній (стр. 353. — Ad 2). Сюда принадлежитъ и Nelabasis, лат. Nelabajs (стр. 153, 21; 177, 102), только смягченное обозначеніе чорта (Velns) и о немъ подробнѣе сообщено уже выше (стр. 355. — Ad 21). Если мы приведемъ здѣсь еще богиню смерти (Giltine), которая встрѣчается какъ въ пословицахъ (стр. 14—17), такъ и въ проклинаніяхъ (стр. 153, 25) и о которой подробнѣе рѣчь была уже выше (стр. 355. — Ad 25), то число встрѣчаемыхъ въ брахилогизмахъ злыхъ и темныхъ силъ смерти весьма комплектно. Pekle, elle (стр.

1) Тамъ же стр. 117, 118 и 119. — Ср. и выше стр. 348.

2) Ср. мои Очерки etc. I. Народн. пѣсни etc. стр. 128, 129 и 130.

3) Tetzner, Die Slaven in Deutschland p. 92.

154, 37 и 155, 38) уже — христiанскій адъ. Именно стр. 155, 38 напоминаетъ намъ объ описанномъ Данте адъ въ „Божественной комедiи“ (*Divina Commedia*). Жемайтск. *prāgaras* (бездна, адъ), лат. *pragars* (обжора, котораго нельзя насытить, стр. 185, 140), кажутся менѣе христiанизированными.

Laima (богиня судьбы, помощница при родахъ), о которой рѣчь была уже выше (ср. благословенiя, стр. 218, 13; стр. 392, 393 и 397 — *Ad 13*) съ католическихъ временъ называется часто *Марiею* (*Māra*). Какъ она въ мифологiи припоминается рядомъ съ Богомъ (*Dievs*), такъ и здѣсь (стр. 218, 13) она появляется рядомъ съ Богомъ (*Dievs*), раздавая дары, благословляя, помогая совѣтами и т. п. Подробныя изслѣдованiя о ней помѣщены въ первомъ томѣ¹⁾.

Aitvars || *Atvars*, *Pūkys* || *Pukis*, лат. *Pūķis* (змѣй, драконъ, стр. 141, 99-а; 143, 107 и 185, 143) — мифическое существо, вносящее богатство въ домъ (см. объясненiе у поговорокъ стр. 341. — *Ad 99-а*). Пасторъ Р. Аунингъ въ объемистой статьѣ „*Ueber den lettischen Drachen-Mythus (Puhķis). Ein Beitrag zur lettischen Mythologie*“²⁾ собралъ какъ источники, такъ и матеріалы, какъ-то: сказки, преданiя и народныя пѣсни, гдѣ о *Pūķis*’ѣ идетъ рѣчь и Д-ръ А. Биленштейнъ опубликовалъ „*Beitrag zur Kunde des lettischen Drachenmythus*“³⁾ по достопримѣчательному судебному протоколу 1631 г., полученному имъ отъ проф. Гаусмана весною 1892 г. Мифъ о драконѣ, повидимому, не принадлежитъ только индо-европейцамъ, но даже всему человѣчеству. Его знаютъ не только балты, славяне⁴⁾, германцы, но и многiя другiя родственныя и неродственные народности. Подъ почти равно гласящимъ названiемъ мы встрѣчаемъ его у балтовъ (*Pūkis*), нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, именно: нѣмцевъ, англичанъ и исландцевъ (*Puhki*, *Pūks*, *Puh* и *Puck*) и у эстовъ, принадлежащихъ къ угро-финско-монгольскому племени, у эстовъ какъ на материкѣ, такъ и на островѣ Эзелѣ (*Pūk* или *Puuk*). По Р. Ауningу эсты заимствовали слово *Pūķis*, хотя и не самого мифа,

1) Очерки etc. I. Народныя пѣсни, стр. 144 слѣд. — Срав. и мою статью „*Par likteņa deevibām jeb trim Laimiņām*“ въ *Rakstu krajums IX*.

2) См. *Magazin der Lett. Litter. Gesellschaft. XIX. Bdes erstes Stück.*

3) *Ibid. XIX. Bdes zweites Stück.*

4) А. Афанасьевъ „Поэтическія воззрѣнiя Славянъ на природу“, II 70 и 71; 333 и 360.

отъ своихъ индо-германскихъ сосѣдей¹⁾ и онъ того мнѣнія, что, какъ слово „Drache“ въ нѣмецкомъ заимствовано изъ греческаго, также слово „Pūks“ съ литовско-латышскаго. Уже то обстоятельство, что слово „Pūks“ (Pūki) встрѣчается только у одной части германскихъ племенъ, между тѣмъ какъ другая часть его вовсе не знаетъ, даетъ поводъ искать его происхожденіе у того народа, у котораго оно во всѣхъ мѣстахъ и преданіяхъ играетъ очень значительную роль. И это латышскій народъ²⁾. Такъ какъ имя греческаго дракона *Πύδων*, котораго Аполлонъ убилъ въ Дельфахъ, обыкновенно производится отъ глагола *πύδω*, то Аунингъ пытается произвести слово Pūkis, имя литовско-латышскаго дракона, отъ глагола, лит. *pūti*, лат. *pūt* (гнить), такъ какъ онъ тождественъ съ греч. *πύδω*, латинск. *pūtēre* и санскр. *pū* (сдувать, вонять, гнить), *putā* (гнилой). Только при этомъ дѣлаетъ Аунингу нѣкоторое затрудненіе суффиксъ *-kis* || *-ķis*. Однако, можетъ быть, что *-ķis* произошелъ изъ первичнаго *-tis* такъ же, какъ, напр., въ словѣ *kaķis* (котъ, кошка) изъ *katis* и еще чаще, гдѣ *t* вслѣдствіе палатальнаго *i* (въ *ti*) превращается въ *ķ*. Въ заключеніе говорить Аунингъ между прочимъ еще слѣдующее:

„Aber wenn wir von den etwaigen heterogenen Elementen im Pūkis-Mythus und von den etwaigen hie und da vorkommenden Schwankungen in den Vorstellungen von demselben absehen, so glauben wir auf Grund des uns vorliegenden Gesamtmaterials es als unser Schlussurtheil aussprechen zu müssen, dass wir in dem lettischen Pūkis-Mythus eine Combination der Drachen- und der Teufelssage sehen, wie sie sich hindurchzieht durch die ganze Menschheit, wie wir sie finden bei Chinesen und Japanesen, bei Aegyptern und Babyloniern, bei Indern und Persern, bei Griechen und Römern, bei Germanen und Slaven, überall da, wo uns Urkunden und Ueberlieferungen aus der älteren und ältesten Geschichte eines Volkes vorliegen“³⁾.

Aitvars || Atvars, можетъ быть, только проименованіе, эпитетъ къ Pukis. Нѣкоторое объ Aitvars'ѣ и Pukis'ѣ сообщаетъ и Д-ръ Тетцнеръ⁴⁾.

1) Ср. „Ueber den lettischen Drachen-Mythus“ p. 110.

2) Ibid. p. 112 sq.

3) Ibid. p. 118 и 119.

4) Въ Die Slawen in Deutschland p. 89 и 90.

Такъ какъ имѣется и комбинація или смѣшеніе мифа о драконѣ (Pūķis-Mythus) съ мифомъ о вѣдьмѣ (Ragana-Mythus¹⁾, то привожу здѣсь сейчасъ и вѣдьму (ragana, вѣдьма, чертовка, колдунья, фурия). Она называется и spīgana (воздушное явленіе, драконъ, вѣдьма, языческая богиня; *ta sēva ēt spīganās, raganās*, эта женщина занимается колдовствомъ), такъ какъ она и превращается въ огненное, блестящее воздушное явленіе, pūķis²⁾. Какъ по народному вѣрованію женщины могутъ превращаться въ драконовъ, такъ и вѣрятъ и рассказываютъ, что мужчины превращаются въ оборотней. Можетъ быть, что (стр. 198, № 205) лит. *vilkākis* и лат. *vilkacis* (волчье око, волчій глазъ) — народная этимологія словъ *vilkatas* и *vilkats*; нѣм. *Wehrwolf* || *Werwolf* (= *vir-wolf*, мужъ-волкъ), *Wergeld* (= *vir-geld*, т. е. искупительныя деньги, искупленіе за уби- таго мужа)³⁾.

Еще не объяснено понятіе *sumpurnis* (собачья морда, людоедъ; сказочное существо, стр. 195, № 191). Хотя этимологически это слово *sum-purnis* = *sup-purnis*, какъ лит. *šuniēs snūkis* (собачья морда, нѣм. *Hundsschnauze*) — прозрачно, однако не мифологически. Тѣмъ не менѣе мифическое, сказочное кроется въ немъ несомнѣнно. Вѣдь на ряду съ *sum-purnis* въ латышскихъ сказкахъ и преданіяхъ встрѣчаются *milzi* (великаны), *velni* (черти), *raganas* (вѣдьмы), *pūķi* (драконы) и *vilkāči* (оборотни)⁴⁾. Можетъ быть, что имѣемъ здѣсь дѣло съ подобными метаморфозами какъ выше у *pūķis* и *vilkatas*, только съ тою разницею, что здѣсь встрѣчается собачій образъ. Вѣдь *šūnakis* (стр. 195, 190 b) соотвѣтствуетъ совершенно по формѣ *vilkākis* (см. выше). Укажу и на загадочную, демоническую собаку въ Фаустѣ Гёте.

Это на счетъ догматики литовско-латышской религіи, сколько можно найти для нея въ нашихъ брахилогизмахъ. Ибо времена дня и года, играющія въ мифическомъ мышленіи и творествѣ большую роль, потеряли все мифическое въ нашихъ брахилогизмахъ, такъ, напр.: *diena* (день, стр. 89 и 221, 20) и *nakts* (ночь, стр. 221, 22), *ryts* (утро, стр. 89 и 220, 19) и *vakars* (вечеръ, стр. 89 и 221, 21), *vasara* (лѣто,

1) R. Auning ib. p. 110.

2) A. Bielenstein, Beitrag zur Kunde des lett. Drachenmythus p. 84.

3) Ibid. p. 83.

4) A. Lerch-Puschkaitis: „Latweeschu tautas Pasakas II.“ Митава, 1891.

стр. 91, 1 и 2) и žiema (тамъ же). Хотя оба, только что упомянутыя, времени года рядомъ съ весною (pavāsaris, стр. 90, 1) предоставляютъ въ относящихся сюда пословицахъ прекрасныя поэтическія картины, однако никакихъ миѣическихъ, и осень, дѣлающая листья рудыми (лит. rudd, лат. rudens), почти совершенно пропущена. Она менѣе характеристична и менѣе значительно касается жизни сѣверныхъ народовъ.

Когда мы обозрѣваемъ всѣ наши брахилогизмы миѣологическаго содержанія, тогда оказывается, что ихъ текущій, переменчивый характеръ указываетъ на ихъ глубокую древность, превосходящую непременно христіанизацию латышей и литовцевъ. Здѣсь замѣчаемая религія -- еще проективная, религія страха и ей соотвѣтствуетъ и изъ брахилогизмовъ результирующая этика. Она основывается здѣсь на страхѣ и надеждѣ¹⁾ или ясно выражается пословицею: Ko sau nenorī, to ir kitam nelinkēk; Ko pats negribi, tō nedari citam (Чего самъ себѣ не хочешь, того не дѣлай другому, стр. 43, 32).

Обращая наше вниманіе на сообщенія, мы конечно находимъ прежде всего упомянутыя пути, но они, повидимому, еще первобытныя, лѣсные, на которыхъ безъ путеводителей могутъ ориентироваться только нищія и волки, которымъ однимъ извѣстны всѣ уголки и норы (стр. 83, 3). Потомъ бываютъ ярмарки, куда уводятъ на продажу скотъ (стр. 110, 4). Знаютъ уже вообще товаръ (стр. 48, 42), который прежде всѣхъ господинъ пріобрѣтаетъ (стр. 80, 2). Хотя уже отличаютъ господина отъ холопа (стр. 80. 77) Господинъ и холопъ. 1.), однако же кажется, что различіе между ними еще шаткое (стр. 79. 33) Господинъ. 1.). Это относится непременно уже къ новому времени, когда собираются, чтобы слушать проповѣдь священника (стр. 81, 2) и издавна, кажется, священникъ — корыстолюбивъ; ибо его мѣшокъ глубокъ и съ дыроу, не приполнимъ (стр. 81, 1).

Въ древней пословицѣ: Devyni Gudai viena avina pjaucja (Девять Гудовъ закалываютъ одного барана, стр. 107. 44) Народности. 1.) Можно видѣть выраженіе балтійскаго національнаго самосознанія и чувства свободы. Интересно, что наши брахилогизмы, а именно пословицы, знаютъ всего лишь

1) См. мою Religion der Letten въ Magazin der lett. liter. Gesellschaft XX. Bd. 2. Stück.

четыре народности, какъ-то: Gudai (Гуды, Gudden ¹⁾, стр. 107), Leiži (литовцы, тамъ же), Vókētis, Vācētis (нѣмецъ, стр. 129, 3) и Žyds (жидъ, стр. 107). Тоже интересно узнать, что названія народовъ обыкновенно оказываются ругательными, значенія которыхъ могутъ мѣняться иногда по отношеніямъ. Такъ, напр., нѣмецъ (Vókētis, Vācētis) литовцу и латышу первоначально похититель, отъ vókti, vākt (убрать); теперь же Vācētis (нѣмецъ) латышу значитъ слабый человѣкъ, баловень. Также лат. Krievs (русскій) первичное обозначеніе только русскаго племени (кривичи), сдѣлалось впослѣдствіи какъ наименованіемъ русскихъ вообще, такъ и ругательнымъ словомъ, вѣроятно вслѣдствіе знакомства съ русскими солдатами. Говорятъ, напр.: ak tu Krievs (ахъ ты ужасный, грозный!); вступить въ военную службу — вульгарно по-латышски: ēt Krievōs. Латышу сосѣдній эстъ, Igaunis или Čuknis, для латыша превратный, темный, нечистый человѣкъ. И соплеменнаго литовца латышъ не пропускаетъ безъ насмѣшки, какъ это видно изъ уже выше приведенной пословицы: Devīpi Leiži vēnu gaili kauj (Девять литовцевъ закалываютъ одного пѣтуха, стр. 107). Кромѣ этого Leitis (литовецъ, собств. обитатель низменности) для латыша вообще неуклюжій, невѣжливый человѣкъ. Да, латышъ даетъ ругательныя имена не только чуждымъ и родственнымъ народамъ, но — вѣроятно вслѣдствіе ранняго прикрѣпленія къ глыбѣ — была одна волюсь противъ другой, одинъ сосѣдъ возставалъ противъ другого подобнымъ образомъ и снабжали другъ друга ругательствами. Что латышъ въ насмѣшкѣ и осмѣиваніи — мастеръ, объ этомъ свидѣтельствуетъ значительная часть его народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ вотъ одинъ примѣръ:

Сильны парни нашего дома:
 Пять изъ нихъ били одну вошь;
 Когда же они отдохнули отъ боя,
 Оказалось, что она еще жива.

Здѣсь — если упомянуть о томъ мимоходомъ — родъ поэзій Панчатантры, гдѣ низкія твари играютъ роль, и здѣсь выраженная насмѣшка гораздо сильнѣе той въ пословицѣ Devyni Gudai etc. Итакъ, уже давно служатъ насмѣшка и издѣвка

¹⁾ по Шлейхеру „polnische oder russische Bauern, Holzflösser; по Беценбергеру одно литовское племя.

орудіемъ въ борьбѣ противъ всякаго, вѣроятно уже съ того времени, когда по англійскому философу Гоббесу было паролемъ: *bellum omnium contra omnes*.

Заключение.

Жанъ Поль (Рихтеръ) говоритъ: *Die Sprache ist ein Wörterbuch verblichener Metaphern* и Фритцъ Бехтель сдѣлалъ это изреченіе девизомъ своей книги „*Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen. Ein Beitrag zur Bedeutungsgeschichte. Weimar, 1879.*“ Я же по всему въ этомъ моемъ трудѣ изложенному утверждаю, что языкъ не только словарь поблѣклыхъ, но теперь еще цвѣтушихъ, распускающихся, даже ежедневно вновь происходящихъ метафоръ, картинныхъ выраженій, аллегорическихъ рѣчей, какъ въ лучшемъ, такъ и въ худшемъ смыслѣ. Бехтель тоже говоритъ (тамъ же XIV): „*zwei entgegengesetzte strömungen durchziehen die sprache, das streben nach differenzierung und das andere nach uniformierung. heterogenes uniformirt sie nicht; nur das sucht sie in lautlichen einklang zu bringen, was durch ein begriffliches band zusammengehalten wird. letzteres aufzufinden — die ausgangspunkte der metaphern zu entdecken ist aufgabe der begriffsgeschichte.*“ Рядомъ съ этими двумя противоположными стремленіями я хотѣлъ бы поставить еще два также противоположныхъ стремленія, направленія, именно поэзію и прозу, или картинность и некартинность въ языкѣ. Жанъ-Поль говоритъ: *Ueberhaupt bildet und nährt die Prose ihre Sprachkraft an der Poesie; denn diese muss immer mit neuen Federn steigen, wenn die alten, die ihren Flügeln ausfallen, die Prose zum Schreiben nimmt. Wie diese aus Dichtkunst entstand, so wächst sie auch an ihr*¹⁾. Потомъ онъ тамъ же сравниваетъ богатство языка съ зеркальной комнатою, отражающей и живописующей со всѣхъ сторонъ.

Настоящая работа тоже показываетъ, что проза, даже языкъ вообще, произошли изъ поэзіи, поэтическаго творчества человѣческаго духа и пропитываютъ свою силу поэзіей. Передъ нами какъ народная, такъ и международная сокро-

¹⁾ См. *Vorschule der Aesthetik nebst einigen Vorlesungen in Leipzig über die Parteien der Zeit. Stuttgart und Tübingen, 1813, p. 675.*

вищница метафоръ, конкретныхъ коренныхъ словъ и образованій дальнѣйшихъ метафоръ изъ нихъ. Я считалъ своею задачею, и моимъ стремленіемъ и стараніемъ было выяснитъ какъ ихъ историческую, такъ и филологическую связь и ходъ развитія. И изъ этого стало яснымъ, что языкъ не только продуктъ необходимости, но и свободного творчества, искусства. И. Ф. Бехтель говоритъ: „die sprache aber redet nicht wie der mann der logik, sondern wie der poet“¹⁾. Однако и языкъ не совершенно безъ логики, но онъ имѣетъ свою собственную, какъ это именно явствуетъ изъ оборотовъ, идиотизмовъ, словомъ, изъ брахилогизмовъ.

Какимъ многостороннимъ изслѣдованіямъ могутъ служить брахилогизмы матеріаломъ и при томъ съ какихъ различныхъ точекъ зрѣнія можно обрабатывать ихъ, на это, между прочимъ, указываютъ и слѣдующія статьи новѣйшаго времени, какъ-то: Я. Кузнецова „Обязательное право въ пословицахъ и поговоркахъ русскаго народа“; — „Уголовное право по русскимъ пословицамъ“²⁾; — „Характеристика общественныхъ классовъ по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ“³⁾; — А. Ермолова „Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ“⁴⁾; — Е. О. Карскаго: „Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной поэзіи бѣлоруссовъ“⁵⁾; — Н. О. Высоцкаго: „Медицинскія воззрѣнія нашего народа въ пословицахъ и поговоркахъ“⁶⁾ и мн. др.

1) Fr. Bechtel ib p. 20.

2) См. Журн. Мин. Юстиціи. 1903 г.

3) „Живая старина.“ Выпускъ III. Спб. 1903.

4) См. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1903 г.

5) См. „Виленскій Временникъ.“ Изданіе Виленскаго генералъ-губернскаго управленія. Книга I и отдѣльно. I—X + 1—466. Вильна. 1904.

6) См. „Историческій Вѣстникъ“ (Іюль, Августъ и Сентябрь) 1903 г. Стр. 235.

ГЛИКОЗИДЫ.

ХИМИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ.

Магистра фармаціи

Ф. А. Курротъ.

Химикъ Т-ва В. К. Феррейнъ въ Москвѣ.

Оглавление.

	Стр.
Введение	3
Физическія и химическія свойства гликозидовъ	8
Синтетическіе гликозиды	13
Способы полученія синтетическихъ гликозидовъ	16
Синтетическіе гликозиды жирнаго ряда	17
Синтетическіе гликозиды ароматическаго ряда	34
Синтетическіе гликозиды гидроароматическаго ряда	46
Естественные гликозиды	48
Сапонины	252

Литература.

- Armstrong, Frankland, D. Sc. Ph. D. The simple Carbohydrates and the Glycosides, London 1910.
- Bayliss, W. M., D. Sc., F. R. S. The nature of Enzyme action, London 1910.
- Euler, H., Pflanzenchemie, Braunschweig 1908.
- Euler, H. und I. Lundberg, Die Glucoside, Biochemisches Handlexikon, Bnd II, 578, Berlin 1911.
- Jacobsen, Die Glycoside, Breslau 1887 (Ladenburg's Handwörterbuch d. Chemie, Art. Glycoside).
- Kobert, R., Beiträge zur Kenntniss der Saponinsubstanzen, Stuttgart 1904.
- Kobert, R., Die Saponine, Biochem. Handlexik., Bd. VII, 1, 145.
- Van Rijn, Die Glycoside, Berlin 1900.
- Ritsema und Sack, Index Phytochemicus, Amsterdam 1905.
- Roscoe und Schorlemmer, Lehrbuch d. Chemie, VIII. Organ. Chem, 578.
- Rupe, H. und H. Altenburg, Pflanzenfarbstoffe, Biochem. Handlexikon, Bd. VI, 23.
- Schmidt, E., Lehrb. d. Pharm. Chemie II.
- Журналы.
-

Введеніе.

Гликозиды суть своеобразныя химическія соединенія, вѣтрѣчающіяся почти исключительно въ растительныхъ организмахъ и распадающіяся подѣ вліяніемъ различныхъ агентовъ на углеводы (преимущественно гексозы, рѣже пентозы) и вещества, принадлежащія къ другимъ классамъ органическихъ соединеній и относящіяся какъ къ жирному, такъ и ароматическому ряду.

Со временемъ вошло въ употребленіе называть глюкозидами соединенія собственно глюкозы въ отличіе отъ рамнозидовъ, маннозидовъ и пр., между тѣмъ какъ названіе гликозидъ есть общее, групповое, обнимающее совокупность всѣхъ относящихся сюда соединеній.

Расщепленіе гликозидовъ совершается подѣ явленіемъ гидратаціи, т. е., распадаясь, они присоединяютъ элементы воды. Подѣ вліяніемъ одной воды гидратація идетъ медленнѣе; гораздо скорѣе расщепляются гликозиды при содѣйствіи способствующихъ гидратаціи веществъ, ферментовъ, обыкновенно находящихся совмѣстно съ ними въ растеніяхъ (но не въ одной и той же клѣткѣ съ гликозидомъ [Armstrong, l. c., 78]) или же веществъ неорганическихъ, какъ кислотъ, щелочей и т. д.

Большинство гликозидовъ расщепляется опредѣленными энзимами, какъ напр. находящійся въ горькомъ миндалѣ гликозидъ амигдалинъ распадается подѣ вліяніемъ эмульсина, но съ другой стороны тотъ же эмульсинъ расщепляетъ и гликозиды салицинъ, эскулинъ, кониферинъ и многіе другіе. Точно также и дѣйствіе различныхъ химическихъ соединеній, напр. кислотъ, на различные гликозиды неодинаково.

Ферменты, расщепляющие гликозиды, относятся какъ къ организованнымъ, такъ и къ неорганизованнымъ.

Неорганизованные ферменты или энзимы разсматриваются какъ органическіе катализаторы (Bayliss, l. c.). Катализаторами, какъ извѣстно, называются тѣла содѣйствующія ускоренію реакціи, причемъ они сами не претерпѣваютъ какихъ либо видимыхъ измѣненій и не принимаютъ видимаго участія въ реакціи. Отъ неорганическихъ катализаторовъ (какъ губчатая платина, кислоты, щелочи) энзимы отличаются тѣмъ, что разрушаются при нагреваніи, и дѣйствіе ихъ парализуется неорганическими и органическими ядами, какъ напр. фтористымъ натріемъ, сулемой, мышьяковистымъ ангидридомъ, хлороформомъ, феноломъ, тимоломъ и т. д. Это свойство имѣетъ нѣкоторое значеніе для выдѣленія гликозидовъ.

Энзимы представляютъ вещества неизвѣстнаго строенія относящіяся къ коллоидамъ, и по ихъ дѣйствію подраздѣляются на нѣсколько классовъ, какъ: гидролитическіе, протеолитическіе, коагулирующіе, бродильные или цимазы, оксидазы и каталазы. Наибольшій интересъ въ данномъ случаѣ представляютъ энзимы гидролитическіе, т. е. расщепляющіе гликозиды, углеводы и пр. соединенія, присоединяя элементы воды. Къ такимъ энзимамъ принадлежитъ, напр., весьма распространенный въ растительномъ царствѣ эмульсинъ.

Эмульсинъ встрѣчается не только во многихъ семействахъ явнобрачныхъ, но по изслѣдованіямъ Heut'a (Arch. Pharm. 239, 581) и въ тайнобрачныхъ. Этимъ авторомъ, напр., было доказано присутствіе эмульсина въ лишаяхъ *Peltigera*, *Cladonia*, *Imbricaria*, *Parmelia*, *Xantoria* и въ грибахъ сем. *Polyporaceae*; Fermi и Montesano (Centralbl. f. Bacter. 1 Abt., 15, 1) нашли его и въ бактеріяхъ.

Для добыванія эмульсина удобнѣе всего пользоваться обезжиренными миндальными сѣменами. Превращенный въ порошокъ миндаль извлекаютъ хлороформенной водой при 10—20°, полученную вытяжку затѣмъ осаждаютъ равнымъ объемомъ спирта. Осадокъ повторно промываютъ спиртомъ и высушиваютъ при низкой температурѣ. Выдѣленный такимъ образомъ эмульсинъ представляетъ бѣлый порошокъ, довольно легко растворимый въ водѣ и вращающій плоск. поляр. влѣво. Съ орциномъ и соляной кислотой даетъ фіолетовое

окрашивание, съ Миллоновымъ реактивомъ оранжево-красное. Optimum дѣйствія эмульсина при 45—55°. При нагрѣваніи воднаго раствора эмульсина на 70°, послѣдній теряетъ гидролизующее дѣйствіе.

Эмульсинъ не представляетъ, однако, однородное соединеніе. По изслѣдованіямъ Н. Е. и Е. F. Armstrong'a и Harton'a (Proc. Roy. Soc. 80, 32 [1908]) и Caldwell'я и Courtauld'a (Proc. Roy. Soc. 97, 350 [1907]) онъ состоитъ изъ трехъ энзимовъ: β -глюкозидазъ, расщепляющій β -глюкозиды, лактазъ — гидролизующій молочный сахаръ и амигдалазъ.

Въ виду той важности, которую эмульсинъ имѣетъ при изученіи гликозидовъ, мы должны ближе познакомиться съ его свойствами. Онъ представляетъ средство для характеристики гликозидовъ. На основаніи многочисленныхъ работъ по этому вопросу Bourquelot и Hérissé (1908) установили положеніе: „Всѣ гликозиды, расщепляемые эмульсиномъ, суть дериваты d-глюкозы и вращаютъ плоскость поляризации влѣво.“ Это предположеніе оправдывается свойствами всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ гликозидовъ.

Для изученія и характеристики гликозидовъ, расщепляемыхъ эмульсиномъ, пользуются способомъ Bourquelot. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Свѣжія части растений послѣ размельченія сейчасъ-же смѣшиваютъ съ 90% спиртомъ и смѣсь кипятятъ въ продолженіе 20 минутъ, потомъ фильтруютъ; фильтратъ освобождаютъ отъ спирта выпариваніемъ, а остатокъ смѣшиваютъ съ воднымъ растворомъ тимола. Полученную жидкость дѣлятъ на двѣ части: послѣ прибавленія къ одной изъ нихъ эмульсина обѣ порціи оставляютъ стоять отъ 24—48 часовъ (или дольше) при 25—30°. Потомъ, послѣ предварительной очистки, опредѣляютъ вращательную способность обоихъ растворовъ. Если испытуемое растеніе содержало гликозидъ, то въ порціи съ эмульсиномъ замѣчается обратное вращеніе (чѣмъ въ контрольной) вправо. Чтобы узнать, представляетъ ли данный гликозидъ вещество уже извѣстное или нѣтъ, стоитъ только узнать отношеніе между обратнымъ вращеніемъ подъ вліяніемъ эмульсина и опредѣлить количество образовавшейся при гидратации глюкозы. Это отношеніе, т. е. количество глюкозы q, образованіе которой въ 100 куб. сант. жидкости въ случаѣ извѣст-

наго гликозида отвѣчаетъ обратному вращенію на 1^0 опредѣляется по слѣдующей формулѣ:

$$q = \frac{100 g}{2 R m + 105 g}$$

гдѣ m = частичный вѣсъ гликозида, g = вѣсъ глюкозы, образованной одной частицей глюкозида, R = вращающая способность глюкозида. Эта величина q составляетъ для: амигдалина = 0,490 глюкозида нитрила миндальной кислоты = 0,517, арбутина = 0,144, кониферина = 0,278, генціопикрина = 0,111, пицэина = 0,261, пруляуразина = 0,358, самбунигринина = 0,281, сирингина = 0,570. Методъ Bouguelot непримѣнимъ только въ томъ случаѣ, когда одна и таже часть растенія содержитъ нѣсколько глюкозидовъ, расщепляемыхъ эмульсиномъ, или если цифры, выражающія отношенія q , равны или почти равны. Въ такихъ случаяхъ о свойствахъ неизвѣстнаго гликозида судятъ по явленіямъ, сопровождающимъ броженіе отщепленнаго при гидратациі сахара.

Другой важный гидролитическій энзимъ представляетъ мирозинъ, характерный для крестоцвѣтныхъ и родственныхъ съ послѣдними семействъ Capparidaceae, Resedaceae, Tropeolaceae, Caricaceae (Euler. l. c.) и т. д. Мирозинъ расщепляетъ гликозиды, дающіе горчичныя масла.

Кромѣ эмульсина и мирозина важное значеніе для опредѣленія свойствъ нѣкоторыхъ гликозидовъ имѣетъ принадлежащій къ бродильнымъ энзимамъ такъ наз. дрожжевой энзимъ. Употребляется этотъ энзимъ въ видѣ вытяжки изъ пивныхъ дрожжей.

По Van Rijn (l. c. 22) высушенные и хорошо растертыя пивныя дрожжи смѣшиваютъ съ 20 чч. воды и оставляютъ стоять въ продолженіе 20 часовъ при $30 - 35^0$. Потомъ фильтруютъ. Фильтратъ содержитъ, повидимому, два энзима: инвертинъ и дрожжевой глюказъ (Glucose). Инвертинъ можетъ быть удаленъ изъ смѣси осаждая его спиртомъ. Чистый инвертинъ гликозидовъ не расщепляетъ, слѣдовательно гидролизующее дѣйствіе дрожжевой вытяжки должно приписывать глюказу. По Hérissey дрожжевой энзимъ получается растираніемъ свѣжихъ пивныхъ дрожжей съ 40 чч. воды. Смѣсь оставляютъ въ продолженіе 5—6 часовъ; жидкость сливаютъ, а остатокъ промываютъ и сушатъ при $33 - 34^0$.

Этотъ продуктъ расщепляетъ изоамигдалинъ на d-глюкозу и пруляуразинъ.

Что касается дѣйствія организованныхъ ферментовъ, то нѣкоторые гликозиды расщепляются ими различно, какъ напр. разными видами плѣсневыхъ грибовъ. Мицелій грибовъ всасываетъ глюкозу, а прочіе продукты распада (особенно производныя бензоловыхъ углеводовъ) остаются или въ неизмѣненномъ видѣ, или же послѣ дальнѣйшаго превращенія всасываются организмомъ грибка и идутъ для питанія его. Микробы разлагаютъ гликозиды иначе чѣмъ энзимы; амигдалинъ, напр., подѣ дѣйствіемъ энзимовъ расщепляется на глюкозу, бензойный альдегидъ и синильную кислоту, подѣ дѣйствіемъ же организованныхъ ферментовъ двухъ послѣднихъ продуктовъ разложенія не получается.

Въ животномъ организмѣ гликозиды также расщепляются подѣ вліяніемъ выдѣленныхъ имъ ферментовъ и кислотъ: птіалиномъ слюны, при молочно кисломъ броженіи въ желудкѣ, панкреатическимъ сокомъ въ тонкихъ кишкахъ и гниловыми и бродильными процессами въ толстой кишкѣ; тамъ распадаются напр. гликозиды амигдалинъ и салицинъ. Энзимы печени тоже въ состояніи разлагать нѣкоторые гликозиды, какъ арбутинъ, амигдалинъ, сапотоксинъ; пепсинъ и панкреатинъ на перечисленные гликозиды, повидимому, вліянія не имѣютъ (Goppertmann).

Что касается расщепляющаго дѣйствія нѣкоторыхъ бактерий, то названнымъ авторомъ было доказано таковое для арбутина, амигдалина и сапотоксина подѣ вліяніемъ *Bacillus subtilissimus* и *tetaniformis*.

Указавъ на дѣйствіе нѣкоторыхъ организованныхъ и неорганизованныхъ ферментовъ на гликозиды, перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ расщепляющихъ агентовъ.

Такъ, для расщепленія нѣкоторыхъ гликозидовъ достаточно кипяченія ихъ съ водой (иногда подѣ давленіемъ) или дѣйствія болѣе сильныхъ органическихъ кислотъ, какъ шавелевой, лимонной; разведенныя неорганическія кислоты, какъ сѣрная и соляная расщепляютъ, особенно при нагрѣваніи, почти всѣ гликозиды. Нагрѣваніемъ на 200° и выше гликозиды распадаются на ангидриды углеводовъ (напр. изъ глюкозы — глюкозанъ) и другія вещества.

Электрическій токъ также разлагаетъ нѣкоторые гли-

козиды, причемъ на положительномъ полюсѣ выделяется глюкоза, угольный ангидридъ и окись углерода, а на отрицательномъ — прочія составныя части или ихъ продукты распада.

Вторую группу продуктовъ распада гликозидовъ т. е. аглюконную, представляютъ вещества весьма различнаго характера, извѣстнаго и неизвѣстнаго состава.

Физическія и химическія свойства гликозидовъ.

Гликозиды представляютъ твердыя нелетучія соединенія, получаемыя послѣ надлежащей обработки большею частью въ кристаллическомъ, рѣже въ аморфномъ видѣ; они растворимы въ водѣ и спиртѣ, трудно въ эфирѣ. Большинство гликозидовъ обладаетъ нейтральной реакціей; но бываютъ и гликозиды съ ясновыраженной щелочной или кислой реакціей. Къ первой группѣ относятся гликоалкалоиды, какъ напр. солянинъ, считающійся издавна алкалоидомъ и имѣющій всѣ признаки основанія, а къ второй — мироновая кислота, показывающая всѣ свойства кислоты.

Многіе гликозиды возстановляютъ фелинговую жидкость; на амміачный растворъ серебра они дѣйствуютъ возстановляюще только послѣ прибавленія къ этому раствору ѣдкаго натра (подобно тростниковому сахару и манниту).

При нагреваніи съ разведеннымъ растворомъ желчныхъ кислотъ и крѣпкой сѣрной кислотой смѣсь окрашивается въ красный цвѣтъ (реакція Pettenkofer'a); эту реакцію даютъ однако лишь глюкозиды — т. е. производныя глюкозы.

Мнѣнія о химическомъ строеніи гликозидовъ расходятся пока въ деталяхъ. Для разъясненія этихъ вопросовъ имѣютъ особенное значеніе синтезы гликозидовъ. Начиная съ Schützenberger'a, который первый дѣлалъ попытку синтеза (во второй половинѣ прошлаго столѣтія) были впоследствии произведены многіе опыты искусственнаго ихъ полученія, приведшіе наконецъ къ полученію значительнаго количества веществъ, весьма сходныхъ съ естественными гликозидами. Упомянутый выше Schützenberger (Ann. Chem. Pharm. 160, 95 [1871]) дѣйствовалъ триацетилглюкозой на свинцовое соединеніе салигенина при высокой температурѣ и получилъ аморфное соединеніе, которое расщеплялось разведенной сѣрной кислотой на глюкозу и салиретинъ. Но салиретинъ

Schützenberger'a не былъ во всѣхъ отношеніяхъ тождественъ съ естественнымъ салиретиномъ изъ салицина ивовой коры. Michael (1879) получилъ кристаллическій фенолглюкозидъ, потомъ гелицинъ, весьма похожій на естественный салицинъ. Въ новѣйшее время надъ синтезомъ гликозидовъ работали Emil Fischer, Irvine, Moodie и многіе другіе.

На основаніи аналитическихъ и синтетическихъ изслѣдованій гликозиды разсматриваются какъ эфиры сахаристыхъ веществъ, это подтверждается и тѣмъ, что при расщепленіи они присоединяютъ элементы воды подобно эфирамъ. Указанія нѣкоторыхъ изслѣдователей, о существованіи такихъ гликозидовъ, которые распадаясь не присоединяютъ воды, оказались невѣрными, такъ какъ точными опытами доказано, что въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ кристаллизационная вода, содержащаяся въ гликозидѣ. Дѣйствительно, Gadamer показалъ для синигрина составъ $C_{10}H_{16}NS_2KO_9 + H_2O$, а не $C_{10}H_{18}NS_2KO_{10}$ какъ писали прежде. Тоже самое было доказано и для рубіетриновой кислоты.

Хотя гликозиды и считаются эфирами сахаристыхъ веществъ, но въ какомъ именно видѣ остатокъ углевода входитъ въ составъ ихъ, пока точно не установлено. Способность вступать въ соединеніе съ гидроксиламиномъ и фенилгидразиномъ, а равно реакціи возстановленія нѣкоторыхъ гликозидовъ говорятъ въ пользу присутствія въ нихъ альдегиднаго или кетоннаго остатка; но съ другой стороны извѣстны гликозиды, у которыхъ отсутствуютъ альдегидныя и кетонныя реакціи. Этихъ послѣднихъ Scraup, Fischer и Marchlewsky разсматриваютъ какъ гидраты альдегидъ и кетозъ, содержащихъ сахаристый остатокъ въ видѣ семиатомнаго спирта $C_6H_{14}O_7$, отвѣчающаго гидратамъ альдегидовъ и кетоновъ.

Гликозиды, какъ намъ уже извѣстно, не всегда даютъ глюкозы при гидратации; нѣкоторые, какъ напр. кверцетинъ и рутинъ даютъ изодульцитъ, рамнозу, и называются поэтому рамнозидами, гесперидинъ — рамнозу съ глюкозой (рамноглюкозидъ), а хиновинъ — хиновозу. Хиновинъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что при расщепленіи спиртовымъ растворомъ HCl даетъ во время реакціи такъ наз. вторичный гликозидъ хиновитъ, представляющій сочетаніе спирта съ хиновозой. Такіе вторичные гликозиды получаютъ нерѣдко и образованіе ихъ происходитъ такъ легко, что существуетъ мнѣніе, что наши

„горькія“ и „индифферентныя“ вещества ничто иное, какъ продукты распада какихъ либо неизвѣстныхъ, легко расщепляющихся первичныхъ соединеній; могутъ же разлагаться такія вещества уже въ живомъ растительномъ организмѣ, или во время добыванія. Примѣромъ такихъ соединеній можетъ служить гликозидъ, носящій теперь названіе псевдофрангулина и который оказался продуктомъ распада первичнаго гликозида франгулевой кислоты.

Способы добыванія естественныхъ гликозидовъ, основанные на физическихъ и химическихъ ихъ свойствахъ, усложняются тѣмъ, что вмѣстѣ съ гликозидами въ растеніяхъ находятся и разлагающія ихъ ферменты; непостоянство же самихъ гликозидовъ исключаетъ энергичные растворители. Разлагающее дѣйствіе ферментовъ устраняютъ умѣреннымъ нагреваніемъ объекта, при чемъ гликозиды остаются безъ измѣненія, а ферменты свертываются. Van Rijn предлагаетъ для этой цѣли слѣдующій способъ.

Обращенныя въ порошокъ растительныя вещества нагреваютъ на водяной банѣ отъ 70—80°, обливаютъ водой въ 70—90° и оставляютъ на нѣкоторое время при 70—80°. Для извлеченія гликозидовъ употребляется вода или этиловый спиртъ, смотря по свойствамъ даннаго матеріала. Вытяжки освобождаютъ отъ дубильныхъ веществъ и органическихъ кислотъ осажденіемъ основной уксусносвинцовой солью; изъ фильтрата удаляютъ избытокъ свинцовой соли сѣроводородомъ или сѣрнокислымъ натріемъ. Отъ красящихъ веществъ освобождаются фильтрованіемъ черезъ животный уголь; наконецъ, очищенную такимъ образомъ жидкость выпариваютъ для кристаллизаціи.

Чтобы предохранить гликозиды во время приготовленія отъ разложенія кислотами и энзимами, Bourquelot усредняетъ растительныя вещества углекислымъ кальціемъ и кипяченіемъ съ крѣпкимъ спиртомъ уничтожаетъ расщепляющую способность энзимовъ. Сами гликозиды извлекаются кипящимъ уксуснымъ эфиромъ.

Наконецъ, для осажденія и выдѣленія гликозидовъ употребляются еще соли свинца. Уксуснокислыя соли свинца различной основности даютъ возможность пользоваться фракціонированнымъ осажденіемъ. При этомъ нужно избѣгать большаго избытка основной уксусносвинцовой соли, такъ

какъ избытокъ этого реактива можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовать обратному растворенію образовавшагося осадка. Съ другой стороны, отъ основной уксусносвинцовой соли осадка иногда совсѣмъ не получается, если передъ тѣмъ было произведено фракціонированное осажденіе нейтральной солью свинца, и въ растворѣ остался избытокъ этой послѣдней. Точно такъ, при дѣйствіи основной соли, полученной смѣшеніемъ раствора уксуснокислаго свинца съ амміакомъ, избытокъ послѣдняго вредно вліяетъ на процессъ осажденія. Въмѣсто того, чтобы употреблять уксуснокислый свинецъ Meillère (1907) предлагаетъ пользоваться азотнокислой солью, не дающей такихъ осложнений или, еще лучше, осаждавать уксуснокислыми солями мѣди. Осадки образуются легче при нагрѣваніи и ихъ легко освобождать отъ мѣди сѣроводородомъ. Осажденія производятся въ трехъ отдѣльных фракціяхъ; сперва въ кислой уксуснокислой средѣ, затѣмъ въ нейтральной и, наконецъ, въ амміачной.

Кромѣ этихъ общихъ способовъ добыванія гликозидовъ существуютъ еще спеціальные методы, которые будутъ указаны при описаніи отдѣльныхъ представителей.

Количественное опредѣленіе гликозидовъ, химическій составъ которыхъ извѣстенъ, не представляетъ особыхъ трудностей. Для этого поступаютъ такъ, что расщепляютъ данный гликозидъ въ водной вытяжкѣ изъ самого растенія или какого нибудь его препарата, а образовавшійся при разложеніи любой изъ продуктовъ распада опредѣляютъ, и по количеству его вычисляютъ гликозидъ. Біохимическій способъ количественнаго опредѣленія гликозидовъ по Bourquelot состоитъ въ томъ, что полученный при расщепленіи гликозида энзимомъ сахаръ опредѣляютъ количественно.

Роль, которую гликозиды играютъ въ организмѣ растеній, еще недостаточно выяснена. Rochleder полагаетъ, что они представляютъ матеріалъ, изъ котораго организмъ растеній приготовляетъ глюкозу посредствомъ ферментовъ. Противъ такого мнѣнія высказался Sachs, указывая, что если бы гликозиды представляли первичный продуктъ ассимиляціи, ихъ мѣстонахожденіе должно быть въ зеленыхъ частяхъ растенія, между тѣмъ какъ они находятся въ болѣе отдаленныхъ, содержащихъ запасы, органахъ. Болѣе новыя изслѣ-

дованія Brummer'a и Chouard показали, что въ зеленыхъ частяхъ растеній въ самомъ дѣлѣ находится гликозидъ глюкочантарная кислота; открытіе это доказываетъ, что гликозиды надо причислять къ первичнымъ продуктамъ ассимиляціи; съ другой стороны нахожденіе глюкочантарной кислоты въ этіолированныхъ растеніяхъ, выращенныхъ изъ сѣмянъ, не содержащихъ гликозида, служить доказательствомъ того, что гликозиды представляютъ и продукты обмѣна веществъ. Для объясненія подобныхъ явленій достаточно принять во вниманіе, что растенія суть живыя существа съ протоплазмой, реагирующей на жизненные раздраженія и имѣющей способность анализировать и синтезировать самыя сложныя химическія соединенія по мѣрѣ надобности.

При настоящемъ состояніи ученія о гликозидахъ затруднительно дать какую либо удобную ихъ классификацію, такъ какъ ни ботаническая ни химическая не могутъ быть признаны во всѣхъ отношеніяхъ совершенными. Поэтому при дальнѣйшемъ описаніи отдѣльныхъ гликозидовъ мы рассмотримъ сперва важнѣйшія изъ извѣстныхъ пока искусственныхъ представителей, такъ какъ не только способы синтеза ихъ, но и точно установленныя структурныя формулы даютъ намъ нѣкоторыя указанія о составѣ и особенностяхъ естественныхъ соединеній.

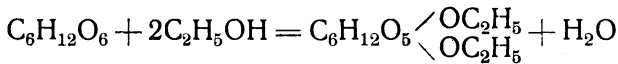
Затѣмъ будутъ изложены естественныя гликозиды.

Синтетическіе гликозиды.

Синтетическіе гликозиды представляютъ вещества безцвѣтныя, рѣдко окрашенныя, кристаллическія, или аморфныя, или жидкія, легко растворимыя въ водѣ, трудно въ крѣпкомъ спиртѣ и нерастворимыя въ эфирѣ. Соединенія метилового спирта отличаются сладкимъ, а соединенія бензолового спирта сильно горькимъ вкусомъ. Мнѣнія о строеніи этихъ гликозидовъ пока еще не установились. Старое опредѣленіе гликозидовъ какъ производныхъ, дающихъ при расщепленіи пентозы и гексозы, не примѣнимо въ многихъ отношеніяхъ; гораздо правильнѣе было бы разсматривать ихъ какъ производныя гидратовъ альдегидовъ и кетоновъ. Rosenthaler (Pharm. Centralhalle **48**, 949 [1907] разсматриваетъ гликозиды какъ соединенія углеводовъ съ органическими частицами неуглеводами или аглюконами и раздѣляетъ ихъ на группы согласно строенію этихъ аглюконовъ. Послѣдніе группируются на азотсодержащіе, не содержащіе азота и содержащіе и азотъ и сѣру. Дальнѣйшее подраздѣленіе ихъ основано на строеніе аглюконовъ: алифатическіе, ароматическіе, гидроциклическіе и гетероциклическіе. Затрудненіе представляетъ классификація соединений, имѣющихъ аглюконы сложные.

По свойствамъ физическимъ и химическимъ синтетическіе гликозиды имѣютъ большое сходство съ естественными, отличаясь отъ послѣднихъ отсутствіемъ реакціи возстановленія фелинговой жидкости и еще тѣмъ, что не вступаютъ въ соединеніе съ фенилгидразиномъ. Послѣднія два обстоятельства доказываютъ, что сахаристый остатокъ въ синтетическихъ гликозидахъ не имѣетъ альдегиднаго свойства;

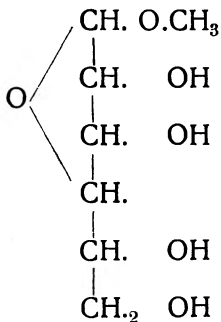
Fischer поэтому полагаетъ, что альдегидная группа сочетана съ алкиломъ на подобіе ацеталовъ, продуктовъ присоединенія спиртовъ къ альдегидамъ; напр.:

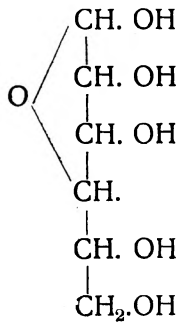
этилацеталь глюкозы.

Но, такъ какъ въ отличіе отъ истинныхъ ацеталовъ въ гликозидахъ происходитъ присоединеніе одной только частицы спирта, то въ реакціи должна участвовать еще одна алько-гольная группа частицы углевода, образуя т. н. внутримолекулярную эфирную группу. Въ виду того, что нѣкоторыя ха-рактерныя реакціи, какъ напр. образованіе оссазоновъ за-висятъ отъ группы CO . CH . OH , то было основаніе предпо-лагать, что содержащійся въ этой группѣ гидроксиль участ-вуетъ при образованіи гликозидовъ. Для доказательства Fischer дѣйствовалъ спиртовой соляной кислотой на два ке-тоновыхъ спирта, содержащихъ группу CO . CH . OH , а именно бензоилкарбиноль $\text{C}_6\text{H}_5\text{COCH}_2\text{OH}$ и бензоинъ $\text{C}_6\text{H}_5\text{COCH}(\text{OH})\text{C}_6\text{H}_5$. (Ber. Deut. Chem. Ges. 26, III, 2412 [1893]).

Полученные продукты не имѣли однако гликозидныхъ свойствъ. Одна только группа $\text{CO}.\text{CH}_2\text{OH}$ поэтому оказалась недостаточной для реакціи образованія гликозидовъ. Если же въ реакціи участвуетъ еще другой гидроксилъ углевода, то по всей вѣроятности это долженъ быть гидроксилъ, находящійся въ γ — положеніи относительно альдегидной или кетонной группы. Структурная формула метилглюкозида Fischer'a соотвѣтствуетъ формулѣ глюкозы, найденной Толленсомъ:

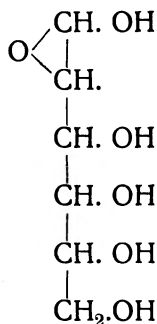
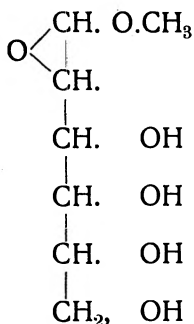

метилглюкозидъ Fischer'a

формула глюкозы по Tollens'у.

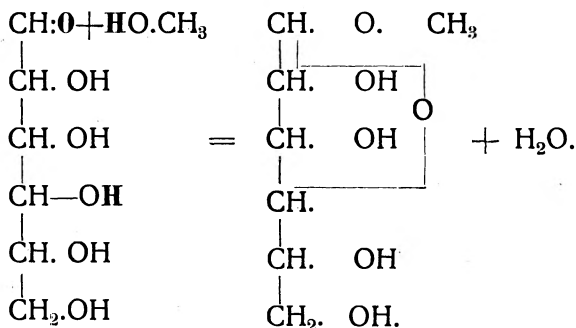
Установленная же Marchlewski'мъ (Ber. Deut. Chem. Ges. 26, III, 2928 [1893], тамъ же 28, II, 1622 [1895]) гликозидная формула соответствуетъ формулѣ глюкозы, найденной Scaup'омъ:

Метилглюкозидъ Marchlewski'аго формула глюкозы по Scaup'у.

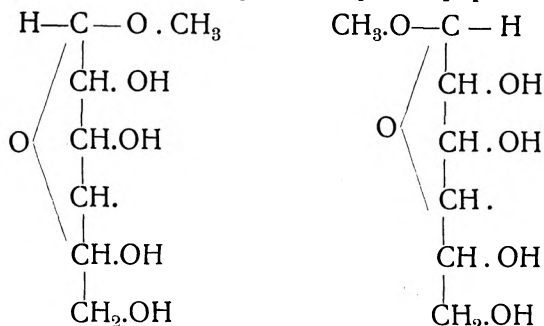
Marchlewski далъ своей формулѣ предпочтеніе въ виду того, что она будто-бы выражаетъ наряднѣе неспособность гликозидовъ вступать въ реакцію съ фенилгидразиномъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ Fischer (Ber. Deut. Chem. Ges. 28, I, 1147 [1895]) даетъ подтвержденіе первоначальныхъ своихъ взглядовъ, основываясь на образованіи изъ глюкозъ оссазоновыхъ соединенийъ, на стереохимическихъ представленіяхъ, на отношеніи углеводовъ и гликозидовъ къ энзимамъ, къ химическимъ агентамъ и пр.

Образованіе метилглюкозида по Fischer'у совершается поэтому слѣдующимъ образомъ:

При превращеніи альдегидной группы въ несимметрическое ацеталовое соединеніе углеродъ ея сталъ ассиметричнымъ и вслѣдствіе того можно ожидать образованіе двухъ алкилгликозидовъ. Въ самомъ дѣлѣ извѣстны два: α и β — соединеніе. Образуются они всегда совмѣстно, причемъ α —

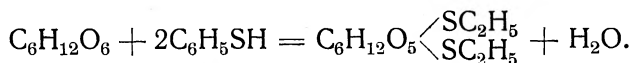
соединение преобладаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они представляютъ двѣ возможныя стереоизомерныя формы:

Подобныя стереоизомеры получены и отъ метил-1-глюкозида, метилгалактозида и пр.

Энзимы дѣйствуютъ различнымъ образомъ на эти стереоизомерныя соединения, α -метилглюкозидъ, напр., легко гидратируется дрожжевымъ энзимомъ, эмульсиномъ напротивъ не расщепляется. При β -изомерѣ отношенія какъ разъ обратныя.

При нѣкоторыхъ условіяхъ получаютъ соединенія состоящія изъ одной частицы сахара и двухъ частицъ спирта, представляющія слѣдовательно истинныя ацеталы; такъ какъ они легко распадаются на соотвѣтствующіе алкилгликозиды и спиртъ, то Fischer принимаетъ, что они представляютъ вообще первичные продукты реакціи образованія искусственныхъ гликозидовъ. Съ ними аналогичны меркапталы, представляющіе продукты присоединенія двухъ частицъ меркаптана къ глюкозѣ, какъ напр. этилмеркапталъ глюкозы:

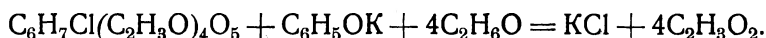

Способы полученія синтетическихъ гликозидовъ.

Е. Fischer выработалъ слѣдующіе два общихъ способа, посредствомъ которыхъ въ настоящее время возможно присоединять разные спирты, меркаптаны, кетоны, многоатомные фенолы и пр. къ моносахаридамъ.

Первый, болѣе старый способъ состоитъ въ томъ что на растворъ глюкозы въ спиртѣ, напр. метиловомъ, дѣйствуютъ газообразнымъ хлористымъ водородомъ; изъ жидкости выдѣляется кристаллическій метилглюкозидъ $\text{C}_6\text{H}_{11}\text{O}_6\text{CH}_3$.

По второму, лучшему, способу, вмѣсто газообразнаго хлористаго водорода примѣняется сильно разведенная соляная кислота (0,25%) и реакція ускоряется нагрѣваніемъ. Преимущество этого способа состоитъ въ томъ, что отъ меньшаго количества употребляемой при этомъ соляной кислоты легче избавиться. Кромѣ способовъ Fischer'a для синтеза гликозидовъ (особенно одноатомныхъ феноловъ) пользуются вышеупомянутымъ способомъ Michael (1881 г.). Способъ этотъ, представляющій видоизмѣненіе метода Schützenberger'a состоитъ въ томъ, что дѣйствуютъ такъ наз. ацетохлоргидрозои на феноляты въ спиртовомъ растворѣ. Реакція происходитъ слѣдующимъ образомъ:

$C_2H_5 + C_6H_5O.C_6H_{11}O_5 =$ фенолглюкозидъ, изомеръ, салицина.

Описываемые ниже синтетическіе гликозиды мы подраздѣляемъ на три главные группы:

1. Соединенія жирнаго ряда.
2. Соединенія ароматическаго ряда.
3. Соединенія гидроароматическаго ряда.

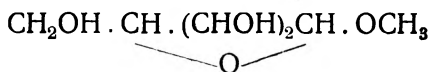
Каждая группа въ свою очередь подраздѣляется на подгруппы, какъ то: соединенія спиртовъ, альдегидовъ и пр., а въ каждой подгруппѣ отдѣльные гликозиды располагаются такимъ образомъ, что сперва разсматриваются производныя пентозъ, затѣмъ альдозъ, кетозъ и, наконецъ, біозъ.

А. Синтетическіе гликозиды жирнаго ряда.

1. Соединенія одноатомныхъ спиртовъ

а) съ пентозами.

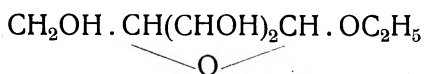
1 - Метиларабинозидъ

представляетъ (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2400 [1893], 28, 1145 [1895]) листочки или иголки, легко растворимыя въ водѣ,

почти нерастворимыя въ эфирѣ. Плавится при 169—176° и имѣетъ сладкій вкусъ. Разведенныя кислоты расщепляютъ на компоненты.

Этиларабинозидъ

выдѣляется (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2400 [1893]) въ видѣ безцвѣтныхъ звѣздчатыхъ иголочекъ при смѣшиваніи раствора изъ 20 гр. арабинозы въ 15 гр. воды съ 120 гр. насыщенной на холоду этилохлористо водородной кислотой. Этиларабинозидъ плавится при 132—135° и легко растворимъ въ водѣ и горячемъ спиртѣ; обладаетъ сладкимъ вкусомъ.

α и β Метилксилозиды

получаются (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 1145 [1895]) вмѣстѣ по общему способу добыванія. α — соединеніе представляетъ длинныя, кристаллическія иглы, плавающіяся при 90—92°, сладкаго вкуса и растворимыя въ уксусномъ эфирѣ, спиртѣ, ацетонѣ гораздо легче чѣмъ β-соединеніе, которое выдѣляется изъ спирта въ видѣ характерныхъ трехугольных кристалловъ, легко растворимыхъ въ водѣ. β-соединеніе плавится при 156—157° и вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -65,8^{\circ}$$

Этилксилозиды сходны по физическимъ и химическимъ свойствамъ съ метиловыми производными.

Метилрамнозидъ

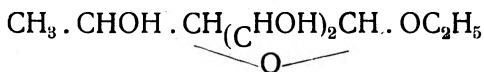

получается (Ber. Deut. Chem. Ges. 27, 2985, [1894], 28, 1145 [1895]) въ видѣ большихъ ромбическихъ кристалловъ при нагреваніи рамнозы съ разведенной соляной кислотой и метиловымъ спиртомъ; имѣетъ горькій вкусъ и легко растворяется въ водѣ и спиртѣ. Плавится при 108—109° и вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -62,2^{\circ} \text{ до } -62,5^{\circ}$$

Подъ дѣйствіемъ кислотъ легко распадается; не расщепляется дрожжевой вытяжкой.

Этиламнозидъ

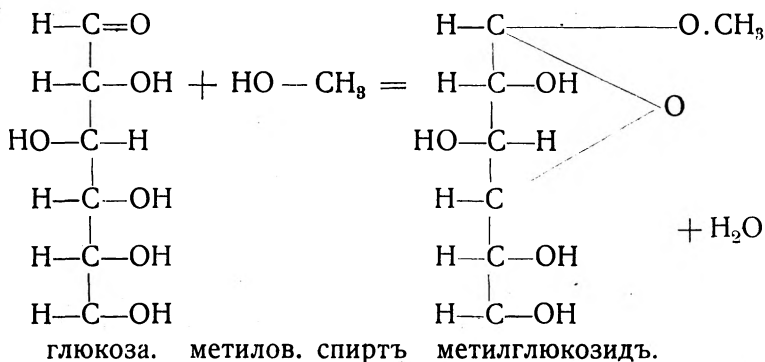

есть сиропообразная, горькаго вкуса жидкость, растворимая въ эфирѣ и спиртѣ (Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2409 [1893]). Обладаетъ гигроскопическими свойствами. Расщепляется кислотами на компоненты, но не измѣняется отъ инвертина и эмульсина. Вращаетъ влѣво.

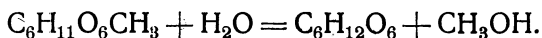
б) Соединенія одноатомныхъ спиртовъ съ альдозами.

α и β Монометилглюкозиды

вмѣстѣ съ диметилацеталглюкозой получаютъ (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2400 [1893], 28, 1145 [1895]) при дѣйстви разведенной соляной кислоты на растворъ глюкозы въ метиловомъ спиртѣ и нагреваніемъ смѣси на 100° въ продолженіе двухъ сутокъ. Реакція образованія протекаетъ слѣдующимъ образомъ:

α - Метилглюкозидъ выдѣляется въ видѣ большихъ кристалловъ съ т. пл. 165—166°, легко растворимыхъ въ водѣ, трудно въ спиртѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ. Водный растворъ имѣетъ чисто сладкій вкусъ и возстановляетъ феллинговую жидкость только при продолжительномъ кипяченіи; съ фенилгидразиномъ соединенія не даетъ и разведенными минеральными кислотами легко расщепляется на метиловый спиртъ и глюкозу:

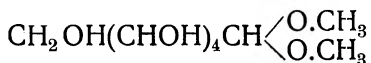

Инвертинъ дѣйствуетъ аналогично минеральнымъ кислотамъ, но эмульсинъ и мирозинъ не расщепляютъ. Вращаетъ вправо

$$(\alpha) D^{20} = +158,2^{\circ}$$

β -Монометилглюкозидъ $C_6H_{11}O_6CH_3 + H_2O$ былъ впервые полученъ въ чистомъ видѣ А. van Ekenstein (Rec. des Trav. chim. de Pays-Bas 13, 183 [1894]). Представляетъ октаэдры съ т. пл. 104° , содержащія $\frac{1}{2}$ част. крист. воды. Отличается отъ α -соединенія тѣмъ, что легко расщепляется эмульсиномъ. Получается удобнѣе всего по Maquenne (Chem. Centralbl. 1905, I) слѣдующимъ образомъ. Растворъ изъ 10 гр. глюкозы въ 125 гр. воды смѣшиваютъ съ 12 гр. метилсульфата и приливаютъ столько раствора ѣдкаго кали, чтобы жидкость имѣла щелочную реакцію. Подъ конецъ реакція жидкости должна быть нейтральная; во время реакціи температура не должна подниматься выше 30° . Черезъ 30—40 минутъ все количество метилсульфата растворялось и жидкость при нейтральной реакціи выпаривается до густоты сиропа. Остатокъ смѣшиваютъ съ 5—6 чч. крѣпкаго спирта и отдѣляютъ отъ осадка сѣрнокислаго калия. Фильтратъ выпариваютъ для кристаллизаціи. Получается до 20% взятой глюкозы въ видѣ β -метилглюкозида. При этомъ способѣ приготовления α -соединенія совсѣмъ не образуется

Диметилацеталглюкоза

образуется вмѣстѣ съ α и β метилглюкозидами при дѣйствіи соляной кислоты на растворъ глюкозы въ метиловомъ спиртѣ и представляетъ сиропообразную жидкость сладкаго вкуса. Ферменты не разлагаютъ этого соединенія. При нагрѣваніи со спиртовымъ растворомъ соляной кислоты получаютъ изомерныя α - и β -соединенія; реакція обратимая, такъ что въ результатѣ получается смѣсь всѣхъ трехъ гликозидовъ.

α -Метил-1-глюкозидъ по свойствамъ совершенно похожъ на α -метилглюкозидъ и получается по этому же способу; расщепляется разведенной соляной кислотой; дрожжевая вытяжка и эмульсинъ не дѣйствуютъ. Вращаетъ влѣво

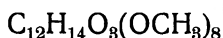
$$(\alpha) D = -156,9^{\circ}.$$

Другой стереоизомеръ β -метил-1-глюкозидъ не полученъ въ чистомъ видѣ. Третій изомеръ α -метил-1-глюкозидъ оптически недѣятеленъ и получается соединеніемъ d и l-глюкозидовъ. Плавится при 163—166°.

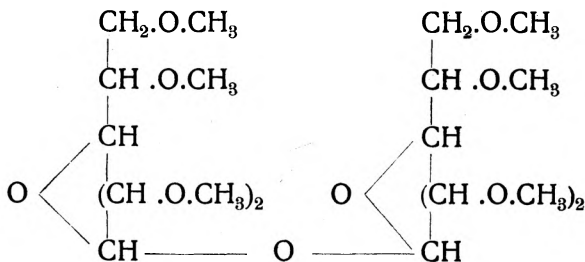
Метил-метилглюкозиды

получаются по Purdie и Irvine (Proc. Chem. Soc. 21, 227 [1905]) метилированіемъ метилглюкозидовъ. При метилированіи α -метилглюкозида, раствореннаго въ метиловомъ спиртѣ, получается смѣсь изъ эфировъ метилглюкозы, главнымъ образомъ триметил- α -метилглюкозидъ въ видѣ сиропа съ т. кипѣнія 167—170° и вращающій вправо (Purdie и Irvine, Chem. News 86, 191 [1902]); не возстановляетъ фелинговой жидкости. При дѣйствіи окиси серебра на растворъ триметил-метилглюкозида въ іодистомъ метилѣ получается тетраметил- α -метилглюкозидъ въ видѣ жидкости, кипящей при 144—145°. Не возстановляетъ фелинговой жидкости и при гидратации соляной кислотой даетъ тетраметилглюкозидъ въ видѣ иголь съ т. пл. 81—83°.

Октометил-глюкозидъ-глюкозидъ

получается въ видѣ сиропа при нагреваніи раствора тетраметилглюкозы въ бензолѣ съ 0,33% HCl на 115°. (Irvine и Purdie, Proc. Chem. Soc. 87, 1426 [1905]). Такъ какъ это соединеніе не возстановляетъ фелинговой жидкости, т. е. не содержитъ альдегидной группы, то авторы приписываютъ ему слѣдующую структурную формулу.

Октометил-глюкозидъ-глюкозидъ перегоняется при 180—190° безъ разложенія, легко растворимъ во всѣхъ органическихъ

- растворителяхъ и при гидратации даетъ тетраметилглюкозу. Вращаетъ вправо

$$(a) D_{20}^{20} = +135,9^{\circ}$$

α — Этилглюкозидъ

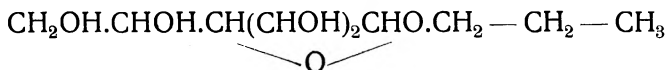

представляетъ единственно извѣстный изъ обоихъ возможныхъ изомеровъ (Gotier, Bull. de la Soc. chim. II, 22, 145 [1874]; Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 1145 [1895]). Получается аналогично метиловому соединенію; представляетъ прозрачные столбики съ т. пл. 113—114°, легко растворимые въ водѣ, спиртѣ и уксусномъ эфирѣ, трудно въ этиловомъ эфирѣ. Водный растворъ имѣетъ сладкій вкусъ и вращаетъ вправо

$$(a) D_{20}^{20} = +150,6^{\circ}$$

Ферменты не разлагаютъ, но кислотами расщепляется.

Пропилглюкозидъ

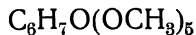
представляетъ безцвѣтное, аморфное вещество и получается по общему способу приготовленія изъ пропилового спирта и глюкозы (Ber. Deut. Chem. Ges. 27, 2478 [1894]). Разведенныя кислоты расщепляютъ его на компоненты. Фелинговая жидкость едва восстанавливается.

Метилманнозидъ

полученъ Van Ekenstein'омъ въ кристаллическомъ видѣ (Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2988 [1893]) и во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ аналогъ метилглюкозида. Формула его

Тетраметил - α - метилманнозидъ

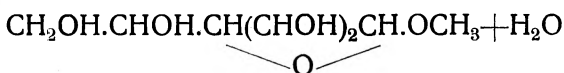
получается по Irvine и Moodie (Proc. Chem. Soc. 21, 227, I [1906]) метилированіемъ α - метилманнозида въ видѣ жидко-

сти съ т. кип. 148—150°. Послѣ перегонки и кристаллизаціи получаются кристаллы съ т. пл. 37—38°. Вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -42,9^{\circ}.$$

При гидратаціи тетраметил- α -метилманнозидъ даетъ тетраметилманнозу $C_6H_8O_2(OCH_3)_4$. Послѣдняя имѣетъ видъ безцвѣтнаго сиропа кипящаго при 187—189°, легко растворимаго во всѣхъ растворителяхъ. Возстановляетъ Фелинговую жидкость и при нагреваніи съ метиловымъ спиртомъ и соляной кислотой обратно переходитъ въ тетраметил- α -метилманнозидъ.

α и β Метилгалактозиды

получаются аналогично другимъ соединеніямъ (Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 1145 [1895]) при дѣйствіи хлористоводороднаго газа на растворъ галактозы въ метиловомъ спиртѣ. Т. пл. α -соединенія (безводнаго) 111—112°, а для β -соединенія Ekstein и Beensch нашли 173—175°. Оба продукта обладаютъ сладкимъ вкусомъ. α -изомеръ имѣетъ вращеніе

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +179,3^{\circ}$$

а β -соединеніе отличается отъ него слабымъ вращеніемъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +2,6^{\circ}.$$

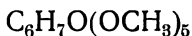
Этилгалактозидъ

представляетъ безцвѣтныя тонкія иголки съ т. пл. 135—136° (Ber. Deut. Chem. Ges. 27, 2478 [1894]); получается аналогично предыдущимъ соединеніямъ, съ которыми имѣетъ большое сходство и по физическимъ и химическимъ свойствамъ. Вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +178,75^{\circ}$$

Тетраметил- α -метилгалактозидъ

получается по Irvine и Cameron (Journ. Chem. Soc. 85, 1074 [1904]) при дѣйствіи окиси серебра на α -метилгалактозидъ въ

присутствіи метиловаго спирта и іодистаго метила. Представляетъ безцвѣтную жидкость съ т. кип. 136—137°, легко растворимую въ водѣ и въ органическихъ растворителяхъ. Вращаетъ вправо

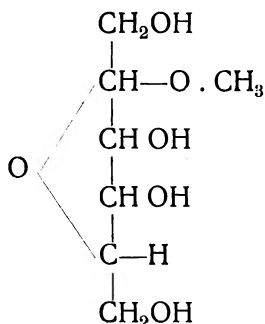
$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +105,7^{\circ}$$

При нагрѣваніи съ разведенной соляной кислотой получается тетраметилгалактоза $C_6H_8O_2(ONH_3)_4$ въ видѣ безцвѣтнаго сиропа, водный растворъ котораго вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +109,5^{\circ}$$

с) Соединенія одноатомныхъ спиртовъ съ кетозами.

Метилсорбозидъ

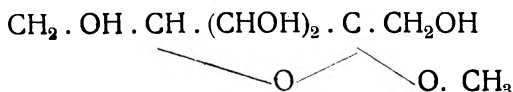
представляется въ видѣ прозрачныхъ плоскихъ кристалловъ, легко растворимыхъ въ водѣ и горячемъ спиртѣ (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 1145 [1895]). Получается дѣйствіемъ метиловаго спирта, содержащаго 1% HCl на порошокъ сорбозы. Плавится при 120—122° и расщепляется разведенными кислотами на компоненты. Вращаетъ влѣво

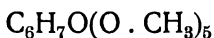
$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -88,9^{\circ}$$

Съ метилсорбозидомъ сходенъ

Метилфруктозидъ,

имѣющій видъ аморфной гигроскопической массы, легко растворимой въ спиртѣ, трудно въ уксусномъ эфирѣ. Дрожжевая вытяжка расщепляетъ этотъ гликозидъ въ отличіе отъ метилсорбозы. Строеніе метилфруктозида такое

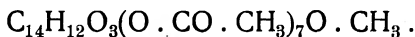
Тетраметил-метилфруктозидъ

есть сиропообразная жидкость нейтральной реакции и получена Purdie и Irvine (Journ. Chem. Soc. 83, 1021 [1903]) метилированиемъ метилфруктозида. Кипитъ при $132\text{—}136^\circ$ и при нагрѣваніи съ 5% соляной кислотой расщепляется на тетраметилфруктозидъ $\text{C}_6\text{H}_8\text{O}_2(\text{OCH}_3)_4$.

d) Соединенія одноатомныхъ спиртовъ съ біозами.**Гептаацетил-метиллактозидъ**

получается по Ditmar (Ber. Deut. Chem. Ges. 35, 1951 [1902]) при кипяченіи раствора гептаацетилхлорлактозы въ метиловомъ спиртѣ съ Ag_2CO_3 . Представляетъ кристаллическія друзы съ т. пл. $65\text{—}66^\circ$, нерастворимыя въ холодной водѣ, растворимыя въ горячей. Возстановляетъ фелинговую жидкость и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^\circ = +6,35^\circ$$

Гептаацетил-метилмальтозидъ

полученъ Königs и Knorr (Ber. Deut. Chem. Ges. 35, 1841 [1902]) въ видѣ иголокъ шелковистаго блеска, съ точкой пл. $128\text{—}129^\circ$. Не возстановляетъ фелинговой жидкости и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^\circ = +60,46^\circ$$

Дрожжевой энзимъ расщепляетъ на α и β -соединенія. Описанное соединеніе получается при дѣйствіи углекислаго барія на растворъ нитрата гептаацетилмальтозы въ метиловомъ спиртѣ и въ присутствіи нѣкотораго количества пиридина.

Гептаацетилхлорлактоза получается, дѣйствуя хлористымъ ацетиломъ на лактозу. Изъ эфира кристаллизуется въ призмахъ съ т. пл. $136\text{—}141^\circ$.

Самъ Молочный сахаръ, лактозу, можно разсматривать какъ гликозидъ (галактозидъ, E. Fischer 1894) по причинѣ его расщепляемости эмульсиномъ. Изслѣдованіями Bourquelot и Hérissé (Journ. Pharm. Chim. 1903, II, 15) разъ-

яснилось однако, что молочный сахаръ не расщепляется эмульсиномъ, а сопровождающимъ послѣдній энзимомъ лактазой. Лактаза вмѣстѣ съ эмульсиномъ находится въ горькомъ и сладкомъ миндалѣ, въ сѣменахъ яблони и абрикоса. Одну только лактазу содержитъ ферментъ кефиръ.

2. Соединенія многоатомныхъ спиртовъ съ альдозами.

Соединенія этой группы мало изучены и о строеніи ихъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Гликолглюкозидъ

представляетъ безцвѣтный сиропъ сладкаго вкуса (Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 240 [1893]), трудно растворимый въ уксусномъ эфирѣ. Это соединеніе было получено дѣйствіемъ хлористоводороднаго газа на смѣсь этиленгликола съ растворомъ глюкозы.

Глицеринглюкозидъ

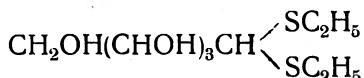
есть безцвѣтный, сладкій, густой сиропъ, растворимый въ водѣ и спиртѣ и состоящій вѣроятно изъ смѣси α и β изомеровъ (Fischer и Beensch, Ber. Deut. Chem. Ges. 2478 [1894]).

Расщепляется разведенными кислотами и отчасти эмульсиномъ.

3. Соединенія одноатомныхъ меркаптановъ

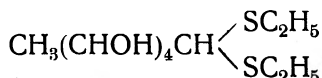
а) съ пентозами

Этилмеркапталъ арабинозы

получается взаимодействіемъ равныхъ количествъ раствора сахара, дымящей соляной кислоты и этилмеркаптана (Van Rijn, Glycoside, 47). Плавится при 124—126° и представляетъ тонкія блестящія иголочки или листочки, трудно растворимыя въ холодной водѣ.

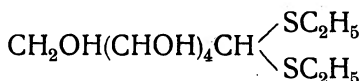
Этилмеркапталъ рамнозы

какъ по способу полученія, такъ и по свойствамъ весьма похожъ на предыдущее соединеніе. Плавится при 135—137°.

б) Соединенія одноатомныхъ меркаптановъ съ альдозами.

Этилмеркапталъ глюкозы

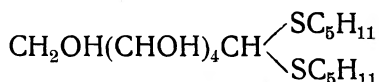

получается въ видѣ безцвѣтныхъ иголочекъ или листочковъ, горькаго вкуса при дѣйствиіи этилмеркаптана на глюкозу въ присутствіи соляной кислоты (E. Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges., 27, 673 [1894]). Плавится при 127—128°. Трудно растворяется въ эфирѣ и бензолѣ. Вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{50}^{\circ} = -29,8^{\circ}$$

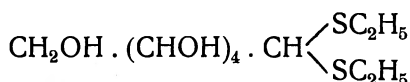
Не возстановляетъ фелинговой жидкости, не разлагается ферментами и при окисленіи хамелеономъ даетъ кислоту, содержащую сѣру. Съ сулемой отщепляетъ меркаптанъ и даетъ съ нимъ двойное соединеніе состава $\text{C}_2\text{H}_5\text{SHgCl}$.

Амилмеркапталъ глюкозы

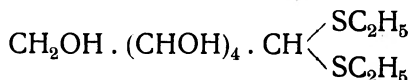
есть кристаллическое соединеніе, состоящее вѣроятно (Van Rijn, Glycoside 48) изъ двухъ изомеровъ; почти не растворимъ въ холодной водѣ, легко растворимъ въ горячемъ спиртѣ. Плавится при 138—142°.

Этилмеркапталъ маннозы

представляетъ тонкія иголочки, трудно растворимыя въ водѣ; получается аналогично предыдущему соединенію. Плавится при 132—134°.

Этилмеркапталъ галактозы

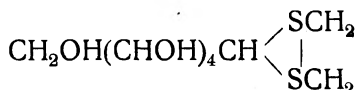
имѣетъ видъ безцвѣтныхъ тонкихъ иголочекъ весьма горькаго вкуса, трудно растворимыхъ въ водѣ. Плавится при 140—143° и легко расщепляется кислотами.

Извѣстно и соединеніе съ амиловымъ спиртомъ.

4. Соединения многоатомных меркаптановъ съ альдозами.

Изъ этихъ соединений мы приведемъ только наиболѣе важныя, такъ какъ по способу добыванія, а равно по физическимъ и химическимъ свойствамъ онѣ болѣе или менѣе аналогичны. Въ образованіи этихъ соединений участвуетъ одна частица многоатомнаго меркаптана. Эти соединенія легче растворимы въ водѣ и трудно гидролизуются кислотами.

Этиленмеркапталъ глюкозы

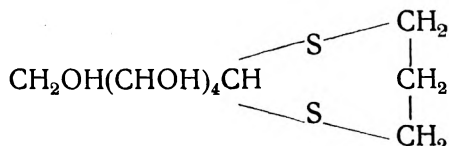

представляетъ кристаллическое соединеніе безъ запаха и горькаго вкуса; плавится при 143° и легко растворимъ въ водѣ, трудно въ спиртѣ, эфирѣ, хлороформѣ. Получается при взбалтываніи раствора глюкозы съ этиленмеркапталомъ и крѣпкой соляной кислотой. Вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^\circ = -10,81^\circ$$

Легко гидролизуется бромомъ, трудно соляной кислотой; при нагрѣваніи выше т. пл. разлагается.

Къ этой группѣ принадлежатъ еще этиленмеркапталы арабинозы, маннозы и галактозы, а также триметиленмеркапталы арабинозы и глюкозы, ксилозы и галактозы. Изъ нихъ соединеніе глюкозы имѣетъ слѣдующее строеніе

Оно получается (Van Rijn, Glycoside, 53) взбалтываніемъ раствора глюкозы въ соляной кислотѣ съ триметиленмеркаптаномъ; бѣлыя иголки горькаго вкуса, легко растворимы въ кипящей водѣ.

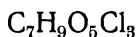
5. Соединения альдегидовъ съ моносахаридами.

Соединенія альдегидовъ съ моносахаридами получаютъ по Schiff'у (Ann. d. Chem. u. Pharm. 244, 19 простымъ смѣшеніемъ составныхъ частей въ уксуснокисломъ растворѣ.

Schiff приписываетъ этимъ соединеніямъ составъ $C_6H_{12}O_6 + x$, гдѣ x — любой альдегидъ; они представляютъ аморфныя гигроскопическія соединенія, химическій составъ которыхъ не могъ быть точно установленъ по легкой разлагаемости. Способомъ Fischer'a эти гликозиды не получаются, такъ какъ альдегиды подвергаются при реакціи полимеризаціи.

Болѣе прочные продукты были получены Hessler'омъ (Ber. Deut. Chem. Ges. 22, 1050 [1889]) дѣйствіемъ безводнаго хлорала на виды сахара.

α и β - Арабинохлоралоза

получены Hanriot (Compt. rend. 120, 153 [1895]) дѣйствіемъ соляной кислоты на арабинозу и безводный хлораль. α -соединеніе легко растворимо въ водѣ и плавится при 124° . β -соединеніе трудно растворимо и имѣетъ т. пл. 183° . Съ уксусной и бензойной кислотами даютъ ацетаты и бензоаты.

α и β - Хлоралоза

получаются нагреваніемъ равныхъ частей ангидрида глюкозы съ безводнымъ хлораломъ на 100° : $C_6H_{12}O_6 + CCl_3COH = H_2O + C_8H_{11}Cl_3O_6$ (Hanriot и Rechet, Bull. Soc. Chim. III, 303 [1895]).

α -Видоизмѣненіе представляетъ бѣлыя тонкія иголки очень горькаго вкуса, мало растворимыя въ холодной водѣ, легко въ кипящей водѣ и спиртѣ; плавится при 186° и не восстанавливаетъ Фелинговой жидкости. Вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^{20} = +19,4^\circ.$$

При нагреваніи съ разведенными кислотами распадается на компоненты. При окисленіи хамелеономъ даетъ кислоту состава $C_7H_9Cl_3O_6$. Даетъ тетраацетатъ и тетрабензоатъ.

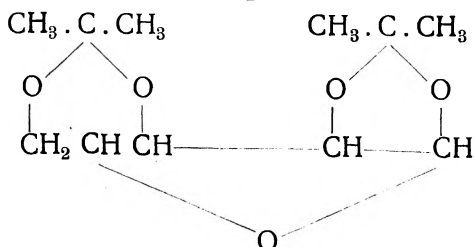
β -[Пара] хлоралоза представляетъ бѣлыя листочки жирные на ощупь, легко растворимые въ горячемъ спиртѣ и эфирѣ, нерастворимые въ холодной водѣ. Плавится при 230° и перегоняется безъ разложенія. При окисленіи хамелеономъ даетъ кислоту состава $C_7H_9Cl_3O_6$.

Какъ арабинохлоралоза такъ и хлоралоза примѣнялись

въ медицинѣ какъ снотворныя, но вслѣдствіе большой ядовитости (0,2 гр.) скоро вышли изъ употребленія.

6. Соединенія кетоновъ съ пентозами и гексозами.

Диацетонарабиноза.

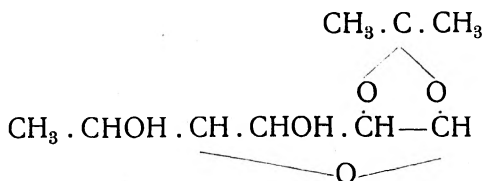

Получается по общимъ способамъ добыванія кетоновыхъ гликозидовъ и представляетъ безцвѣтныя крупныя иглы, растворимыя въ спиртѣ, эфирѣ и бензолѣ; изъ спиртового раствора осаждается прибавленіемъ воды. Плавится при 41—43° и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +5,4^{\circ}.$$

Разведенными кислотами расщепляется на компоненты.

Ацетонрамнозидъ

добывается по Fischer'у (Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 1145 [1895]) взбалтываніемъ ацетона, содержащаго 0,2% HCl съ порошкомъ безводной рамнозы. Ацетона нужно взять въ 20 разъ больше рамнозы. Ацетонрамнозидъ представляетъ большія безцвѣтныя призмы съ т. пл. 90—91°, горькаго вкуса, легко растворимыя въ водѣ и спиртѣ, труднѣе въ петролейномъ эфирѣ. Вращаетъ вправо:

$$\alpha D_{20}^{\circ} = +17,5^{\circ}$$

Диметил- и триметилацетонрамнозиды

образуются при метилированіи ацетонрамнозида и метилрамнозида съ помощью окиси серебра и іодистаго метила (Purdie

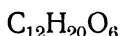
и Rose, Chem. Centralbl. 1906. II, 1045). При гидролизѣ этихъ соединенийъ получаютъ диметилъ- и триметилрамноза. Последняя подѣйствіемъ окиси серебра превращается въ триметил-метилрамнозидъ.

Диметилацетонрамнозидъ $C_{19}H_{19}O_8(OCH_3)_2$ получается изъ одной частицы ацетонрамнозида и 4 част. іодистаго метила въ присутствіи 2 част. окиси серебра. Безцвѣтная подвижная жидкость, сильно переломляющая лучи свѣта, легко растворимая во всѣхъ органическихъ растворителяхъ и вращающая влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = +33,43^{\circ}$$

При нагреваніи на 100° съ 3% HCl даетъ диметилрамнозу въ видѣ янтарножелтаго сиропа, застывающаго въ стекло-видную массу, вращающую вправо.

Діацетонглюкоза

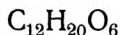

получается (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 1145 [1895]) дѣйствіемъ ацетала содержащаго 0,2% HCl на глюкозу. Безцвѣтныя, тонкія, длинныя иглы, легко растворимыя въ спиртѣ, ацетонѣ, хлороформѣ и тепломъ эфирѣ; плавится при $104-105^{\circ}$ и возгоняется безъ разложенія. Вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -18,5^{\circ}$$

Эмульсинъ и дрожжи не расщепляютъ его.

Діацетонфруктоза

Кристаллизуется изъ эфира въ видѣ длинныхъ блестящихъ иголъ горькаго вкуса. Растворяется въ водѣ. Водный растворъ осаждается ѣдкимъ натромъ. Плавится при $119-120^{\circ}$ и вращаетъ влѣво

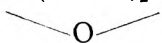
$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -161,4 \text{ (Van Rijn)}$$

Фелинговой жидкости не возстановляетъ, эмульсиномъ не расщепляется.

7. Соединенія окисикислотъ съ альдозами.

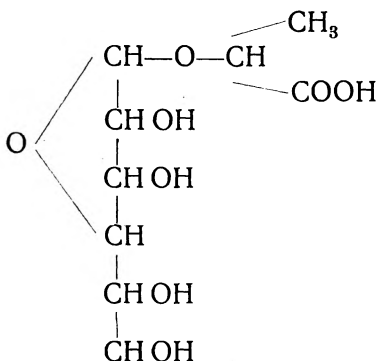
(Fischer и Beensch, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2400 [1893], 27, 2478 [1894]).

Глюкозидоглюколовая кислота

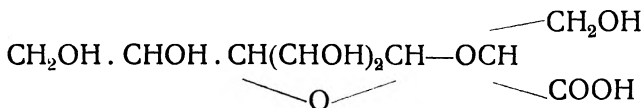
представляет бѣлый аморфный порошокъ кисловатаго вкуса; растворяется въ спиртѣ и разведенными кислотами расщепляется на компоненты.

Глюкозидомолочная кислота

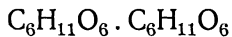
образуется при нагреваніи смѣси изъ глюкозы и молочной кислоты и послѣдующимъ насыщеніемъ охлажденнаго продукта хлористоводороднымъ газомъ. Бѣлый аморфный порошокъ кисловатаго вкуса, легко растворимый въ водѣ и спиртѣ и нерастворимый въ эфирѣ. Разведенными кислотами расщепляется.

Глюкозидоглицериновая кислота

приготавливается по общему способу. Van Rijn совѣтуетъ растворить глюкозу въ тройномъ количествѣ глицериновой кислоты при 100°.

Глюкозидоглюконовая кислота

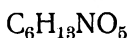

представляетъ безцвѣтный аморфный негигроскопическій порошокъ, легко растворимый въ водѣ, трудно въ безводномъ спиртѣ и эфирѣ. Получается насыщеніемъ раствора глюкозы

въ глюконовой кислотѣ хлористоводороднымъ газомъ. При нагрѣваніи съ 5% сѣрной кислотой расщепляется на составныя части; съ основаніями даетъ соли. Это соединеніе слѣдуетъ считать типическимъ, такъ какъ изъ него получены и соотвѣтствующія соединенія галактозы и арабинозы, имѣющія большое сходство съ описаннымъ.

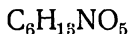
8. Соединенія моносахаридовъ съ производными амміака жирнаго и ароматическаго рядовъ.

Глюкозаминъ

представляетъ бѣлаго цвѣта иголки; получается по Franchimont и Lobry de Bruyn (Rec. trav. chim. 12, 286) при дѣйствіи раствора амміака въ метиловомъ спиртѣ на ангидридъ глюкозы. Разведенныя кислоты расщепляютъ при кипяченіи. Съ этимъ соединеніемъ сходенъ по способу приготовления и свойствамъ

Галактозаминъ

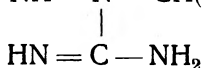
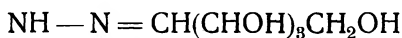
полученный въ видѣ сиропа (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges., 19, 1920 [1886]) при возстановленіи глюкозасона цинковой пылью и уксусной кислотой. Даетъ кристаллическіе пикраты, ацетаты и оксалаты и возстановляетъ фелинговую жидкость.

Этимъ соединеніямъ соотвѣтствуютъ и кетозамины, какъ напр. фруктозаминъ.

9. Производныя гуанидина.

а) съ пентозами.

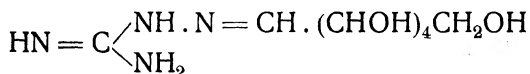
Арабинозоамидогуанидинъ

образуется при дѣйствіи арабинозы на азотнокислый амидогуанидинъ (Radenhausen, Ztsch. f. Rübenz. 44, 768). Кристаллизуется въ видѣ иголь, легко растворимыхъ въ водѣ, трудно въ спиртѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ. Плавится при 125°.

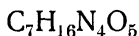
б) Производныя гуанидина съ альдозами.

Глюкозоамидогуанидинъ

получается въ видѣ солянокислаго соединенія (Ber. Deut. Chem. Ges. 27, 971 [1894]) дѣйствіемъ солянокислаго амидогуанидина на глюкозу. Безводное соединеніе плавится при 165° и обладаетъ гигроскопичностью.

Галактозоамидогуанидинъ.

Получается аналогично предыдущимъ соединеніямъ. Солянокислая соль имѣетъ видъ ромбическихъ кристалловъ съ $\frac{1}{2}$ ч. крист. воды.

Соединеніе лактобіозы съ амидогуанидиномъ получено въ видѣ солянокислой соли.

В. Синтетическіе гликозиды ароматическаго ряда.

1. Соединенія одноатомныхъ феноловъ

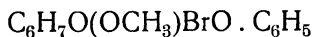
а) съ альдозами

Фенолглюкозидъ

представляетъ длинныя иголки съ шелковистымъ блескомъ и горькаго вкуса, растворимыя въ горячей водѣ и спиртѣ, нерастворимыя въ эфирѣ. Плавится при 171° и расщепляется эмульсиномъ, (но не инвертиномъ) и кислотами на составныя части. Вращаетъ вправо.

Фенолбромглюкозидъ

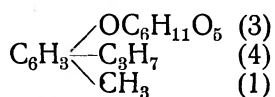
Это соединеніе было получено Mills (Chem. News 88, 218 [1903]) дѣйствіемъ фенолята калия на растворъ ацетобром-

глюкозы въ хлороформѣ. Смѣсь оставляютъ на 14 дней при обыкновенной температурѣ. Полученный при испареніи жидкости остатокъ нейтрализуютъ уксусной кислотой и фенолбромглюкозидъ извлекаютъ эфиромъ. Представляетъ красивые бѣлые кристаллы, легко растворимые въ уксусномъ и этиловомъ эфирахъ и ацетонѣ. Плавится при 165° и восстанавливаетъ фелинговую жидкость, съ азотнокислымъ серебромъ не даетъ осадка бромистаго серебра.

β -р-Кресолглюкозидъ и β -о-кресолглюкозидъ представляютъ иглы легко растворимыя въ спиртѣ и трудно въ эфирѣ (Ryan, Journ. Chem. Soc. 75, 1056 [1899]); въ отличіе отъ другихъ соединений они восстанавливаютъ фелинговую жидкость. Т. пл. р-соединенія 175 — 177° , о-соединенія — 163 — 165° . Оба расщепляются разведенными кислотами на компоненты.

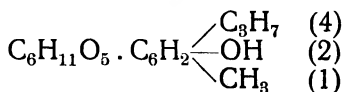
m-Кресолглюкозидъ получается по Ryan и Mills (Journ. Chem. Soc. 79, 705 [1901]) при дѣйствіи m-кresoла на ацетохлоргидрозу въ видѣ длинныхъ иголъ съ т. пл. $167,5^{\circ}$ — $168,5^{\circ}$. Восстанавливаетъ фелинговую жидкость.

Тимолглюкозидъ

Представляетъ блестящія иголки или листочки, плавящіеся при 100° и легко растворимые въ горячей водѣ и спиртѣ (Drouin, Bull. Soc. Chim. 1895, III, 13, .5) Эмульсиномъ и разведенными кислотами расщепляется на компоненты. Получается по способу Michael.

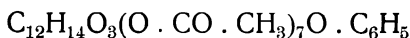
β -Карвакролглюкозидъ

Получается по Ryan (Journ. Chem. Soc. 7, 1056 [1899]) изъ карвакрола и ацетохлоргидрозы въ видѣ бѣлыхъ иголъ, трудно растворимыхъ въ эфирѣ и холодной водѣ, легко въ спиртѣ и ацетонѣ, и нерастворимыхъ въ бензолѣ, лигроинѣ и хлороформѣ. Фелинговой жидкости не восстанавливаетъ и разведенными кислотами расщепляется на компоненты.

б) Соединенія одноатомныхъ феноловъ съ біозами.

Гептаацетил-фенол-мальтозидъ

получается по Fischer и Armstrong (Ber. Deut. Ges. 35, 3144 [1902]) при взбалтываніи эфирнаго раствора β -ацетохлормальтозы съ фенолятомъ натрія въ продолженіе 24 часовъ. Къ смѣси прибавляютъ уксусной кислоты и жидкость отдѣляютъ фильтрованіемъ отъ выдѣливашагося уксуснокислаго натрія; изъ фильтрата получается гептаацетилфенолмальтозидъ въ видѣ маленькихъ призмъ съ т. пл. $157-158^\circ$, трудно растворимыхъ въ горячей водѣ. Омылая ѣдкимъ баритомъ получаютъ β -фенолмальтозидъ $C_{12}H_{21}O_{10} \cdot C_6H_5$ въ видѣ призмъ, плавящихся при 96° . β -фенолмальтозидъ почти не растворимъ въ уксусномъ эфирѣ, легко въ спиртѣ. Вращаетъ вправо

$$\alpha D^{20} = +34^\circ$$

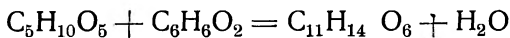
Эмульсиномъ расщепляется на комноненты.

2. Соединенія двуатомныхъ феноловъ

а) съ пентозами.

Резорцинарабиноза.

Представляетъ почти безцвѣтное; аморфное соединеніе безъ запаха, легко растворимое въ водѣ, трудно въ спиртѣ, эфирѣ и хлороформѣ. Получается при дѣйствіи хлористоводороднаго газа на растворенную въ водѣ смѣсь изъ 5 чч. арабинозы и 3, 7 чч. резорцина

Медленно гидролизуетъ кислотами. Если къ щелочному раствору резорцинарабинозы прибавить фелинговой жидкости, то смѣсь окрашивается въ краснофіолетовый цвѣтъ; эта реакція и предлагается (Fischer и Jennings Ber. Deut. Chem. Ges. 27, 1355 [1894]) для распознаванія углеводовъ. Кромѣ описаннаго соединенія изъ этой группы извѣстны еще: дирезорцин-арабиноза, и резорциновыя соединенія ксилозы и сорбозы.

Резорцинглюкоза

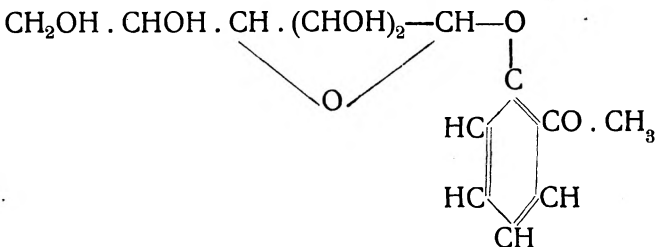
образуется дѣйствіемъ хлористоводороднаго газа на водный растворъ резорцина и глюкозы (Fischer и Jennings, Ber. Deut.

Chem. Ges. 27, 1355 [1894]): $C_6H_{12}O_6 + C_6H_6O_2 = C_{12}H_{16}O_7 + H_2O$ Аморфное соединение.

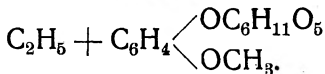
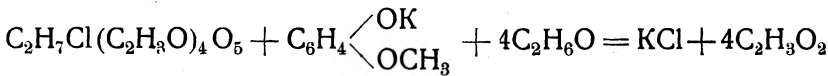
Ординглюкоза.

Получается дѣйствіемъ ордина на солянокислый растворъ глюкозы; нерастворима въ водѣ, растворима въ эфирѣ. Въ чистомъ видѣ не получена (Van Rijn d. Glycoside).

Гваяколглюкозидъ

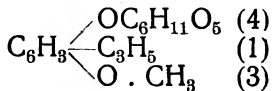
представляет тонкія бѣлыя иглы горькаго вкуса, трудно растворимыя въ спиртѣ и нерастворимыя въ эфирѣ. Гваякологлюкозидъ есть структурный изомеръ метиларбутина; плавится при 157° и получается по Michael (Amer. Chem. Journ. 6, 336 [1884/5]) дѣйствіемъ ацетохлоргидрозы на калиевое соединеніе гваякола по управненію:

Не восстанавливает фелинговой жидкости и съ хлорнымъ желѣзомъ не даетъ окрашиванія. Разведенными кислотами и щелочами расщепляется на компоненты.

По способу приготовления съ гваяколглюкозидомъ сходень

Эйгенолглюкозидъ.

представляющій бѣлыя иглы, растворимыя въ холодномъ бензолѣ; плавится при 132° (Michael l. c.).

3. Соединенія трехатомныхъ феноловъ.

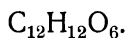
а) съ пентозами.

Пирогаллоларабиноза.

Получается аналогично вышеописанному резорциновому соединенію (Fischer и Jennings, Ber. Deut. Chem. Ges., 27, 1355 [1894]): $C_5H_{10}O_5 + C_6H_6O_3 = C_{11}H_{14}O_7 + H_2O$. Почти безцвѣтный рыхлый порошокъ, разлагающійся при 240° ; легко растворимъ въ водѣ, трудно въ спиртѣ, эфирѣ и бензолѣ. Со щелочами и желѣзнымъ купоросомъ даетъ реакцію пирогаллола. Флороглюцинарабиноза и -ксилоза весьма сходны съ нижеописываемыми флороглюциновыми соединеніями гексозъ.

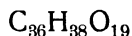
б) Соединенія трехатомныхъ феноловъ съ альдозами.

Флороглюцинглюкоза

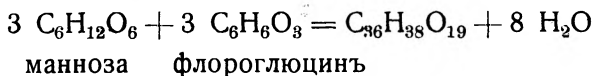

Представляетъ аморфный порошокъ отъ лимонно-желтаго до бураго цвѣта, трудно растворимый въ водѣ и эфирѣ, легко въ спиртѣ; при нагреваніи на 200° разлагается съ выдѣленіемъ угля. Получается дѣйствіемъ хлористоводороднаго газа на растворенную въ водѣ смѣсь изъ глюкозы и флороглюцина (Coupler, Ber. Deut. Chem. Ges. 28, 24 [1895]).

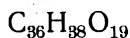
Флороглюцинманноза

есть свѣтложелтаго цвѣта порошокъ, легче растворимый въ разведенномъ спиртѣ чѣмъ въ крѣпкомъ; при нагреваніи на 200° принимаетъ болѣе темный цвѣтъ; при 250° разлагается. Реакція образованія:

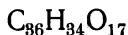
Флороглюцингалактоза

Имѣетъ видъ яркочернаго порошка, трудно растворимого въ безводномъ спиртѣ. Нагреваніемъ на 200° разлагается съ выдѣленіемъ угля.

с) Соединенія трехатомныхъ феноловъ съ кетозами.

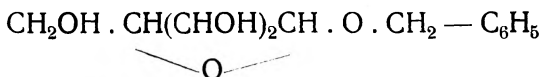
Флороглюцинофруктоза.

Синеватосѣрый порошокъ (Councler) по свойствамъ похожій на предыдущія соединенія.

4. Соединенія ароматическихъ спиртовъ съ арабинозой и глюкозой.

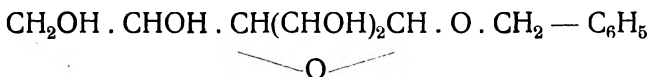
Бензиларабинозидъ

Безцвѣтныя тонкія иголки горькаго вкуса; плавится при 169—170° и трудно растворимъ въ водѣ и спиртѣ (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2400 [1893]). Получается насыщеніемъ смѣси изъ арабинозы и бензиловаго спирта хлористоводороднымъ газомъ при охлажденіи. Кислотами разлагается. Вращаетъ вправо

$$(\alpha) D_{20}^{20} = + 215,2^{\circ}.$$

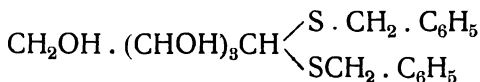
Бензилглюкозидъ

Полученъ въ видѣ сиропа, застывающаго въ эксиккаторѣ въ кристаллическую массу, легко растворимую въ водѣ и спиртѣ, труднѣе въ эфирѣ (Fischer, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2410 [1893]). Кислотами расщепляется.

5. Соединенія ароматическихъ меркаптановъ съ пентозами и гексозами.

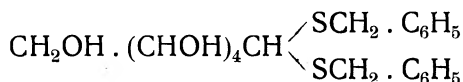
Бензилмеркапталъ арабинозы

Кристаллизуется изъ спирта въ видѣ длинныхъ тонкихъ иголь, растворимыхъ въ спиртѣ. Плавится при 144° и получается

аналогично меркапаламъ жирнаго ряда. Извѣстны и бензилмеркапталы ксилозы и рамнозы (Ber. Deut. Chem. Ges. 29, 346 [1896]).

Бензилмеркапталъ глюкозы

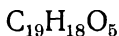

и галактозы суть кристаллическія соединенія горькаго вкуса, трудно растворимыя въ водѣ, легко въ хлороформѣ и эфирѣ. Плавится при 130° и легко расщепляются бромомъ, труднѣе соляной кислотой (Lawrence, Ber. Deut. Chem. Ges., 29, 346 [1896]).

6. Соединенія альдегидовъ ароматическаго ряда.

а) съ пентозами.

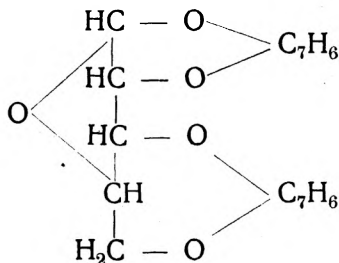
Дибензаларабиноза

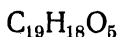

Получается по Van Ekenstein и Blanksma (Chem. Centralblatt, 1906, II, 23) при постепенномъ прибавленіи около 5 граммъ P_2O_5 къ смѣси изъ 4 граммъ арабинозы и 6 граммъ бензальдегида. Однородную смѣсь оставляютъ на полчаса и прибавляютъ ледяной воды. Осаждающійся при этомъ бѣлый порошокъ перекристаллизуется изъ метиловаго спирта. Получается около 30—40% взятыхъ веществъ въ видѣ соединенія. Дибензаларабиноза плавится при 154° , легко растворяется въ эфирѣ и хлороформѣ и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D = +26,8^\circ$$

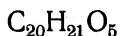
Разведенная сѣрная кислота расщепляетъ на сахаръ и бензальдегидъ; эмульсиномъ не расщепляется, не содержитъ гидроксильной группы и съ бензоилхлоридомъ не вступаетъ въ соединеніе. Строеніе приписываемое этому соединенію:

Дибензалксилоза

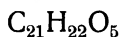
Образуется аналогично предыдущему соединению; плавится при 130° и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D = + 37,5^{\circ}$$

Дибензалрамноза

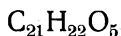
Имѣетъ большое сходство съ предыдущимъ соединениемъ. Большіе безцвѣтные кристаллы съ т. пл. 128°, вращающіе вправо

$$(\alpha) D = + 56,3^{\circ}$$

Дитолуиларабиноза

Получается по Van Ekenstein и Blanksma (Chem. Centralbl. 1906, II, 23; Bull. de la Soc. chim des Pays Bas 25, 153 [1906]) дѣйствіемъ 4 граммъ арабинозы на 6 граммъ толуолового альдегида въ присутствіи 5 граммъ P_2O_5 при обыкновенной температурѣ. Реакція приходитъ къ концу черезъ три дня. Соединение трудно растворимо въ холодной водѣ, легко въ хлороформѣ; не возстановляетъ фелинговой жидкости, плавится при 164° и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D = + 2,9^{\circ}$$

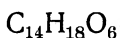
Дитолуилксилоза

По свойствамъ сходна съ предыдущимъ соединениемъ; трудно растворяется въ водѣ и спиртѣ, легко въ бензолѣ; вращаетъ вправо

$$(\alpha) D = + 145,6^{\circ}$$

Плавится при 140°.

в) Соединения альдегидовъ ароматическаго ряда съ альдозами

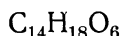
Монобензал- α -метилглюкозидъ

Полученъ Van Ekenstein и Blanksma аналогично предыдущимъ

соединеніямъ; мало растворимъ въ холодной водѣ, легко въ горячей водѣ и въ спиртѣ. Плавится при 158° и вращаетъ вправо

$$(\alpha) D = +85,0^{\circ} \text{ (въ водѣ)}$$

Монобензал- β -метилглюкозидъ

плавится при 194° и вращаетъ влѣво

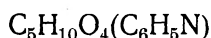
$$(\alpha) D = -75^{\circ},0 \text{ (въ метилов. спиртѣ)}.$$

Получены и аналогичныя соединенія толуоловаго альдегида.

7. Соединенія ароматическихъ монаминовъ

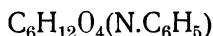
а) съ пентозами

Арабинозанилидъ

Получается по Herrmann (Chem. Centralbl. 1905, I, 1314; 1905, 37, 119) дѣйствіемъ одной частицы арабинозы на одну частицу анилина въ спиртовомъ растворѣ; соединеніе легко происходитъ при нагреваніи смѣси на водяной банѣ. По прибавленіи эфира къ раствору выдѣляется арабинозанилидъ въ видѣ иголочекъ лимонножелтаго цвѣта. Плавится при $103,5-106^{\circ}$, разлагаясь. Спиртовой растворъ мутнѣетъ при стояніи.

Рамнозанилидъ

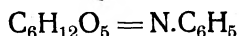

Сходенъ по способу добыванія и свойствамъ съ предыдущимъ соединеніемъ (Ber. Deut. Chem. Ges. 37, 119 [1905]). Плавится при $121-127^{\circ}$, разлагаясь, и вращаетъ вправо

$$(\alpha) \alpha D = +50,4^{\circ}.$$

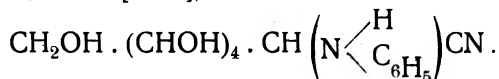
б) Соединенія ароматическихъ монаминовъ съ альдозами.

Глюкозанилидъ

Полученъ въ микрокристаллическихъ иголочкахъ (Sorokin, Ber. Deut. Chem. Ges. 19, 513 [1886]) мало растворимыхъ въ

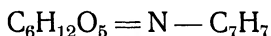
эфиръ; вращаетъ влѣво, восстанавливаетъ фелинговую жидкость и расщепляется разведенными кислотами, бромомъ и хлористымъ бензоиломъ. Съ синильной кислотой даетъ нитрилъ анилидоглюкозокарбоновой кислоты (Strauss, Ber. Deut. Chem. Ges. 27, 1287 [1894]):

Тетраметилглюкозанилидъ, $\text{C}_{16}\text{H}_{25}\text{O}_5\text{N}$ полученъ Jvigne и Moodie кипяченіемъ равныхъ чистей тетраметилглюкозы и анилина съ безводнымъ спиртомъ. Кристаллизуется изъ эфира въ видѣ иголъ нерастворимыхъ въ водѣ, легко растворимыхъ въ органическихъ растворителяхъ. Вращаетъ вправо

$$(\alpha) D^{20} = +229,5^{\circ}.$$

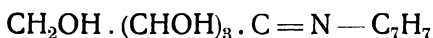
Глюкозотолуидъ (орто и пара)

представляетъ кристаллическіе листочки, растворимые въ спиртѣ и нерастворимые въ эфирѣ. Плавится при 100° . Съ этимъ соединеніемъ имѣетъ большое сходство галактозо—р—толудъ; плавится при 139° и вращаетъ влѣво.

с) Соединенія ароматическихъ монаминовъ съ кетозами.

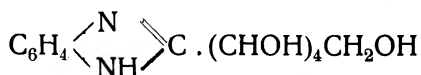
Фруктозанилидъ

Маленькія иглы или плиточки, легко растворимыя въ горячемъ спиртѣ, трудно въ водѣ и нерастворимыя въ эфирѣ. Плавится при 147° . Получается аналогично предыдущему соединенію (Sorokin); вращаетъ влѣво и съ HCN даетъ нитрилъ анилидофруктозокарбоновой кислоты. Извѣстно и о — толудиновое соединеніе.

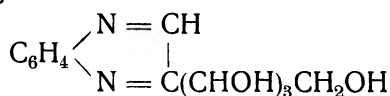
8. Соединенія ароматическихъ діаминовъ съ альдозами.

Глюкозо-о-діамидобензолъ

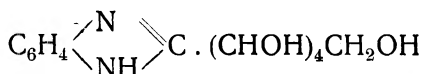
(Hinsberg и Funke, Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 3093 [1893]) не

возстановляетъ фелинговой жидкости и получается вмѣстѣ съ ангидридомъ

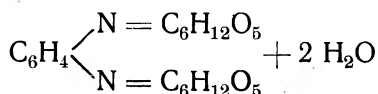
при дѣйствіи уксуснокислаго о-діамидобензола на глюкозу. Представляетъ бѣлыя блестящія иглы или листочки слабо-горькаго вкуса, растворимыя въ водѣ и спиртѣ и нерастворимыя въ эфирѣ. Съ этимъ соединеніемъ имѣетъ большое сходство по способу приготовления и по свойствамъ

Галактозо-о-діамидобензолъ

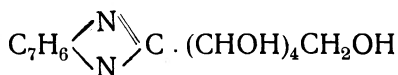

Бѣлыя иглы горькаго вкуса, растворимыя въ водѣ и спиртѣ (Ber. Deut. Chem. Ges. 20, 3111 [1887]). Плавится при 246°.

Биглюкозо-о-діамидобензолъ

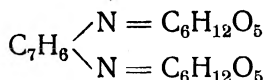

Образуется по Griess и Harrow при дѣйствіи глюкозы на о-діамидобензолъ въ отсутствіи кислоты. Вращаетъ влѣво и кристаллизуется въ видѣ бѣлыхъ иглъ очень горькаго вкуса, легко растворимыхъ въ холодной водѣ. Кислотами и щелочами разлагается; не возстановляетъ фелинговой жидкости. Тѣми же авторами получены и глюкозо-м- и р-діамидотолуолы

въ видѣ кристалловъ горькаго вкуса легко растворимыхъ въ водѣ.

Биглюкозо-м- и р-діамидотолуолъ

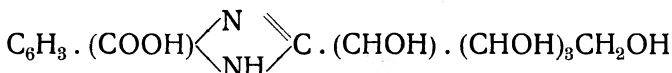

Представляетъ бѣлыя, блестящія иглочки, легко растворимыя въ водѣ, нерастворимыя въ спиртѣ и эфирѣ. Плавится при 160° и получается (Hinsberg, Ber. Deut. Chem. Ges. 20, 495

[1887]) дѣйствиємъ глюкозы на діамидотолуолъ. Разведенными кислотами расщепляется

9. Соединенія ароматическихъ амидокислотъ съ альдозами.

Глюкозо-γ-діамидобензойная кислота

Образуется изъ глюкозы и γ-діамидобензойной кислоты (Griess и Harrow, Ber. Deut. Chem. Ges. 20, 2205 [1887]). Кристаллизуется въ видѣ блестящихъ листочковъ нейтральной реакціи; не возстановляетъ фелинговой жидкости. Трудно растворима въ горячей водѣ, нерастворима въ спиртѣ и эфирѣ; соединяется какъ съ кислотами, такъ и со щелочами. По способу получения и по свойствамъ она имѣетъ большое сходство съ

Галактозо-γ-діамидобензойной кислотой,

представляющей бѣлыя иглы, теряющія кристаллизационную воду при 110°.

10. Соединенія ароматическихъ оксикислотъ.

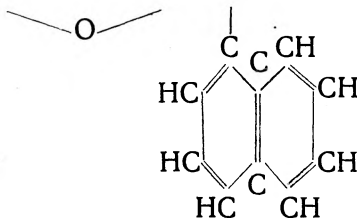
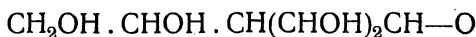
Глюкозидодубильная кислота.

Получается по Bayer'у (Chem. Ztg. 14, 377) нагрѣваніемъ смѣси изъ таннина и глюкозы на 100° въ видѣ твердой массы, растворимой въ водѣ. Разлагается уже кипяченіемъ съ водой на компоненты.

11. Производныя нафталина.

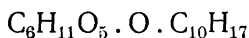
α и β-Нафтолглюкозиды.

Первый, полученный Drouin (Am. Chem. Journ., 1885, 336) кристаллизуется въ видѣ маленькихъ желтоватыхъ иголокъ съ т. пл. 147°. Van Rijn (d. Glycoside) предлагаетъ для α-соединенія формулу

β -Соединение $C_6H_{11}O_5 \cdot C_{10}H_7$ получается по Ryan (Proc. Chem. Soc. 15, 196 [1899]) дѣйствіемъ ацетохлоргидрозы въ щелочномъ растворѣ на β -нафтолъ и представляетъ длинныя иглы горькаго вкуса, легко растворимыя въ горячей водѣ и спиртѣ, съ т. пл. 184—186°.

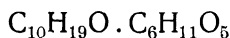
α -Нафтолгалактозидъ

Получается по Ryan и Mills въ видѣ листочковъ плавающихъ при 202—203°, растворимыхъ въ спиртѣ и горячей водѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ и хлороформѣ, аналогично первому соединенію.

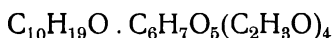
С. Синтетическіе глюкозиды гидроароматическаго ряда.

Ментол-d-глюкозидъ

Представляетъ (Fischer и Raske, Chem. Centralbl. 1909, I) горькаго вкуса четырехугольные листочки съ одной частицей кристал. воды; изъ уксуснаго эфира кристаллизуется въ тонкихъ призмахъ. Плавится при 77—79°, трудно растворимый въ водѣ, очень легко въ спиртѣ, менѣе легко въ уксусномъ эфирѣ и бензолѣ и почти нерастворимъ въ петролейномъ эфирѣ. Легко гидролизуется эмульсиномъ и минеральными кислотами. Получается дѣйствуя ѣдкимъ баритомъ (16 грам. въ 240 куб. сант. воды и 75 кб. сант. спирта) на тетраацетил-ментол-d-глюкозидъ (4 гр.).

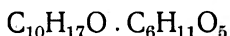
Тетраацетил-ментол-d-глюкозидъ

Получается изъ 6 гр. ацетобромглюкозы и 20 гр. ментола (оба растворенные въ 50 куб. сант. эфира) дѣйствіемъ 6 гр. свѣжеосажденнаго Ag_2CO_3 ; смѣсь взбалтываютъ въ продолженіе 2 часовъ. Соединеніе кристаллизуется изъ 50% спирта въ тонкихъ бѣлыхъ иглахъ съ т. пл. 130°, легко растворимыхъ въ уксусномъ эфирѣ, ацетонѣ, хлороформѣ и спиртѣ, трудно въ водѣ и почти не растворимыхъ въ петролейномъ эфирѣ. Соединеніе весьма постоянное; возстановляетъ фелинговую жидкость только послѣ предварительнаго кипяченія съ

крѣпкой соляной кислотой. По свойствамъ и по способу добыванія съ описанными соединеніями сходенъ

d-Борнеолглюкозидъ.

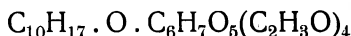

Представляетъ безцвѣтныя горькаго вкуса иглы съ 1 част. кристал. воды. Плавится при 134—136° и вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -42,1^{\circ}$$

Легко расщепляется разведенными кислотами, трудно эмульсиномъ и получается аналогично ментоловому соединенію.

Тетраацетил-борнеолглюкозидъ

Получается изъ d-борнеола и ацетобромглюкозы и кристаллизуется изъ 50% спирта въ видѣ тонкихъ иглъ съ т. пл. 119—120°. По свойствамъ похожъ на соотвѣтствующее ментоловое соединеніе.

Заканчивая этимъ описаніе синтетическихъ гликозидовъ, перейдемъ къ рассмотрѣнію гликозидовъ естественныхъ.

Естественные Гликозиды.

Большинство относящихся сюда веществъ представляютъ соединенія, о строеніи которыхъ очень мало извѣстно; даже точныя эмпирическія формулы нѣкоторыхъ изъ нихъ еще не опредѣлены. Въ виду этихъ обстоятельствъ раціональная классификація естественныхъ гликозидовъ представляетъ нѣкоторыя трудности. Самая опредѣленная классификація — химическая — непримѣнима вслѣдствіе незнакомства съ составомъ многихъ представителей. Впрочемъ попытку такой классификаціи дѣлалъ Roscoe-Schorlemmer въ своей Органической Химіи. По его системѣ всѣ относящіяся сюда естественныя соединенія по составу ихъ аглюконной части распредѣляются въ 17 классахъ:

1. Гликозиды углеводородные.
2. Гликозиды бензофенола и его производныхъ.
3. Гликозиды спиртовъ.
4. Гликозиды альдегидъ.
5. Гликозиды кислотъ.
6. Гликозиды сложныхъ эфировъ.
7. Гликозиды оксикумарина.
8. Гликозиды оксиантрахинона.
9. Гликозиды оксифлавона.
10. Гликозиды оксиксантаона.
11. Гликозиды индоксила.
12. Гликозиды горчичныхъ маселъ.
13. Гликозидодубильныя вещества.
14. Сапонины.
15. Гликозиды наперстянки.
16. Мало изслѣдованные гликозиды.

17. Гликоалкалоиды (отнесенные впрочемъ къ главѣ объ алкалоидахъ).

Подобная классификація употребляется и въ монографіи Frankland Armstrong'a.

Euler и Lundberg въ Abderhalden's Biochemisches Handlexikon пользуются другой классификаціей: они распредѣляютъ гликозиды по составу ихъ глюконовъ на гликозиды глюкозы, рамнозы, родеозы и пр., причемъ въ каждомъ отдѣлѣ соединенія описываются по алфавитному порядку.

Классификацію гликозидовъ по чисто-алфавитному порядку, какъ это дѣлають Jacobsen или Ladenburg, нужно считать произвольной и неудобной.

Самой пока удобной и рациональной классификаціей и притомъ обнимающей всѣ безъ исключенія естественные гликозиды должно признать классификацію по естественно-исторической системѣ. Пользуется ей Van Rijn въ своей монографіи.

При дальнѣйшемъ описаніи естественныхъ гликозидовъ мы будемъ придерживаться этой послѣдней системы, обращая главнымъ образомъ вниманіе на гликозиды, строеніе которыхъ установлено, и на тѣ соединенія, имѣющія значеніе въ какой нибудь изъ прикладныхъ наукъ.

Сапонины же, представляющіе самостоятельную группу, описываются въ концѣ монографіи.

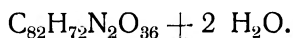
Cryptogamae. Тайнобрачныя.

Pteridophyta. Папоротникообразныя.

Классъ Filicinae. Папоротниковыя

Сем. Polypodiaceae

Филиксодубильная кислота.

Въ корневищѣ мужскаго папоротника, *Aspidium Filix mas* Schwarz находится глюкотанноидъ филиксодубильная кислота (Reich, Chem. Centralbl. 1901, I). Добывается этотъ гликозидъ обработкой эфирнаго экстракта корневища 10% спиртомъ. Изъ фильтрата гликозидъ выдѣляется растворомъ

укуснокислаго свинца. Осадокъ послѣ промыванія водой разлагается сѣроводородомъ и полученная филиксодубильная кислота обрабатывается эфиромъ для удаленія жирнаго масла. Получается 5—6% гликозида.

Филиксодубильная кислота представляетъ аморфный краснобураго цвѣта порошокъ легко растворимый въ спиртѣ, труднѣе въ эфирѣ, бензолѣ и хлороформѣ. При долгомъ кипяченіи возстановляетъ фелинговую жидкость и съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ оливковозеленое окрашиваніе, отъ прибавленія соды переходящее въ фіолетовое. Кипяченіемъ съ разведенными кислотами расщепляется на сахаръ и филиксовую красень $C_{13}H_{18}O_6$. Послѣдняя есть одинъ изъ такъ наз. флобафеновъ и даетъ при сплавленіи съ ѣдкимъ кали флороглюцинъ и протокатеховую кислоту.

Phanerogamae. Явнобрачныя.

Классъ Gymnospermae. Голосѣмянныя.

Порядокъ Cycadinae. Саговниковыя.

Сем. Cycadaceae.

Пакоэинъ.

Растеніе *Cycos circinalis* L. извѣстное въ Нидерландской Индіи подъ названіемъ Bidgi Пакоѣ Hadgi содержитъ гликозидъ пакоэинъ. Для добыванія этого гликозида (Van Dongen, Pharm. Weekbl. 40, Utrecht) извлекаютъ обращенныя въ порошокъ сѣмена петролейнымъ эфиромъ для удаленія жировыхъ веществъ и остатокъ обрабатываютъ водой.

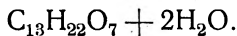
Пакоэинъ есть свѣтложелтый порошокъ, обладающій токсическимъ дѣйствіемъ. Растворяется въ водѣ и разведенномъ спиртѣ; нерастворимъ въ эфирѣ. Кромѣ гликозида доказано присутствіе сахара вращающаго вправо

$$(\alpha) D = +17,0^{\circ}.$$

Порядокъ Coniferae. Хвойныя.

Сем. Taxaceae.

Таксикатинъ

Таксикатинъ полученъ изъ свѣжихъ вѣтокъ тисса, *Taxus*

baccata L. Bourquelot и Lefebvre (Journ. de Pharm. et de Chim. 26, 241 [1907]).

Уже въ старину растение это служило цѣлью многочисленныхъ работъ. Такъ напр. Плутархъ и Dioscoridъ пишутъ о ядовитомъ свойствѣ „ягодъ“ тисса. Страбонъ упоминаетъ о сокѣ листьевъ, употребляемомъ галлами для отравленія стрѣлъ и т. д. Въ началѣ 18. столѣтія Lemery было извѣстно, что плоды тисса при поѣданіи производятъ дизентерію и лихорадку. Въ 1818 г. Chevalier и Lassaigue впервые изслѣдовали плоды и получили жиробразную массу краснаго цвѣта, различныя органическія кислоты и сахаристое вещество способное къ броженію. Въ 1856 г. Lucas изслѣдовалъ растение по способу Stass и получилъ бѣлый порошокъ съ токсическими свойствами названный имъ таксиномъ.

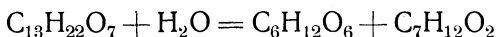
Для добыванія гликозида таксикатина кипятятъ свѣжія листья и вѣточки растенія (8 Ко) съ достаточнымъ количествомъ воды (26 литровъ) въ продолженіе 20 минутъ, прибавляя небольшое количество углекислаго кальція. Жидкость сливаютъ, остатокъ выжимаютъ и снова кипятятъ съ водой. Собранныя жидкости (около 28 литровъ) фильтруютъ и выпариваютъ подъ уменьшеннымъ давленіемъ до густоты экстракта (1,2 Ко). Экстрактъ извлекаютъ нѣсколько разъ кипящимъ уксуснымъ эфиромъ (всего 5 Ко). Эфирныя вытяжки выпариваютъ до опредѣленной густоты (300 куб. с.); при охлажденіи выдѣляются кристаллы постороннихъ веществъ, отъ которыхъ жидкость отдѣляется фильтрованіемъ. Фильтратъ, содержащій гликозидъ, выпариваютъ въ водяной банѣ до густоты сиропа и растворяютъ въ маломъ количествѣ 95% спирта; повторяютъ эту операцію еще разъ до исчезновенія запаха уксуснаго эфира. Полученная жидкость слабо-бураго цвѣта (220 гр.) и при обработкѣ водой (2,5 литра) выдѣляетъ бѣловатую легкую массу, отъ которой отдѣляется фильтрованіемъ. Къ фильтрату прибавляютъ свинцоваго уксуса (700 кб. с.), снова фильтруютъ и къ фильтрату прибавляютъ амміака (170 кб. с.). Выдѣляющійся осадокъ содержитъ гликозидъ въ видѣ свинцоваго соединенія. Осадокъ собираютъ, слегка промываютъ и распредѣляютъ въ водѣ; разлагаютъ осторожнымъ прибавленіемъ сѣрной кислоты. Не должно прибавить ни малѣйшаго избытка послѣдней. Затѣмъ отфильтруютъ отъ осадка сѣрнокислаго свинца и

фильтратъ выпариваютъ до суха при уменьшенномъ давленіи. Дальнѣйшее очищеніе таксикатина достигается повторнымъ раствореніемъ въ безводномъ уксусномъ эфирѣ, выпариваніемъ до суха прибавляя крѣпкаго спирта, обезцвѣчиваніемъ съ помощью животнаго угля и, наконецъ, перекристаллизаціей изъ спирта и воды. Изъ 8 Кг свѣжаго растительнаго матеріала получается около 8,5 гр. таксикатина. Содержаніе гликозида колеблется въ растеніи смотря по времени года. Самый обильный выходъ бываетъ въ зимніе мѣсяцы. Въмѣстѣ съ гликозидомъ въ растеніи находятся ферменты эмульсинъ и инвертинъ.

Таксикатинъ представляетъ безцвѣтныя иглы сгруппированныя на подобіе сферокристалловъ, безъ запаха и слабо горькаго вкуса. Растворяется въ 95 чч. воды при 20°. Довольно легко растворимъ также въ спиртѣ и уксусномъ эфирѣ, нерастворимъ въ этиловомъ эфирѣ и хлороформѣ. Плавится при 164—165°, въ безводномъ состояніи при 170—171° и вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D = -72,9^{\circ}.$$

Разведенная сѣрная кислота (2%) и эмульсинъ расщепляютъ таксикатинъ по уравненію

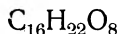
на глюкозу и аморфное ближе неизслѣдованное вещество состава $C_7H_{12}O_2$, мало растворимое въ водѣ, легко въ хлороформѣ и уксусномъ эфирѣ и окрашивающее крѣпкую азотную кислоту въ фіолетовый цвѣтъ. Таксикатинъ окрашивается отъ того же реактива въ интенсивно синій цвѣтъ, похожій на цвѣтъ берлинской лазури.

Сем. Pinaceae.

Съ достовѣрностью извѣстны пока четыре гликозида изъ этого семейства: кониферинъ, пинипикринъ, пицэинъ и туйинъ. Важнѣйшее значеніе имѣетъ кониферинъ какъ матеріалъ для полученія ваниллина.

Кромѣ того доказано присутствіе глюкотанноида въ шишкахъ *Sequoia giganteae*.

Кониферинъ

Встрѣчается въ камбіальномъ сокѣ всѣхъ хвойныхъ. Кромѣ того присутствіе его доказано въ нѣкото-

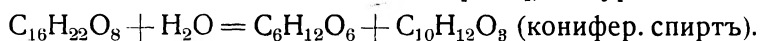
рыхъ растеніяхъ другихъ семействъ какъ напр. въ спаржѣ: *Asparagus*, свекловицѣ: *Beta vulgaris*, въ *Scorzonera hispanica* и др. Goulding и Russel Pelly (Proc. Chem. Soc. XXIV, 62 [1908]) добывали изъ корня *Chlorocodon Whitei* Hook Son, кристаллическое вещество похожее на ванилинъ (изомеръ его, монометилловый эфиръ дигидроксibenзальдегида $C_7H_5O_2 \cdot O \cdot CH_3$) и представляющее по всей вѣроятности продуктъ распада гликозида сходнаго или тождественнаго съ конифериномъ.

Кониферинъ добывается изъ камбіальнаго сока видовъ *Abies*, *Pinus*, *Larix* и др. Для свертыванія бѣлковыхъ веществъ сокъ подвергаютъ кипяченію и фильтруютъ. Фильтратъ выпариваютъ до $\frac{1}{5}$ первоначальнаго объема и оставляютъ для кристаллизаціи. Выдѣлившіеся кристаллы растворяютъ въ кипящей водѣ, обезцвѣчиваютъ животнымъ углемъ и перекристаллизуютъ. Кониферинъ представляетъ безцвѣтные прозрачные кристаллы слабо горькаго вкуса, трудно растворимые въ холодной (1:200), легко въ горячей водѣ и спиртѣ и нерастворимые въ эфирѣ. Содержитъ 2 чч. кристалл. воды. Въ безводномъ состояніи плавится при 185° и вращаетъ влѣво

$$(\alpha) D_{20}^{\circ} = -66,9^{\circ}.$$

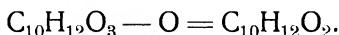
Водный растворъ кониферина не окрашивается хлорнымъ желѣзомъ и съ уксуснокислымъ свинцомъ не даетъ осадка. Синяя окраска, появляющаяся при дѣйствіи соляной кислоты и фенола на сосновую лучинку, зависитъ отъ присутствія въ ней кониферина. Крѣпкая сѣрная кислота окрашиваетъ кониферинъ въ темнофіолетовый цвѣтъ, переходящій потомъ въ красный. Крѣпкая соляная кислота при нагрѣваніи даетъ синее окрашиваніе. Водный растворъ тимола въ присутствіи бертолетовой соли тоже даетъ синее окрашиваніе (Molisch). При нагрѣваніи съ разведенными кислотами кониферинъ расщепляется на глюкозу и смолоподобное вещество.

Эмульсинъ при $25-36^{\circ}$ расщепляетъ кониферинъ на глюкозу и конифериловый спиртъ (Tiemann и Haarmann, Ber. Deut. Chem. Ges. 7, 608 [1874]) по уравненію

При окисленіи кониферина хромовой кислотой на холоду образуется глюкованилинъ $C_{14}H_{18}O_8 + H_2O$; хамелеонъ же окисляетъ его въ глюкованилиновую кислоту $C_{14}H_{18}O_9 + H_2O$.

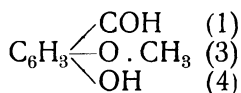
При окисленіи кониферина хромовой смѣсью получается ваниллинъ. При восстановленіи кониферина амальгамой натрія образуется эйгенолъ (изъ кониферилового спирта):

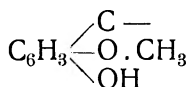
При нагреваніи кониферина съ уксуснымъ ангидридомъ получается тетраацетиловое производное $\text{C}_{16}\text{H}_{18}(\text{C}_2\text{H}_3\text{O})_4\text{O}_8$ плавящееся при 125—126°.

Конифериловый спиртъ $\text{C}_{10}\text{H}_{12}\text{O}_3$ представляетъ бѣлые кристаллы безъ запаха, мало растворимые въ водѣ, легче въ спиртѣ и легко въ эфирѣ. Плавится при 73—74° и при окисленіи хромовою смѣсью образуетъ ваниллинъ вмѣстѣ съ уксуснымъ альдегидомъ и уксусной кислотой.

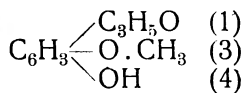
Ваниллинъ¹⁾ представляетъ метиловый эфиръ протокатехового альдегида

Такъ какъ продуктъ распада кониферина, а именно конифериловый спиртъ при окисленіи переходитъ въ ваниллинъ, то ясно, что въ немъ присутствуетъ остатокъ

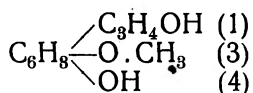
и, такъ какъ недостающіе элементы могутъ быть соединены только съ этимъ атомомъ углерода, то изъ этого выводится строеніе кониферилового спирта

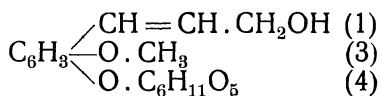
Боковая группа $\text{C}_3\text{H}_5\text{O}$ можетъ имѣть характеръ кетоннаго, альдегиднаго или спиртоваго остатка. Но, такъ какъ продуктъ распада кониферина не обладаетъ ни свойствомъ кетона, ни аль-

1) Lecomte объясняетъ присутствіе свободного ванилина въ растеніяхъ слѣдующимъ образомъ. Кониферинъ находящійся въ растительныхъ тканяхъ подъ дѣйствіемъ эмульсина и др. ферментовъ расщепляется на конифериловый спиртъ и глюкозу; первый подъ дѣйствіемъ энзимовъ изъ группы оксидазъ окисляется въ ваниллинъ.

дегида, то остатокъ C_3H_5O можетъ имѣть лишь группировку

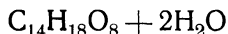
т. е. конифериловый спиртъ въ одно и то же время имѣетъ характеръ ароматическаго (коричнаго) спирта и двухатомнаго фенола (пирокатехина). На основаніи этихъ данныхъ гликозидъ кониферинъ считается эфиромъ глюкозы и ему приписывается строеніе

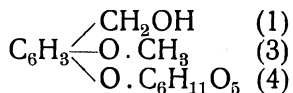
Физиологическія свойства. При подкожномъ впрыскиваніи кониферинъ переходитъ въ мочу въ видѣ ваниллин-глюкуроновокислаго калия.

Изъ продуктовъ разложенія кониферина укажемъ

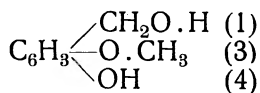
Глюкованиллинъ.

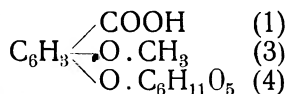
Глюкованиллинъ или альдегидъ глюкованилиновой кислоты получается по Тіетманн'у при дѣйствіи 8 чч. CrO_3 на смѣсь изъ 10 чч. кониферина и 300 чч. воды въ продолженіе пяти дней при обыкновенной температурѣ. Безцвѣтныя иглы довольно легко растворимыя въ эфирѣ. Плавится при 192° и при окисленіи хамелеономъ переходитъ въ глюкованилиновую кислоту. При восстановленіи амальгамой натрія образуется глюкованиллиновый спиртъ

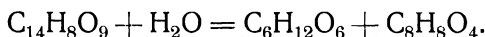
въ видѣ кристалловъ вращающихъ вправо и плавящихся при 120° . Какъ глюкованиллинъ, такъ и глюкованиллиновый спиртъ расщепляются разведенными кислотами и эмульсиномъ. Первый при этомъ даетъ глюкозу и ваниллинъ: $C_{14}H_{18}O_8 + H_2O = C_6H_{12}O_6 + C_8H_8O_3$, а второй — глюкозу и ваниллиновый спиртъ:

Глюкованилиновая кислота

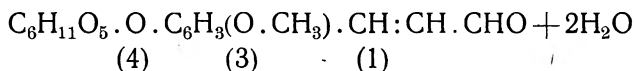

Представляет тонкія иглы трудно растворимыя въ холодной, легче въ горячей водѣ и спиртѣ, не растворимыя въ эфирѣ. Плавится при 211—212° и возгоняется, отчасти разлагаясь. Получается при окисленіи кониферина перманганатомъ калия. Эмульсиномъ расщепляется на глюкозу и ванилиновую кислоту:

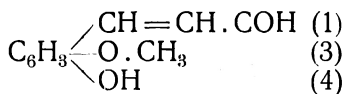

Изъ продуктовъ конденсаціи глюкованилина съ альдегидами и кетонами извѣстны:

Глюкоферулевой альдегидъ

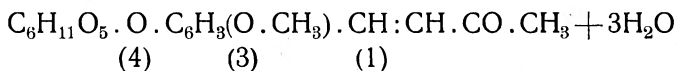

Свѣтложелтыя иглы легко растворимыя въ эфирѣ, хлороформѣ и бензолѣ. Плавится при 202° и расщепляется эмульсиномъ на глюкозу и ферулевой альдегидъ

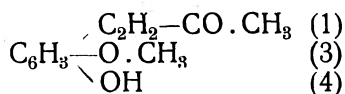
Получается по Tiemann'у (Ber. Deut. Chem. Ges. 18, 3481 [1885]) дѣйствіемъ уксуснаго альдегида на глюкованилинъ въ слабощелочной средѣ. Съ фенилгидразиномъ даетъ производное въ видѣ бѣлой студенистой массы по высушиваніи принимающей желтый цвѣтъ.

Метилкетонъ глюкоферулевой кислоты

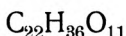
Получается по Tiemann'у (l. c.) аналогично предыдущему соединенію сочетаніемъ ацетона съ глюкованилиномъ. По свойствамъ представляетъ сходство съ глюкоферулевымъ альде-

гидомъ. Плавится при 207° и эмульсиномъ расщепляется на глюкозу и метилкетонъ ферулевой кислоты

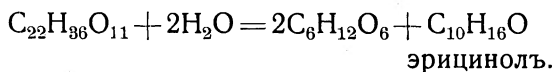
Литература: Jahrbuch f. Förster 1861, 263. Journ. pract. Chemie 97, 243 (1866). Hartig und Kubel, Ztschr. f. Chem. 1866, 339. Lippmann, Ber. Deut. Chem. Ges. 16, 44 (1883) тамъ же 18, II. 3335, (1885); тамъ же 25. II. 3221 (1892). Singer, Monatshefte für Chemie 3, 402 (1882); Dissert. Berlin 1872; Ber. Deut. Chem. Ges. 7, 608 (1874); тамъ же 8, 509 (1875); тамъ же 9, 409, 1278 (1876). Tiemann und Haarmann, Ber. Deut. Chem. Ges. 7, 608 (1874).

Пинипикринъ

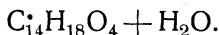
Пинипикринъ полученъ впервые Kawalier'омъ (Journal pract. Chemie 60, 321 [1853]); тамъ же 64, 16 [1854]) изъ коры *Pinus silvestris* L. и изъ зеленыхъ частей *Thuja occidentalis* L., а потомъ присутствие его было доказано и въ *Juniperus Sabina* (Thal, Dissert. Dorpat, 1883).

Пинипикринъ представляетъ аморфный порошокъ желтобурого цвѣта, сильно горькаго вкуса и при гидратации разведенной сѣрной кислотой даетъ эрицинолъ, тождественный съ эрицинолемъ изъ эриколина и глюкозу по уравненію

Пинипикринъ плавится при 100° .

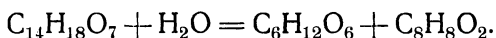
Пицэинъ

Полученъ Tanret (Bull. de la Soc. chim. 3, 11, 944 [1894]) изъ свѣжихъ побѣговъ *Pinus picea*. Для добыванія пицэина обрабатываютъ свѣжіе побѣги кипящей водой, содержащей на каждое кило растительнаго матеріала по 5 граммъ двууглекислой соды. Собранныя жидкости послѣ фильтраціи освобождаютъ отъ постороннихъ веществъ осажденіемъ средней уксусносвинцовой солью, и изъ фильтрата осаждаютъ гликозидъ амміачнымъ растворомъ уксуснокислаго свинца.

Полученный осадокъ собираютъ и разлагаютъ разведенной сѣрной кислотой. Фильтратъ точно усредняютъ углекислымъ магнеіемъ и выпариваютъ до густоты сиропа. Въ остаткѣ растворяютъ опредѣленное количество сѣрноокислаго магнеія (около одной трети его вѣса) и смѣсь извлекаютъ уксуснымъ эфиромъ. Остатокъ послѣ испаренія уксуснаго эфира перекристаллизуютъ изъ спирта или воды.

Въ чистомъ видѣ пицѣинъ представляетъ иглы, довольно легко растворимыя въ хлороформѣ и эфирѣ. Плавится при 194° (безводный) и разведенными кислотами расщепляется на глюкозу и пицеоль:

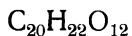

Пицеоль $C_8H_8O_2$ кристаллизуется изъ воды въ тонкихъ иглахъ легко растворимыхъ въ спиртѣ, эфирѣ и хлороформѣ. Плавится при 100° и имѣетъ свойства одноатомнаго фенола.

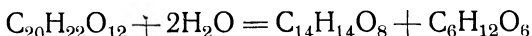
Пицѣинъ при нагреваніи съ баритовой водой въ замкнутомъ сосудѣ расщепляется на пицеоль и левуглюкозанъ $C_6H_{10}O_5$ (Taupret). Послѣднее соединеніе кристаллизуется въ орторомбическихъ иглахъ, легко растворимыхъ въ водѣ и спиртѣ, труднѣе въ этиловомъ и уксусномъ эфирахъ. Не возстановляетъ фелинговой жидкости и съ уксуснымъ ангидридомъ даетъ триацетиловое производное $C_6H_7O_6(O \cdot C_2H_5)_3$.

Крѣпкая сѣрная кислота окрашиваетъ пицѣинъ въ краснобурый цвѣтъ. Амміачный растворъ уксуснокислаго свинца даетъ осадокъ состава $C_{14}H_{14}O_7Pb_2$.

Туйинъ

Туйинъ вмѣстѣ съ туйигениномъ встрѣчается въ зеленыхъ частяхъ туи, *Thuja occidentalis* L. (Rochleder und Kawalier, Journ. f. pract. Chemie 74, 8; Wachs, Dissert. Dorpat 1892). Туйинъ имѣетъ видъ лимонножелтаго цвѣта четырехугольныхъ микроскопическихъ плиточекъ, легко растворимыхъ въ холодной водѣ. При продолжительномъ нагреваніи съ разведенными минеральными кислотами расщепляется на глюкозу и туйетинъ:

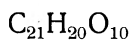
Туйетинъ $C_{14}H_{14}O_8$ есть желтый кристаллическій порошокъ,

нерастворимый въ водѣ, растворимый въ спиртѣ и эфирѣ. Съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ черное окрашиваніе. При кипяченіи туйина и туйетина съ баритовой водой образуется туйетиновая кислота $C_{28}H_{22}O_{18}$.

Для полученія туйина извлекаютъ зеленныя части растенія спиртомъ. Изъ вытяжекъ спиртъ отгоняютъ и остатокъ послѣ смѣшиванія съ водой фильтруютъ. Изъ фильтрата сперва осаждаютъ туйинъ нейтральной уксусносвинцовой солью и остающійся въ растворѣ другой глюкозидъ туйигенинъ выдѣляютъ свинцовымъ уксусомъ. Осадки освобождаютъ отъ свинца сѣроводородомъ и гликозиды очищаютъ обычнымъ способомъ.

Туйигенинъ $C_{14}H_{12}O_7$ представляетъ желтаго цвѣта микроскопическія иглы, трудно растворимыя въ водѣ, легко въ спиртѣ. Съ метилхлоридомъ даетъ смолоподобное соединеніе.

Глюкотанноидъ *Sequoiae giganteae*

Въ шишкахъ исполинской сосны *Sequoia gigantea* (Калифорнія) находится глюкотанноидъ расщепляемый разведенными кислотами на галловую кислоту и сахаръ, вращающій вправо (Heyl, Pharm. Centrahalle 1901, 379). Хлорное желѣзо даетъ въ растворахъ глюкотанноида бурокраснаго цвѣта осадокъ. Отъ двууглекислой соды получается фіолетовое окрашиваніе. Глюкотанноидъ растворимъ въ водѣ, метиловомъ и этиловомъ спиртахъ и въ глицеринѣ.

Классъ *Angiospermae*. Покрытосѣмянные.

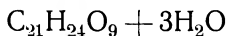
Monocotylae. Однодольныя.

Порядокъ *Liliiflorae*. Лиліецвѣтныя.

Сем. *Liliaceae*.

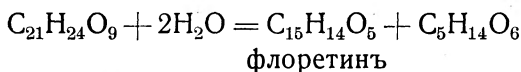
Изъ этого семейства мы рассмотримъ здѣсь глицифилинъ, гликозиды ландыша, гликозиды сабура и сциллаинъ. Остальные гликозиды выдѣленные изъ представителей этого семейства имѣютъ характеръ сапониновъ и рассматриваются въ главѣ объ этихъ послѣднихъ.

Глицифиллинъ

Глицифиллинъ полученъ изъ листьевъ и стеблей сарсапарили *Smilax glycyphylla* (Remme, Wright, Journ. Chem. Soc. 39, 237 [1881]; Chem. News 54, 258 [1886]; Journ. Chem. Soc. 49, 875 [1886]). Добывается изъ спиртоваго экстракта растенія. Экстрактъ освобождаютъ отъ бѣлковыхъ веществъ обработкой со спиртомъ. Спиртъ удаляютъ выпариваніемъ и остатокъ извлекаютъ эфиромъ. Полученные по испареніи эфира кристаллы очищаютъ перекристаллизаціей изъ горячей воды.

Глицифиллинъ кристаллизуется изъ воды въ видѣ длинныхъ призмъ сладкаго вкуса. Плавится при 175—180°, мало растворимъ въ холодной, легко въ горячей водѣ, въ спиртѣ и эфирѣ и нерастворимъ въ хлороформѣ, бензолѣ и петролейномъ эфирѣ. При нагрѣваніи съ разведенной сѣрной кислотой присоединяетъ 2 чч. воды и расщепляется на флоретинъ, тождественный съ флоретиномъ изъ флоридцина и изодульцитъ:

При сплавленіи глицифиллина съ ѣдкимъ кали получается флоретиновая кислота (пара — оксигидратроповая).

Гликозиды ландыша.

Конвалламаринъ вмѣстѣ съ конваллариномъ находится въ различныхъ частяхъ ландыша, *Convallaria majalis*. Для добыванія конвалламарина (Walz, Jahrb. für Chem. 1858, 518) растеніе вмѣстѣ съ корнемъ, собранное во время цвѣтенія или вскорѣ послѣ того кипятятъ сперва съ водой, а затѣмъ остатокъ со спиртомъ. Водная вытяжка содержащая конвалламаринъ осаждается свинцовымъ уксусомъ. Фильтратъ отъ осадка освобождаютъ отъ свинца и обрабатываютъ танниномъ. Полученный осадокъ собираютъ, промываютъ и, послѣ высушиванія, извлекаютъ спиртомъ. Спиртовая вытяжка обрабатывается гидратомъ окиси свинца при слабомъ нагрѣваніи; отдѣленный отъ осадка фильтратъ освобождаютъ отъ свинца сѣроводородомъ и выпариваютъ. Остатокъ снова подвергаютъ обработкѣ танниномъ и т. д.

Въ спиртовомъ извлеченіи находится главнымъ образомъ конвалларинъ. Спиртовое извлеченіе, какъ и при первомъ гликозидѣ водное, осаждаютъ свинцовымъ уксусомъ. Фильтратъ освобождаютъ отъ свинца и выпариваютъ для кристаллизаціи. Выдѣлившійся гликозидъ промываютъ эфиромъ и перекристаллизуютъ изъ спирта.

Конвалламаринъ $C_{23}H_{44}O_{12}$ (?) представляетъ бѣлый кристаллическій порошокъ легко растворимый въ спиртѣ и водѣ, очень мало въ эфирѣ и нерастворимый въ хлороформѣ и амиловомъ спиртѣ; имѣетъ сладковатогорькій вкусъ. При нагрѣваніи съ разведенной сѣрной кислотой распадается на сахаръ и конвалларетинъ $C_{20}H_{36}O_8$ (?); послѣдній выдѣляется сперва въ видѣ кристаллическихъ частичекъ, которыя при высушиваніи образуютъ смолообразную массу.

Конвалламаринъ представляетъ весьма сильный сердечный ядъ.

Конвалларинъ $C_{34}H_{62}O_{11}$ (?) кристаллизуется въ прямоугольныхъ столбикахъ почти не растворимыхъ въ водѣ, легко растворимыхъ въ спиртѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ. При кипяченіи съ разведенной сѣрной кислотой расщепляется на сахаръ и конвалларетинъ $C_{14}H_{26}O_3$, кристаллическое вещество растворимое въ эфирѣ. Крѣпкая сѣрная кислота растворяетъ конвалламаринъ и конвалларинъ желтымъ пвѣтомъ; желтое окрашиваніе скоро переходитъ въ бурое и, наконецъ, въ вишневокрасное.

Конвалларинъ на сердце не дѣйствуетъ; раздражаетъ кишечникъ.

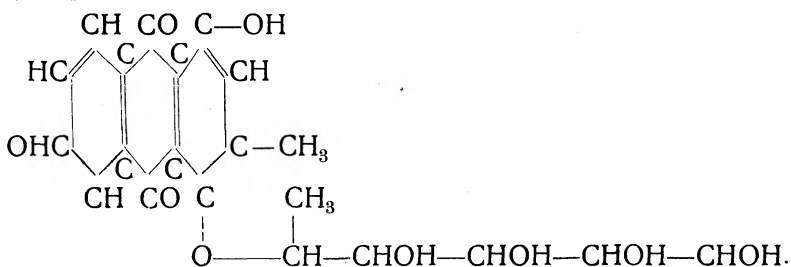
Гликозиды сабура.

Различные сорта сабура (отъ *Aloë ferox*, *A. africana*, *A. vulgaris*) содержатъ соединенія оксиантрахиноновыя. Tschirch въ 1898 г. (Ber. Deut. Pharm. Ges. 8, 1174) доказалъ въ сабурѣ присутствіе веществъ близкихъ къ гликозидамъ. Эти гликозидныя вещества, названные алоинами (барбъ-алоинъ сокотра — капъ — курасао — занзибаръ и натала-лоины) были ближе изучены Legér (Journ. de Pharm. et de Chim. 1904, I; Comp. rend. 125, 175 [1897]), причемъ авторъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „алоины суть гликозиды не расщепляемые ни ферментами ни энзимами; расщепленіе же происходитъ, если растворы алоиновъ оставить

стоять на болѣе долгое время, не прибавляя никакихъ расщепляющихъ агентовъ.“

При расщепленіи алоиновъ (барбалоина) разведенными кислотами кромѣ тріоксиметилантрахинона не получилось другого продукта распада. Legér, однако, замѣтилъ, что въ водныхъ вытяжкахъ изъ сабура алоины по происшествіи довольно долгаго времени (до 2 лѣтъ) совершенно исчезли и въ растворѣ оказалось кромѣ тріоксиметилантрахинона или алоэ-эмо-дина сахаристое вещество алоиноза. Дѣйствіемъ перекиси натрія и другихъ окислителей какъ азотной кислоты, хромовой соли, алоины тоже расщепляются, причемъ получаютъ дериваты антрахинона, какъ метилизоксихризазонъ и сахаръ принадлежащій къ группѣ альдопентозъ. Сахаръ этотъ былъ полученъ въ видѣ безцвѣтнаго сиропа вращающаго влѣво.

Для барбалоина Legér предлагаетъ слѣдующую формулу строения

Барбалонъ при нагреваніи на 160—165° въ продолженіе 3 часовъ переходитъ въ β -барбалоинъ (Legér, Journ. Pharm. et de Chim. 1908, I, 5). β -Барбалоинъ есть аморфное соединеніе, дающее подъ вліяніемъ крѣпкой соляной кислоты и бертолетовой соли при низкой температурѣ хлордериватъ состава $\text{C}_{21}\text{H}_{16}\text{Cl}_4\text{O}_9$ въ видѣ желтыхъ кристаллическихъ иглъ.

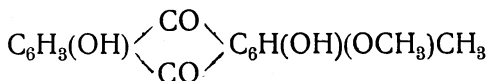
Бромдериватъ β -барбалоина $\text{C}_{21}\text{H}_{16}\text{Br}_4\text{O}_9$ получается дѣйствіемъ бромной воды на барбалоинъ въ водномъ растворѣ и представляетъ призматическія иглы растворимыя въ холодной водѣ; изъ воды кристаллизуется съ 5 частицами крист. воды. β -Барбалоинъ встрѣчается въ различныхъ сортахъ сабура, какъ въ Капскомъ сабурѣ, въ сабурѣ изъ Уганды и пр.

Наталалоинъ.

Наталалоинъ есть гликозидъ изъ натальскаго сабура;

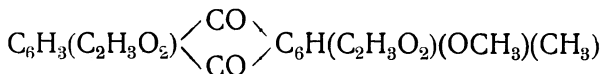
подъ дѣйствиємъ перекиси натрія даетъ метиловый эфиръ тріоксиметилантрахинона, т. е. наталоэмодинъ (Legér, Journ. de Pharm. et de Chim. 1905, II, 8).

Метилнаталоэмодинъ

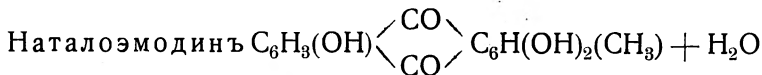

Представляетъ оранжевожелтаго цвѣта иголки. При нагрѣваніи съ большимъ избыткомъ ѣдкого кали на 300° это соединеніе переходитъ въ черную массу, растворимую въ щелочахъ. Щелочной растворъ полученнаго продукта по нейтрализации кислотой и извлеченіи эфиромъ даетъ по испареніи эфира кислоту въ видѣ безцвѣтныхъ иголъ мало растворимыхъ въ холодной водѣ и имѣющихъ характеръ α -оксифталевой кислоты $\text{C}_6\text{H}_3(\text{CO}_2\text{H})_2(\text{OH})_4$ 1:3. Дѣйствиємъ брома на метилнаталоэмодинъ получаютъ продукты замѣщенія. Пятибромистый метилнаталоэмодинъ $\text{C}_{16}\text{H}_7\text{Br}_5\text{O}_6$ представляетъ красныя иглы съ т. пл. $293-295^\circ$.

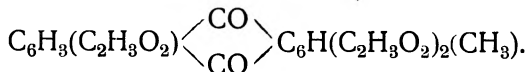
При нагрѣваніи метилнаталоэмодинъ съ ангидридомъ уксусной кислоты и уксуснокислымъ натріемъ на 130° въ продолженіе 4 часовъ получается діацетилметилнаталоэмодинъ

(Legér) который кристаллизуется изъ метиловаго спирта въ видѣ блестящихъ иголъ желтаго цвѣта съ т. пл. 169° .

получается при нагрѣваніи метилнаталоэмодинъ съ соляной кислотой (насыщенный водный растворъ HCl при 0°) въ запаянной трубкѣ на 180° . Представляетъ третій изомеръ тріоксиметилантрахиноновъ. Плавится при $214,5^\circ$ и при нагрѣваніи съ ангидридомъ уксусной кислоты и уксуснокислымъ натріемъ на 130° даетъ тріацетилдериивать формулы

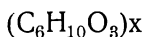

Послѣдній кристаллизуется изъ метиловаго спирта въ безводныхъ лимонножелтаго цвѣта иглахъ съ точкой пл. 203,7°.

Алоины имѣютъ примѣненіе какъ слабительныя.

Литература. Pereira, N. Rep. Pharm. 1, 467. Groves, Pharm. Journ. Trans. 16. 128 [1856]; Flückiger, Jahrb. Pharm. 1871, 577; тамъ же 1872, 629; тамъ же 1875, 540; Arch. Pharm. 208, 115 [1890]; Legér, Compt. rend. 125, 185 [1897]; Ber. Deut. Pharm. Ges. 8, 175 (1898); Compt. rend. 127, 234 (1898); Bull. Soc. Chim. (3), 21, 608, (1899); тамъ же 23, 785 (1900); Ztschr. für anal. Chem. 19, 165 (1880); Arch. Pharm. 1883, 363; Tschirch, Ber. Deut. Pharm. Ges. 8, 174 (1888); тамъ же 8, 174 (1898).

Сциллаинъ

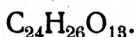
Сциллаинъ находится въ морскомъ лукѣ *Scilla maritima* L., *Urginea Scilla* Steinh. и добывается по v. Jarmerstedt (Arch. Exper. Path. 11, 22 [1879]) извлеченіемъ изъ воднаго экстракта морского лука кипящимъ спиртомъ. Спиртовое извлеченіе охлажденное и фильтрованное освобождается отъ спирта и остатокъ растворяется въ водѣ. Къ водному раствору прибавляютъ окиси свинца и фильтруютъ. Фильтратъ содержащій гликозидъ освобождаютъ отъ свинца сѣроводородомъ, избытокъ послѣдняго удаляютъ нагрѣваніемъ а жидкость обрабатываютъ животнымъ углемъ. Собранный животный уголь сперва освобождаютъ отъ горькихъ веществъ промываніемъ водой, пока послѣдняя не утратила совершенно возстановляющаго свойства и, наконецъ, гликозидъ извлекаютъ кипящимъ безводнымъ спиртомъ.

Сциллаинъ, изрѣдка примѣняемый въ медицинѣ какъ мочегонное, имѣетъ видъ аморфнаго свѣтложелтаго порошка, трудно растворимаго въ эфирѣ, легко въ водѣ и спиртѣ. При нагрѣваніи съ разведенной сѣрной кислотой образуется декстроза и изопропиловый спиртъ.

Сем. Iridaceae.

Изъ сем. касатиковыхъ извѣстны глюкозиды иридинъ, кроцинъ и пикрокроцинъ.

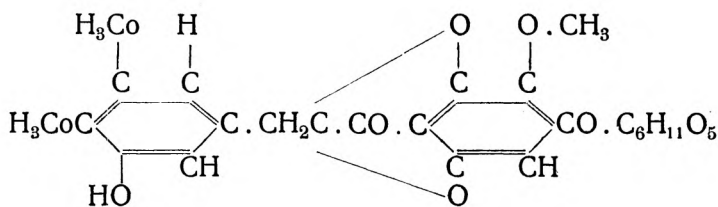
Иридинъ

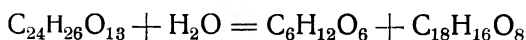
Въ сухихъ клубнекорняхъ касатика, *Iris florentina* Laire и Tiemann (Ber. Deut. Chem. Ges. 26, 2010 [1893]) нашли гликозидъ иридинъ, обладающій своеобразными свойствами и составомъ.

Добываніе. 10 кило порошка корня обрабатываютъ спиртомъ. Къ полученному извлеченію прибавляютъ при взбалтываніи смѣсь изъ 2 литровъ теплой воды и 1 литра смѣси ацетона съ хлороформомъ (уд. вѣса 0,95). При стояніи жидкость раздѣляется на два слоя. Въ нижнемъ водяномъ растворѣ находятся глюкоза, органическія кислоты, красящія вещества и пр.; верхній слой, ацетонохлороформенный, содержитъ большую часть нерастворимыхъ въ водѣ веществъ. Самъ гликозидъ плаваетъ въ видѣ бѣлой аморфной массы въ окрашенной въ темный цвѣтъ нижней жидкости. Верхній слой жидкости отдѣляютъ сливаніемъ, гликозидъ собираютъ на фильтрѣ, промываютъ малымъ количествомъ горячей воды и сушатъ при 100°. Полученный бѣлый порошокъ промываютъ эфиромъ и лигроиномъ и перекристаллизовываютъ изъ разведеннаго кипящаго спирта.

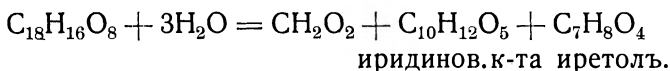
Иридинъ, которому Van Rijn придаетъ строеніе

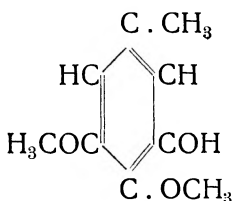
представляетъ тонкія бѣлыя иглы, плавящіяся при 208° и принимающія при стояніи на воздухѣ слабожелтоватое окрашиваніе. Иридинъ почти не растворимъ въ водѣ, легко растворяется въ ацетонѣ и горячемъ спиртѣ; нерастворимъ въ эфирѣ, уксусномъ эфирѣ, бензолѣ и хлороформѣ. Растворъ иридина въ ацетонѣ осаждается хлороформомъ. При нагрѣваніи съ разведенной сѣрной кислотой на 80—100° иридинъ расщепляется на глюкозу и иригенинъ:

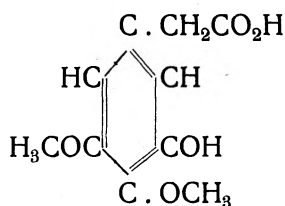
Иригенинъ $C_{18}H_{16}O_8$ получается осаждениемъ водой изъ спиртоваго раствора въ видѣ отчетливыхъ ромбоэдровъ. Плавится при 186° ; легко растворимъ въ спиртѣ, бензолѣ и хлороформѣ при нагрѣваніи; а на холоду и въ уксусномъ эфирѣ; трудно растворимъ въ водѣ, эфирѣ и лигроинѣ. Съ хлорнымъ желѣзомъ иригенинъ даетъ даже въ весьма разведенныхъ растворахъ темнофіолетовое окрашиваніе. Щелочи растворяютъ иригенинъ сначала желтымъ цвѣтомъ, переходящимъ потомъ въ темный. Съ хлористымъ бензоиломъ иригенинъ даетъ дибензоилиригенинъ $C_{18}H_{14}O_8(COC_6H_5)_2$ съ т. пл. $123-126^{\circ}$; съ уксуснымъ ангидридомъ получается діацетиловое производное $C_{18}H_{14}O_8(COCH_3)_2$, плавящееся при 122° . При нагрѣваніи иригенина съ крѣпкимъ растворомъ ѣдкаго кали образуются муравьиная кислота, иретоль и иридиновая кислота:

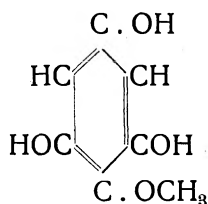
Иридиновая кислота $C_{10}H_{12}O_5$ представляетъ безцвѣтныя призмы, растворимыя въ водѣ, спиртѣ, эфирѣ, хлороформѣ и ацетонѣ. Со щелочами и металлами щелочныхъ земель образуетъ соли. При нагрѣваніи иридиновой кислоты выше ея т. пл. она разлагается съ образованіемъ угольнаго ангидрида и фенола, названнаго иридолемъ. $C_6H_2(OCH_3)_2OH \cdot CH_3$. При нагрѣваніи иридола съ растворомъ ѣдкаго кали и хлороформомъ получаютъ два изомерныхъ альдегида. Съ хлористымъ бензоиломъ иридолъ даетъ бензоилиридолъ $C_7H_5(OCH_3)_2(OCOC_6H_5)$ съ т. пл. 68° и съ іодистымъ метиломъ метилиридолъ $C_7H_5(OCH_3)$, жидкость съ т. кип. $236-237^{\circ}$. При окисленіи хамелеономъ послѣднее соединеніе даетъ триметилгалловую кислоту $C_6H_2(CO_2H)(OCH_3)_3$ 1:3:4:5. На основаніи этихъ реакцій выводятся строеніе иридола

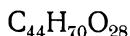
а для иридиновой кислоты

Иретолъ, $\text{C}_7\text{H}_8\text{O}_4$, третій продуктъ распада иригенина, представляетъ бѣлыя иглы съ т. пл. 186° . Emil Kohner (Chem. Centralbl. 1900, I, 417) получилъ иретолъ синтетически кипяченіемъ діамидодіоксibenзолметиловаго эфира съ водой, содержащей небольшое количество хлористаго олова и въ присутствіи угольнаго ангидрида. На основаніи этого синтеза иретолъ разсматривается какъ метиловый эфиръ оксифлороглуцина, съ каковымъ строеніемъ согласуются всѣ его химическія свойства:

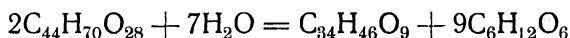
Кроцинъ

Кроцинъ или полихроитъ (Kayser, Ber. Deut. Chem. Ges. 17, 2228 [1884]) встрѣчается вмѣстѣ съ другимъ гликозидомъ пикрокроциномъ въ рыльцахъ шафрана *Crocus sativus*. Quadrat (Journ. pract. Chem. 56, 68) предлагаетъ для кроцина составъ $\text{C}_{20}\text{H}_{26}\text{O}_{11}$, а Marchlewski (Arch. Pharm. 278, 349) $\text{C}_{15}\text{H}_{20}\text{O}_7$.

Кроцинъ получается изъ высушеннаго при 100° шафрана, предварительно освобожденнаго отъ жирнаго масла и пр. эфиромъ. Обезжиренный шафранъ обрабатываютъ на холоду водой до полного извлеченія красящаго вещества. Водное извлеченіе взбалтываютъ съ животнымъ углемъ, который поглощаетъ кроцинъ. Собранный животный уголь послѣ промыванія водой извлекаютъ кипящимъ 90% спиртомъ. Спиртовая вытяжка оставляетъ по выпариваніи желтоватобурую массу, послѣ растиранія принимающую видъ желтаго по-

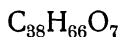
рошка. Кроцинъ легко растворимъ въ водѣ и спиртѣ, нерастворимъ въ эфирѣ. Крѣпкая сѣрная кислота окрашивается кроциномъ въ интенсивно синій цвѣтъ, переходящій потомъ въ фіолетовый, вишневокрасный и, наконецъ, въ бурый. Крѣпкая азотная кислота окрашивается въ синій цвѣтъ; синее окрашиваніе затѣмъ измѣняется въ желтое. Изъ растворовъ кроцинъ при обыкновенной температурѣ не осаждается ни свинцовымъ уксусомъ, ни баритовой, ни известковой водой. При нагрѣваніи съ разведенной сѣрной или соляной кислотами и со щелочами кроцинъ расщепляется на d-глюкозу (крокозу) и кроцетинъ (Kayser):

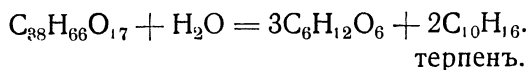
Кроцетинъ $C_{34}H_{46}O_9$ есть аморфное краснаго цвѣта соединеніе, легко растворимое въ спиртѣ, эфирѣ и щелочахъ, нерастворимое въ водѣ. Съ крѣпкой сѣрной кислотой даетъ тѣ же реакціи какъ кроцинъ. Изъ спиртоваго раствора кроцетинъ осаждается свинцовымъ уксусомъ, известковой и баритовой водой (отличіе отъ кроцина). По Schüller'y (Schmidt. Lehrb. d. Pharm. Chem. II, 1761) кроцетинъ состоитъ изъ пальматиновыхъ и стеариновыхъ эфировъ фитостерина.

Желтое красящее вещество плодовъ *Gardeniae indicae* по изслѣдованіямъ Rochleder'a, Meyer'a и Filhol тождественно съ кроциномъ шафрана (см. тамъ).

Пикрокроцинъ

или шафранная горечь (Kayser, Ber. Deut. Chem. Ges. 17, 2228 [1884]) получается изъ эфирнаго извлеченія высушеннаго при 100° шафрана въ видѣ красивыхъ безцвѣтныхъ призмъ горькаго вкуса, легко растворимыхъ въ водѣ и спиртѣ, менѣе легко въ хлороформѣ и мало растворимыхъ въ эфирѣ. Плавится при 75° и при гидратаціи разведенными кислотами расщепляется на глюкозу (крокозу) и терпенъ, обладающій запахомъ шафрана:

Подобнымъ образомъ пикрокроцинъ расщепляется и свинцовымъ уксусомъ, баритовой и известковой водой.

Порядокъ Glumiflorae. Чешуецвѣтныя.

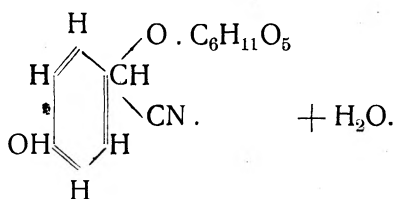
Сем. Gramineae.

Изъ сѣмянъ плевела *Lolium Temulentum* Ludwig и Stahl (Arch. Pharm. (2) 119, 59) выдѣлили горькій гликозидъ лоліинъ, распадающійся при нагрѣваніи съ разведенной сѣрной кислотой на сахаръ и летучія ароматическія кислоты. Подробности пока отсутствуютъ.

Дурринъ.

Дурринъ, близкій къ амигдалину ядовитый гликозидъ былъ выдѣленъ Dunstan и Henry (Chem. News. 85, 301 [1902]) изъ молодыхъ растений *Sorghum vulgare* и нѣкоторыхъ видовъ *Panicum* (*P. maximum*, *P. muticum*). Для полученія дуррина его осаждаютъ изъ водныхъ извлеченій молодыхъ растений спиртомъ и эфиромъ. Представляетъ кристаллы легко растворимые въ водѣ и спиртѣ. Dunstan и Henry даютъ дуррину слѣдующую формулу строенія

Эмульсиномъ и разведенной соляной кислотой дурринъ расщепляется на декстрозу, синильную кислоту и р-оксибензальдегидъ. При нагрѣваніи со щелочами получается дурриновая кислота состава $C_{14}H_{18}O_9$ и амміакъ NH_3 .

Порядокъ Helobiae.

Сем. Juncaginaceae.

Въ *Triglochium maritimum*, *T. palustre* и *Schleuchzeria palustris* находится по всей вѣроятности гликозидъ тождественный съ линамариномъ (Gres-hoff, Apoth. Ztg. 1908, 852).

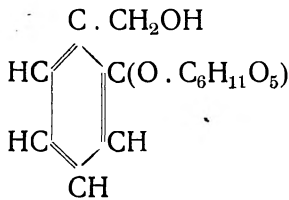
Dicotylae. Двудольныя.

Порядокъ Amentaceae. Сережкоцвѣтныя.

Сем. Salicaceae.

Изъ семейства ивовыхъ выдѣлены гликозиды салицинъ и популинъ.

Салицинъ

Салицинъ $\text{C}_{18}\text{H}_{18}\text{O}_7$. открытъ Leroch (1830 г.) въ корѣ *Salix helix* L.; подробнѣе его изслѣдовали Piria, Schiff, Piccard, Fischer и др. Встрѣчается во многихъ ивовыхъ, какъ напр. въ *Salix purpurea* L., *S. alba* L., *S. Lambertina*, *S. incana*, *S. amygdalina*, *S. fissa*, *S. hastata* и др. Особенно много салицина содержатъ *S. pentandra*, *S. praecox* и *S. helix*. Кромѣ того присутствіе салицина доказано въ молодыхъ почкахъ, вѣткахъ и листьяхъ видовъ тополя *Populus pyramidalis*, *P. nigra* и *P. monilifera*. Цвѣты *Spirea ulmariae* тоже содержатъ салицинъ. Что касается роли, которую этотъ гликозидъ играетъ въ ивовыхъ, то опыты, произведенные въ этомъ направленіи Dowett и Potter'омъ (Journ. chem. Soc. 77 [1900] I, 1102), а также и Weener'омъ (Pharm. Weekblatt 1902, 48) позволяютъ сдѣлать заключеніе, что салицинъ представляетъ запасный матеріалъ подобно крахмалу и, расщепляясь по мѣрѣ надобности, доставляетъ растенію глюкозу, идущую на питаніе. Съ этимъ воззрѣніемъ согласуется и малое содержаніе салицина въ этихъ растеніяхъ весною, между тѣмъ какъ осенью количество самое большое. Въ нѣкоторыхъ видахъ *Salix* (*cuprea*, *alba*, *fragilis*) и *Populus* (*alba*, *pyramidalis*, *tremula*) Siegmund (Monatsschrift für Chem. u. verw. Teile and. Wiss. Bd. XXX, 1909, Heft 1) доказалъ присутствіе энзима саликаза. Этотъ энзимъ расщепляетъ салицинъ на глюкозу и салигенинъ.

Для добыванія салицина обрабатываютъ 37 чч. измель-

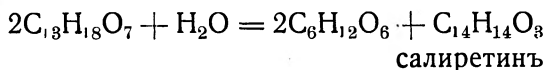
Салицинъ представляетъ бѣлая блестящія иглы, листочки или призмы ромбической системы, очень горькаго вкуса. Трудно растворимъ въ холодной водѣ, легко въ горячей, менѣе легко въ спиртѣ и совсѣмъ не растворимъ въ эфирѣ. Растворы салицина вращаютъ влѣво. Салицинъ плавится при 201° , при нагрѣваніи на $230\text{—}240^{\circ}$ разлагается съ образованіемъ глюкозана и салиретина. При нагрѣваніи до 260° вмѣстѣ съ другими продуктами распада образуется и салициловый альдегидъ. Крѣпкая сѣрная кислота растворяетъ салицинъ интенсивно краснымъ цвѣтомъ; прибавленіемъ небольшого количества воды жидкость обезцвѣчивается и изъ нея выдѣляется краснаго цвѣта осадокъ, носящій названіе рутила. Азотная кислота смотря по концентраціи превращаетъ салицинъ въ гелицинъ, геликоидинъ, нитросалициловую кислоту, пикриновую кислоту и щавелевую. При окисленіи хромовою смѣсью получается салициловый альдегидъ, муравьиная кислота и угольный ангидридъ. При осторожномъ окисленіи хамелеономъ образуется глюкосалициловая кислота. При сплавленіи салицина съ ѣдкимъ кали получается вмѣстѣ съ угольнымъ ангидридомъ и щавелевой кислотой салициловая кислота и, наконецъ, фенолъ. Сильнымъ гальваническимъ токомъ салицинъ разлагается на глюкозу, салигенинъ, салициловую кислоту и салициловый альдегидъ. Съ галоидами салицинъ даетъ продукты замѣщенія, какъ, напр., монохлорсалицинъ $C_{13}H_{17}ClO_7$ (т. пл. 154°) и монобромсалицинъ $C_{13}H_{17}BrO_7$ (т. пл. 170°); іодсалицинъ (т. пл. 192°).

$$\text{C}_{13}\text{H}_{18}\text{O}_7 + \text{H}_2\text{O} = \text{C}_6\text{H}_{12}\text{O}_6 + \text{C}_7\text{H}_8\text{O}_2$$

салигенинъ.

При кипяченіи салицина съ разведенными минеральными

кислотами или при нагревании с водой на 150° получается глюкоза и салиретинъ

Инвертиномъ салицинъ не гидролизуется.

Монобензалсалицинъ получается по Van Ekenstein и Blanksma (Rec. de trav. chim. des Pays-Bas 25, 153 [1906]) действием 4 гр. салицина на 6 гр. бензальдегида в присутствии 3 гр. сѣрнонатріевой соли. Плавится при $190-200^{\circ}$, мало растворимъ в метиловомъ и этиловомъ спиртахъ и в хлороформѣ, легко растворимъ в ацетонѣ; вращаетъ влѣво:

$$(\alpha)D = -48,3^{\circ}$$

Пентаметилсалицинъ $C_{13}H_{13}O_2(ONCH_3)_5$ представляет иглы плавящіяся при $62-64^{\circ}$. Для добыванія этого соединения (Irvine и Rose, Proc. Chem. Soc. 22, 113 [1906]; Journ. Chem. Soc. 89, 818 [1906]) растворяют 2 гр. салицина в 40 куб. с. метилового спирта; растворъ нагреваютъ с 30 гр. іодистаго метила и 10 гр. окиси серебра, послѣ чего прибавляютъ еще 2 гр. салицина, 20 гр. іодистаго метила и 10 гр. окиси серебра. Наконецъ, полученный продуктъ подвергаютъ еще разъ метилированію в присутствии ацетона и іодистаго метила. Пентаметилсалицинъ окрашивается отъ крѣпкой сѣрной кислоты в пурпуровый цвѣтъ; вращаетъ влѣво

$$(\alpha)D_{20}^{\infty} = -52,15^{\circ} \text{ (в метилов. спиртѣ).}$$

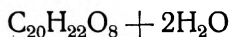
Салигенинъ или салициловый спиртъ $C_6H_4(CH_2OH)(OH)1:2$, продуктъ распада салицина, представляет блестящія плитки, легко растворимыя в горячей водѣ, спиртѣ и эфирѣ. Плавится при 82° и возгоняется при 100° . При окисленіи превращается в салициловый альдегидъ и салициловую кислоту. Синтетически получается восстановленіемъ салицилового альдегида.

Салиретинъ, $C_6H_4(OH) - CH_2 \cdot O \cdot C_6H_4 - CH_2OH$ есть смолообразное вещество желтовато-бѣлаго цвѣта, нерастворимое в водѣ, легко растворимое в спиртѣ и эфирѣ. Крѣпкая сѣрная кислота растворяетъ салиретинъ краснымъ цвѣтомъ. При нагревании с глицериномъ на 100° салиретинъ превращается в салиретонъ $C_{14}H_{12}O_8$, безцвѣтные ли-

сточки, почти нерастворимые въ водѣ; салиретонъ плавится при 121,5°.

Физиологическія свойства салицина. Принятый внутрь салицинъ понижаетъ температуру тѣла; въ мочу переходитъ частью въ неизмѣненномъ видѣ, частью въ видѣ салигенина соединеннаго съ эфиромъ-сѣрной кислотой, частью въ видѣ салицилового альдегида и салициловой кислоты. Разложеніе салицина болѣе совершенное въ организмѣ травоядныхъ нежели плотоядныхъ (Grisson, Verh. d. Glycoside im Tierkörper, Dissert. Rostock 1887).

Популинъ.

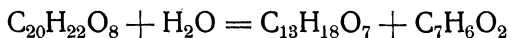

Популинъ или бензоилсалицинъ находится въ корѣ, листьяхъ и почкахъ видовъ тополя *Populus tremula*, *P. alba*, *P. graeca* (Braconnot, Annal. de Chim. Phys II, 44, 296 [1830]; Piccard, Ber. Deut. Chem. Ges. 6, 890 [1873]).

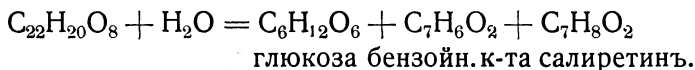
Для добыванія популина обрабатываютъ листья тополя кипящей водой. Водныя извлеченія осаждаютъ свинцовымъ уксусомъ для удаленія постороннихъ веществъ, а фильтратъ по освобожденіи отъ свинца сѣководородомъ выпариваютъ для кристаллизаціи. Выдѣлившіеся кристаллы обезцвѣчиваютъ животнымъ углемъ и перекристаллизовываютъ изъ воды. Синтетически популинъ получается удобнѣе всего по Dobbin и White (Pharm. Journ. 4, 19, 233 [1904]) слѣдующимъ образомъ. Растворяютъ 20 гр. салицина въ 1 литрѣ кипящей воды и по охлажденіи прибавляютъ ѣдкаго кали до щелочной реакціи. Потомъ, при постоянномъ помѣшиваніи и приливая въ тоже время раствора ѣдкаго кали, прибавляютъ 10 гр. хлористаго бензоила. Образовавшійся популинъ извлекаютъ изъ водной смѣси взбалтываніемъ эфиромъ. Популинъ представляетъ тонкія бѣлыя иглы сладковатаго вкуса. Въ безводномъ состояніи плавится при 180°; мало растворимъ въ холодной водѣ (1 : 2400), легко въ горячей водѣ и въ горячемъ спиртѣ. Вращаетъ влѣво и съ крѣпкой сѣрной кислотой даетъ темнокрасное окрашиваніе. Изъ раствора популина въ азотной кислотѣ уд. вѣса 1,3 со временемъ выдѣляются кристаллы бензоилгелицина $\text{C}_{13}\text{H}_{15}(\text{C}_7\text{H}_5\text{O})\text{O}_7$ (см. тамъ). Хромовая смѣсь окисляетъ популинъ въ салициловый

альдегидъ. При стояніи смѣси изъ популина, гнилаго сыра и углекислаго кальція спустя нѣкоторое время замѣчается образованіе глюкозы, салигенина, бензойнокислой и молочно-кислой солей кальція.

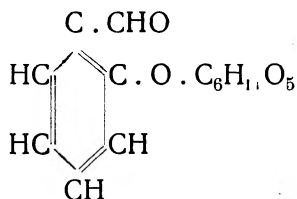
При кипяченіи популина съ баритовой водой или известковымъ молокомъ образуется бензойная кислота и салицинъ:

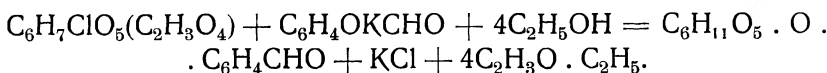
Эмульсиномъ не расщепляется. При нагрѣваніи съ разведенными минеральными кислотами расщепленіе происходитъ по уравненію:

Гелицинъ.

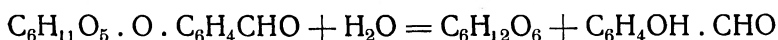
Гелицинъ $\text{C}_{13}\text{H}_{16}\text{O}_7 + \frac{3}{4}\text{H}_2\text{O}$ разсматривается какъ глюкозидосалициловый альдегидъ и образуется вмѣстѣ съ геликоидиномъ при окисленіи салицина разведенной азотной кислотой. Синтетически получается изъ ацетохлоргидрозы и салицилальдегидкалія въ присутствіе спирта (Michael, Amer. chem. Journ. 1, 309 [1879]; Ber. Deut. Chem. Ges. 12, 2260 [1879]):

Гелицинъ представляетъ бѣлыя иглы слабо-горькаго вкуса, трудно растворимыя въ холодной водѣ, легко въ горячей водѣ и спиртѣ, нерастворимыя въ эфирѣ. Плавится при 174—175°. Нагрѣваніемъ на 180°—185° гелицинъ переходитъ въ аморфный изогелицинъ, очень трудно растворимый въ водѣ и спиртѣ. При раствореніи въ слабонагрѣтой разведенной соляной кислотѣ изогелицинъ переходитъ обратно въ кристаллическій гелицинъ. Крѣпкая сѣрная кислота

окрашиваетъ гелицинъ въ желтый цвѣтъ. При разбавленіи такого раствора водой выдѣляется салициловый альдегидъ. При восстановленіи гелицина амальгамой натрія образуется салицинъ. Съ галоидами гелицинъ даетъ продукты замѣщенія.

Подъ вліяніемъ разведенныхъ минеральныхъ кислотъ или эмульсина гелицинъ (и изогелицинъ) расщепляется на декстрозу и салициловый альдегидъ:

Гелицинъ, какъ содержащій альдегидную группу, даетъ всѣ реакціи альдегидовъ. По E. Fischer'у (Ber. Deut. Chem. Ges. 34, 630 [1901]) гелицинъ соединяется съ HCN въ водномъ растворѣ образуя гелицинціангидринъ $\text{CN} \cdot \text{CH}(\text{OH}) \cdot \text{C}_6\text{H}_4 \cdot \text{O} \cdot \text{C}_6\text{H}_{11}\text{O}_5$, кристаллы легко растворимые въ теплой водѣ, съ т. пл. 176° .

Производныя гелицина.

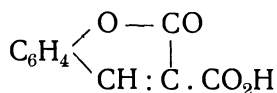
Глюко-о-кумаринкарбоновый эфиръ.

Получается по Hjelt (Chem. Centralbl. 1903, I, 89) дѣйствіемъ малоновокислаго эфира на гелицинъ въ присутствіи небольшого количества пиперидина. Бѣлыя иглы, легко растворимыя въ горячей водѣ, мало растворимыя въ холодной водѣ и спиртѣ и нерастворимыя въ эфирѣ. Плавится при 152° и вращаетъ влѣво

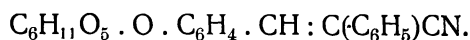
$$(\alpha)_{\text{D}}^{20} = -7,02^\circ.$$

Эмульсиномъ не расщепляется; кипящая разведенная сѣрная кислота гидратируетъ съ образованіемъ кумаринкарбоновой кислоты

въ видѣ бѣлыхъ иголъ съ т. пл. 188° .

Нитрилъ фенил-о-глюкокумаровой кислоты.

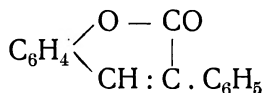

Образуется по Hjelt (l. c.) при соединеніи гелицина съ цианистымъ бензоиломъ въ присутствіи пиперидина. Кристаллы

легко растворимы въ спиртѣ, трудно въ водѣ. Вращаетъ влѣво

$$(\alpha)D_{20}^{20} = -8,81^{\circ}$$

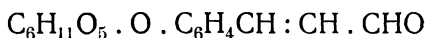
Эмульсиномъ не расщепляется. Подъ вліяніемъ разведенной сѣрной кислоты получаютъ призмы состава

представляющія вѣроятно фенолкумаринъ.

Плавится это соединеніе при 137° .

о-Кумаральдегидглюкозидъ.

Образуется при конденсаціи гелицина съ уксуснымъ альдегидомъ (Tiemann и Kees, Ber. Deut. Chem. Ges. 18, 1955 [1885]). Плавится при 199° , нерастворимъ въ эфирѣ и хлороформѣ, легко растворимъ въ горячей водѣ и вращаетъ влѣво. Эмульсиномъ и разведенными минеральными кислотами гидролизуетъ на компоненты.

Глюкозидъ о-кумароваго спирта.

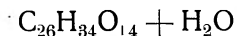
Получается возстановленіемъ предыдущаго соединенія и представляетъ бѣлыя иглы, легко растворимыя въ спиртѣ; плавится при 115° (Tiemann и Kees l. c.).

Метилкетонглюкозидъ о-кумаровой кислоты.

Образуется при конденсаціи гелицина съ ацетономъ; свѣтло-желтыя иглы трудно растворимыя въ эфирѣ. Плавится при 192° и расщепляется эмульсиномъ на глюкозу и метилкетонъ о-кумаровой кислоты.

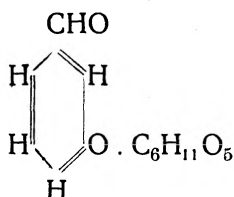
Геликоидинъ.

Разсматривается какъ соединеніе гелицина съ салициномъ : $\text{C}_{13}\text{H}_{16}\text{O}_7 + \text{C}_{13}\text{H}_{18}\text{O}_7$ и образуется вмѣстѣ съ гелициномъ при

раствореніи салицина въ азотной кислотѣ уд. в. 1,091. Безцвѣтныя иглы, эмульсиномъ расщепляемая на глюкозу, салициловый альдегидъ и салигенинъ. Разведенныя минеральныя кислоты разлагаютъ геликоидинъ на глюкозу, салициловый альдегидъ и салиретинъ (Piria, Anal. Chem. 56, 69 [1845]).

Салинигринъ.

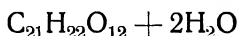
Салинигриномъ Jowett и Potter (Proc. Chem. Soc. 16, 89 [1901]; Pharm. Journ. and Trans. IV, 15, 175 [1902]) называютъ гликозидъ найденный въ „черной ивовой корѣ“ (Salix discolor). Представляетъ бѣлое кристаллическое вещество, растворимое въ 52,5 чч. воды и 218,2 чч. спирта. Вращаетъ влѣво

$$(\alpha)D_{15}^{20} - 97,3^{\circ}$$

и расщепляется разведенными кислотами на d-глюкозу и метоксибензальдегидъ $\text{C}_6\text{H}_4\text{OH} \cdot \text{CHO}$ 1:3; съ крѣпкой сѣрной кислотой не даетъ окрашиванія.

Сем. Cupuliferae.

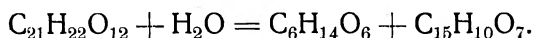
Кверцитринъ

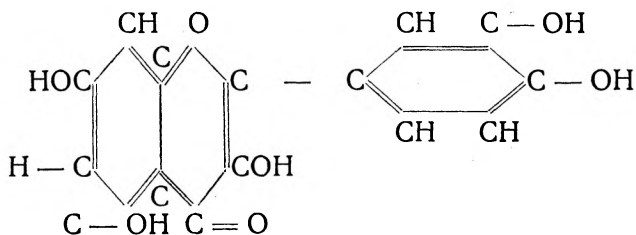
Кверцитринъ представляетъ гликозидъ изъ небольшой группы рамнозидовъ. Рамнозиды разсматриваются какъ эфиры рамнозы и при расщепленіи даютъ вмѣстѣ съ другими продуктами изодульцитъ или рамнозу $\text{C}_6\text{H}_{12}\text{O}_5 + \text{H}_2\text{O}$. Къ рамнозидамъ кромѣ кверцитрина принадлежатъ баптизинъ, глицифиллинъ, фустинъ, датисцетинъ и др. (M. Schmidt, Arch. Pharm. CXXXII, 210).

Кверцитринъ полученъ Bolley (Ber. Deut. Chem. Ges. 37, 101 [1906]) изъ коры дуба *Quercus tinctoria*. Кромѣ того онъ находится во многихъ растеніяхъ изъ другихъ семействъ: въ листьяхъ, цвѣтахъ и сѣменахъ конскаго каштана

Aesculus Hippocastanum, въ листьяхъ ясени *Fraxinus excelsior*, въ хмелѣ *Humulus lupulus*, чаѣ *Thea chinensis* (Hlasiwetz), въ листьяхъ винограда и въ *Sarya tomentosa*. Для добыванія кверцитрина извлекають измельченную кору *Quercus tinctoria* кипящимъ 85% спиртомъ въ продолженіе 6 часовъ. Спиртовое извлеченіе выпаривается до половины объема и по прибавленіи уксусной кислоты осаждаютъ постороннія вещества спиртовымъ растворомъ уксуснокислаго свинца. Фильтратъ освобождаютъ отъ свинца сѣроводородомъ и выпариваютъ до суха. Остатокъ извлекають спиртомъ, а изъ спиртоваго раствора осаждаютъ кверцитринъ водой. Полученный гликозидъ перекристаллизовываютъ изъ кипящей воды. Кверцитринъ имѣетъ видъ желтыхъ блестящихъ иголочекъ или листочковъ безъ запаха. Растворъ кверцитрина въ спиртѣ обладаетъ горькимъ вкусомъ. Въ безводномъ состояніи кверцитринъ плавится при 168,7°; растворяется въ 2485 чч. холодной воды и въ 143 чч. кипящей; легко растворимъ въ спиртѣ, мало въ эфирѣ. Водный и спиртовый растворы кверцитрина даютъ съ хлорнымъ желѣзомъ темнозеленое окрашиваніе. Осаждается уксуснокислымъ свинцомъ и свинцовымъ уксусомъ; осадки легко растворимы въ избыткѣ уксусной кислоты. Возстановляетъ растворы солей благородныхъ металловъ уже на холоду. На фелинговую жидкость дѣйствуетъ только послѣ продолжительнаго кипяченія. При кипяченіи съ разведенной соляной или сѣрной кислотой присоединяетъ 1 частицу воды и расщепляется на рамнозу и кверцетинъ:

Кверцетинъ $C_{15}H_{10}O_7$ или

образуется и при расщепленіи нѣкоторыхъ другихъ гликозидовъ, какъ то: рутина (изъ *Ruta graveolens*), глобуляриадитрина и віолакверцитрина (см. тамъ). Въ свободномъ видѣ квер-

цетинъ находится въ ягодахъ *Rhamnus amygdalina* и *Hippophaë rhamnoides* (Bolley), въ древесинѣ *Rhus cotinus*, въ листьяхъ и цвѣтахъ *Aesculus Hippocastanum*, въ зеленыхъ частяхъ *Calluna vulgaris* (Rochleder), *Thea chinensis*, *Podophyllum Peltatum*, въ чашелистикахъ *Rumex obtusifolius*. Perkin и Hummel нашли кверцетинъ въ наружныхъ чешуяхъ луковицы лука.

Рамнетинъ видовъ *Rhamnus* и физетинъ изъ *Rhus cotinus* суть производныя кверцетина.

Для добыванія кверцетина нагреваютъ водный растворъ кверцитрина съ небольшимъ количествомъ сѣрной кислоты нѣсколько часовъ. По охлажденіи кверцетинъ выдѣляется въ видѣ желтаго кристаллическаго порошка безъ запаха и горькаго вкуса. Кверцетинъ не растворимъ въ холодной водѣ, мало въ кипящей водѣ и холодномъ спиртѣ; легче растворимъ въ кипящемъ спиртѣ; плавится при 250° . Въ амміакѣ и водныхъ растворахъ щелочей растворяется желтымъ цвѣтомъ. Хлорное желѣзо даетъ въ спиртовомъ растворѣ кверцетина темно-зеленое окрашиваніе, отъ нагреванія переходящее въ темно-красное. При кипяченіи съ разведеннымъ растворомъ ѣдкаго кали или осторожнымъ сплавленіемъ съ гидратомъ окиси калия кверцетинъ образуетъ флороглюцинъ, кверцетиновую кислоту и парадатисцетинъ. Послѣдній, носящій также названіе парадесцетина, кристаллизуется въ желтоватыхъ иглахъ, нерастворимыхъ въ водѣ, трудно растворимыхъ въ эфирѣ и съ металлами щелочныхъ земель образуетъ кристаллическія соли.

Дѣйствіемъ бертолетовой соли и соляной кислоты на кверцетинъ получается протокатеховая кислота $C_6H_3(COOH)(OH)_2$ 1 : 3 : 4. При кипяченіи кверцетина съ 10% спиртовымъ растворомъ ѣдкаго кали вмѣстѣ съ протокатеховой кислотой образуется и флороглюцинъ. Кипящая разведенная соляная кислота на кверцетинъ не дѣйствуетъ. Фелинговая жидкость возстановляется только послѣ продолжительнаго кипяченія, но растворы солей благородныхъ металловъ возстановляются кверцетиномъ уже на холоду. Азотная кислота превращаетъ кверцетинъ въ щавелевую и пикриновую кислоты; дѣйствіемъ натріевой амальгамы на щелочной растворъ кверцетина образуется флороглюцинъ и двѣ кристаллическія кислоты состава $C_{13}H_{12}O_5$ и $C_7H_8O_3$; при реакціи въ кислой средѣ получается

красное тѣло паракартаминъ (Stein), дающее со щелочами зеленое окрашиваніе. Съ іодистымъ метиломъ и этиломъ кверцетинъ даетъ сложные эфиры.

При нагрѣваніи кверцетина съ іодистымъ метиломъ и ѣдкимъ кали въ присутствіи метиловаго спирта получается тетраметил-кверцетинъ $C_{15}H_6O_3(OCH_3)_4$ въ длинныхъ золотистожелтыхъ иглахъ, очень трудно растворимыхъ въ спиртѣ и плавящихся при $150-157^{\circ}$. Соотвѣтствующее этиловое соединеніе, тетраэтилкверцетинъ $C_{15}H_6O_3(O.C_2H_5)_4$ плавится при $120-122^{\circ}$.

Изъ кверцетина *Rutae graveolentis* (Waliaschko, Chem. Centralbl. 1904, I) были получены слѣдующія производныя:

Пентаацетилкверцетинъ $C_{15}H_5O_7(COCH_3)_5$ плавящійся при $191-192^{\circ}$.

Триметилкверцетинъ $C_{15}H_7O_7(CH_3)_3$ получается раствореніемъ кверцетина въ горячемъ метиловомъ спиртѣ и дѣйствуя на полученный растворъ диметилсульфатомъ въ присутствіи гидрата окиси калия; свѣтложелтыя иглы мало растворимы въ спиртѣ; плавится при 150° .

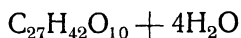
Пентаметилкверцетинъ $C_{15}H_5O_7(CH_3)_5 + H_2O$ образуется при дѣйствіи диметилсульфата на калиевую соль триметилкверцетина. Бѣлыя зернышки, состоящія изъ микроскопическихъ призмъ. Т. пл. 148° .

Триэтилкверцетинъ $C_{15}H_7O_7(C_2H_5)_3$ получается, дѣйствуя іодистымъ этиломъ на ацетилтетраэтилкверцетинъ въ присутствіи ѣдкаго кали. Свѣтложелтыя иглы съ т. пл. $123-124^{\circ}$.

Порядокъ Urticinae. Крапивоцвѣтныя.

Сем. Moraceae.

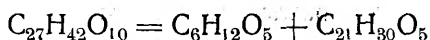
Антиаринъ

Антиаринъ вмѣстѣ съ антиароломъ (триметилтетраоксибензоломъ) и особой смолой находится въ стрѣльномъ ядѣ *Uras antiar*, приготовляемомъ на Явѣ изъ млечнаго сока *Antiaris toxicaria*. Для добыванія антиарина (De Vry и Ludwig, Journ. pract. Chem. 103, 253 [1868]) млечный сокъ растенія освобождаютъ отъ постороннихъ веществъ, смолы, воска,

антиарола и т. д. послѣдовательнымъ извлеченіемъ эфиромъ, бензоломъ и безводнымъ спиртомъ, а остатокъ выпариваютъ для кристаллизаціи. Изъ сухого млечнаго сока получается около 4% гликозида.

Антиаринъ представляетъ блестящіе безцвѣтные характерной формы ромбоидальные кристаллы нейтральной реакціи и обладающіе сильною ядовитостью. Довольно легко растворяется въ спиртѣ (70 чч.), труднѣе въ водѣ (254 чч. при 29,5°) и очень мало въ эфирѣ (2792 чч.). Значительно больше растворимость антиарина въ кипящей водѣ (27,4 ч.). Плавится при 225° и съ крѣпкой сѣрной кислотой, содержащей слѣды желѣза даетъ сначала желтое окрашиваніе, переходящее потомъ въ желтокрасное. При нагреваніи съ разведенной соляной кислотой антиаринъ расщепляется на антиарозу, имѣющую видъ сиропа и антиаригенинъ:

Антиаригенинъ $C_{21}H_{30}O_5$ кристаллизуется изъ разведеннаго метиловаго спирта въ блестящихъ бѣлыхъ иглахъ съ т. пл. 180°.

Въ корнѣ *Streblus asper* находится гликозидъ сходный съ антиариномъ.

Порядокъ Polygoninae. Гречишноцвѣтныя.

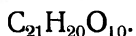
Сем. Piperaceae.

Въ корнѣ *Piper methysticum* (Kawa-Kawa) находится гликозидъ каваринъ (Siedler, Pharm. Ztg. 1903, 77). Подробности отсутствуютъ.

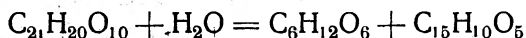
Сем. Polygonaceae.

Растенія изъ семейства Polygonaceae содержатъ гликозиды, представляющіе производныя оксиметилантрахинона. Большое затрудненіе при выдѣленіи этихъ гликозидовъ составляетъ ихъ чрезвычайно легкая разлагаемость. Этимъ обстоятельствомъ вполне объясняется запутанность номенклатуры гликозидовъ, напр. ревеня, крушины и пр.

Полигонинъ.

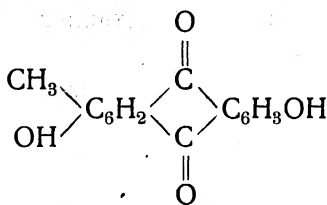

Полигонинъ или куспидатинъ находится вмѣстѣ съ другимъ гликозидомъ, этилполигоনিномъ и свободнымъ эмодиномъ въ корнѣ *Polygonum cuspidatum* [(Perkin, Journ. Chem. Soc. 1895, 1684). Представляетъ блестящія, желтыя иглы, плавящіяся при 202—203°. При гидратациі разведенными кислотами распадается на глюкозу и эмодинъ:

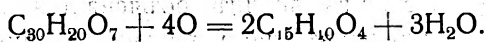

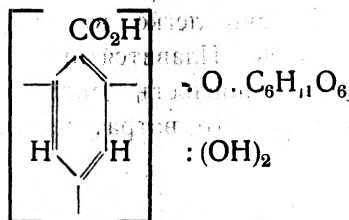
Гликозиды ревеня.

Въ китайскомъ ревенѣ Tschirch'омъ (Ber. Deut. Pharm. Ges. 8 [1898], 185) было доказано присутствіе гликозида хризофана на ряду съ свободной хризофановой кислотой. По легкой разлагаемости гликозидъ хризофанъ не былъ полученъ; продуктъ его распада, такъ наз. хризофановая кислота, или діоксиметилантрахионъ

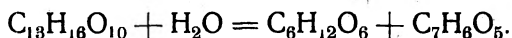

весьма распространена въ растительномъ царствѣ; описывается она разными авторами подъ названіями: реина, рабарберина, реумина, ревенной кислоты, реиновой кислоты, рапontiцина, румицина (изъ *Rumex patientia*) и пр. Хризофановая кислота кристаллизуется изъ спирта въ видѣ желтыхъ иголъ; плавится при 186—188°, почти нерастворима въ водѣ, трудно въ спиртѣ и легче въ эфирѣ и бензолѣ. Съ крѣпкой сѣрной кислотой и со щелочами даетъ темнокрасное окрашиваніе. При возстановленіи металлическимъ оловомъ и ледяной уксусной кислотой переходитъ въ хризофангидрантонъ. $C_{15}H_{12}O_8$, свѣтложелтые листочки съ т. пл. 200—206°. Хризофановая кислота можетъ быть получена окисленіемъ хризобина въ щелочной средѣ:

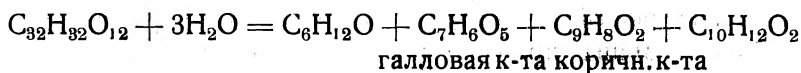

Глюкогаллинъ.

Глюкогаллинъ полученъ Gilson (Bullet. de l'Acad. Ro. de Med. de Belg. (4) 16, 831 [1902]) изъ китайскаго ревеня и представляетъ безцвѣтные кристаллы, легко растворимые въ 80% спиртѣ, метиловомъ спиртѣ, ацетонѣ и уксусномъ эфирѣ, и нерастворимые въ хлороформѣ, бензолѣ и петролейномъ эфирѣ. Плавится при 200°, разлагаясь. Окисныя соли желѣза даютъ въ растворахъ глюкогаллина черное окрашивание, ціанистый калий слаборозовое. Изъ воднаго раствора глюкогаллинъ осаждается уксуснокислымъ свинцомъ и винно-сурьмянокалиевою солью; отъ клея и бѣлка осадка не получается. При кипяченіи съ разведенной сѣрной кислотой глюкогаллинъ расщепляется на декстрозу и галловую кислоту:

Тетраринъ.

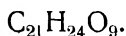
Тетраринъ находится въ китайскомъ ревенѣ (Gilson, Bullet. de l'Acad. Rog. de Med. Belg. (4) 16, 855 [1902]), кристаллизуется въ прозрачныхъ безцвѣтныхъ иголочкахъ, очень легко растворимыхъ въ 80% спиртѣ, метиловомъ спиртѣ и уксусномъ эфирѣ и нерастворимыхъ въ водѣ, эфирѣ, хлороформѣ и петролейномъ эфирѣ. Растворяется также въ растворѣ ѣдкаго натра и въ аммиакѣ. Плавится при 204—205°, разлагаясь. Кипящія разведенныя минеральныя кислоты расщепляютъ тетраринъ на d-глюкозу, галловую кислоту, коричную кислоту и реосминъ:

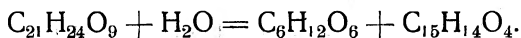
Реосминъ $\text{C}_{10}\text{H}_{12}\text{O}_2$ содержитъ альдегидную и фенольную

группы и представляет бѣлая, ромбическія иглы, мало растворимыя въ водѣ, очень легко въ спиртѣ, метиловомъ спиртѣ, ацетонѣ и эфирѣ. Плавится при 79,5° и возгоняется безъ разложенія. Возстановляетъ амміачный растворъ серебра въ присутствіи ѣдкаго натра; съ гидроксиламиномъ вступаетъ въ соединеніе.

Понтицинъ.

Находится въ Европейскомъ ревенѣ *Rheum Rhaponticum* (Gilson, l. c.) и кристаллизуется въ тонкихъ бѣлыхъ иголочкахъ, со временемъ принимающихъ желтоватую или розоватую окраску. Понтицинъ нерастворимъ въ водѣ, безводномъ спиртѣ, метиловомъ спиртѣ, эфирѣ и хлороформѣ. Легко растворяется въ смѣси 400 чч. воды и 60 чч. ацетона при нагрѣваніи, легко растворимъ также въ растворѣ ѣдкаго натра и въ амміакѣ. Плавится при 231° и кипяченіемъ съ 5% сѣрной кислотой расщепляется на декстрозу и понтигенинъ:

Понтигенинъ $\text{C}_{15}\text{H}_{14}\text{O}_4$ едва растворимъ въ холодной водѣ, мало въ теплой; легко растворимъ въ метиловомъ и этиловомъ спиртахъ и въ ацетонѣ. Не принадлежитъ къ группѣ оксиметилантрахиноновъ, а имѣетъ свойства многоатомнаго фенола.

Реопургаринъ.

Комплексъ изъ четырехъ гликозидовъ (Gilson, l. c.); нерастворимъ въ водѣ и эфирѣ, растворимъ въ разведенномъ спиртѣ и въ растворѣ таннина. Состоитъ изъ хризифанеина, при расщепленіи дающаго хризифановую кислоту, реохризина — дающаго реохризидинъ, эмодинглюкозида (расщепляется на эмодинъ) и реинглюкозида — дающаго реинъ.

Реопургаринъ принадлежитъ къ такъ наз. антраглюкозидамъ (Tschirch, *Pool. Arch. Pharm.* 1908, 246) и находится въ китайскомъ ревенѣ.

Порядокъ Centrospermae.

Сем. Caryophyllaceae.

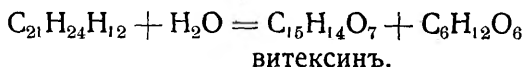
Всѣ гликозиды этого семейства, кромѣ сапонарина обладаютъ характеромъ сапониновъ и разсматриваются въ главѣ о послѣднихъ.

Сапонаринъ.

Сапонаринъ былъ полученъ Barger (Journ. chem. Soc. 89, 1210 [1906]) при обработкѣ сухихъ листьевъ мыльнянки *Saponaria officinalis* кипящей водой. Изъ фильтрата при прибавленіи къ нему уксусной кислоты выдѣляется гликозидъ въ видѣ грязно-бѣлаго осадка. Осадокъ очищается раствореніемъ въ растворѣ соды и выдѣленіемъ уксусной кислотой. Въ чистомъ видѣ сапонаринъ представляетъ кристаллическую массу, состоящую изъ очень маленькихъ иголъ. Сапонаринъ плавится при 231—232°, очень мало растворимъ въ водѣ и спиртѣ, легко въ щелочахъ. Свѣжій водный растворъ сапонарина имѣетъ желтый цвѣтъ; при стояніи его, черезъ нѣсколько дней, начинается осаждаться растворенный сапонаринъ, что сопровождается обезцвѣчиваніемъ раствора. Растворъ сапонарина въ крѣпкой сѣрной кислотѣ имѣетъ желтый цвѣтъ. Растворъ іода въ іодистомъ калии окрашиваетъ сапонаринъ въ синій цвѣтъ; синее окрашивание исчезаетъ отъ прибавленія спирта, эфира, хлороформа, разведеніемъ жидкости большимъ количествомъ воды или нагрѣваніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ синее окрашивание появляется вновь при охлажденіи жидкости. Сапонаринъ вращаетъ влѣво:

$$(\alpha)D = -7,90 \text{ (въ пиридинѣ)}$$

и при расщепленіи разведенными кислотами даетъ витексинъ и глюкозу; вмѣстѣ съ тѣмъ получается небольшое количество красящаго вещества сапонаретина, изомернаго съ витексиномъ:

Оба соединенія даютъ при кипяченіи съ водой флороглюцинъ и р-гидроацетофенонъ. Витексинъ кристаллизуется въ свѣтложелтыхъ микроскопическихъ плиточкахъ, плавящихся при

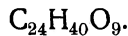
260° и растворимыхъ въ водѣ. Витексинъ есть дериватъ флавоиа и родоначальникъ новой группы красящихъ веществъ, къ которымъ принадлежитъ и скопаринъ или метоксивитексинъ (Perkin). При сплавлении сапонарина съ гидратомъ окиси калия получается р-оксибензойная кислота и гидрохинонъ.

Порядокъ Polycarpaceae.

Сем. Ranunculaceae.

Въ семействѣ лютиковыхъ находятся гликозиды адонинъ, адонидинъ, гелеборинъ и гелебореинъ; о мелантинѣ см. сапонины. Кромѣ того въ *Thalictrum aquilegifolium* находится гликозидъ, тождественный съ линамариномъ (Van Itallie) (см. тамъ).

Адонинъ.

Полученъ Таһара (Ber. Deut. Chem. Ges. 24, 2579 [1891]) изъ *Adonis amurensis* въ видѣ аморфнаго порошка горькаго вкуса, растворимаго въ спиртѣ и хлороформѣ; окрашивается крѣпкой азотной кислотой въ синій цвѣтъ. Изъ воднаго раствора осаждается пикриновой кислотой и растворомъ Майера. При расщепленіи разведенной соляной кислотой даетъ сахаръ и аморфное вещество неизвѣстнаго состава. Физиологическое дѣйствіе адонина гораздо слабѣ адонидина (разъ въ 200). [Inoks, Ber. Deut. Chem. Ges. 24, 2579 (1891)].

Адонидинъ.

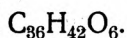
Адонидинъ есть дѣйствующее начало горицвѣта, *Adonis vernalis* L., *A. aestivalis* и, вѣроятно, *A. cyrapianae*. Представляетъ желтоватаго цвѣта кристаллическій или аморфный порошокъ очень горькаго вкуса, растворимый въ водѣ, спиртѣ и хлороформѣ и почти нерастворимый въ этиловомъ и петролейномъ эфирахъ (Cerevello, Arch. experim. Pathol. u. Pharmacol. 15, 235 [1882]; Kromer, Arch. Pharm. 234, 458 [1896]). Для добыванія адонидина обрабатываютъ измельченное растение *Adonis vernalis* спиртомъ. Спиртовое извлеченіе смѣшиваютъ съ основнымъ уксуснокислымъ свинцомъ и изъ фильтрата послѣ его освобожденія отъ свинца сѣрной кисло-

той или сѣрнокислымъ натріемъ осаждаютъ адонидинъ таниномъ въ присутствіи небольшого количества амміака. Осадокъ адонидинъ-танината промываютъ водой и разлагаютъ окисью цинка въ присутствіи спирта. Полученный такимъ образомъ спиртовой растворъ адонидина выпариваютъ до суха и остатокъ очищаютъ повторнымъ раствореніемъ въ спиртѣ и выпариваніемъ. Нагрѣваніемъ съ разведенными кислотами адонидинъ расщепляется на сахаръ и аморфное вещество горькаго вкуса.

Изъ воднаго раствора адонидинъ осаждается таниномъ. Пикриновая кислота и реактивъ Майера не даютъ осадка.

Физиологическое дѣйствіе адонидина сходно съ дѣйствіемъ дигиталина, т. е. онъ относится къ регуляторамъ сердечной дѣятельности.

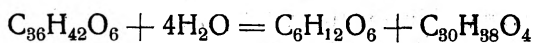
Гелеборинъ.

Гелеборинъ вмѣстѣ съ гелебореиномъ находится въ корняхъ чемерицы *Helleborus niger*, *H. foetidus*, и, особенно, въ *H. viridis* (Husemann, Marmé, Ann. Chem. u. Phys. 135, 55 [1865]).

Для добыванія гелеборина обрабатываютъ измельченные корни *Helleborus viridis* кипящимъ спиртомъ. Изъ раствора спиртъ выпариваютъ а остатокъ, содержащій вмѣстѣ съ гелебориномъ гелеборинъ и жирное масло, нѣсколько разъ извлекаютъ кипящей водой. Водныя извлеченія выпариваютъ для кристаллизаціи. Въ маточныхъ растворахъ остается гелебореинъ.

Гелеборинъ кристаллизуется въ безцвѣтныхъ, блестящихъ иглахъ безъ запаха, нейтральной реакціи. Плавится при 250°, нерастворимъ въ холодной водѣ, легко растворимъ въ спиртѣ и хлороформѣ. Разведенныя минеральныя кислоты съ трудомъ и неполнѣ разлагаютъ гелеборинъ даже при кипяченіи. Легко расщепляется кипящимъ растворомъ хлористаго цинка на сахаръ и гелеборезинъ:

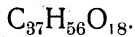

Гелеборезинъ $\text{C}_{30}\text{H}_{38}\text{O}_4$ представляетъ сѣровато-бѣлое аморфное вещество. Крѣпкая сѣрная кислота растворяетъ

гелеборинъ фіолетовымъ цвѣтомъ (по Rundquist, Pharm. Ztg. 1901, 41 — яркокраснымъ).

Гелеборинъ есть сильное narcoticum — парализуетъ центральную нервную систему.

Гелебореинъ

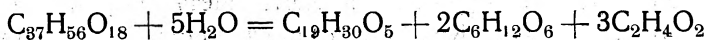

Находится вмѣстѣ съ гелебориномъ въ корняхъ и корневыхъ чешуйкахъ *Helleborus viridis*, *H. foetidus* и, особенно, *H. niger*. Можетъ быть выдѣленъ изъ маточныхъ растворовъ при добываніи гелеборина, или изъ корней *H. niger*, сначала освободивъ ихъ отъ гелеборина эфиромъ. Затѣмъ корни обрабатываютъ водой и водный растворъ извлекаютъ спиртомъ при нагреваніи. Остатокъ отъ испаренія спиртоваго извлеченія растворяютъ въ водѣ, осаждаютъ основнымъ уксуснокислымъ свинцомъ, а фильтратъ по освобожденіи отъ избытка свинца сѣрнокислымъ натріемъ осаждаютъ танниномъ. Полученный осадокъ собираютъ, смѣшиваютъ со спиртомъ и разлагаютъ избыткомъ гидрата окиси свинца при нагреваніи. Массу извлекаютъ кипящимъ спиртомъ и изъ охлажденнаго спиртоваго раствора выдѣляютъ гелебореинъ прибавленіемъ эфира.

Гелебореинъ кристаллизуется въ видѣ почти безцвѣтныхъ игольчатыхъ агрегатовъ безъ запаха, сладковатаго вкуса и легко растворимыхъ въ водѣ, труднѣе въ спиртѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ. Кристаллы гелебореина гигроскопичны и имѣютъ слабокислую реакцію.

Крѣпкая сѣрная кислота даетъ съ гелебореиномъ красное бурое окрашиваніе, переходящее въ фіолетовое. Гелебореинъ весьма ядовитъ; онъ дѣйствуетъ на сердце подобно дигиталину. Очень рѣдко примѣняется въ медицинѣ въ видѣ спиртовой настойки изъ корня растенія; пыль гелебореина сильно раздражаетъ слизистыя оболочки.

При кипяченіи съ 5% соляной кислотой гелебореинъ расщепляется на глюкозу, гелеборетинъ и уксусную кислоту (Husemann и Marmé, Annal. d. Chem. 135, 55 [1865]; Thaeter, Arch. Pharm. 235, 44):

Гелеборетинъ $C_{19}H_{30}O_5$ есть аморфное неядовитое соединеніе синяго цвѣта, растворимое въ спиртѣ и нерастворимое въ водѣ и эфирѣ. Крѣпкая азотная и соляная кислоты окрашиваются отъ гелеборетина въ интенсивно фіолетовый цвѣтъ.

Сем. Magnoliaceae.

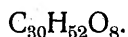
Въ *Magnolia macrophylla* находится малоизслѣдованный гликозидъ магнолинъ (Lloyd, Am. Journ. of Pharm. 1898, по Van Rijn, d. Glycoside, 181).

Сем. Calycanthaceae.

Въ *Calycanthus floridus* L. (Hermann, Ztschft für Chem. 1868, 571) доказано присутствіе кристаллическаго гликозида каликантина, имѣющаго составъ $C_{25}H_{28}O_{11}$.

Сем. Monimiaceae.

Большинъ (Большогликозидъ)

Въ листьяхъ *Boldea fragrans* Chapoteaut (Compt. rend. de l' Acad. des Sc. 98, 1052 [1884]) нашелъ некристаллизующійся сиропообразный гликозидъ, названный (Juranville, Pharm. Centralhalle 28, 143 [1887]) большиномъ. Разведенной соляной кислотой расщепляется на хлористый метиль CH_3Cl , глюкозу и жидкое соединеніе состава $C_{19}H_{28}O_3$. Большинъ дѣйствуетъ снотворно.

Порядокъ Rhoeadinae.

Сем. Cruciferae.

Къ семейству крестоцвѣтныхъ принадлежать важные гликозиды, при расщепленіи дающіе горчичныя масла. Кромѣ нихъ извѣстны еще: хейрантинъ, эризиминъ и найденная Hartwich'омъ въ *Capsella Bursa pastoris* кислота съ характеромъ гликозида. О послѣднемъ соединеніи въ литературѣ, однако, дальнѣйшихъ показаній нѣтъ.

Синигринъ

Синигринъ или мирновокислый калий находится

въ сѣменахъ горчицы *Sinapis nigra*, *S. juncea*, рѣпы *Brassica rapa*, рапса *Brassica napus* и въ корнѣ хрѣна *Cochlearia armoracia*.

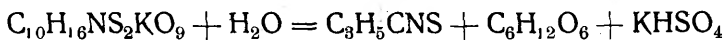
Синигринъ былъ полученъ Bussy въ 1840 г. (Annal. d. Chem. u. Pharm. 34, 223 [1840]) и изслѣдованъ Ludwig и Lange (Ztsch. für Pharm. 3, 430, 577 [1860]), Kögner и Will'омъ (Annal. d. Chem. u. Pharm. 119, 376 [1861]) и особенно Gadamer'омъ (Arch. Pharm. 235, 44 [1897]).

Для добыванія синигрина кипятятъ 1 ч. порошка горчицы, освобожденной отъ жирнаго масла съ $1\frac{1}{2}$ чч. 85—90% спирта короткое время въ стеклянной колбѣ. Горячую массу выжимаютъ, а остатокъ обрабатываютъ еще разъ такимъ же образомъ. Этимъ достигается разрушеніе (свертываніе) расщепляющаго гликозидъ фермента мирозина, находящагося совмѣстно съ синигриномъ въ сѣменахъ; кромѣ того удаляются синапинъ и экстрактивные вещества. Обработанная такимъ образомъ масса высушивается на водяной банѣ, снова превращается въ порошокъ и настаивается съ тройнымъ количествомъ холодной воды въ продолженіе 12 часовъ. Послѣ отжиманія жидкости остатокъ еще разъ обрабатываютъ двойнымъ количествомъ воды и собранныя извлеченія по прибавленіи углекислаго барія до нейтральной реакціи выпариваютъ до густоты сиропа. Остатокъ содержитъ синигринъ и пектиновые вещества. Отъ послѣднихъ гликозидъ отдѣляется кипяченіемъ съ 85% спиртомъ. Спиртовые извлеченія оставляютъ стоять на 24 часа, затѣмъ ихъ фильтруютъ, а изъ фильтрата спиртъ выпариваютъ. Остатокъ вливаютъ въ плоскія чашки и оставляютъ для кристаллизаціи.

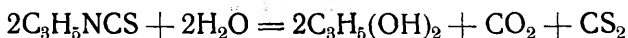
Синигринъ кристаллизуется изъ спирта въ видѣ бѣлыхъ блестящихъ иголочекъ, изъ воды въ короткихъ ромбическихъ столбикахъ, легко растворимыхъ въ водѣ, трудно въ разведенномъ спиртѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ и хлороформѣ. Плавится при 126—127° и вращаетъ влѣво

$$(\alpha)D = -15,13^{\circ}$$

Синигринъ безъ запаха, нейтральной реакціи, горькаго охлаждающаго вкуса. Подъ вліяніемъ мирозина или свѣже приготовленнаго извлеченія изъ бѣлой горчицы онъ расщепляется на аллиловое горчичное масло, декстрозу и кислый сѣрнокислый калий:

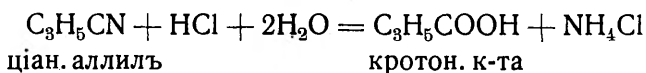
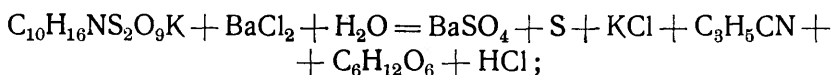

Образующіеся при этомъ побочные продукты разложенія, какъ то: свободная сѣра, ціанистый аллиль и сѣроуглеродъ суть продукты вторичнаго дѣйствія воды на аллиловое горчичное масло:

Эмульсинъ, дрожжи и птіалинъ слюны на синигринъ не дѣйствуютъ.

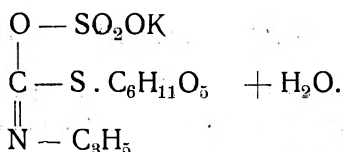
При раствореніи синигрина въ крѣпкой соляной кислотѣ образуется сѣрная кислота, сѣроводородъ, глюкоза и амміакъ. Растворъ ѣдкаго кали уд. в. 1,28 сильно реагируетъ съ синигриномъ; при этой реакціи образуется сперва горчичное масло, потомъ ціанистый аллилъ, амміакъ, сѣрная кислота и глюкоза. При нагрѣваніи синигрина съ водой на 110—120° горчичнаго масла не получается, а образуется сѣроводородъ, сѣра, ціанистый аллилъ и амміакъ. Хлористый барій не даетъ осадка въ водномъ растворѣ синигрина при обыкновенной температурѣ, при кипяченіи же получается осадокъ сѣрно-кислаго барія:

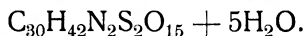
При этой реакции происходит полное расщепление частицы синигрина.

При нагрѣваніи синигрина съ небольшимъ количествомъ баритовой воды образуется горчичное масло и сѣрноокислый барій въ осадкѣ.

Если къ крѣпкому водному раствору синигрина прибавить азотнокислаго серебра, то выдѣляется творожистый бѣлый осадокъ состава $C_8H_5NCSAg_2SO_4 + H_2O$, а въ растворѣ остается глюкоза. При нагрѣваніи осадокъ разлагается на сѣрнистое серебро, горчичное масло, сѣрнокислое серебро и ціанистый аллилъ; при раствореніи осадка въ амміакѣ выдѣляется соединеніе состава $C_8H_5 \cdot NCS \cdot Ag_2SO_4 + 2NH_3$, въ видѣ блестящихъ иголочекъ. Для синигрина Will и Körner и Gadamer установили формулу

Синальбинъ

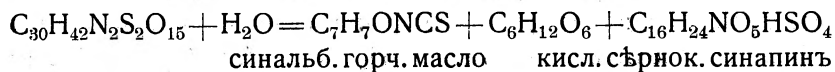
Синальбинъ находится въ сѣменахъ бѣлой горчицы и былъ впервые описанъ Will и Laubenheimer'омъ (Ann. d. Chem. Pharm. 199, 150 [1879]). Подробнѣе его изслѣдовалъ Gadamer въ 1897 г. (Arch. Pharm. 235, 83).

Для добыванія синальбина извлекаютъ сѣмена бѣлой горчицы, обращенные въ порошокъ и освобожденные отъ жирнаго масла бензиномъ, безводнымъ спиртомъ. Извлеченіе повторяютъ до тѣхъ поръ, пока растворы еще окрашены въ слабожелтый цвѣтъ. Остатокъ извлекаютъ двойнымъ количествомъ кипящаго 85—90% спирта; эту операцію повторяютъ нѣсколько разъ, каждый разъ выжимая массу. Растворы выпариваютъ до половины первоначальнаго объема и послѣ фильтрованія оставляютъ для кристаллизаціи. Выдѣлившіеся кристаллы синальбина растворяютъ въ горячей водѣ, растворъ обезцвѣчиваютъ животнымъ углемъ, а жидкость фильтруютъ въ сосудъ, содержащій горячій безводный спиртъ.

Синальбинъ представляетъ блестящія иголки слабожелтаго цвѣта, легко растворимыя въ водѣ и въ кипящемъ 85% спиртѣ, нерастворимыя въ безводномъ спиртѣ, эфирѣ и сѣроуглеродѣ. Водный растворъ синальбина имѣетъ нейтральную реакцію и горькій вкусъ. Синальбинъ плавится при 83—84° и вращаетъ влѣво

$$\alpha_D = - 8,23^\circ$$

Ферментъ мирозинъ расщепляетъ синальбинъ на синальбиновое горчичное масло, глюкозу и кислый сѣрнокислый синапинъ:

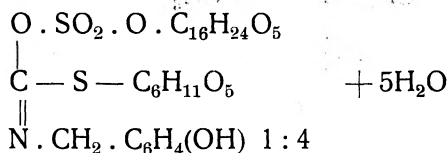

Щелочи окрашиваютъ синальбинъ въ интенсивно жел-

тый цвѣтъ; отъ азотной кислоты получается непостоянное красное окрашиваніе. При кипяченіи синальбина съ вѣдкимъ натромъ образуется сѣрноокислый натрій и роданистый натрій. Въ водномъ растворѣ гликозида хлористый барій даетъ только послѣ долгаго кипяченія (12 часовъ) осадокъ сѣрноокислаго барія.

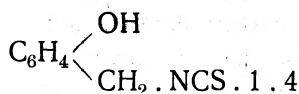
Азотнокислое серебро осаждаетъ синальбинъ изъ растворовъ въ видѣ соединенія, состоящаго изъ смѣси серебра съ синапиномъ и съ синальбиновымъ горчичнымъ масломъ. Хлорная ртуть даетъ черезъ нѣкоторое время бѣлый кристаллическій осадокъ, состоящій изъ смѣси синапинмеркурхлорида $C_{16}H_{24}NO_5Cl + HgCl_2$ съ соединеніемъ, сочетаннымъ изъ синапинмеркурисульфата и синальбиноваго горчичнаго масла.

По Gadamer'у строеніе синальбина выражается формулой

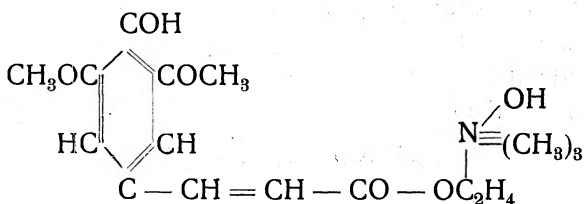

Продукты распада синальбина.

Синальбиновое или параоксибензиловое горчичное масло представляетъ желтаго цвѣта маслянистую жидкость, почти не растворимую въ водѣ, легко растворимую въ спиртѣ и эфирѣ. Обладаетъ острымъ вкусомъ и при соприкосновеніи съ кожей вызываетъ пузыри. Салковский установилъ слѣдующую формулу:

Синапинъ $C_{16}H_{25}NO_6$ или

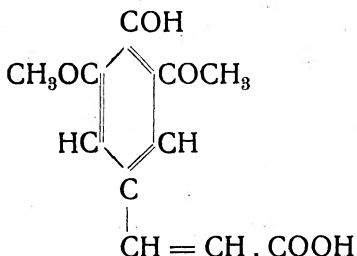

Разсматривается какъ хинолиновый эфиръ синапиновой кислоты. По легкой разлагаемости чистаго синапина не уда-

лось получить. Въ видѣ кислой сѣрнокислой соли синапинъ находится въ сѣменахъ черной горчицы и въ видѣ глюкозида синальбина въ *Sinapis alba*. Соли синапина безцвѣтны и способны кристаллизоваться.

Роданистый синапинъ $C_{16}H_{24}NO_5CNS + H_2O$ представляет безцвѣтныя блестящія, тонкія призмы горькаго вкуса, легко растворимыя въ водѣ и спиртѣ, нерастворимыя въ эфирѣ и сѣроуглеродѣ. Плавится при 178° и при нагрѣваніи съ ѣдкими щелочами распадается на холинъ $C_5H_{15}NO_2$ и синапиновую кислоту $C_{11}H_{12}O_6$.

Синапиновая кислота разсматривается какъ диметилпирогаллолакриловая кислота

и представляет безцвѣтныя кристаллики, плавящіеся при $191-192^{\circ}$, трудно растворимыя въ водѣ, легко въ кипящемъ спиртѣ и нерастворимыя въ эфирѣ. Со спиртомъ и хлористоводороднымъ газомъ даетъ моноэтиловый эфиръ формулы $C_{11}H_{11}O_5 \cdot C_2H_5 + H_2O$. Съ уксусной кислотой синапиновая кислота образуетъ ацетиловое производное $C_{11}H_{11}O_5 \cdot CH_3CO$. Этотъ ацетилдериватъ переходитъ при окисленіи въ ацетилсиринговую кислоту, а омыленіемъ послѣдней баритовой водой получается сиринговая кислота, представляющая не что иное какъ диметилгалловую кислоту $C_6H_2(OH) \cdot (OCH_3)_2COOH$ 1:2:4:6.

Кромѣ роданистаго синапина извѣстны еще галоидоводородныя соли синапина, азотнокислый синапинъ и нейтральный сѣрнокислый синапинъ. Послѣднее соединеніе кристаллизуется съ 5 ч. воды:

Хейрантинъ.

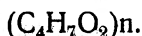
Хейрантинъ полученъ изъ листьевъ и сѣмянъ *Chei-*

ranthus Cheiri (Reeb, Arch. für experm. Pathol. u. Pharmacol. 41, 302 [1898]; тамъ же 43, 130 [1899/1900]).

Для добыванія хейрантина освобождаютъ водное извлечение растенія отъ жирнаго масла петролейнымъ эфиромъ и осаждаютъ уксуснокислымъ свинцомъ или свинцовымъ уксусомъ. Фильтратъ очищаютъ отъ свинца сѣрной кислотой и сгущаютъ выпариваніемъ. По прибавленіи къ раствору сѣрнокислаго магнія, или натрія, или аммонія выпадаетъ гликозидъ въ видѣ хлопьевъ желтаго цвѣта.

Хейрантинъ легко растворимъ въ водѣ, спиртѣ, хлороформѣ и ацетонѣ, нерастворимъ въ эфирѣ и петролейномъ эфирѣ. Составъ его еще не опредѣленъ. По физиологическому дѣйствию относится къ сердечнымъ ядамъ.

Эризиминъ

Полученъ Schlagdenhauffen и Reeb (Compt. rend. de l'Acad. des Sc. 131, 753 [1900]) изъ сѣмянъ *Erysimum augeum* и представляетъ сильный сердечный ядъ. Имѣетъ видъ слабожелтой массы растворимой въ водѣ и спиртѣ и нерастворимой въ эфирѣ и хлороформѣ. Плавится при 190°. По свойствамъ имѣетъ сходство съ дигиталиномъ.

Порядокъ Cystiflorae.

Сем. Cistaceae.

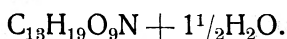
Геліантеминомъ называется гликозидъ изъ *Helianthemum annuum* (Crutcher, Am. Journ. of Pharm. 60, 390 [1888]). Кристаллизуется въ видѣ тонкихъ иголъ состава $C_{72}H_{126}O_{68}$; плавится при 176°.

Сем. Violaceae.

Описанный подъ названіемъ віолакверцитрина или віоларутина гликозидъ изъ *Viola tricolor* var. *arvensis* и var. *vulgaris* оказался тождественнымъ съ рутиномъ (см. тамъ) изъ *Ruta graveolens* (E. Schmidt, Chem. Centralbl. 1900, II, 1841).

Сем. Віхасеае.

Гинокардинъ.

Гинокардинъ вѣстѣ съ расщепляющимъ его ферментомъ гинокардазомъ находится въ количествѣ около 5% въ сѣменахъ *Gynocardia odorata* R. Br. (Power и Gonnall, Proc. Chem. Soc. 20, 137 [1904]) и *Pangium edule* (Power и Lees, Proc. Chem. Soc. 21, 88 [1905]).

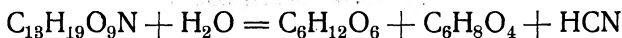
Гинокардинъ кристаллизуется изъ воды въ видѣ безцвѣтныхъ иглъ съ $1\frac{1}{2}$ ч. крист. воды. Въ безводномъ состояніи плавится при 162—163° и вращаетъ вправо

$$(\alpha)D = +72,5^{\circ}.$$

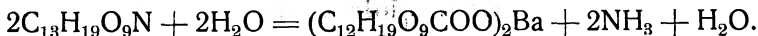
Гинокардинъ даетъ гептаацетиловое производное состава $C_{13}H_{12}O_9(C_2H_3O)_7N$ въ видѣ иглъ, плавящихся при 118—119° и вращающихъ вправо

$$(\alpha)D = +40,4^{\circ} \text{ (въ хлороформѣ)}.$$

Гинокардинъ легко расщепляется энзимомъ гинокардазомъ при обыкновенной температурѣ; расщепленіе разведенными кислотами совершается медленно даже при кипяченіи. Расщепленіе происходитъ по уравненію:

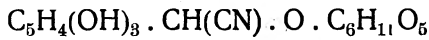

причемъ образуются глюкоза, ціанистый водородъ и вещество состава $C_6H_8O_4$; это соединеніе не могло быть ближе изучено по легкой разлагаемости. Подъ вліяніемъ ѣдкаго барита на гинокардинъ образуется амміакъ и гинокардіевокислая соль барія въ видѣ кристаллическаго соединенія:

Гинокардіевоая кислота $C_{12}H_{19}O_9COOH$ есть сиропообразная жидкость, вращающая вправо. Она имѣетъ свойство глюкозида и разведенными кислотами расщепляется на глюкозу и вещество состава $C_7H_{10}O_6$: $C_{12}H_{19}O_9COOH + H_2O = C_6H_{12}O_6 + C_7H_{10}O_6$.

По Power и Lees формулу гинокардина можно выразить

или

т. е. гинокардинъ разсматривается какъ эфиръ d-глюкозы и ціангидрина съ тригидроксильдегидомъ состава $\text{C}_5\text{H}_4(\text{OH})_3\text{CHO}$.

Сем. Dipterocarpaceae.

Маклеиномъ называется мало изслѣдованный кристаллическій гликозидъ изъ сѣмянъ Illipeмас Клауана, при расщепленіи дающій глюкозу и маклеетинъ, плавающийся при 209—210°.

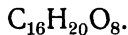
Порядокъ Columniferae.

Сем. Tiliaceae.

Въ цвѣтахъ липы *Tilia parvifolia* и, вѣроятно, въ *Cirsium arvense* находится гликозидъ тилиацинъ, распадающійся при гидратаціи на сахаръ и тилиацетинъ. Послѣдній дальше расщепляется на анисовую кислоту $\text{C}_6\text{H}_4(\text{OCH}_3)\text{COOH}$ 1:4 и другія вещества, ближе не изученныя (Latschinow, Chem. Ztg. 14, 126 [1890]).

Сем. Sterculiaceae.

Колятанинъ.

Въ сѣменахъ *Sola acuminata* доказано присутствіе глюкотанноида названнаго, колятаниномъ. Расщепляется на сахаръ и галловую кислоту (Index Phytotoxicus 1905).

Сем. Malvaceae.

Въ цвѣтахъ хлопчатника *Gossypium herbaceum* находится красящее вещество съ характеромъ гликозида, при расщепленіи дающее госсипетинъ (Perker, Journ. chem. Soc. 1899, 825). Самъ гликозидъ не былъ полученъ. Продуктъ распада гликозида, госсипетинъ, добывается раствореніемъ спиртоваго экстракта цвѣтовъ въ водѣ и взбалтываніемъ съ эфиромъ для удаленія жира и хлороформа. Вод-

ный растворъ, содержащій гликозидъ, нагревается съ разведенной сѣрной кислотой до кипѣнія. При охлажденіи жидкости выдѣляется госсипетинъ, который перекристаллизовывается изъ слабаго спирта.

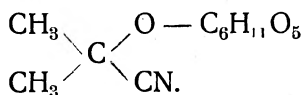
Госсипетинъ представляетъ желтаго цвѣта иголки, почти не растворимыя въ водѣ, довольно легко растворимыя въ спиртѣ. Щелочи растворяютъ госсипетинъ оранжевокраснымъ цвѣтомъ, переходящимъ при разбавленіи водой въ зеленый и, наконецъ, въ темнобурый. Госсипетину придается составъ $C_{16}H_{12}O_8$. Крѣпкая сѣрная кислота растворяетъ госсипетинъ краснымъ цвѣтомъ. Съ уксуснымъ ангидридомъ госсипетинъ даетъ гексаацетилгоссипетинъ $C_{16}H_6O_8(C_2H_3O)_6$ въ видѣ безцвѣтныхъ иголъ съ т. пл. 222—224°.

При сплавленіи госсипетина съ ѣдкимъ кали получается флороглюцинъ и протокатеховая кислота. Госсипетинъ принадлежитъ къ группѣ кверцетиноподобныхъ соединений.

Порядокъ *Grinales*.

Сем. *Linaceae*.

Линамаринъ.

Линамаринъ былъ открытъ Jorissen (Bull. de l' Acad. Roy. de Belg. 1891, 522) въ *Linum usitatissimum* L. Позднѣ Dunstan и Henry (Proc. Roy. Soc. 72, B. 285 [1903]) нашли тотъ же гликозидъ въ *Phaseolus lunatus* и назвали его фазеолунатиномъ. Присутствіе линамарина было доказано въ нѣкоторыхъ другихъ растеніяхъ, какъ: *Triglochin maritimum*, *T. palustre*, *Scheuchzeria palustris* (Greshoff, Apoth. Ztg. 1908, 852) въ *Thalictrum aquilegifolium* (Van Itallie, Chem. Centralbl. 1905, II, 1454), *Manihot Aipi* и *M. utilisima* (Dunstan, Henry и Auld, Proc. Roy. Soc. 78, 13, 145 [1906]).

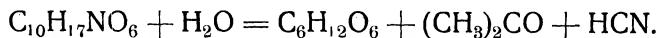
Для добыванія линамарина изъ *Linum usitatissimum* поступаютъ такъ (Dunstan): Растеніе, сушенное при 40°, обращаютъ въ порошокъ и извлекаютъ 90% спиртомъ. Спиртовое извлеченіе выпариваютъ, а остатокъ смѣшиваютъ съ

водой, обезцвѣчиваютъ уксуснокислымъ свинцомъ и изъ фильтрата удаляютъ избытокъ свинца сѣроводородомъ. Отъ фильтрованную отъ осадка сѣрнистаго свинца жидкость выпариваютъ до густоты сиропа; остатокъ растворяютъ въ спиртѣ и вливаютъ въ эфиръ. Выдѣлившіяся при этомъ загрязненія (декстроза, азотнокаліевая соль и пр.) отдѣляютъ фильтрованіемъ и фильтратъ выпариваютъ для кристаллизаціи. Для полученія линамарина изъ *Phaseolus lunatus* извлекаютъ обращенныя въ порошокъ сѣмена метиловымъ спиртомъ. Извлеченія выпариваютъ до густоты экстракта и растворяютъ въ кипящей водѣ. Для освобожденія раствора отъ экстрактивныхъ веществъ и танина прибавляютъ свинцовога уксуса. Фильтратъ отъ выдѣлившагося свинцоваго осадка освобождаютъ отъ свинца сѣроводородомъ и выпариваютъ для кристаллизаціи.

Линамаринъ или фазеолунатинъ представляетъ безцвѣтныя иглы горькаго вкуса и безъ запаха. Плавится при 134° (Jorissen) или 138° (Dunstan), легко растворимъ въ водѣ, труднѣе въ спиртѣ и нерастворимъ въ эфирѣ. Водный растворъ линамарина имѣетъ нейтральную реакцію и вращаетъ влѣво

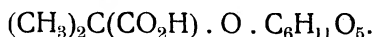
$$(a)D = -27,4^{\circ} \text{ (Dunstan)}$$

Линамаринъ изъ *Phaseolus lunatus* $(a)D = -26,2^{\circ}$. Подъ вліяніемъ эмульсина или разведенныхъ минеральныхъ кислотъ линамаринъ расщепляется на ацетонъ, декстрозу и синильную кислоту:

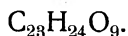

Подъ вліяніемъ щелочей линамаринъ даетъ амміакъ и линамариновую или фазеолунатиновую кислоту $C_{10}H_{18}O_3$ (Dunstan и Henry) въ видѣ аморфной камедообразной массы.

Линамариновую кислоту можно разсматривать какъ эфиръ декстрозы α -оксиизомаслянной кислоты:

Лининъ.

Лининъ (Hills и Wynne, Chem. Centralbl. 1905, I) пред-

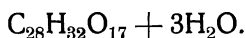
ставляетъ гликозидъ изъ *Linum catharticum*; кристаллизуется въ бѣлыхъ иглахъ, нерастворимыхъ въ водѣ, растворимыхъ въ уксусной кислотѣ и мало растворимыхъ въ другихъ органическихъ растворителяхъ. Плавится при 205° и при окисленіи азотной кислотой или хамелеономъ даетъ щавелевую кислоту. Разведенными кислотами расщепляется на глюкозу и вещество тождественное съ лининомъ Schröder'a (изъ *Linum catharticum*).

Сем. Erytroxylaceae.

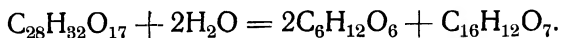
Изъ листьевъ кока, *Erytroxylon Spruceanum* Hesse (Chem. Centralbl. 1903, II) выдѣлилъ гликозиды кокацитринъ и кокафлавинъ.

Для полученія ихъ листья кока сперва обрабатываютъ петролейнымъ эфиромъ; нерастворимый остатокъ извлекаютъ спиртомъ, спиртовое извлечение сгущаютъ выпариваніемъ, освобождаютъ отъ алкалоидовъ разведенной сѣрной кислотой, а остатокъ извлекаютъ эфиромъ. Эфирныя извлечения содержатъ зеленаго цвѣта смолу и гликозиды кокафлавинъ и кокафлаветинъ, а нерастворимая въ эфирѣ часть представляетъ нечистый кокацитринъ.

Кокацитринъ.

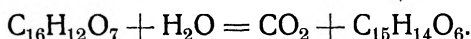

Сырой кокацитринъ растворяютъ для очищенія въ кипящей баритовой водѣ и растворъ осаждаютъ кислотой. Кокацитринъ представляетъ тонкія шестигранныя призмы слабо-желтоватаго цвѣта, легко растворимыя въ горячемъ спиртѣ, труднѣе въ горячей водѣ и трудно растворимыя въ ацетонѣ. Плавится при 186° и при нагрѣваніи до 190° разлагается. Спиртовый растворъ кокацитрина имѣетъ кислую реакцію и съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ грязнозеленое окрашиваніе. Щелочи растворяютъ кокацитринъ желтымъ цвѣтомъ. Кипящая разведенная сѣрная кислота расщепляетъ кокацитринъ на сахаръ кокаозу (d-маннозу?) и кокацетинъ:

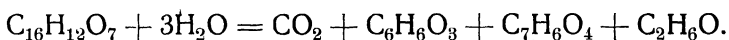

Кокацетинъ $\text{C}_{16}\text{H}_{12}\text{O}_7$ находится въ эфирныхъ извлече-

ніяхъ вмѣстѣ съ кокафлавиномъ и кокафлаветиномъ. Представляетъ маленькія иглы желтаго цвѣта, трудно растворимыя въ горячей водѣ, легко въ горячемъ ацетонѣ. Кокацетинъ имѣетъ кислую реакцію и съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ чернозеленое окрашиваніе. При сплавленіи кокацетина съ ѣдкимъ кали получается декокацетинъ и угольный ангидридъ:

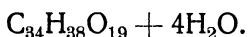
Если продолжать нагрѣваніе, то образуется угольный ангидридъ, флороглюцинъ и протокатеховая кислота:

Декокацетинъ $C_{15}H_{14}O_6$ кристаллизуется въ видѣ нѣжныхъ слабожелтыхъ иглъ, трудно растворимыхъ въ горячемъ ацетонѣ и нерастворимыхъ въ водѣ. Плавится при 238° и съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ грязнозеленое окрашиваніе. Декокацетинъ способенъ присоединять сѣрную кислоту, образуя желтаго цвѣта кристаллическое тѣло.

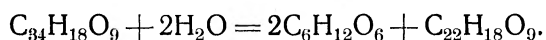
Тетраацетилкокацетинъ $C_{16}H_8O_3(O.COCH_3)_4$ получается при дѣйствиіи уксуснаго ангидрида на кокацетинъ и кристаллизуется въ четыреугольныхъ табличкахъ съ т. пл. 180° , легко растворимыхъ въ спиртѣ и ацетонѣ. При нагрѣваніи кокацетина съ уксуснымъ ангидридомъ на 85° образуется гептаацетиловое производное $C_{28}H_{26}(COCH_3)_7O_7$ въ видѣ кристаллической массы съ т. пл. 118° .

Кокафлавинъ.

Кокафлавинъ находится въ маточныхъ растворахъ, остающихся отъ выдѣленія кокацитрина. Онъ кристаллизуется по выпариваніи этихъ растворовъ въ видѣ микроскопическихъ, желтыхъ иголочекъ, трудно растворимыхъ въ эфирѣ, горячемъ ацетонѣ и горячей водѣ, гораздо легче въ горячемъ спиртѣ. Спиртовой растворъ кокафлавина имѣетъ кислую реакцію и съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ бурозеленое окрашиваніе. Кокафлавинъ легко растворимъ въ щелочахъ (кроме амміака) желтымъ цвѣтомъ. Изъ растворовъ осаждается хлористымъ баріемъ и уксуснокислымъ свинцомъ. Кипящая раз-

веденная сѣрная кислота расщепляетъ кокафлавинъ на кокафлаветинъ, глюкозу и галактозу:

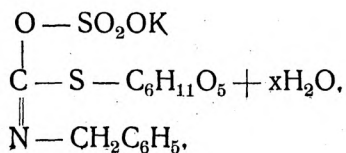
Кокафлавинъ $\text{C}_{34}\text{H}_{18}\text{O}_9$ находится въ маломъ количествѣ въ эфирныхъ извлеченіяхъ изъ нечистаго кокацитрина. Кристаллизуется въ видѣ слабожелтыхъ листочковъ, растворимыхъ въ спиртѣ и ацетонѣ, мало растворимыхъ въ горячей водѣ и въ аммиакѣ. Растворъ кокафлаветина въ крѣпкой сѣрной кислотѣ и въ ѣдкомъ кали имѣетъ желтое окрашиваніе. Хлорное желѣзо даетъ темнозеленое окрашиваніе. Кокафлаветинъ плавится при 230° .

Норкокафлаветинъ $\text{C}_{20}\text{H}_{14}\text{O}_9$ получается изъ кокафлаветина дѣйствіемъ іодистаго водорода и представляетъ желтые кристаллы, легко растворимые въ спиртѣ, и нерастворимые въ водѣ. Плавится при 270° и съ хлорнымъ желѣзомъ даетъ темнозеленое окрашиваніе.

Сем. *Tropeolaceae*.

Въ различныхъ частяхъ капуцина, *Tropeolum majus* доказано присутствіе гликозида съ составомъ $\text{C}_{14}\text{H}_{18}\text{KNS}_2\text{O}_9$, названнаго глюкотропеолиномъ. Этотъ гликозидъ (Gadamer, Arch. Pharm. 237,111 [1899]) принадлежитъ къ группѣ гликозидовъ при расщепленіи дающихъ горчичныя масла. Гликозидъ полученъ только въ растворѣ и добывается аналогично синигрину и синальбину. Съ азотнокислымъ серебромъ глюкотропеолинъ даетъ серебряную соль состава $\text{C}_3\text{H}_5\text{CH}_2\text{NCS Ag}_2\text{SO}_4$. При раствореніи этого соединенія въ аммиакѣ получается соль $\text{C}_6\text{H}_5\text{CH}_2\text{NCS Ag}_2\text{SO}_4 \cdot 2\text{NH}_3$ въ видѣ блестящихъ безцвѣтныхъ кристалловъ.

Глюкотропеолинъ расщепляется отъ совмѣстно присутствующаго въ растеніи фермента на сахаръ и бензиловое горчичное масло (по Beyerink, Centralbl. f. Bacteriol. II, Abt. 5, 429 [1889]) оксибензоловое). Для глюкотропеолина Gadamer предлагаетъ слѣдующую формулу строенія:

Порядокъ *Terebinthinae*.

Сем. *Rutaceae*.

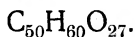
Ангостуринъ.

Въ *Cusparia trifoliata* доказано присутствіе гликозида ангостурина (Beckurts и Nehring, Arch. d. Pharm. 229, 591 [1891]), не полученнаго въ чистомъ видѣ; предполагаемый составъ его $C_8H_{12}O_6$.

Баросминъ.

Баросминъ или діосминъ есть гликозидъ изъ *Baccharis crenulata*, *B. serratifolia*, *B. betulina* и кристаллизуется въ микроскопическихъ иголочкахъ; плавится при 243° и почти нерастворимъ въ водѣ и спиртѣ. При нагреваніи съ разведенными кислотами даетъ сахаръ и кристаллическіе листочки буро-го цвѣта. Возможно, что баросминъ близокъ или тождественъ съ гесперидиномъ какъ предполагаетъ Van Rijn.

Гесперидинъ.

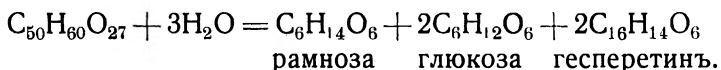
Рамнозидъ гесперидинъ былъ открытъ Brandes и Lebeton (Journ. Pharm. 14, 377 [1828]) въ 1828 г. Подробнѣе изучили его Pfeffer (Botan. Ztg. 32, 529 [1874]), Ed. Hoffmann (Ber. Deut. Chem. Ges. 9, 690 [1876]), Paternó (Ber. Deut. Chem. Ges. 9, 250, [1876]) и др.

Гесперидинъ находится въ зрѣлыхъ и незрѣлыхъ плодахъ и въ листьяхъ апельсина *Citrus Aurantium*, лимона *C. Limonum*, *C. media*, померанца *C. vulgaris* var. *curassaviensis*, *C. chinensis*, *C. mandarin*, *C. longifolia* и др. Не содержатъ гесперидина *Citrus decumana*, *C. Bigaradia* и *C. vulgaris*.

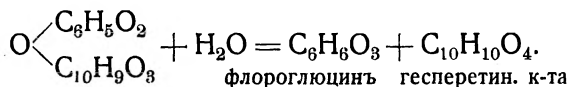
Для добыванія гесперидина извлекаютъ сухіе незрѣлые плоды апельсина *Citrus Aurantium* холодной водой до тѣхъ поръ, пока водныя извлеченія не перестанутъ давать осадка съ уксуснокислымъ свинцомъ. Остатокъ извлекаютъ смѣсью изъ равныхъ частей спирта и 1% раствора ѣдкаго кали или натра. Полученные растворы осаждаютъ соляной кислотой, а выдѣлившійся гесперидинъ очищается кипящимъ 90% спиртомъ. Остатокъ растворяютъ въ ѣдкомъ кали и, прибавивъ

къ нему немного спирта, выдѣляютъ гликозидъ угольнымъ ангидридомъ. Гесперидинъ представляетъ бѣлый порошокъ, состоящій изъ микроскопическихъ иголъ, почти нерастворимыхъ въ водѣ, очень мало растворимыхъ въ спиртѣ и нерастворимыхъ въ эфирѣ, бензолѣ, хлороформѣ и ацетонѣ. Ыдкія щелочи легко растворяютъ гесперидинъ. Крѣпкая сѣрная кислота окрашиваетъ гесперидинъ въ желтый цвѣтъ, при нагрѣваніи переходящій въ красный. При выпариваніи гесперицина до суха со слабымъ растворомъ ѣдкаго кали получается остатокъ, дающій съ разведенной сѣрной кислотой красное или фіолетовое окрашивание.

При нагрѣваніи съ разведенной сѣрной кислотой гесперидинъ расщепляется на гесперетинъ, рамнозу и глюкозу:

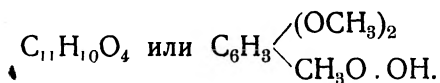
Гесперетинъ $\text{C}_6\text{H}_4\text{O}_6$ представляетъ бѣлые блестящіе листочки сладкаго вкуса, трудно растворимые въ водѣ, легко въ спиртѣ, труднѣе въ эфирѣ. Плавится при 226° , разлагаясь. Гесперетинъ легко растворимъ въ ѣдкихъ щелочахъ и съ крѣпкой сѣрной кислотой даетъ желтое окрашивание, при нагрѣваніи переходящее въ красное. При кипяченіи съ растворомъ ѣдкаго кали гесперетинъ расщепляется на изоферулеву кислоту (гесперетиновую кислоту) и флороглюцинъ:

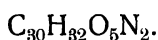
Съ діазобензоломъ гесперетинъ даетъ діазобензолгесперетинъ $\text{C}_{16}\text{H}_{12}\text{O}_6(\text{C}_6\text{H}_5\text{N}_2)_2$, соединеніе дающее съ уксуснымъ ангидридомъ кристаллическое моноацеталовое производное $\text{C}_2\text{H}_3\text{O} \cdot \text{C}_{16}\text{H}_{11}\text{O}_6(\text{C}_6\text{H}_5\text{N}_2)_2$ плавящееся при $240-242^\circ$.

Триацетилгесперетинъ $\text{C}_6\text{H}_{11}(\text{C}_2\text{H}_3\text{O})_3$ получается при дѣйствіи уксуснаго ангидрида на гесперетинъ. Съ уксуснокислымъ калиемъ и натріемъ гесперетинъ даетъ двойныя соединенія. При нагрѣваніи гесперетина съ избыткомъ двууглекислаго калия получается кристаллическая соль состава $\text{C}_{32}\text{H}_{27}\text{O}_{12}\text{K}$; изъ послѣдняго соединенія (Perkin, Journ. chem. Soc. 73, 1031 [1898]) вытекаетъ для гесперетина составъ $\text{C}_{32}\text{H}_{28}\text{O}_{12}$.

Лиметиномъ Tilden и Beck (Journ. Chem. Soc. 57, 323, [1890]; тамъ же, 61, 344 [1892]) называютъ гликозидъ изъ сѣмянъ лимона *Citrus Limonum*. Составъ лиметина

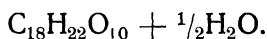

Казимироза.

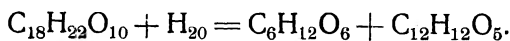

Въ *Casimiroa edulis*, растеніи, часто культивируемомъ въ центральной Америкѣ, Bickern (Arch. Pharm. 241, 166) открылъ гликозидъ казимирозу. Этотъ гликозидъ принадлежитъ къ довольно рѣдкой группѣ гликозидов-алкалоидовъ и представляетъ кристаллы, легко растворимые въ водѣ и спиртѣ и трудно въ эфирѣ. Съ хромовою смѣсью даетъ красивое зеленое окрашиваніе. При гидратаціи получается сахаръ, возстановляющій фелинговую жидкость и имѣющій характеръ декстрозы. Сѣмена растенія содержатъ болѣе 0,6%, а мякоть болѣе 0,9% гликозида.

Мурраинъ.

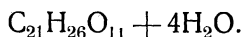

Мурраинъ есть гликозидъ изъ *Murraa exotica* L. (De Vry и Blas, Ztschft für Chemie 1869, 310) и получается извлеченіемъ цвѣтовъ растенія кипящей водой. Водныя вытяжки выпариваются до суха, а остатокъ извлекается безводнымъ спиртомъ. Изъ полученнаго раствора осаждаютъ уксуснокислымъ свинцомъ продуктъ распада муррайина — муррайетинъ, а фильтратъ, содержащій только мурраинъ, по освобожденіи отъ свинца сѣроводородомъ, выпариваютъ для кристаллизаціи. Мурраинъ представляетъ бѣлый порошокъ слабогорькаго вкуса, мало растворимый въ эфирѣ, спиртѣ и холодной водѣ, легче растворимый въ горячей водѣ и въ горячемъ спиртѣ. Мурраинъ растворяется также въ водныхъ растворахъ ѣдкихъ и углекислыхъ щелочей и плавится при 170°. При нагрѣваніи съ разведенной сѣрною кислотой расщепляется на глюкозу и муррайетинъ:

Муррайетинъ $C_{12}H_{12}O_5$ находится въ растеніи и въ готовомъ видѣ и представляетъ бѣлую рыхлую массу, состоящую изъ маленькихъ иголочекъ, мало растворимыхъ въ холодной, легче въ горячей водѣ и спиртѣ и почти нерастворимыхъ въ эфирѣ. Растворы муррайина имѣютъ голубую флюоресценцію. Хлорное желѣзо окрашиваетъ растворъ муррайетина въ синеватозеленый цвѣтъ. Уксуснокислый свинецъ даетъ желтый осадокъ. Муррайетинъ плавится при 110° .

Нарингинъ.

Нарингинъ или ауранціинъ находится во всѣхъ частяхъ, но особенно въ цвѣтахъ *Citrus decumana* L. и осаждается въ видѣ кристалловъ въ остаткахъ отъ добыванія эфирнаго масла изъ цвѣтовъ этого растенія. Кристаллы собираютъ, обрабатываютъ уксуснокислымъ свинцомъ и очищаютъ повторной кристаллизаціей.

Нарингинъ кристаллизуется въ видѣ лимонножелтыхъ ромбическихъ кристалловъ горькаго вкуса; трудно растворяется въ холодной водѣ, легко въ горячей водѣ, въ спиртѣ и уксусной кислотѣ; не растворяется въ эфирѣ, хлороформѣ и бензолѣ. Плавится при 171° и вращаетъ влѣво

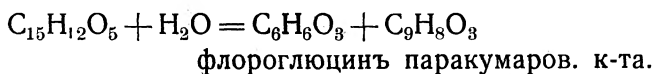
$$(a) D = -64, 57^\circ.$$

Хлорное желѣзо даетъ даже въ очень разбавленныхъ растворахъ нарингина красное окрашиваніе. Амальгама натрія превращаетъ нарингинъ въ красящее вещество, осаждаемое изъ раствора кислотами; растворяется оно въ спиртѣ съ яркокраснымъ окрашиваніемъ и голубоватой флюоресценціей.

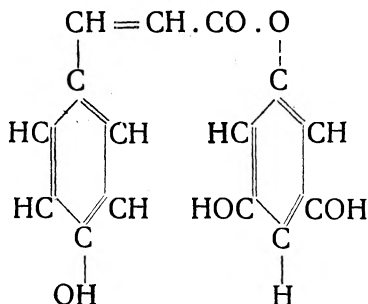
При нагрѣваніи съ разведенными кислотами нарингинъ расщепляется на глюкозу, рамнозу и нарингенинъ $C_{15}H_{12}O_5$ (Hoffmann, Will).

Нарингенинъ $C_{15}H_{12}O_5$ кристаллизуется изъ спирта въ листочкахъ съ перламутровымъ блескомъ, нерастворимыхъ въ водѣ и бензолѣ. Нарингенинъ плавится при 248° . Хлорное желѣзо и амальгама натрія даютъ тѣ же реакціи, какъ и съ нарингениномъ. При кипяченіи съ крѣпкимъ растворомъ

ѣдкаго кали нарингенинъ распадается на флороглюцинъ и паракумаровую кислоту:

Нарингенинъ поэтому разсматривается какъ соединеніе флороглюцина съ кумаровой кислотой:

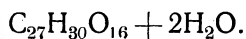

Ауранціамаринъ есть горькій гликозидъ, получаемый изъ спиртовыхъ извлеченій померанцевыхъ и апельсинныхъ корокъ осажденіемъ уксуснокислымъ свинцомъ, фильтрованіемъ отъ образовавшагося осадка и осажденіемъ фильтрата сѣрнокислымъ натріемъ. вмѣстѣ съ сѣрнокислымъ свинцомъ въ осадкѣ находится и ауранціамаринъ. Послѣдній извлекается спиртомъ (Tanret). Представляетъ соединеніе сходное съ гесперидиномъ. Вращаетъ влѣво

(a) $D = -60^\circ$.

Литература. De Vry, Jahresber. für Pharm. 1866, 134; Will, Ber. Deut. Chem. Ges. 18,1311 [1885]; Tanret, Compt. rend. de l'Acad. des Sc. 102,518 [1886].

Рутинъ.

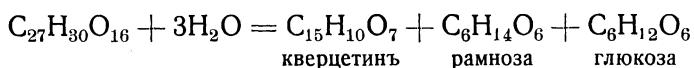

Рутинъ былъ открытъ въ *Ruta graveolens* (Weiss, Pharm. Centralbl. 1842,903). Кромѣ того этотъ гликозидъ встрѣчается въ слѣдующихъ растеніяхъ: *Capparis spinosa*, *Polygonum fagopyrum*, *Hippophaë Rhamnoides*, *Sophora japonica* (софоринъ) и *Viola tricolor*, var. *arvensis* и var. *vulgaris* (віолакверцетинъ). Есть основаніе полагать, что гликозидъ

глобуларіациринъ изъ *Globularia Alypum*, тождественъ съ рутиномъ (Tiemann, Arch. Pharm. 1903, 289).

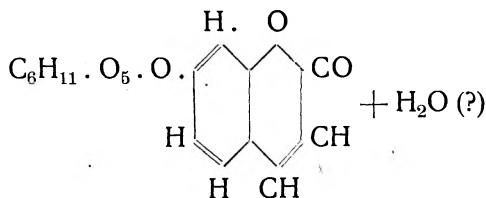
Для полученія рутина обрабатываютъ разрѣзанное растеніе кипящей водой въ продолженіе 2 часовъ. Жидкость сливаютъ, остатокъ выжимаютъ и полученные растворы просвѣтляютъ въ горячемъ видѣ (50°) бѣлкомъ. Изъ фильтрата по охлажденіи выдѣляется рутинъ въ видѣ кристаллическаго порошка.

Рутинъ, перекристаллизованный изъ горячей воды, представляетъ свѣтложелтый порошокъ, состоящій изъ микроскопическихъ игolocекъ безъ запаха и вкуса. Плавится при 188°—190°, растворимъ въ 7800 чч. холодной воды и въ 200 чч. кипящей; довольно легко растворимъ въ спиртъ и крѣпкой уксусной кислотѣ. Крѣпкая сѣрная кислота окрашиваетъ рутинъ въ интенсивно желтый цвѣтъ; изъ желтаго раствора выдѣляется черезъ нѣкоторое время темнооранжевый осадокъ. При нагрѣваніи съ 10% азотной кислотой рутинъ даетъ щавелевую кислоту и пикриноподобное нитросоединеніе. Съ хлоромъ рутинъ даетъ производныя, легко растворимыя въ водѣ. При нагрѣваніи до 110° рутинъ теряетъ крист. воду; плавится при 118—119° и при обработкѣ разведеннымъ кислотами распадается на кверцетинъ, рамнозу и глюкозу:

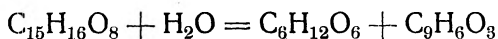
Рутинкверцетинъ тождественъ съ кверцетиномъ изъ кверцитрина (см. тамъ).

СКИММИНЪ.

Скимминъ есть гликозидъ изъ *Skimmia japonica*; получается извлеченіемъ растенія спиртомъ (Euckmann, Rec. trav. chim. d. Pays-Bas 3,204 [1884]).

Кристаллизуется въ видѣ безцвѣтныхъ иголь, трудно растворимыхъ въ холодной водѣ, легче въ горячей водѣ и спиртѣ и почти нерастворимыхъ въ эфирѣ и хлороформѣ. Плавится при 210° и со щелочами даетъ растворы съ голубой флюоресценціей. Разведенными минеральными кислотами скимминъ расщепляется на сахаръ и скимметинъ

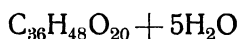

Скимметинъ $C_9H_6O_3$ представляетъ безцвѣтныя иглы, растворимыя въ спиртѣ, эфирѣ и хлороформѣ, мало растворимыя въ горячей водѣ. Плавится при 223° . Растворы скимметина имѣютъ голубую флюоресценцію. Хлорное желѣзо даетъ синее окрашиваніе; хлорное золото — красное, переходящее черезъ фіолетовое въ синее. По Еукманп'у (l. c.) скимметинъ тождественъ съ умбеллиферономъ $C_9H_6O_3$ (4 — оксикумариномъ).

Кромѣ описанныхъ гликозидовъ доказаны таковыя въ слѣдующихъ растеніяхъ того же семейства: *Rabailaisia philippinensis*, *Empleurum serrulatum* и *Xantoxylon caribeum*.

Сем. Simarubaceae.

Вальдивинъ.

Вальдивинъ (Tanret, Bull. de la Soc. chim. 35,104 [1881]) есть гликозидъ изъ *Simaba valdivia* Planch. и вѣроятно тождественъ съ цедриномъ (Lewy, Compt. rend. de l'Acad. des Sc. 32,510 [1851]), гликозидомъ изъ *Simaba Cedron* Aubl.

Для добыванія вальдивина извлекаютъ измельченные плоды *Simaruba valdivia* кипящимъ 70% спиртомъ. Спиртовая вытяжка выпариваютъ, а остатокъ взбалтываютъ съ теплымъ хлороформомъ. Хлороформъ отдѣляютъ отъ водной жидкости и перегоняютъ. Полученный остатокъ извлекаютъ кипящей водой, по охлажденіи которой выдѣляется гликозидъ; онъ обезцвѣчивается животнымъ углемъ и перекристаллизовывается изъ воды. Вальдивинъ кристаллизуется въ гексагональныхъ призмахъ, трудно растворимыхъ въ холодной водѣ, легче въ горячей водѣ и разведенномъ спиртѣ, весьма легко въ хлороформѣ и нерастворимъ въ эфирѣ. Въ безводномъ состояніи

вальдивинъ плавится при 230°. Водный растворъ вальдивина имѣетъ горькій вкусъ, пѣнится при взбалтываніи и съ амміачнымъ растворомъ уксуснокислаго свинца и съ танниномъ даетъ осадки; свинцовый уксусъ осадка не производитъ. Отъ щелочей или отъ кислотъ вальдивинъ расщепляется на сахаръ и другое ближе не изученное вещество.

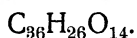
Самадеринъ.

Самадериномъ (Van d. Marck, Chem. Centralbl. 1900, II, 1124) называется гликозидъ изъ сѣмянъ *Samadera indica*. Для добыванія самадерина извлекаютъ высушенныя и обращенныя въ порошокъ сѣмена 3 раза кипящимъ 95% спиртомъ. Полученный прозрачный растворъ сгущаютъ выпариваніемъ и, для осажденія смолоподобныхъ веществъ, смѣшиваютъ съ водой. Фильтратъ выпариваютъ до густоты экстракта и смѣшиваютъ со спиртомъ до образованія хлопьевиднаго осадка; слитая съ послѣдняго жидкость смѣшивается съ жженною известью и оставляется стоять 2 дня. Потомъ жидкость снова сливается, пропускается угольный ангидридъ и фильтратъ отъ осадка углекислаго кальція сгущается выпариваніемъ до выдѣленія изъ него гликозида въ видѣ бѣлой кристаллической массы. Полученный самадеринъ промываютъ спиртомъ и перекристаллизовываютъ.

Самадеринъ представляетъ бѣлые блестящіе кристаллы, легко растворимые въ водѣ и нерастворимые въ спиртѣ. Крѣпкая сѣрная кислота окрашиваетъ самадеринъ въ красно-фіолетовый цвѣтъ.

Сем. Anacardiaceae.

Фустинъ.

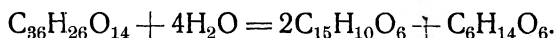

Фустинъ (Perkin, Journ. Chem. Soc. 71, 1194 [1897]) есть рамнозидъ, выдѣленный изъ *Rhus cotinus*; въ растеніи находится вѣроятно въ соединеніи съ дубильной кислотой. Для добыванія фустина (Perkin l. c.) извлекаютъ древесину нѣсколько разъ кипящей водой. Извлеченія подкисляютъ уксусной кислотой и осаждаютъ уксуснокислымъ свинцомъ. Фильтратъ отъ осадка по удаленіи свинца сѣроводородомъ

сгущаютъ выпариваніемъ. По прибавленіи хлористаго натрія изъ жидкости выдѣляется дубильное вещество, а изъ фильтрата, подкисленнаго уксусной кислотой, извлекаютъ гликозидъ взбалтываніемъ уксуснымъ эфиромъ. Эфирное извлеченіе выпаривается, а остатокъ перекристаллизовывается изъ крѣпкой уксусной кислоты и воды.

Фустинъ представляетъ бѣлыя, блестящія иглы, легко растворимыя въ горячей водѣ, спиртѣ и разведенныхъ щелочахъ, мало растворимыя въ эфирѣ. Плавится при 218° — 219° и съ уксуснокислымъ свинцомъ, уксуснокислою мѣдью и хлористымъ оловомъ даетъ желтаго цвѣта осадки, растворимые въ уксусной кислотѣ. Хлорное желѣзо окрашиваетъ фустинъ въ зеленый цвѣтъ; по прибавленіи соды къ зеленой жидкости получается синефіолетовое окрашивание, переходящее потомъ въ красное.

При нагреваніи съ разведенной сѣрной кислотой фустинъ расщепляется на рамнозу и физетинъ:

Физетинъ $\text{C}_{15}\text{H}_{10}\text{O}_6 + 4\text{H}_2\text{O}$ находится также въ древесинѣ *Quebracho colorado* и можетъ быть прямо полученъ изъ древесины *Rhus cotinus* извлеченіемъ разбавленнымъ растворомъ соды и выпариваніемъ полученнаго извлеченія до уд. в. 1,0411. По охлажденіи жидкости выдѣляется синевазеленый порошокъ, изъ котораго физетинъ извлекается кипящимъ крѣпкимъ спиртомъ, подкисленнымъ уксусной кислотой. Спиртовое извлеченіе сгущаютъ, а загрязненія удаляютъ осторожнымъ прибавленіемъ спиртоваго раствора уксуснокислаго свинца. Фильтратъ отъ осадка освобождаютъ отъ свинца сѣроводородомъ и выпариваютъ. Остатокъ смѣшиваютъ съ двойнымъ объемомъ нагрѣтой воды, а выдѣлившійся физетинъ очищаютъ повторнымъ раствореніемъ въ спиртѣ и осажденіемъ водой.

Физетинъ кристаллизуется изъ слабаго спирта или изъ уксусной кислоты въ видѣ лимонножелтыхъ иголочекъ, почти нерастворимыхъ въ холодной водѣ, малорастворимыхъ въ горячей, легко растворимыхъ въ метиловомъ и этиловомъ спиртахъ, ацетонѣ и уксусномъ эфирѣ; въ эфирѣ, бензолѣ и петролейномъ эфирѣ физетинъ трудно растворимъ. Плавится при 360° , разлагаясь, и при нагреваніи возстановляетъ

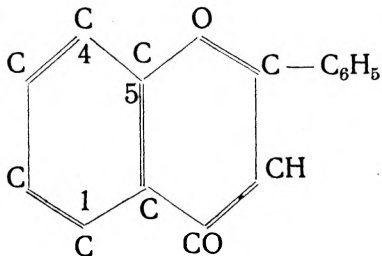
амміачный растворъ серебра и фелинговую жидкость. Хлорное желѣзо даетъ съ физетиномъ черносѣрое окрашиваніе; по прибавленіи амміака изъ жидкости выдѣляется чернаго цвѣта осадокъ. При осторожномъ прибавленіи ѣдкаго кали къ спиртовому раствору физетина получается бурокрасное окрашиваніе съ темнозеленой флюоресценціей; потомъ жидкость становится свѣтлѣе, флюоресценція исчезаетъ и выдѣляется желтый осадокъ, растворимый въ избыткѣ ѣдкаго кали красноватобурнымъ цвѣтомъ.

Съ іодистымъ метиломъ и этиломъ физетинъ даетъ производныя: тетраэтилфизетинъ $C_{16}H_{20}O_2(OC_2H_5)_4$ и тетраметилфизетинъ $C_{16}H_{20}O_2(ONH_3)_4$. Уксусный ангидридъ даетъ съ физетиномъ тетраацетилфизетинъ.

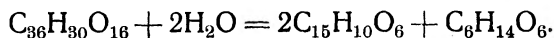
При стояніи щелочнаго раствора физетина на воздухѣ получаютъ продукты окисленія: протокатеховая кислота и резорцинъ. Кверцетинъ даетъ въ тѣхъ же условіяхъ флороглюцинъ и протокатеховую кислоту, изъ чего слѣдуетъ, что физетинъ можно разсматривать какъ гидроксикверцетинъ.

Отъ спиртоваго раствора ѣдкаго кали алкиловыя производныя физетина расщепляются на протокатеховую кислоту $C_7H_6O_4$ и физетоль $C_6H_3(OH)_2 Co-CH_2OH$ (Herzig, Monats-schr. für Chem. 12, 177 [1891]), имѣющій характеръ кетона.

Физетинъ разсматривается какъ соединеніе аналогичное съ хризиномъ и кверцетиномъ. Хризинъ же (Kostanecki и Tambor, Ber. Deut. Chem. Ges. 28, II, 2302 [1895]) представляетъ 1. 3 — діоксифлавоны формулы

Въ древесинѣ *Rhus rhodantha* находится рамнозидъ, сходный съ фустиномъ (Perkin l. c) и дающій при расщепленіи физетинъ и рамнозу:

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: officialный и научный.

Въ officialномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣ лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудравскій.**
